

120 ²² БГН

РЭЙ КРОУН

ПОЕЗД-БЕГЛЕЦ

БГ БЕСТСЕЛЛЕРЫ
ГОЛЛИВУДА

ВОЕННЫЕ
ИГРЫ

ПОЕЗД-
БЕГЛЕЦ

КРАСНАЯ
ЖАРА

БГ

РОБЕРТ ТАЙН

КРАСНАЯ ЖАРА

БГ БЕСТСЕЛЛЕРЫ
ГОЛЛИВУДА

БГ БЕСТСЕЛЛЕРЫ
ГОЛДИНОВА

В книге три романа:

«КРАСНАЯ ЖАРА» Роберта Тайна;
«ПОЕЗД-БЕГЛЕЦ» Рэя Кроуна;
«ВОЕННЫЕ ИГРЫ» Дэвида Бишофа.

Советская милиция и американская полиция объединяются для борьбы с международной наркомафией. Нелегко приходится супермену — капитану милиции Ивану Данко и американскому полицейскому Арту Ридзику. Однако советский милиционер чувствует себя «как рыба в воде» в этом чуждом ему мире капитала...

Из тюрьмы на Аляске бегут два преступника. На железнодорожной станции они забираются в локомотивную сцепку. Локомотив трогается с места, но от внезапного сердечного приступа умирает машинист поезда — и неуправляемый состав набирает бешеную скорость...

Подросток-старшеклассник, все свое свободное время отдающий работе на компьютере и компьютерным играм, раскрывает секретный код, дающий возможность подключиться к военной компьютерной сети, управляющей учебными и боевыми пусками стратегических межконтинентальных ракет. Начинается «военная игра», которую подросток считает всего лишь забавой, а военные — реальной боевой угрозой, которая вот-вот может завершиться ядерными ударами между двумя сверхдержавами...

РОБЕРТ ТАЙН
КРАСНАЯ ЖАРА

РЭЙ КРОУН
ПОЕЗД БЕГЛЕЦ

ДЭВИД БИШОФ
ВОЕННЫЕ ИГРЫ

БГ

«ЭРИКА»
МОСКВА
1993

Эта книга из выпускаемой издательством «Эрика» серии «БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА». В серию вошли получившие мировую известность лучшие произведения в жанрах детектив, фантастика, мистика, приключения, авантурный и любовный роман, одновременно ставшие литературной основой самых популярных и кассовых кино- и видеофильмов.

По вопросам приобретения книг серии оптовых покупателей просим обращаться по адресу:

129090, г. Москва, ул. Гиляровского, 29
(проезд — метро «Проспект Мира»);
тел. (095) 288-39-77, 342-61-61.

Всемирные исключительные права на перевод, издание и тиражирование в любом виде, а также распространение данной книги и входящих в нее произведений на русском языке принадлежат издательству «ЭРИКА».

Перепечатка входящих в данную серию произведений, полная или частичная, запрещена. Всякое коммерческое использование может быть осуществлено исключительно с разрешения издателя.

Знак серии защищен и охраняется авторским правом. Использование данного знака без согласования с издательством «Эрика» преследуется по закону.

ISBN 5-85775-018-0

- © 1988 by Carolco Pictures, Inc. («Red Heat»)
- © 1983 by United Artist Corporation («War Games»)
- © 1993 by Ray Crown («Runaway Train»)
- © Издательство «Эрика», издание на русском языке, 1993
- © Издательство «Эрика», перевод, 1993
- © Издательство «Эрика», оформление, 1993
- © Издательство «Эрика», составление, 1993
- © В.Суриков, знак серии, 1993

РОБЕРТ ТАЙН **КРАСНАЯ ЖАРА**

**ROBERT TINE
«RED HEAT»**

A novel based on the screenplay written by
HARRY KLAINER, WALLTER HILL
and
TROY KENNEDY MARTIN

**РОБЕРТ ТАЙН
«КРАСНАЯ ЖАРА»**

Роман по сценарию
Роберта Клайнера, Уолтера Хилла и Троя Кеннеди Мартина

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Двое офицеров московской милиции, Иван Данко и напарник его Юрий Огарков, покинув холодную заснеженную улицу, вошли в ветхое здание на Потемкинском проспекте, что в старой части города. Некогда улица эта была цветущей и богатой, но позже, за годы войны и разрухи, изрядно подизносилась. В доме расположился спортзал — старый, небось еще дореволюционный, подумал Данко; и припомнился знаменитый лозунг Ленина о том, что мир нужно переделать огнем и железом.

А мир огня и железа здесь царил, пожалуй, как в никаком другом месте. В огромном помещении, среди горячего сырого воздуха, среди пара и запаха пота, гигантские мускулистые мужчины и женщины равной им — а подчас и более внушительной — комплекции стонали и кряхтели в тяжелой битве с древними спортивными снарядами.

До дрожи мышц состязались они с массивными железными чушками, толкали громадные штанги и с грохотом швыряли их обратно на разбитый деревянный пол. Казалось, что вся комната просто закована в металл. Толстенные древние трубы, змеясь вдоль стен и опутывая потолок, с грохотом несли горячую воду и пар, питая допотопные клепанные резервуары, в которых тяжеловесные атлеты обоего пола мокли в кипятке, словно рептилии в болоте.

«Мир огня и железа»,— снова подумал Данко.

Стражи порядка сдали одежду дряхлому гардеробщику у входа. Старик даже не глянул на налитое, мускулистое тело Данко. Силачи были здесь делом привычным. Юрий, не столь массивный и мускулистый, как его спутник, повесил на шею полотенце. И хотя он тоже был человеком крепким и в бою опасным, но рядом с Данко и прочими населявшими зал горообразными существами выглядел невзрачно. Когда пара милиционеров вошла в спортзал, древний бойлер грохотал, словно гром, предсказывающий великую бурю. Щели его изрыгали пар. Котельщик, чье говяжьего цвета лицо было перемазано смесью пота и гари, поднял взгляд от топки и уставился на Юрия и Ивана. В громадном своем кулачище он сжимал металлический прут—как видно, кочергу. И угрожающе покачал ею. Ментов он с первого взгляда распознал—а тут их не любили.

Но Данко словно и не заметил его.

— Они тут,— сказал он Юрию.— Нюх у меня на них.

Юрий кивнул. Переводя взгляд с тела на тело, он выискивал среди них Виктора и его головорезов.

— В парилке?

Данко кивнул и двинулся к двери в дальнем конце помещения. Огромная, нагая, напоминающая Атланта фигура, высоко подняв над головой трехсотфунтовую штангу, пыталась удержать ее в таком положении. Когда Данко поравнялся с ней, фигура решила прекратить борьбу и штанга с треском рухнула на пол прямо под ноги Данко. Но тот перешагнул ее, не моргнув и глазом.

Милиционеры вошли в парилку. Кто-то плеснул горячую воду на груды раскаленных камней, заполняющих стоящую посреди комнаты облезлую жаровню. Густой и влажный пар окутал душное помещение, словно плотная туча. Сквозь пар Данко различил мужские и женские фигуры, развалившиеся на гладких сосновых скамейках. Они выжидательно вглядывались в пар, рассматривая мощные формы пришельца с любопытством, как театральные зрители, ожидающие поднятия занавеса перед первым актом.

— Легавые,— сказал кто-то, как бы констатируя факт.

Данко взглянул на него. Он знал это лицо из материалов о Викторе и его банде. Николай, торговец наркоти-

ками, убийца, вор, и вообще хулиган. Да наверно, еще и сводник. Данко с Юрием с удовольствием отправят его, куда следует. Но это попозже. Сейчас игра покрупнее.

— Он сказал, что вы из милиции,— произнес другой голос из тумана. Данко посмотрел туда. Это Владимир, по кличке Хиппи. У него было широкое, почти восточное лицо и плечи такой ширины, что на них, пожалуй, можно было взгромоздить и автобус. Его густые черные волосы торчали во все стороны. Толстую шею кольцами окружали складки жира, наполовину скрывая под собою серебрянные и золотые цепочки.

— Я сказал: он говорит, что вы из милиции.

— Я литейщик,— ответил Данко.— Из Кирова.

Хиппи залыбился во весь свой толстогубый рот:

— Далековато от дома,— он неуклюже подковылял к Данко и стал рассматривать его руку, изучая ее, словно врач.— Только ручонки-то не литейщицкие.

— Иди на...— рявкнул Данко.

Лицо у толстяка потемнело:

— А мы посмотрим, кто ты такой. Небольшая проверочка, правда ли ты к литью-то привычный.

Сидящие на скамейках подались вперед, вглядываясь сквозь пар. Сейчас будет интересно.

— Николай,— крикнул Хиппи.— А ну-ка, подогрей нашего дружка из Кирова.

Николай ослабилась. Он поднял железные щипцы и выбрал в жаровне камень, отыскивая его со всей старательностью ребенка, выбирающего конфетку в коробке. Он держал камешек в щипцах почти как лакомство. И протянув его Данко, поднес ко все еще вытянутой руке Ивана.

А тот не отводил взгляда от ухмыляющейся физиономии Владимира. Данко понимал, что происходит, и готовился к боли, стремясь ничем не выдать своих эмоций. Он сосредоточил всю свою ненависть в глазах и не отрываясь смотрел на Владимира, словно питая свои силы отвращением к этому человеку.

Владимир с садистской тщательностью распрямлял ладонь Данко, отгибая его пальцы.

— Не бзди,— сказал он со смешком. То есть не будь трусом. Он говорил, словно с ребенком, ожидающим укола.— Если ты работал литейщиком, то ведь привык к жару. Так что ничего даже не почувствуешь.

Он посмотрел в лицо Данко и щелкнул пальцами. Николай ухмыльнулся и опустил раскаленный камень на ладонь Ивана.

Боль пронзила все тело Данко, когда камень коснулся его ладони.словно раскаленная стальная перчатка сжала его руку. Странная тишина наполнила комнату, когда глаза Данко вспыхнули, губы искривились, а челюсти сжались, словно тиски. Даже звуки, доносившиеся из спортзала, казалось, притихли, когда он боролся с болью. Он не сказал ни слова.

Данко сжал пальцы, соединяя ладонь в огромный кулак. Он вонзил четыре пальца в ладонь и замкнул их пятым — так, словно старался выжать жар из камня и боль из руки. Борясь со страшным желанием закричать, он медленно поднял кулак к подбородку и остановил его там, словно заполняя пространство, отделяющее его от Владимира. Суставы его становились белее камня, когда он сжимал их все сильнее и сильнее, вырывая из камня горячую боль.

Вопреки своему желанию, Владимир смотрел — смотрел удивленно и испуганно. Ведь этот мент не издал ни звука. В груди у Владимира зародилось беспокойство — а за ним и страх.

Боль и ненависть соединились в мозгу Данко в единую взрывную смесь. Затем она воспламенилась и разлилась по его мускулам жгучей огненной жидкостью. И, наполненный взрывной силой, гигантский кулак рванулся вперед, со скоростью молнии поражая челюсть Владимира. Сила удара, которая, казалось, оторвет тому бороду, словно фальшивую, швырнула Владимира на тонкую сосновую стенку парилки. Все триста фунтов тела бандита обрушились на деревянную перегородку, проламывая ее наружу. Парилка вдруг залилась ярким, белым, отраженным снегом, светом.

Владимир закричал, когда его разогретое тело вылетело на холодный, морозный воздух. Он зашатался на крошечном балкончике за стеной, и глубокий слой покрывавшего балкончик снега сковал его мозолистые ноги. Но он понимал одно. Он не вернется обратно, чтобы снова встречаться с этим полоумным. Раздетый, страдая от холода и боли, он перепрыгнул парапет и опустился на снег с шестиметровой высоты.

Но не успел он еще коснуться земли, как Данко вылетел вслед за ним. Не размышляя ни секунды, огромный милиционер прыгнул с балкона, крича от ярости и злости.

Владимир подскочил и успел перебросить Данко через плечо, когда тот обрушился на него. Но Ивану удалось захватить длинные волосы Хиппи и он крутанул их с такой силой, словно пытался сорвать с того скальп. Затем рванул его к земле и со всех сил ударил кулаком. Несколько зубов во рту Владимира хрустнули и обломились. Он закричал от боли, посылая бессвязную смесь ругательств и проклятий.

Кулак Владимира дернулся навстречу лицу Данко, но удар оказался слишком уж медленным, слишком неточным. Данко перехватил кулак врага своим и сжал. Затрещали пальцы. С силой тарана Данко обрушил свое колено на грудную клетку Владимира. Преступник, теряя воздух в легких, зашипел, словно паровоз, выпускающий пар. Он рухнул на снег, а Данко навалился на его разбитую грудь, придавливая ее словно каток. Выкручивая Владимиру ногу, он продолжал давить тому на грудь, пока Владимир не стал задыхаться, словно рыба, выброшенная из воды. И снова кулак Данко, тяжелый и твердый, словно ящик кирпичей, вонзился в челюсть Владимира. Кость не выдержала этой неравной борьбы и лопнула, словно простая деревяшка. Владимир почувствовал, что его мозг разваливается, будто старая машина, а рот наполняется кровью. С него было достаточно.

В тот момент, когда Данко ударил Владимира в парилке, Юрий тоже подключился к действию. С размаху вонзив локоть Николаю в висок, он швырнул его на мокрый пол. Когда Данко исчез за стеной вслед за Владимиром, Юрий уже занялся котельщиком, который покинул свой бойлер, чтоб позабавиться, помогая разделаться с парой легавых, посмеявшихся заглянуть в «Дружбу». Описав своей кочергой крюк, таивший в себе смертельную силу, он лишь на миллиметры промахнулся мимо головы Юрия. Но юркий, ловкий мент, ухватив котельщика за гигантскую лапу, трахнул ею о стену, заставляя того выронить свое стальное оружие.

Однако котельщик был силен и вовсе не собирался сдаваться. Он ухватил Юрия за плечи и швырнул его на покрытую трубами стену. Но Юрий, ударившись о них,

отлетел, словно боксер от канатов, направляя прямой правый котельщику точно в лицо. Удар застал того врасплох и ошеломил его. Огарков ухватился за потные волосы котельщика и стукнул его головой о стену. Тот медленно сполз на пол.

Но оставались еще враги. Из пара вынырнул Тартар, рыча и обнажая свои пожелтевшие, обломанные зубы. Длинный смертоносный нож был сжат в его руке. Тартар низко наклонился, держа нож в стороне от тела, и ждал, пока Юрий раскроется.

Но Юрий хлестанул полотенцем ему по лицу, прямо по глазам, как это делают мальчишки в раздевалке. Когда шершавая тряпка шлепнула Тартара, ослепив его на секунду, Юрий, вложив в удар всю свою силу, пнул противника ногой в пах. Тот издал мучительный, сдавленный крик и рухнул, как подрубленное бревно.

Юрий растолкал сжавшихся раздетых женщин, всего минуту назад с наслаждением наблюдавших за мучениями Данко, и выскочил на балкон. Он спрыгнул в мягкий снег рядом с Данко и лежащим Владимиром.

— Виктор? — спросил он.

Данко пнул Хиппи ногой.

— Нет. Не он. Но он здесь, — он зачерпнул пригоршню снега, чтоб остудить свою обожженную руку. — Где он, Владимир?

Владимир что-то пробормотал, выпуская слюну и кровь на чистый белый снег.

— А говорить-то он может? — спросил Юрий, с сомнением рассматривая избитого человека.

— Говорить может, — сказал Данко. И что есть силы пнул распростертого мужчину. — Где он, Владимир? Где Виктор?

Шевеля разбитыми губами, Владимир тяжело произнес:

— В «Дружбе». Сегодня вечером в «Дружбе».

Той ночью шел снег, шел гораздо сильнее, чем обычно. Данко сидел за рулем «Волги», Юрий рядом с ним. Автомобиль несся сквозь снег во главе небольшой процессии подобных же машин. Их было три — и в них сидели милиционеры, которые придут на помощь, когда Данко отдаст такой приказ. Но пока Данко не прикажет, им следовало держаться вне поля зрения.

Данко всматривался сквозь заиндевшее лобовое стекло «Волги». Где-то впереди была «Дружба» — один из низкосортных баров столицы. Он был хорошо известен среди преступного мира как место, где можно разжиться наркотиками, оружием, валютой, нелегальными записями и даже электроникой — видеоманитофонами и стереоаппаратурой. В «Дружбе» можно было нанять и воров — если вам нужен был человек, чтобы вскрыть сейф или влезть по водосточной трубе, или помочь смыться на машине — можно было смело отправляться в «Дружбу». «И это, — подумал Данко, — как раз то место, которое нужно Виктору Росте».

Милиция знала о «Дружбе» и регулярно совершала налеты. Но любой фараон любого отдела любой части света знает, что сколь бы ни старался ты и каким бы строгим ты ни был, все равно найдутся желающие рисковать и становиться ворами. Московские милиционеры признавали, что люди крадут, а они так и не могут положить этому конец.

Но наркотики — а их все легче было раздобыть в Москве — это другое дело. Данко был полон решимости остановить их зарождающийся поток. Убить в зародыше, пока не затопило. Виктор Роста со своей семейкой были в этом потоке пионерами и их во что бы то ни стало следовало засадить за решетку.

— Становится все трудней, — сказал Юрий, словно прочитав мысли Данко. — Десяток лет назад — никаких наркотиков. А теперь уже проблема. Еще десяток лет, — он вдруг чихнул, — и тут будет Гарлем, — он высморкался. — Ну вот, попрыгали по снежку, — сказал он печально. — Я, кажись, простыл.

Данко подрулил к тротуару. До бара осталась пара кварталов. Их лучше пройти пешком. Остальные машины остановились за ним.

— Окружите здание, — приказал Данко. — Только осторожно. И дайте мне десять минут, прежде чем заходить.

— Есть, товарищ капитан, — ответил сержант, возглавлявший отряд.

Юрий и Данко двинулись вперед. Юрий снова чихнул.

— Мама научила меня домашнему средству от простуды, — сказал Данко. — Всегда помогает.

Юрий взглянул с надеждой:

— Правда? И что это?

— Подержи в руке горячий камешек, пока ждешь напарника.

Юрий рассмеялся:

— Хочешь, чтобы я поверил, что такой вот камешек испортит тебе руку? А я не поверю.

Данко остановился, взглянул на бар, потом снова на Юрия:

— Знаешь, что делать?

— Конечно. Как всегда. Ты заходишь спереди, а я жду сзади. Если выйдешь спереди с Ростой, то и порядок. Если он попытается смыться через черный ход, я его беру. Проще некуда.

— Вот и отлично, — Данко прошел последние метры до «Дружбы», откуда слышались сдавленные звуки грохочущей рок-музыки.

Он толкнул дверь; волны музыки, резкий запах сигарет и водки окружили его. Темный бар был заполнен всякими подозрительными типами. Они сидели у старых столиков с металлическими ножками, склонившись над стаканами с напитками и заговорщически перешептываясь. «Интересно, сколько же преступлений замышляется в эту снежную ночь?», — подумал Данко.

Первым его заметил бармен. Он тут же распознал мента — бармен немало повидал их за свою карьеру — и сразу понял, что будут неприятности. Выражение лица Данко ясно говорило о том, что уж этот-то милиционер точно не зашел сюда просто, чтобы пропустить рюмочку от холода, и даже не в расчете получить взятку. Этот здоровый мент пришел делать дело. Бармен быстро налил себе стаканчик и проглотил напиток.

Никто из завсегдатаев бара не заметил внезапной суетливости бармена, как не заметили они и Данко, пока тот не подошел к стойке и не протянул под нос бармену свое удостоверение.

— Данко, — сказал он, — милиция.

Люди у стойки замолкли. Каждый надеялся, что этот самый Данко ищет не его. Постепенно милиционера стали замечать и прочие посетители прокуренного кабака. Разговоры в баре помаленьку стихли.

— Я ищу Виктора Росту.

Бармен нервно сглотнул и взглянул в дальний угол темного помещения. Виктор был человеком опасным — и не любил, когда его выдавали. Но, с другой стороны, и мент тоже, кажись, не слишком обожает, когда граждане-товарищи отказываются ему помогать.

— У задней стены, — сказал бармен, понизив голос, — под окном.

Данко кивнул и повернулся. Теперь в помещении раздавались лишь звуки какой-то отечественной металлической музыки, ревущей из старых динамиков. Данко пересек комнату и остановился возле Виктора. Тот сидел за столом рядом с братом, парой громил и еще парой размалеванных плюшек.

— Пойдем, — сказал Данко. — Все вместе.

Женщины нервно глянули на своих спутников. Пара Викторовых телохранителей, Егор и Саша, внимательно разглядывали Данко, готовые — вероятно, даже желающие — принять участие в драке, которая, в чем они не сомневались, вот-вот вспыхнет. Лишь оба брата Росту — Виктор, заправила, и Вагран, его помощник — казались столь же спокойными и собранными, как Данко и Огарков. Они смотрели на милиционера без видимого интереса, даже как бы скучая, являя собой в этом отношении зеркальное отображение хладнокровных офицеров. Данко был профессиональным милиционером, братья — профессиональными преступниками. Не впервые приходилось им иметь дело с милицией и, конечно, не в последний раз.

В отличие от прочих посетителей бара, Виктор был хорошо одет и в выражении его лица читалась уверенность в том, что деньги и страх, который он внушал другим, всегда выведут его даже из самой тяжелой ситуации. Он носил дорогие итальянские костюм и обувь. И, в отличие от прочих, перед ним стоял бокал дорогого заграничного виски.

Виктор провел рукой по щетине на подбородке. Он тщательно ухаживал за ней, стараясь, чтобы она не превратилась в настоящую бороду, но никогда не сбывая начисто. Такой вид культивировался дорогими западными журналами, которые он читал: «Уомо», «Вог», «ДжиКью», «Интервью»... Виктор поигрывал маленьким колечком с рубином, которое он носил на пальце. И размышлял,

что будет лучше — купить этого мента либо прикончить его.

— Виктор Роста, — медленно сказал Данко. Даже обладая незаурядным самоконтролем, Иван Данко не мог сдержать чувства удовлетворения, которое промелькнуло в его голосе. — Я вас разыскивал.

Егор, Саша, Вагран и женщины переводили взгляды с Ивана на Виктора. Они чувствовали силу этих мужчин, каждый из которых был полон ненависти, но спокоен; они, словно мощные магниты, излучали противоположную, взаимоотталкивающую силу.

— А меня нетрудно найти, — сказал Виктор легким, слегка удивленным голосом.

Данко покачал головой.

— Верно, стоило лишь пойти по следам кокаина и трупам.

Виктор оглядел комнату, усмехаясь своим друзьям, словно призывая их в свидетели столь невероятной клеветы.

— Кокаин? Трупы? — сказал он с деланным недоумением. — Про это мне ничего не известно. Вы, вероятно, с кем-то меня перепутали. Кокаин — это бич загнивающего запада. Я сам об этом в «Правде» читал.

— А вы с братцем продаете его русским.

— Говно! — сказал Вагран, Викторов брат.

Виктор отвечал поспокойней. Его голос был полон истинного огорчения:

— Вы считаете, что мы с братом стремимся уничтожить великую Родину? — проговорил он, словно не веря своим ушам.

— Вы этим зарабатываете, — ответил Данко коротко. Ему надоело это паясничанье. — Идем. Всем встать!

Викторова свита нервно взглянула на своего хозяина. Брат смотрел, ожидая указаний. Шлюшки побледнели, несмотря на всю свою раскраску.

Со скучающим видом Виктор поднялся на ноги:

— И чего вы, товарищ милиционер, вечно цепляетесь к бедным крестьянам? — он потрогал рукав своего итальянского пиджака. — Мы люди деревенские и не знаем, как у вас тут принято, в большом городе. Поэтому, видать, и попадаемся так легко вам на мушку.

Чтобы выследить Виктора, Данко потребовалось шесть месяцев. Погибали хорошие люди. Виктора Роста с его братцем и их паршивой бандой непросто было взять на мушку. Это были убийцы — и от них следовало избавиться. Но вот теперь долгая охота закончилась. Теперь уж Виктору придется вкусить, что такое суровый закон. Там, куда он отправится, не слишком удобно в красивых заграничных шмотках. Данко протянул руку и выключил музыку. Да и с шотландским виски в советской тюрьме неважно.

— Пора идти, Виктор.

Виктор вздохнул, пожал плечами и, сразу оживившись, бросился в сторону.

— Давай, Егор! — крикнул он.

Егор подскочил на ноги, выхватывая тяжелое оружие из широкого кармана. Дважды прогремели выстрелы, и две мощные пули вонзились в дверную раму, вырывая из нее кусок дерева прямо возле головы Данко. Его пистолет ответил на них с убийственной скоростью. В течение секунды Данко выстрелил три раза, вгоняя в грудь Егора девятимиллиметровые заряды, которые отбросили того назад, на пластиковую стенку, изуродованного, окровавленного и уже мертвого.

Крича, подпрыгнули женщины. Разбился стакан. Зал наполнился кислым запахом горелого пороха. Кровь из груди Егора стекала на изношенный ковер.

Данко держал пистолет наготове. Он тщательно прицелился в Виктора, готовый свалить его одним точным выстрелом. Но на пути оказалась женщина. Он отшвырнул ее в сторону, но за это время Виктор с братом успели вырваться в боковую дверь.

Старое здание, в котором располагалась «Дружба», представляло из себя лабиринт лестниц, коридоров и комнат, где местные проститутки обслуживали своих клиентов. В баре царил хаос. Люди удирали из парадной двери либо ныряли вниз в поисках убежища. В этой суматохе Виктор со своей компанией успел проскочить в комнаты за баром, надеясь скрыться от Данко — либо убить его — в окружающем лабиринте.

Данко не раздумывал. Он подчинялся своей реакции. Ворвавшись за дверь, он ожидал выстрела. Но вместо этого бутылка водки, брошенная из темноты длинного

коридора, разбилась о стену у него над головой. Едкая вонь наполнила темное помещение.

Данко, крадучись, двинулся по мрачному безмолвному коридору, держа пистолет перед собой. Со светом тут было неважно. Он прижимался к стене, готовый стрелять, если что попадется на пути. Быстро и молча он двинулся по узкому проходу, нервы напряжены, каждая частица тела готова к действию.

Он заметил, как блеснул ствол, вслед за этим услышал выстрел, и вслед за этим различил и контуры стрелявшего. В конце прохода, освещенный тусклым светом слабой лампы, в боевой стойке расположился человек, сжимавший в руке изрыгающий огонь пистолет. Четыре куса металла вонзились в стену рядом с Данко ударами тяжелого молотка. Иван не смог разобрать, кто стрелял — Виктор или Вагран — да не все ли равно. Его пистолет прогремел в ответ, посылая пули в туманную мишень.

Но та исчезла.

Иван услышал шаги по деревянному полу. Кто-то быстро убегал. Данко сорвался с места, преодолевая последние метры, как охотник, настигающий добычу.

Затем прислушался. Шаги были неровными, неритмичными. За сильным следовал слабый. Их можно было распознать, словно почерк. Теперь Иван точно знал, кого он преследует.

Коридор выходил на небольшую лестницу, где через несколько ступенек обнаружилась еще одна безымянная деревянная дверь, не дающая ни малейшего намека на то, что скрывалось за ней. Данко ворвался внутрь.

Он оказался в убогой спальне. Лысеющий толстый мужчина и столь же непривлекательная проститутка скорчились в углу, перепуганные до смерти. Их краткую связь внезапно нарушила пара вооруженных людей, явно преследующих цель уничтожить друг друга. Клиент всхлипывал, но его подружка указала на завешанное тяжелыми шторами окно. Шторы развевались, в комнату струился холодный воздух. Данко выпалил из пистолета. В шторах появились две огромные дырки. В окне, отбрасывая шторы назад, возник Вагран. Из ствола его пистолета полыхнула вспышка. Данко бросился на пол, перевернулся и снова вскочил, продолжая стрелять. Грохот выстрелов отдавался звенящим эхом в тесном помещении. Три пули вонзились

Ваграну в грудь, ложась одна рядом с другой — первая чуть выше сердца, вторая чуть ниже, а третья вошла точно между ними. От первых двух выстрелов Вагран скончался бы через пару минут. Третий убил его меньше чем за секунду. Безнадежно разрушенное сердце перестало стучать. Бандит рухнул в комнату. Грудь его напоминала мишень отличника по стрельбе после занятий в школе милиции. Если бы не кровь.

Данко почувствовал, как напряженные мышцы у него на спине расслабляются. Он встал, отряхнулся и отложил пистолет. Данко вытащил Ваграну к центру комнаты и, не обращая внимания на мужчину с женщиной, уселся бандиту на спину. Ухватив ногу Ваграну рукой, он оттянул ее назад, обламывая у коленного сустава.

Проститутка со своим клиентом с ужасом следили за этим вытаращенными глазами. Когда Данко сломал ногу и стал вытягивать ее из штанов трупа, женщина перевернулась и тоскливо заскулила в деревянный пол. Мужчина потерял сознание.

Данко поднял протез Ваграну высоко вверх, словно трофей. Затем перевернул его к полу. Чудный белый порошок заструился вниз, словно зимний снежок. Он кружился и смешивался с серой пылью.

— Кокаин, — сказал Данко.

Но вдруг он отбросил ногу прочь. Та полетела, разбрасывая по комнате порошок, а Данко откатился к двери, держа пистолет наготове. Оттуда возникла еще одна фигура — это был Саша, уже готовый было стрелять, но слишком замешкавшийся. Пистолет в руке Данко сверкнул еще раз. Пуля вонзилась точно посередине лба его врага. Тот рухнул, покинув сей мир еще до того, как тело его успело коснуться земли.

Секунду спустя появился еще один человек. Палец Данко сжал спусковой крючок, но вовремя остановился. Его пистолет был направлен прямо в голову молоденького милиционера. Рот у юноши пересох, и он секунду стоял, вытаращив глаза, прежде чем смог заговорить.

— Товарищ капитан, — с трудом выдавил он из себя. — Пожалуйста, пойдем. Капитан Огарков... — Данко уже вскочил и выбежал в коридор, — его застрелили, — закончил милиционер, обращаясь к удаляющейся спине Ивана.

Когда Виктор прыгнул со второго этажа в небольшой дворик, расположенный позади здания, и рванулся к ржавым воротам, выходящим на улицу, Юрий уже ждал его. Он спокойно вышел из тени, поднимая пистолет.

— Ни с места, Виктор,— сказал он. Юрий ликовал. Он уже чувствовал во рту вкус водки, которую они будут пить с Данко, отмечая замечательное событие. Он будет подшучивать над своим другом, напирая на тот факт, что это он, Юрий, поймал злого разбойника Виктора Росту, пока Данко отлавливал мелкую рыбешку. Иван станет притворяться раздосадованным, станет ругаться... но оба они будут понимать, что это победа их обоих, что это вместе они уничтожили крупнейшую в Москве шайку. Это будет минута их триумфа.

Виктор остановился, спиной почувствовав направленный в него пистолет.

— Вот ты и арестован, дружок,— сказал Юрий.

Виктор медленно повернулся и посмотрел на него. Он слегка улыбнулся.

«Хладнокровный, сволочь»,— подумал милиционер.

— Бросай оружие! — приказал он.

Большой автоматический пистолет Виктора тихо упал на снежный покров. Он протянул вперед руки:

— А теперь наручники, да?

— Да,— сказал Юрий, улыбаясь. «Не такие уж они крутые, когда попадутся»,— подумал он.— Пожалуй, это будет очень кстати.

Виктор оттянул назад манжеты:

— Осторожней с рубашкой. Ее в Лондоне шили.

— Конечно, приятель.

Руки Виктора были направлены прямо в сторону груди Юрия. Внезапно, словно скользнув вдоль руки, в ладони у Виктора оказался пистолет. Он высочил, приведенный в движение усилием мышц и появился, словно по волшебству. Калибр у него был небольшой, но двух пуль, вонзившихся в грудь Юрия, оказалось достаточно. Юрий схватился за грудь и упал. Виктор спрятал пистолет обратно в свой пошитый в Лондоне рукав и неторопливо вышел через ворота. Там он свернул налево по заснеженной улице и исчез...

После чего вновь возник в городе Чикаго, что в Соединенных Штатах Америки. Там он был арестован полицией за какое-то нарушение уличного движения. Имя его оказалось в компьютере ФБР, откуда попало в компьютер Интерпола в Бельгии, который, в свою очередь, оповестил как американцев, так и русских, что задержан крупный международный преступник.

Сообщение об аресте Виктора Росту, проследовав через ряд инстанций московской милиции, в конце концов оказалось на столе у непосредственного начальника Ивана Данко. Это был майор Бондарев — и уже он-то и сообщил Данко, что самый разыскиваемый в Москве человек арестован в Чикаго. Хотя внешне, казалось бы, спокойно воспринявший эту новость, Данко почувствовал, как сильно забилося сердце у него в груди.

— Вы отправитесь в Америку,— сказал Бондарев,— и привезете его домой.

— Есть, товарищ майор,— флегматично ответил Данко.

— Вообще-то мне не следовало бы посылать вас. Вы, конечно, отличный офицер, Иван Иванович, но уж больно много значит для вас это дело. А это порой, мне кажется, несколько влияет на рассудок.

— Я буду исполнять приказания, товарищ майор.

— Конечно,— майор Бондарев предложил Данко толстую черную сигару.— Возьмите. Стоит иногда доставить себе удовольствие.

Данко взял сигару скорее из любезности, чем с охотой, но сигара понравилась ему. Чудесная настоящая Гавана — в Штатах таких не достанешь.

— Там вы останетесь только на одну ночь,— сообщил ему начальник.— Прилетаете, проведете ночь, заберете арестованного и возвращаетесь. Вам ясно?

— Абсолютно, товарищ майор.

— Отлично,— майор выпустил облако голубого дыма.— Я ведь знаю, что это значит для тебя, Ваня.

«Нет, не знаешь»,— подумал Данко. Никто не знает, что чувствует опер, когда убивают его напарника. Данко провел целые ночи, долгие холодные ночи, восстанавливая ту сцену в своем воображении. Он снова прослеживал каждое свое движение, анализируя, критикуя, размышляя, не совершил ли где ошибки. Он не мог забыть того дня.

Как только он увидел огорченное, бледное и испуганное лицо молоденького милиционера, Данко понял, что Юра ранен. Он выскочил во двор, как сквозь туман различая, что снег возле тела его друга стал уже совсем красным рядом с раной, постепенно розовея по краям. Люди, посетители «Дружбы» и милиционеры, сгрудились вокруг Юриного тела. Данко растолкал их и опустился на колени возле лежащего друга. Даже неспециалисту было ясно, что Юрий уже при смерти. Лицо его побелело, дыхание стало тяжелым и прерывистым, губы посинели и дрожали.

Данко обхватил Юрия руками.

— Держись, дружок,— хрипло произнес он,— сейчас «скорая» придет. Завтра мы еще посмеемся. Пожалуйста, держись.

Глаза Юрия словно ничего уже не видели, но он узнал голос и улыбнулся:

— Слишком поздно, Вань. Я проиграл.

Данко почувствовал, как тело его друга тяжелеет.

— Он ведь был мой. Мой! Но я проиграл,— если б у Юрия было побольше сил, он бы в отчаянии трахнул по земле кулаком. Но даже для того, чтобы произнести последние слова, ему понадобилось напрягаться.— Продолжай без меня. Обещай, обещай, что возьмешь его.

— Обещаю,— торжественно сказал Данко.

Юрий довольно улыбнулся:

— Вот и хорошо.

Бондарев что-то говорил, и Данко потребовалось несколько секунд, чтобы сосредоточиться на его словах:

— ...конечно, вы не должны давать американцам ни малейшего намека на то, за что мы разыскиваем этого человека. Мы с ними можем сейчас более-менее дружить, но не стоит выносить сор из избы — надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

— Конечно, товарищ майор,— Данко выглянул в окно. В Москве уже лето. А Юра умер зимой. Но кажется, будто еще вчера снег был по колено.

Бондарев продолжал что-то говорить. Данко снова заставил себя вернуться к действительности.

— Ровошенко, лейтенант Ровошенко принесет вам билет, визы и все остальное, что потребуется. Сегодня вечером,— он протянул руку: — Удачи, товарищ капитан.

Данко пожал руку своего начальника:

— Спасибо, товарищ майор.

Данко, будучи аккуратным, методичным человеком, упаковал одежду, заботливо складывая ее, прежде чем поместить в потрепанный чемодан, лежащий на кровати. Он уложил два гражданских костюма — один голубой, другой безвкусного зеленоватого цвета, не забывая при этом расправлять складки на брюках. Опустился вечер и, словно напоминая ему об этом, ровно в шесть запикали его наручные часы. Он нажал на рычажок, отключая сигнал. Затем пошел в свою небогато обставленную гостиную, приподнял крышку птичьей клетки и покормил сидящего там яркого попугайчика.

Тут раздался звонок в дверь. Он открыл. Это была лейтенант Катя Ровошенко, светловолосая, сурового вида дама лет сорока с лишним, столь же преданная своему служению в рядах московской милиции, как и сам Данко.

— Товарищ капитан,— сказала она.— Я принесла ваши документы.

Он посторонился, пропуская ее на кухню, и вынул бутылку водки из морозилки обшарпанного холодильника. Она открыла свой портфель, надела очки в роговой оправе и начала читать холодным отрывистым голосом.

— Ваш паспорт,— сказала она, протягивая ему красную книжицу,— и ваше удостоверение, и ваше международное разрешение на перевоз преступника через границы иностранных государств.

Данко взял три темно-желтых конверта и подержал на ладони, точно взвешивая.

— В Международном аэропорту О'Хейр вас встретит представитель чикагской полиции.

— Как его зовут?

Ровошенко полистала свои записи:

— Тут не указано.

Данко кивнул. Он найдет этого человека, когда придет.

Ровошенко вынула из портфеля еще один конверт. Он был потоньше других.

— Тысяча долларов наличными. За каждый цент вы должны отчитаться. Если по каким-либо причинам этого

будет недостаточно или если у вас возникнут какие-либо затруднения, вам следует связаться с Советским посольством в Вашингтоне. Там вам следует обратиться к вице-консулу Григорию Муссорскому, помощнику Дмитрия Степановича.

Данко запомнил имена.

— Что-нибудь еще?

Последний конверт лег на стол.

— Билет на самолет для Виктора Росты. В одну сторону, — она взяла водку и выпила ее одним глотком. Снова налила и, наконец, позволила себе одну из редких для нее улыбок.

— Чикаго, — сказала она, — город американских гангстеров.

— Меня не интересуют американские гангстеры, — сказал Данко, — меня интересует их советская разновидность.

— Если позволите мне заметить, товарищ капитан, — не следует воспринимать все так близко к сердцу.

— Вы кое-что забыли, — сказал Данко, проигнорировав ее совет.

Лейтенант Ровошенко нахмурилась:

— Что?

— Разрешение на провоз через границу оружия.

— Вы поедете без оружия. Американские власти не разрешили вам иметь при себе оружие.

Данко кивнул.

— Как хотят, — сказал он с миной послушного служаки.

И напоследок, прежде чем выйти из квартиры и отправиться в аэропорт, Данко вытащил свой тяжелый девяти-миллиметровый пистолет из ящика стола и опустил его под фальшивое дно чемодана. Черт с ними, с американскими правилами. К Виктору Росте он без оружия подходить не станет. И уж если не сумеет привезти его в Москву, чтоб отправить под суд, то лучше пристрелит его. Это уж точно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

По разумению сержанта Арта Ридзика, в Чикагской полиции существовали две основополагающие точки зрения. Одни из его коллег придерживались мнения, что Ридзик являет собою образчик преданного, героического служаки, чьи неортодоксальные методы возносят его из разряда достойных до уровня истинно великих. Детективы, придерживаю-

щиеся сего мнения, к числу коих относился и сам Арт Ридзик, пребывали, однако, в меньшинстве. Согласно другой точке зрения, Ридзик был просто бандюгой и вообще редиской, каковую следует немедленно вырвать из их стройных рядов, покуда не нанесла еще серьезного вреда. Однако и те и другие сходились во мнении, что трудно было найти лучшего оперативника и что работать с ним было, по меньшей мере, не скучно. Ибо Ридзик имел свойство притягивать пули — словно намагниченный.

В тот день воздух на юге Чикаго раскалился до предела — и все старались оставаться дома, возле несущих прохладу кондиционеров. Все, кроме троих полисменов в автомобиле, затормозившем у сломанной тумбы посреди грязной, облезлой улицы. Арт Ридзик сидел, развалившись, на заднем сиденье, потный, мрачный и мечтающий лишь о том, чтобы побыстрее убраться отсюда.

Его непосредственный начальник, лейтенант Чарльз Стоббз, молодой человек в безукоризненном костюме, возглавлял отделение: весь его экстерьер словно гласил: перед вами комиссар. Стоббз сидел за рулем. Рядом с ним расположился третий оперативник — Том Галлахер. Все трое рассматривали изрядно подызыносившееся строение, возле которого остановилась машина.

— А твоему наводчику доверять вообще-то можно? — спросил Стоббз.

— Как человеку? — ответил Галлахер. — Нет. Ведь на

своих дружков доносит. Таких разве можно любить? Подонки — но ведь это его работа. Можно сказать, даже призвание. Но информацию он дает верную. По крайней мере, как правило.

Стоббз погладил свои аккуратно подстриженные усики:

— Не верю я размерам, которые он называет. Получается, что тут просто настоящий рынок за последние пару месяцев вырос.

— Знаете что, — сказал Ридзик, — вместо того чтобы сидеть здесь, стоило бы чем-нибудь заняться. А то в нас каждый за десять секунд фараонов узнает.

Стоббз обернулся:

— Почему вы так считаете, Ридзик?

«Чертов Ридзик, — подумал он, — вечно строит из себя всезнайку и тут же норовит об этом сообщить».

— Да вот сидят тут пара бледнолицых в раздолбанной колымаге рядом с негром — то есть с вами, лейтенант, — и негр при этом разодет так, словно только что слез со страниц модного журнала. Как вы полагаете, что народ подумает? Что это команда архитекторов прибыла?

— Заткнись, Арт, — пробормотал Галлахер. Ему вовсе не хотелось злить Стоббза.

— На улице цены по 145 баксов...

— Сейчас новые расценки, Стоббз, — сказал Ридзик, тоскливо зевая.

Стоббз проигнорировал его реплику. Галлахер последовал примеру Стоббза.

— Я понимаю, что это бессмысленно, — сказал Галлахер. Ему захотелось защитить своего наводчика. — Но я верю, когда он говорит, что они просят больше, причем гораздо больше.

— Да ведь рынок завален. Перенасыщен, — настаивал Стоббз.

— О-па! — сказал Ридзик с заднего сиденья. Он выпрямился и уставился в окно. — Внимание, боевая готовность номер один. Справа по курсу истребитель-перехватчик.

Мимо по улице шествовала исключительно привлекательная девица. Но внимание Ридзика было приковано отнюдь не к ее мордашке, а к весьма объемистому бюсту, лишь весьма условно прикрытому плотно облегающей блузкой с изрядной глубины вырезом. Впрочем, тот факт, что сей бюст вообще был чем-то прикрыт, казался скорее

недоразумением, нежели истинным намерением обладательницы.

— Ладно, Ридзик. Успокойся. Пойдем, пока тебе дурно не стало.

— Полагаете, она их купила? — спросил Ридзик. — А я так считаю, что нет. Мне вот кажется, что она их дома выращивает.

— Арт! — застонал Галлахер.

Ридзик ухмыльнулся:

— Каждый имеет право высказать свое мнение.

— Мы тебя не для того с собой брали, чтобы выслушивать твои мнения.

Арт Ридзик проводил даму сладострастным взором.

— Я ведь человек, — сказал он, — и ничто человеческое мне не чуждо.

Парадная дверь в доме была не заперта. Войдя в тесный подъезд, сыщики остановились и настороженным взглядом обвели запущенное помещение. Со второго этажа слышались звуки включенного телевизора. Темная лестница отнюдь не вызвала желания подниматься по ней.

— Так ты уверен, что твой парень не врет?

— Да, — сказал Галлахер.

— А как ты его прижал? — спросил Ридзик. Девица на улице была забыта.

— Поймал, когда он расфасовывал. Освободили под честное слово. Вот я ему и сказал: либо станешь постукивать, либо тот, что задерживал, припомнит про пистолет. Вот он и стукнул насчет этих Бритоголовых.

Ридзик повел плечами:

— Ох, старик, только не говори, что мы здесь отлавливаем Бритоголовых. Я их терпеть не могу.

Галлахер схватил Ридзика за руку и оттащил его в сторону.

— Разрешите нам на секунду, а Чарли? — спросил он Стоббза.

— Ладно.

— Арт! — зашипел Галлахер Ридзiku в лицо. — Хватит выпендриваться. Это точная наводка. Горячая и верная. Усвоил?

Ридзик отбросил его руку:

— А я что, разве удираю?

Галлахер показал головой в сторону Стоббза.

— Он тебя с собой взял, — зашептал детектив. — Никто его не заставлял. А ты его обгадить норовишь. — Галлахер заговорил еще тише. — Ради Бога, Арт, ведь этот человек будет писать отчет о твоей пригодности. Я думал, ты хочешь вернуться. Я думал, ты даже здорово этого хочешь, — и, говоря все это, Галлахер даже сам недоумевал, почему он так борется за то, чтобы сохранить Ридзiku карьеру.

Впрочем, Ридзик тоже недоумевал. Уж если ему-то наплевать, то не все ли равно Галлахеру? Он улыбнулся:

— Нет, серьезно, Том. Я хочу. Ты только взгляни на меня. Меня аж всего переполняет. По уши. Просто утопаю в адреналине.

— Пожалуйста, Арт. Мне ведь нужна помощь. Мы делаем крутую работу и никто нас не любит — верно?

Ридзик кивнул. Ладно, ради собственной карьеры отлавливать Бритоголовых он не станет, но возьмется за это ради Тома Галлахера.

— Улажено, — сказал он. — Поехали.

Галлахер похлопал Ридзика по спине. Вот это уже лучше.

— Квартира 305, — сказал Стоббз. Третий этаж. Они вскарабкались по темной лестнице, вынимая по дороге оружие. Нашли квартиру, еще раз проверили пистолеты и негромко постучали, после чего Стоббз обрушил весь свой вес на старую деревянную дверь, разнося ее в щепки.

Первым, что увидели трое полисменов, ворвавшись в квартиру — была горка крэка* на голом деревянном столе посреди комнаты и двое негров, которые, сидя, тщательно отмеряли наркотик и рассыпали его по маленьким пакетикам.

Оба подскочили на ноги с криками негодования:

— Это что еще за хрен сюда приперся?

— У вас есть ордер, чтоб сюда соваться?

Трое детективов двигались быстро и уверенно, словно уже прорепетировали весь этот номер заранее. Ридзик с Галлахером ткнули носами обнаруженную парочку в стенку, приставив к головам торговцев наркотиками пистолеты. Оба мужчины были лысы — их волосы сбриты до кожи — потому-то они и звались Бритоголовыми.

* Крэк — наркотик на базе кокаина, получивший распространение в 80-е годы.

Один из Бритоголовых обернулся к Ридзiku:

— Дерьмо, — выругался он, вперив в Ридзика полный ненависти взгляд.

— Только не выпендривайся, говноголовый, — Ридзик стошел, а Галлахер приковал обоих наручниками к водосточным трубам.

— Ну вот, — сказал Стоббз, — вы, засранцы, арестованы, — он вытащил из кармана карту Миранды*. — Имеете право не отвечать на вопросы.

Оба Бритоголовых решили не отвечать.

— Любое ваше слово может быть использовано против вас на суде. У вас есть право посоветоваться с адвокатом, прежде чем мы станем задавать вам вопросы, и на его присутствие на допросах.

Ридзик слонялся по комнате, в дальнем конце ее обнаружилась дверь, закрытая, быть может, запертая.

— Если средства не позволяют вам нанять юриста, он может быть предложен вам до начала допросов, — продолжал читать Стоббз. — Если же вы решитесь отвечать на вопросы сейчас, в отсутствие адвоката, вы, тем не менее, имеете право прервать допрос в любое удобное вам время.

Арт Ридзик повернул дверную ручку и, распахнув дверь, воодушевленно переступил порог, но немедленно влетел обратно в комнату, преследуемый оглушающим грохотом пистолетного выстрела.

— Черт возьми! — возопил Галлахер.

Оба Бритоголовых попытались броситься на пол, что оказалось нелегким делом, учитывая тот факт, что руки их оставались прикованными к трубам над головой.

Полисмены сгруппировались. Ридзик услышал отчетливый звук перезаряжаемого пистолета. Он метнулся в двери и выпалил, лишь чудом не попав в третьего Бритоголового, выскочившего через боковую дверь в коридор. Стоббз и Галлахер последовали за ним. Но отнюдь не Ридзик. Он отправился в сторону главного входа в квартиру.

— Арт! — заорал Галлахер. — Какого хрена ты...

— Эй, мужик, — крикнул один из прикованных. — А как же мы?

* Карта Миранды — памятка, содержащая текст Закона Миранды, зачитываемый полицейскими при задержании преступника.

Ридзик встретил стрелявшего на лестнице возле квартиры и выпустил по нему пару зарядов, однако тот ускакал по лестнице на другой этаж. Появившиеся Стоббз и Галлахер поскакали вслед за ним. Но отнюдь не Ридзик. Он запрыгал по лестнице вниз, подальше от неприятностей.

— Вот сукин сын! — кричал Стоббз. — Вот только поймем этого засранца — и я лично прослежу, чтобы этого Ридзика...

Но его слова потонули в треске выстрелов, возникших в сумраке лестничной клетки у них над головой. С дребезгом разлетелась дверца пожарного крана, осыпав полисменов стеклянными осколками.

— Он меня с ума сведет, — проскрежетал зубами Стоббз. Галлахер так и не понял, имел ли он в виду Бритоголового или Ридзика.

— Айда, — поторопил Галлахер. Фараоны вынырнули из своего укрытия и рванули наверх, одолевая по четыре ступеньки зараз.

Тем временем стрелявший взобрался аж на крышу дома. Но прежде чем направиться к пожарной лестнице, которая зигзагами спускалась вниз, словно уродливый шов, он несколько задержался, дабы пальнуть по Стоббзу и Галлахеру, возникшим в проеме дверей. Оба повалились на липкий толь.

Бритоголовый покарабкался вниз по металлическим ступеням, высматривая через плечо Стоббза и Галлахера. Хотя вообще-то ему лучше стоило бы глядеть вперед, ибо первый признак присутствия в недалеком соседстве Ридзика он почувствовал лишь тогда, когда теплый ствол револьвера уткнулся ему в затылок.

— Замри, сучонок, — прошептал Ридзик.

Бритоголовый медленно повернул голову и обнаружил улыбающегося Арта.

— Бляаааа, — сказал Бритоголовый.

— Только не нужно нервничать, — сказал Ридзик. — Я этим на жизнь зарабатываю.

Вскоре и Галлахер со Стоббзом сползли по лестнице, Галлахер веселился.

— Ай да Арт, ай да сукин сын. А мы-то думали, у тебя нервы сдали.

— Это ты мог такое подумать, Том, — отвечал Ридзик невинным тоном, — но вот лейтенант Стоббз никогда бы

так не подумал. Он-то сразу усек, что я собираюсь сделать. Верно, лейтенант?

Стоббз медленно покачал головой, убирая оружие в кобуру:

— Напомните ему о его правах, Ридзик. А как этих ребят сдадим, у меня будет еще работка для вас обоих.

— Сомневаюсь, что такая же веселая, — сказал Ридзик.

Арт Ридзик и Том Галлахер стояли в зале прилетов международных рейсов аэропорта О'Хейр ровно в 7 часов пополудни. Таможня была переполнена, и сотни людей пробивались сквозь огромное помещение, волоча свой багаж к выходу.

— Пойду проверю, сел ли этот самолет, — сказал Галлахер, направляясь к справочной.

— Отличная мысль, — пробормотал Ридзик. — Валяй.

Его взгляд немедленно обратился в сторону привлекательной белокурой стюардессы. Она толкала перед собой складную тележку с чемоданом. А Ридзик всегда обожал путешествовать.

— Эй, привет. Как делишки, милая?

Холодный взор ее голубых глаз не задержался на нем.

— Мотай отсюда.

— Спасибо. Огромное спасибо. Отличная мысль, — ответил он бесстрастно, в то время как она, миновав его, прошествовала к выходу.

Вернулся Галлахер:

— Самолет прилетел. Он должен появиться с минуты на минуту.

— У-гу, — Ридзiku удалось оторвать взгляд от круглой попки стюардессы. — Слушай, а ты видал рапорт Стоббза про этих Бритоголовых?

— Да, — сказал Галлахер. Ридзiku это не понравилось. — Он написал, что твое поведение было «надлежащим».

— Боже мой, — сказал Ридзик, вытаскивая пачку сигарет из кармана рубашки. — Надлежащим? И все?

— Слушай, Арт...

— Ясно, Том, — Ридзик закурил. — Если бы я полез по ступенькам вслед за вами, ребята, этот дерьмоголовый давно бы уже смылся.

Он с силой выдохнул:

— Просто Стоббзу не нравится, что ты его все время подкальываешь. Он от этого дураком выглядит.

— Но я ведь сделал работу, верно?

— Арт, — сказал Галлахер, — пожалуйста. Дело в особенностях твоей личности. Стоббзу они не нравятся.

— Особенности личности? А он сам. У него личность рекламной тумбы.

— Слушай, я понимаю, что ты его не любишь, но не дергайся. Все-таки именно он составляет отчет о твоей пригодности, если помнишь.

Ридзик отвернулся, глянул на толпящихся вокруг людей:

— Как тут забудешь.

— Послушай моего совета. Не порти ему настроения.

Ридзик бросил недокуренную сигарету на пол и раздавил ее каблуком.

— Ладно, ладно, какие дела. А какого черта нас в это вот сунули? И чего этот комуняка делает в Чикаго?

— Потому что тот комуняка, которого этот комуняка заберет домой, сидит на шее у нашего отдела, — терпеливо стал объяснять Галлахер. — Это просто одна из тех чудесных штук, что произошли в мире поддержания правопорядка за то время, пока ты был отстранен от дел.

— Ага, понятно, жаль, что я это проворонил. Только стоит заметить, что не по своей воле я проторчал три недели без зарплаты. Наверно, это было величайшим достижением в связях востока с западом.

— Я бы не сказал, что это не беда.

— А комуняки, они хитрые, старик. Знаешь, весь мир хотят к рукам прибрать.

Галлахер вздохнул. Задание-то было очень простое. Встретить русского мента, отвезти его в гостиницу; завтра утром забрать русского мента, передать ему арестованного и сказать: «Приятного полета». Но Ридзик, как только он один это умеет, склонен все дело, насколько можно, усложнить.

— Сделай мне одолжение, Арт. Попридержи свой язык на эту тему. А то еще из-за тебя третью мировую войну затеют.

— Неважно это будет смотреться в моем личном деле. Галлахер вглядывался в толпу людей:

— А тебе не приходило в голову... как мы узнаем этого парня?

На что Ридзик, глядя в другую сторону, ответил:

— Том, у меня такое чувство, что с этим проблем не будет.

Через толпу пробирался капитан Иван Данко. Не говоря уже о своих размерах, которые сами по себе были внушительны, он и так бы выделялся в любой толпе. Ибо был одет в полную форму офицера московской милиции. Форма была строгого серого цвета, если не считать красных с золотом погон и красных нашивок на воротнике. На груди у него красовались две широкие колодки наградных знаков. Он двигался им навстречу, держа свой потрепанный старый чемодан.

— Ты погляди на его штиблеты, — прошептал Ридзик, уставившись на толстые резиновые подметки Данковых сапог. — Не иначе, как он их с трактора спер.

— Заткнись, Арт.

— Спорим, что он по-английски не говорит.

Галлахер подошел к Данко.

— Капитан Данко?

Данко остановился:

— Да!

— Я сержант следственного отдела чикагской полиции Галлахер. Рад вас видеть — добро пожаловать в Чикаго.

Лицо Данко не отразило никаких эмоций. Ни радости, ни грусти, ни даже простого любопытства. Лишь полное безразличие.

— Спасибо.

— А это мой напарник, сержант Ридзик.

Ридзик помахал ручкой:

— Вы впервые в Чикаго? — спросил Галлахер, тут же поняв всю глупость своего вопроса.

— Да.

— Тааак... — сказал Галлахер неуверенно. — Другой багаж у вас есть?

— Нет.

— Были проблемы с таможней?

— Дипломатическая неприкосновенность, — сказал Данко.

«Во! — подумал Ридзик. — Целых тринадцать слогов. Что-то этот парень разболтался».

— Хорошо долетели? — смело продолжил Галлахер.

— Да.

Последовала неловкая пауза.

— Голодны?

— Нет.

— Пить хотите?

— Нет.

— Слушайте, — сказал Ридзик. — Давайте поболтаем в другом месте. У меня машина стоит в красной зоне, — он улыбнулся Данко. — Извините, не хотел вас обидеть.

Данко уселся на заднем сиденье потрепанного Ридзикова седана.

Русский милиционер не обратил ни малейшего внимания на банки из-под пива, пустые сигаретные пачки и обертки от еды, которыми был завален пол. И, кажется, делал все возможное, чтобы не обращать внимания на своих спутников. Ридзик вел машину, поглядывая на пассажира через зеркальце. Галлахер, полуобернувшись назад, старался выглядеть образчиком дружелюбия. Ридзик недоумевал, чего ради тот суетится.

— Чудесный вечер, — сказал Галлахер.

— Да, — сказал Данко.

— Последнее время тут здорово жарко. Не бывает ничего жарче, чем Чикаго в августе.

И хотя Данко явно не выразил особого интереса к чикагской погоде, Галлахер продолжал битву:

— Особенно достает влажность.

Данко продолжал смотреть в окно. Галлахер решил, что русский не понимает, что он ему рассказывает.

— Влажность, — сказал Ридзик, скосив глаза в зеркальце. — Знаете — это когда сыро в воздухе.

Данко проигнорировал и его. Ридзик пожал плечами. Просто ему тоже хотелось побыть общительным.

— Ну, а как в Москве? — спросил Галлахер.

— Жарко, — сказал Данко. Его глаза встретили взгляд Ридзика в зеркальце. — Не сыро.

«Конечно, — подумал Ридзик. — Все чудесно в рабочем раю. Даже влажность отменили. Она сейчас, наверно, в каком-нибудь гулаге».

— Это хорошо, — нервно заметил Галлахер. — Это здорово.

Наступила очередная неловкая пауза. Галлахер чувст-

вовал, как вспотел под легкой курткой. Тяжелая работенка. Пожалуй, даже отлавливать Бритоголовых — и то лучше, чем пытаться поговорить с этим русским чурбаном.

— Если вы здесь задержитесь подольше, капитан, мы смогли бы показать вам город. В Чикаго есть несколько шикарных мест.

«Эээй, — подумал Ридзик, — подохнуть можно со смеху. Жаль, конечно, что им не удастся познакомиться с капитаном немного поближе». Он посильней надавил на акселератор.

— К сожалению, не получится, — сказал Данко, словно выругался. Его занимал лишь Виктор. И чем скорее он уедет из Чикаго, тем скорее он вернет Виктора в Москву, чтобы отправить под суд, которого тот уже давно заслуживает.

— Эй, капитан, — сказал Ридзик, — а где вы так хорошо выучили английский?

— В армии, — ответил Данко. — Обязательное обучение. В языковой школе в Киеве.

— А что, этот Виктор Роста, наверно, здорово достал комиссаров, если они послали сюда человека, чтоб вернул его домой. Что он такого натворил?

Памятуя о приказе майора ничего не выдавать американцам, Данко уже подготовил ответ:

— Государственное преступление.

— А что он сделал? Пустил струю на Кремлевскую стену?

«Арт, ради Бога!» — казалось, говорил брошенный на него взгляд Галлахера.

— Вы уж извините моего партнера, капитан. Просто он по природе человек подозрительный и...

Иван Данко подал первые признаки эмоции. Немного, но уже что-то. Он резко оборвал Галлахера:

— Это вы арестовали Виктора? — и наклонился к его сиденью.

— Нет, — сказал Галлахер. — Обычный патруль. Это была...

— Где?

— Да возле дерьмовенькой гостиницы, в которой он жил. «Гарвин».

Ридзик усмехнулся. Видать, великим преступником был этот Виктор Роста. «Гарвин!»

— Нет, черт возьми, так он в «Гарвине» жил? Да это же болото. Питательная среда для наводчиков, сводников, шлюх. Старик, «Гарвин»...

Данко оборвал его:

— Я поеду туда.

Ридзик с Галлахером обменялись беспокойными взглядами. Неважно будет для них, если видный гость Чикагского отделения полиции окажется ограбленным каким-нибудь бродягой в «Гарвине».

— Слушайте, — сказал Галлахер, — мы должны поселить вас в нашем общежитии. Прекрасное место, вам понравится.

— Пожалуйста, — сказал Данко, — отвезите меня в «Гарвин».

— Он хочет в «Гарвин», Том, — сказал Ридзик.

— Я понимаю, но...

— Нужно дать этому человеку, чего он хочет.

Галлахер обернулся к Данко:

— Послушайте, если вы должны экономить, то я уверен, что наше отделение раскошелится слегка на...

— В «Гарвин», — бесстрастно сказал Данко. Ему хотелось взглянуть на «болото», в котором жил Виктор. Как бы паршиво там ни было, все равно это шикарное местечко по сравнению с тем, куда Данко его отправит.

Галлахер вздохнул и пожал плечами:

— Ладно, пусть будет «Гарвин».

Ридзик покатыл по жарким улицам Южного Района. Вокруг сновали детишки, игравшие под струями воды, хлеставшей из открытых гидрантов. Люди целыми семьями сидели на ступеньках своих домов, посасывая пиво и болтая.

«Гарвин» видал и лучшие денечки, но так давно, что никто их уже и не помнил. Он стоял на углу лицом к линии надземки, по которой каждые несколько минут на уровне третьего этажа с грохотом проносился поезд. Шум такого поезда разбудил бы и самого крепкого соню, но, насколько знали Ридзик и Галлахер, очень немногие обитатели когда-либо спали в «Гарвине». Это место больше подходило для тех, кто хотел раздобыть какой-нибудь из дюжины различных запрещенных алкогоидов или провести немного времени с шлюшкой. Но спать? Так здесь не поступали.

Они остановились у входных дверей гостиницы и все

трое вышли из машины. Пока Ридзик доставал чемодан Данко из багажника, Галлахер сделал последнюю попытку переубедить Ивана в правильности выбранного отеля:

— Еще не поздно передумать. Я вам говорю — это настоящий гадюшник.

— Все отлично, спасибо.

— Ну что ж, — сказал Галлахер, смирившись с неизбежным. — Хозяин — барин. Завтра заеду за вами в девять утра.

— Приятно было с вами побеседовать, капитан, — сказал Ридзик, усаживаясь за руль. Они проводили вошедшего в гостиницу Данко взглядами.

— Ну, и что ты думаешь про нашего русского друга, Арт?

— Думаю, что он придурок, — сказал Ридзик, отруливая от тротуара.

По состоянию вестибюля «Гарвина» можно было догадаться о прелестях, которые сулили его номера. Пол покрывал изношенный ковер, а точнее сказать, кусок тряпицы столь драный и грязный, что можно было лишь гадать о его прежнем цвете. Прилавок регистратуры покрыт потрескавшимся и исцарапанным пластиком. За прилавком сидел болезненный, худой и небритый молодой человек, словно специально подобранный под интерьер заведения. Перед ним лежала бейсбольная бита, хотя спортсменом он явно не выглядел. Над его головой на кнопках висел рукописный плакат:

ПЛАТА ВПЕРЕД — ОДНОМЕСТНЫЕ НОМЕРА НА НОЧЬ
ДВОЙНАЯ КРОВАТЬ — ДВОЙНАЯ ПЛАТА

Когда Данко вошел, клерк поднял глаза с журнала, недоумеая, что это за детина, наряженный как швейцар, и чего он от него хочет.

— Данко, — сказал Данко.

— Добро пожаловать, — сказал клерк. И сам захихикал над своей шуткой. Выражение лица Данко осталось неизменным.

— Хотите номер? — спросил клерк.

— Да.

Клерк протянул ему бланк:

— Заполните это.

Пока Данко вписывал свое имя непривычным западным алфавитом, на прилавок выбрался таракан. Клерк быстро и крепко трахнул бейсбольной битой, калеча стол, но промахнулся. Таракан благополучно смылся. Данко поднял на клерка ошарашенный взгляд.

— Все в порядке, — сказал клерк нервно. — В комнатах у нас чисто. Ну, достаточно чисто.

— У вас тут жил человек по имени Роста? Виктор Роста?

— Русский? — спросил клерк.

— Мне нужна та же комната.

— Эй, а вы тоже русский? У нас что, какой-нибудь съезд в городе, что ли?

Хотя Данко и отвечал на вопросы неохотно, но не усмотрел особого вреда в разоблачении своей национальности, тем более если это позволит занять ему прежний Викторов номер.

— Я русский, — он протянул клерку заполненный бланк.

Когда тот передавал Данко ключ, на столе появился очередной таракан. Данко без малейших колебаний разломил его кулаком.

— Отлично сработано, — сказал клерк. — Номер 302.

Данко не часто приходилось жить в гостиницах, но он сразу понял, что триста второй номер — это дыра. В комнате стояла продавленная кровать, прожженный окурками стол и пластмассовое кресло. Как ни странно, в номере оказался телевизор, причем очень хороший и даже — как обнаружил Данко, когда включил его, — цветной. Немногие гостиницы в Советском Союзе стали бы разоряться, чтобы ставить в подобных номерах телевизоры. Глядя на экран, Данко был поражен, увидев, что показывают какой-то убогий порнографический фильм. Мужики и бабы скакали, хихикая и совокупляясь в бесчисленном множестве позиций в комнате, которая мало чем отличалась от той, в которой сидел он.

Данко не потребовалось особых усилий, чтобы оторвать взгляд от экрана. В течение часа он методически разбирал триста второй номер на части. Он исследовал все, включая содержимое туалетного бачка, в поисках следов присутствия тут Росты. Но Роста не оставил ничего,

ни малейшего намека на то, что он когда-либо жил тут. ни И Данко двигался дальше. Он снимал матрасы с кровати, вспарывал подушки, срывал картины со стен. Поднял ковер. И снова не обнаружил ничего, кроме паутины, пыли, насекомых и старой мышеловки. Данко уныло оглядел разгромленное помещение. Завтра перед отъездом придется оплатить нанесенный ущерб. Впрочем, его немногие драгоценные доллары были бы истрачены не зря, если бы он что-нибудь нашел. Но вместо этого он растратил государственные деньги впустую.

Но он заплатит. Он не варвар, чтобы портить номер в заграничной гостинице и не рассчитаться за это. Это уже было бы преступлением.

Одна вещь в комнате заинтриговала его — на столе рядом с кроватью лежал квадратный металлический ящичек, подключенный к проводке в стене. Коробочка эта ничем не выдавала смысла своего предназначения. Была только прорезь для монет сверху. Заинтересованный, Данко решил пожертвовать еще малой толикой своей валюты. Он бросил в щель 25 центов. Внезапно кровать стала содрогаться и трястись. Данко покачал головой. Сперва он подумал, что это приспособление служит своего рода будильником. Потом взглянул на порнофильм, продолжавший идти на экране. Нет, решил он, это скорее уж похоже на стимулятор для совокуплений или мастурбаций.

Он подошел к окну и выглянул наружу. На другой стороне улицы, как раз на уровне окон его комнаты, располагался гигантский плакат, демонстрирующий даму в negligee со впечатляющим бюстом. Ее двухметровые глазницы плотоядно смотрели прямо на него. Реклама залитого неоновым светом магазина, расположенного ниже. Надпись гласила: «Книги для взрослых. Супер X. Видео X.* Брачные советы».

Данко посмотрел на трясущуюся кровать, плакат, порношоп и фильм на экране.

— Капитализм, — сказал он с отвращением. За окном, грохоча, пронесся поезд.

* Буква «X» означает товары, фильмы и пр., предназначенные только для взрослых.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На следующее утро Данко, облаченный в полную форму офицера советской милиции, стоял у входа в «Гарвин». В окружающей обстановке он выглядел так же уместно, как плясунья стриптиза на собрании Дочерей Американской Революции*. При этом он оставался столь же разговорчивым, как и прошлым вечером, а Том Галлахер все так же галантно пытался выглядеть дружелюбным.

Данко отклонил предложение Галлахера выпить чашку кофе, настаивая на том, чтобы немедленно отправиться на участок и подписать документы, передающие Виктора в его распоряжение. На участке, как всегда, царил бедлам. Старое здание было переполнено пьянчугами, наркоманами и шлюхами, которых привели за прошедшую ночь и которые теперь толпились здесь в ожидании суда. У стола дежурного толкалась дюжина человек, выкрикивая что-то сидящему там сержанту на полудюжине языков — испанском, китайском, польском, — причем каждый из них требовал отреагировать на его заявление немедленно. Сержант же невозмутимо не реагировал ни на кого из них.

Данко неодобрительно посмотрел на весь этот хаос. На родине они бы такого ни за что не позволили. Участки милиции были священными, тихими, вызывающими страх заведениями. Простые граждане без крайней необходимости туда никогда не заходили.

Галлахер был рад увидеть на лице Данко хоть какую-то реакцию, даже если она выражала неприятие или отвращение. Все лучше, чем эта вечно каменная физиономия.

— Будто по городу волна преступлений прокатилась, — сказал он, оглядывая окружающий балаган. — Помню, когда я впервые попал сюда, то же самое подумал.

* Дочери Американской Революции — женская патриотическая организация, отличающаяся весьма пуританским мировоззрением.

Но ничего подобного. Просто нормальная обстановка в понедельник утром.

Данко кивнул. «Побольше полиции, — думал он. — Вот что нужно Америке».

Галлахер оглядел ряд стоящих в помещении столов. За каждым из них сидело по оперативнику, пытающемуся допросить преступника, спорящему со свидетелями, звонящему по телефону и печатающему на машинке — причем все это одновременно. По горло были заняты все — за исключением одного: Арта Ридзика. Тот сидел за своим исцарапанным столом, заваленным всевозможными бумагами, и играл в шахматы на маленьком шахматном компьютере, усердно игнорируя другого полисмена, стоящего перед ним.

— С возвращением тебя, Арт, — говорил Неллиган. — Слушай, я хочу, чтоб ты знал, что в моем поступке ничего личного не было. Мне полагалось написать отчет — вот я его и написал. И я тебя туда вставил не потому что ты — это ты, а просто... — он пожал плечами. — Во всяком случае, ты ведь не обижаешься, верно? — и Неллиган протянул руку.

Ридзик поднял голову от шахмат:

— Вы что-то сказали, Неллиган?

— Ну и черт с тобой, если ты так к этому относишься.

— Именно так я к этому и отношусь, — Ридзик снова вернулся к шахматной игре. И уже собирался сделать следующую ход, когда услышал голос Данко.

— Не королем, — прорычал русский.

Ридзик раздраженно взглянул на него:

— А почему нет?

Данко, едва глянув на доску, мгновенно оценил ситуацию. Исходя из предположения, что Ридзик его не послушается, он просчитал в уме несколько ближайших ходов:

— Мат в два хода.

— Неужели? — спросил Ридзик скептически.

— Ходите слоном. Сицилийская защита.

Ридзик откинулся на стуле и посмотрел на Данко:

— Сицилийская защита? Послушайте, товарищ, по моим последним данным, Сицилия еще не принадлежит Советскому Союзу. И не думаю, что пойду слоном, если вас это устроит; у меня тут свои планы, — он вернулся к игре. — Но спасибо за помощь, товарищ, я это учту, —

завершил он тоном, выражающим явное нежелание продолжать разговор.

— Идем, капитан,— сказал Галлахер.— Командир Доннелли хочет вас видеть.

Не сказав больше Ридзiku ни слова, Данко последовал за своим проводником. Ридзик пошел королем. Компьютер ответил ладьей. Защищаясь, Ридзик сделал ход слоном, но компьютер победно запищал. Королю был поставлен мат красной королевой. И это свершилось именно за два хода.

— Вот дерьмо,— пробормотал Арт Ридзик, бросив взгляд в сторону удаляющегося Данко.— И какой бы хрен поверил?

Если бы вы увидели командира Лу Доннелли на улице, вы бы сразу предположили, что он фараон. Роста он был высокого, сложения крепкого, и видно было, что за долгие годы он уже успел вкушать свою долю как закона, так и беспорядка. Внешность его говорила и о том, что он может неплохо справляться с оперативной работой. Но он уже давно отошел от оперативной работы. Теперь он был старшим офицером, администратором, главой полицейского отделения. Когда он еще боролся с уличными подонками, ему было плевать на все. У него не случалось и дня, который стоил бы даже выеденного яйца. Теперь, когда ему приходилось иметь дело лишь с другими полисменами — такими, как Ридзик,— он чувствовал себя трупом.

Кабинет его не был похож на кабинет полицейского. Он скорее напоминал смесь зоомагазина с ботаническим садом. На каждой плоской поверхности размещалось по сосуду, полному ярких тропических рыбок, а окна были увиты пышными зелеными насаждениями. Данко не совсем понял, для чего все это нужно.

Галлахер представил их друг другу — и Данко с Доннелли встретились на секунду взглядами, словно меряя друг друга.

— Вот ордер на передачу,— сказал Доннелли, вынимая из стола документ.— Требуется лишь ваша подпись.

Данко взял листок бумаги своими большими руками и стал изучать его.

— Он не просил политического убежища?

Доннелли покачал головой:

— Думаю, он смирился с тем, что возвращается домой. С нами он не разговаривает. Мы обыскали его, его автомобиль, номер в гостинице — он проехал на красный свет, а прав у него не оказалось. Мелочь — но он не говорит по-английски. И вообще не говорит, даже с переводчиком. В машине был спрятан револьвер. Это уже посерьезней. Мы увидели у него татуировку на русском и поняли, что он один из ваших,— и Доннелли пожал плечами, словно говоря: «И вот вы здесь».

— Московская милиция благодарит чикагскую полицию,— сказал Данко таким тоном, словно собирался произнести речь.

— Ерунда. А за что вы, ребята, его ловите?

«Государственное преступление»,— подумал Галлахер.

Московская милиция была не столь благодарна Чикагской полиции, почувствовав, что нужно отвечать на вопрос, кого же это они арестовали и почему он разыскивается в Советском Союзе.

— Государственное преступление,— сказал Данко.

— Довольно расплывчато,— заметил Доннелли.

— Торговал на черном рынке.

— Тоже не слишком ясно.

— Это преступление.

— Как скажете,— ответил Доннелли. Он достал из стола другой документ.— Это свидетельство об имущественном расчете. То есть, тут указывается, что все его личные вещи мы передаем вам,— он прочитал по списку: — Пятьдесят шесть долларов наличными, ключ и полпачки Крекерджека.

— Крекерджека? — за все время поездки это было первое английское слово, которое озадачило Данко.

— Конфеты,— подсказал Галлахер.

— Одри,— окликнул Доннелли секретаршу, сидящую за дверями рядом с его кабинетом,— вызовите ко мне Ридзика.

«Ридзика? Зачем?» — мелькнула в головах Данко и Галлахера одна и та же мысль.

— Все вещи Виктора Росты в городской тюрьме. Получите их вместе с ним.

— Хорошо,— сказал Данко. Его взгляд задержался на аквариуме, где синие с желтым рыбки беззаботно плавали по своему маленькому домику.

— Средство от стрессов,— объяснил Доннелли.— Когда устанешь, предлагают посмотреть на рыбок, на воду и зелень. Расслабиться под звуки приятной музыки,— он включил стоящий на столе магнитофон и комнату заполнила нежная мелодия.

— Интересно,— сказал Данко, решив, однако, что все это бред. Разве может какая-то мелкая рыбка помочь полисмену?

— Лично я считаю, что все это дерьмо, но когда в качестве альтернативы тебе предлагают операцию на сердце, то пробуешь любые средства.

Данко кивнул:

— Кстати, любопытно, капитан,— поскольку в этом отношении, полагаю, все полицейские одинаковы — будь то в Советском Союзе, будь то в Швейцарии — как вы там, в Москве, боретесь с переутомлением и стрессом?

— Водкой,— ответил Данко. Галлахер впервые услышал из его уст нечто, похожее на шутку.

— Водкой,— сказал Доннелли.— Может, в следующий раз попробую.

В комнате появился Ридзик. Он попытался выглядеть таким полисменом, каким хотел его видеть Галлахер. Завязал галстук и надел пиджак.

— Да, сэр, чем могу быть полезен, сэр?

Доннелли бросил взгляд на Ридзика, не уверенный, что подобная услужливость Ридзика пришлась ему по вкусу.

— Отвезите капитана в городскую тюрьму. Проследите, чтобы он подписал документы, когда получит заключенного, и принесите мне первые копии.

Ридзик нахмурился. Это задание не для оперативника, а для какого-нибудь клерка, курьера.

Доннелли снова повернулся к Данко. Они обменялись официальным рукопожатием.

— Счастливо, капитан,— сказал Доннелли.— Приятно было познакомиться.

После того как оба чикагских полисмена покинули комнату, уводя за собою русского, командир Доннелли полил цветы и покормил рыбок, размышляя о том, что по крайней мере Виктор Роста не будет той проблемой, которая сможет неблагоприятно повлиять на и без того неважное состояние его сердечно-сосудистой системы. Неплохая

была бы идея: арестовывать их всех и отправлять в Россию. Он снова вернулся к своему расписанию дежурств. «С одним делом,— подумал он,— на сегодня покончено».

Но он ошибался.

Виктор Роста был не особо удивлен, увидав Ивана Данко, но это не заставило его ненавидеть того меньше. Ведь Данко убил его брата. И Данко за это заплатит. Московский милиционер защелкнул наручник на одной из рук Росты и зацепил металлическое кольцо вокруг своей собственной, закрывая и запирая его. Он безразлично взглянул на Росту, ничем не выдавая того отвращения, которое он испытывал к преступнику; не выдал он и радости от того, что наконец держит Росту в своих руках.

— Теперь отвезу тебя домой помирать, Виктор,— сказал он.

Роста презрительно усмехнулся:

— Подавишься, Данко.

На сей раз Данко не смог сдержать своего гнева. Швырнув Росту на серую каменную стену камеры, он прошипел ему в ухо:

— Или предпочитаешь подохнуть тут? Мне ведь все равно.

Ридзик повернулся к Галлахеру:

— Смотри-ка, можно подумать, что они старые друзья. Язык телодвижений — великая вещь.

— Ээээ, капитан...— сказал Галлахер. Ему хотелось, чтобы оба русских наконец-то убралась из Чикаго — и желательно живыми. Мертвый заключенный в камере ничего хорошего не сулит.

Данко постарался взять себя в руки. Он отпустил Росту и opravил форму:

— Мы готовы идти.

— Отлично.

Следующий остановкой была камера хранения. Клерк передал им пакет, содержащий вещи, изъятые у Росты при аресте. Данко внимательно исследовал каждую из них. Деньги особого интереса не представляли, но пачку Крекдерджа проверил тщательно и даже открыл маленький конвертик, в который был вложен сувенирный пластмассовый свисток. Потом он вынул ключ.

— От чего ключ, Виктор?

— Иди в жопу.

Данко покачал ключом перед глазами Ридзика:

— Кто-нибудь знает, от чего он?

Ридзик взглянул на ключ без особого интереса.

— Похоже, от какого-то шкафчика. А почему ваш друг сам не расскажет? — он кивнул на Виктора. — Вы-то можете с ним поговорить?

— Я пытался.

— Попробуем по-английски, — Ридзик склонился вперед, пока чуть не уперся носом в лицо Росты. — Где-тот-шкафчик-который-открывается-этим-ключом, товарищ? — спросил он медленно, словно обращаясь к ребенку.

Виктор посмотрел ему прямо в глаза, но не ответил ничего.

Ридзик понимал, что подобное обращение может вывести человека из себя.

— Слушай, советское дерьмо, я тебе задал вопрос.

Виктор усмехнулся и ответил что-то по-русски.

— Что он сказал? — спросил Ридзик.

Данко аккуратно перевел все это на русский:

— Он сказал, что... твою мать в задницу.

— Угу, — сказал Ридзик, — я потрясен, капитан. Как видно, вас в Киеве научили многим гадким выражениям, — Ридзик кивнул. — Очень хорошо. — Затем, быстрее, чем кто-либо мог ожидать, Ридзик перепрыгнул через стол и, сжав руками глотку Росты, трахнул того головой о стенку. — Слушай, ты, сука, — прорычал он сквозь сжатые зубы.

— Господи, Арт! — воскликнул Галлахер. Потребовались совместные усилия Данко и Галлахера, чтобы оттащить Ридзика от Росты. Галлахер страстно желал, чтобы Ридзик наконец-то перестал наполнять свою жизнь кучей невероятных проблем. Сперва один русский пытается прикончить другого. Теперь тем же занимается Ридзик. С какой радостью он наконец-то будет наблюдать за тем, как покинет Америку отлетающий самолет.

— Арт, хватит, ради Бога!

— Не нужно так выражаться о моей маме, — проворчал Ридзик.

— Слушай, если мы хотим успеть на этот самолет, то нам уже пора отправляться.

— Поехали, — сказал Данко.

Они двинулись к выходу. Ридзик сложил документы, которые ему следовало вернуть командиру, и сунул их в нагрудный карман. Росты и Данко последовали за ним.

— Мне плевать, преступник этот парень или нет, — сказал Ридзик, — но про чужую маму ему лучше помолчать.

Галлахер закатил глаза:

— Не все ли тебе равно, что он сказал? Не все ли тебе равно, что он там про что угодно говорит? Это не твое дело, Арт. И не мое дело, — Галлахер глянул через плечо на Данко. — Господи, это ведь даже не американское дело.

— Ладно, — ответил Ридзик. — Оставим это, хорошо?

Но Галлахер оставлять не хотел:

— Мы здесь только сопровождающие. Так что придержи свои эмоции.

— Слушай, Том, ты ведь слышал, что этот говнюк сказал. Не могу же я на это не реагировать.

— Ты должен научиться справляться со своими эмоциями.

— Все, все, — Ридзик посмотрел в сторону дверей. Четверо человек в форме охранников инкассаторской службы — трое черных и один белый — вошли в здание. На секунду Ридзiku подумалось, что это странно. Но потом он припомнил, что Бюро Нарушений Парковки на пятом этаже получает кучу денег за счет дорожных штрафов. Наверно, просто доставили наличные. Все охранники были в черных очках.

— Ну что ж, капитан, — сказал Ридзик. — Вот и все. Теперь я попрощаюсь. Желаю прекрасно долететь, — он взглянул на Виктора. — И еще, Данко. Если вы захотите спустить эту кучу дерьма в сортир, сделайте это над Польшей. Увидимся на участке, Том.

— Конечно, Арт.

Ридзик профдефицировал через вестибюль и купил себе газету и бюллетень ипподрома. Он решил заглянуть в кафе, перекусить и просмотреть результаты у лошадей, прежде чем возвращаться на работу. В первый рабочий день ему было не больно охота перегружать себя.

— Дайте мне «Сан Таймс» и «Бега».

Киоскер вложил бюллетень в газету и протянул Ридзику:

— Знаете победителя? Хотите, скинемся на пару?

Ридзик рассмеялся:

— Шутите? Они мне после задницу отобьют.

Четверо охранников, которых прежде уже заметил Ридзик, разделились на пары и пристроились по обеим сторонам от Росты, Данко и Галлахера. Из всех троих только Роста заметил их. И когда детективы повели его вперед, один из черных выхватил обрезанную бейсбольную битку и со всех сил ударил ею Данко в затылок. Тот рухнул на пол — и лишь боль удержала его от потери сознания. Его мозг пытался отдавать приказы телу, но оно не слушалось. Сквозь пелену боли Данко осознал, что происходит: Росту пытались спасти. Словно издали услышал он, как дважды прогремели выстрелы.

Обе пули, выпущенные из револьвера белым бандитом, попали в Галлахера. Первая ударила в грудь, нанеся опасную рану. Вторая, попав в сердце, убила его.

Роста натянул цепочку наручников, связывающую его с Данко. Один из негров вытащил тяжелые кусачки для проволоки и легко перерезал ее. Как только руки его освободились, Роста размахнулся и со злобой ударил Данко по губам.

— Ты что делаешь, мужик?! — закричал один из Бритоголовых. — Надо скорей мотать отсюда на хрен...

Роста начал обшаривать карманы Данко — так, словно хотел очистить пьяного, упавшего в темном переулке.

— Идем! Идем!

— Ключ,— пробормотал Роста.

Белый бандит крутил по комнате револьвером. Все в помещении быстро прятались, опасаясь, что он начнет стрелять. Все, кроме Ридзика.

Он присел в боевой стойке, прицелился как следует — и белый рухнул, а его револьвер, отлетев, загрохотал по полу.

— Мать твою,— крикнул один из Бритоголовых и, схватив Росту за воротник, поднял его на ноги. И когда они бросились к выходу, ключ, который Виктор уже держал в руке, выскочил из его пальцев.

— Мотаем! — крикнул кто-то.

Они вылетели за дверь и помчались вниз по лестнице тюрьмы к фургону, который с заведенным двигателем ожидал их на улице. Ридзик задержался у тела своего друга лишь на мгновение, позволившее ему понять, что помочь тому он ничем больше не сможет. Галлахер был мертв — и кое-кто за это заплатит. Ридзик выскочил наружу.

А за дверьми здания его сразу же приветствовал треск выстрелов, раздавшихся из фургона. Ридзик пригнулся, поднял револьвер — и обнаружил, что смотрит прямо в перепуганные глаза женщины, направляющейся ко входу в здание. Еще секунда — и он мог бы выстрелить в нее, но вовремя успел удержаться:

— Черт бы тебя побрал! Убирайся с дороги!

Но страх сковал движения женщины. Ридзик пробежал мимо нее и выпрыгнул на дорогу. Заскрежетали тормоза автомобилей. Загудели клаксоны. Ридзик трижды выстрелил в фургон, который рванулся с места, запетлял по улице и исчез.

Ридзик тяжело вздохнул и выпустил револьвер из рук. Они смылись, а Том Галлахер убит. Убит, потому что был слишком уж милым парнем. Эта война только начинается.

А внутри здания творился сущий ад. Кричали люди. Парень, которого сбил Ридзик, рычал от боли и потрясения. Лишь Галлахер был до страшного неподвижен. Данко с трудом поднял голову. И первое, что он различил своим затуманенным от боли взглядом — ключ, лежащий на залитом кровью полу. Ключ Виктора Росты. Собрав все свои силы, он прополз пару метров, схватил ключ и крепко зажал его в руке.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Та боль, которую чувствовал Данко, лежа на больничной кровати, не имела отношения к его травмам — она ощущалась гораздо сильнее, чем трещина в челюсти и ушиб головы. Это была боль от чувства провала: но не потому, что он подвел свое милицейское начальство, а потому, что подвел сам себя и память своего друга, Юры. Но он поклялся, что достанет Виктора — и он его достанет,

только теперь это будет не так просто, как казалось прежде. И все же ключ еще у него в руках.

Миловидная молодая негритянка во врачебном халате посветила ему в глаза маленьким фонариком. Она кивнула, записала что-то в его больничной карте, сверилась с рентгеновским изображением на экране прибора, стоящего возле кровати.

— Вчера у вас в голове мы обнаружили небольшую трещинку. Как вы себя чувствуете?

Данко смотрел на нее, ощущая себя неудачником и болваном. Он ничего не ответил.

— Хорошо? — она взяла его за руку и взглянула на часы, считая пульс. — Удар вызвал у вас легкое сотрясение. Чтоб выздороветь, придется побыть здесь пару дней.

Данко не думал, что им удастся удержать его здесь, пока Виктор Роста гуляет где-то на свободе. Формы нигде не было видно, но на стуле в дальнем конце палаты он заметил свой чемодан. А форма ему и не понадобится. Он будет действовать тайно.

Ридзик с лейтенантом Стоббзом ждали возле операционной, этажом ниже палаты Данко. Они стояли, прислонившись к стене и не обращая внимания на суету больничного коридора. Тому белому парню, которого подстрелил Ридзик, делали вторую операцию. А он сможет дать им ценную информацию — если выживет, — и информация эта

крайне необходима. Сейчас, когда половина Чикагской полиции бежит по кругу, словно обезглавленные цыплята, пытаюсь найти убийц Галлахера.

Ничто так не будоражит полицию, как убийство одного из ее членов. И не играет роли, что мэр придет на похороны Галлахера и что тысячи чикагцев пожертвуют деньги в фонд помощи его вдове. Единственный результат, который удовлетворит полицейских, — это шкура убийцы их коллеги. Когда погибает полисмен, на улицах становится жарко. Полицейские прекращают все поблажки и всеми силами наваливаются на игорный и наркобизнес, на притоны и сводников, пока вся эта уличная шпана не превращается в компанию осведомителей. Убийство полицейского очень вредит их бизнесу — как правило. Но на этот раз, хотя атмосфера раскалилась уже до предела, никто все еще не проронил ни слова.

— Просто не верится, — сказал Ридзик. — Они словно в воздухе растворились. Машина, комуника, и вся эта компания.

— Кроме одного, — произнес Стоббз чуть ли не с восторгом. Он показал пальцем в сторону операционной. — И как поживает этот дерьмоголовый?

— Нормально, если не считать дырки в груди. Когда вы осчастливите нас своим очередным красочным отчетом, Арт?

Ридзик с трудом сдержал злость. Прикончили его друга, а Стоббз требует отчета.

— Как только доберусь до машинки, лейтенант.

— Может, вкратце расскажете мне?

Ридзик пожал плечами. Ему уже приходилось делать это с дюжину раз.

— Это скорее вопрос баллистики. Когда кто-нибудь серьезно пытается пристрелить тебя, то об отчетах как-то не думаешь, — он перенес вес тела с одной ноги на другую, словно нервничая, горя желанием поскорее выбраться на улицу и дать кому-нибудь в задницу. — Хотя, должен сказать, мне показалось, что эти черные хмыри — те же Бритоголовые, которых мы сцапали позавчера. Я конечно понимаю, что это идиотизм. То есть, если уж у кого и есть алиби, так это именно у тех ребят, верно?

Стоббз покачал головой.

— Их отпустили.

— Что?!

— Их отпустили вчера утром. Арест без законных предписаний.

— Погодите, погодите, погодите. А как же тот с револьвером? Может, я ошибаюсь, но помнится, как раз стрелять в людей незаконно, с предписаниями или без.

Стоббз печально покачал головой. Есть одна вещь, с которой даже ему и Ридзику придется согласиться.

— Без законных предписаний мы не могли — не должны были — оказаться там. А если бы нас там не было, то и этот дерьмюк не смог бы в нас стрелять.

— Ну а если б он кого-нибудь убил? Вы считаете, что его следовало бы освободить, если бы он пришел вас или меня, или...

— Спорьте с судьей, Арт, не со мной.

— Вот сукин сын.

— Хотите услышать одну странную штуку?

— Еще более странную, чем та, что вы мне рассказали? — саркастично спросил Ридзик.

— Тот, которого вы подстрелили...

— Ну?

— Угадайте, откуда он.

— Вы что, шутите? Еще один?

— Абсолютно верно. Из России. Можете поверить? Еще один. Да их тут, наверно, полон город.

— А сегодня прилетела еще парочка, по крайней мере Доннелли мне так сказал.

Глаза Стоббза подозрительно сощурились:

— Кто? Что за парочка? Опять бандиты?

— Это уж зависит от того, с какой стороны посмотреть.

Это были дипломаты, прибывшие из советского посольства в Вашингтоне. И это были первые люди, которым было позволено поговорить с Данко. Разговор вел старший из них, Григорий Муссорский. Это был стройный, европеизированный человек, умеющий держать себя в руках и умудренный опытом общения с американцами. Его шеф, Дмитрий Степанович, больше походил на тот тип советского бюрократа, с которыми привык иметь дело

Данко: суровый, с каменной физиономией, облаченный в мешковатый серый костюм.

— Мы хотели бы знать, что произошло, — сказал Муссорский по-русски. — Товарищ консул должен представить Москве полный отчет.

Данко прекрасно понимал, что происходит. Муссорский со Степановичем составят отчет, обвинят Данко, и все будут довольны. Карьере Данко придет конец, может, даже придется провести какое-то время за решеткой — то есть, козел отпущения будет найден и наказан. Но оба дипломата не разумели одного: Данко больше на них не работал. Теперь он сам стал себе хозяином.

— Тут не в чем отчитываться.

— Ваша позиция меня обескураживает, — Муссорский сказал именно то, что думал. Он читал и помнил личное дело Данко. Прекрасный офицер милиции, много раз награжденный за храбрость, считающийся лояльным к своему начальству. Он мог бы далеко пойти. Конечно, не после такой катастрофы, но не стоило же еще ухудшать положение — в том числе и их положение.

— Он скрылся. Подробности вы можете узнать от американцев.

— Американцы и так уже задают слишком много вопросов. Нам нет смысла выносить сор из избы.

Данко поразило, что это была именно та фраза, которую произнес майор Бондарев. Он не ответил. Дипломаты раздраженно переглянулись. Степанович, атташе по вопросам безопасности — по крайней мере так значилось в его паспорте — на самом деле был одним из представителей КГБ. Будь его воля, он охотно воспользовался бы коими-какими менее корректными методами из числа тех, что были на вооружении у этой отрасли деятельности.

— Виктор Роста сбежал, — сказал он своим холодным, плоским голосом. — Сбежал из-за вашей тупости. Теперь он свободен продолжать свое дело и пересылать через свою сеть на родину американскую отраву. Вы полностью провалили дело.

«Но в следующий раз не провалю», — подумал Данко.

— Так я и сообщу в своем отчете, — закончил Степанович.

— Сообщайте, что вам угодно. — Данко отметил, что Степановича интересует только Виктор. И как бы ни

желал Данко разыскать этого гангстера и отомстить ему за смерть Юрия, он не забывал и про Галлахера. Тот тоже был детективом и тоже погиб. Данко отомстит и за него.

Степанович криво усмехнулся:

— Что я и делаю. Министерство внутренних дел просило меня передать вам, что как только вы выпишитесь из больницы, вас отвезут в аэропорт и отправят обратно в Москву. И вы немедленно предстанете перед дисциплинарным судом.

Если Степанович полагал, что испугает Данко, то он глубоко заблуждался.

— Сообщите в Москву, что я останусь тут, пока Виктор Роста не будет схвачен.

«Или мертв»,— добавил Данко про себя.

Ридзик и Стоббз ожидали, пока советские дипломаты не выйдут из палаты.

— Ну, как он? — спросил Стоббз.

— Он очень благодарен за медицинскую помощь и с нетерпением ожидает возвращения в Советский Союз,— ответил Муссорский доброжелательным тоном, как и полагается хорошему дипломату.

«Благодарен? — подумал Ридзик.— С нетерпением ожидает? Что-то не похоже на старину Данко».

— Извините, а вы кто? — спросил Степанович.

— Меня зовут Стоббз. Лейтенант Стоббз из чикагского отделения полиции. Оперативный офицер, занимающийся расследованием этого дела. Можно с вами переговорить?

Советские дипломаты не имели ни малейшего желания переговаривать с кем бы то ни было, тем более с работниками чикагской полиции. Данко устраивает проблемы, Роста на свободе, погиб американский полицейский — ничего благоприятного это их стране не несет. И что еще важнее, это отнюдь не лучшим образом отразится на самих Муссорском и Степановиче. Им нравилось жить на Западе и не хотелось, чтобы какой-то строптивый милиционер и паршивый продавец наркотиков разрушил их столь старательно взлелеянные карьеры. Но от Стоббза и остальной части разгневанной чикагской полиции никуда не денешься. Даже мрачный и неуступчивый Степанович понимал это.

— Будем рады служить вам по мере возможности,— ответил он.

— Хорошо. Я надеюсь, вы сможете сообщить нам, что делал здесь Виктор Роста. Ваш капитан Данко не больно разговорчив на сей предмет.

«Ну что ж,— подумал Степанович,— по крайней мере хоть один приказ Данко исполнил».

— Роста разыскивается за преступления, совершенные в Советском Союзе,— сказал Муссорский.

Стоббз закатил глаза:

— Да, это мы себе представляем. Но нас интересует его связь с Бритоголовыми.

— Бритоголовыми? — недоуменно спросил Муссорский.

— Очень крепкая банда. Очень опасная и вовлеченная во многие гадкие дела. Наркотики, рэкет, наемные убийства...

Муссорский нахмурился:

— И они связаны с Ростой?

— Мы полагаем, что именно они устроили его побег.

— Очень загадочно,— Муссорский быстро переговорил со Степановичем по-русски. Ответ начальника был однозначен: ничего им не рассказывать.

— Да, очень загадочно. У нас нет никаких сведений на этот счет.— Он сделал паузу, словно ища какого-либо логического объяснения.— Быть может, они его друзья?

— Ох, Господи Боже мой,— вдохнул Ридзик, следующий в нескольких шагах сзади и прислушивающийся к разговору.— Все те же старые красные выкрутасы.

Стоббз одарил его гневным взглядом:

— Отвалите, Ридзик!

Ридзик решил, что мысль неплоха. Он протопал по коридору, завернул за угол и отправился напрямик в палату к Данко. Капитан уже выбрался из постели и успел облачиться в гражданский костюм. Навряд ли ему удалось бы получить приз за вкус в выборе одежды, а в список наилучшим образом наряженных людей он мог попасть бы разве что во Владивостоке — если, конечно, там существуют подобные списки. Костюм был из чистой синтетики — Ридзику подумалось, что если такой заго-

рится, то можно подохнуть от вони — и казалось, что пошит он тем же мастером, что проектировал Чернобыльскую электростанцию.

Но Ридзика не слишком волновал костюм Данко. Гораздо больше внимания обращали на себя его галантерейные пристрастия. Иван Данко аккуратно цеплял на тело внушительный образчик тяжелого вооружения. На взгляд Арта, калибром не менее 7.63 миллиметра.

— Черт побери, как вам удалось протащить это через таможеню?

— В чемодане, — сказал Данко, застегивая кобуру под мышкой.

— Полагаю, что это преимущества дипломатической неприкосновенности. А чего ж это вы не надели свою чудесную форму?

— Теперь я буду работать секретно.

«Секретно? В этаким-то костюмчике?» — подумал Данко. Да даже если не обращать внимания на одежду — Данко ведь все еще стремится выйти на чикагские улицы. А уж если кто и похож на русского, да при этом еще и на русского мента, так это именно капитан Данко.

— Вы очень для этого подходите, — съязвил Ридзик. — Будьте посерьезней.

Данко захлопнул чемодан. Ему некогда было выслушивать Ридзика. Он приехал сюда за Ростой.

— Ладно, — сказал Ридзик, — не обижайтесь. Некоторые люди чувствуют моду, другие нет. Вы все же расскажите мне, что за тип этот Роста.

— Я пошел.

— Нет, — ответил Ридзик, — вы погодите. Давайте я угадаю. Наркотики, верно? Наркотики — это для Бритоголовых самая выгодная операция. Они достанут все, что вам угодно, и в любом количестве. А я полагаю, что ваш приятель Роста — оптовый покупатель, верно? Вы мне в общих чертах описываете дело — и пистолет остается при вас. Ваши секреты остаются при мне.

Мышцы на челюсти Данко напряглись:

— Если вам нужен пистолет, то отнимите его.

— Ну все, успокойтесь, товарищ, — утомленным тоном произнес Ридзик. — Может, все эти штучки и сработают за

шахматной доской, но каков вы в деле, я видел, милоч. Впечатляюще. Очень впечатляюще.

Данко почувствовал себя жарко от стыда. Ридзик попал в точку. Данко вляпался прямо в ловушку, не заметив расставленной ему сети.

— А пока вы катались по полу, выковыривая из зубов цемент, я хлопнул одного из них. Сейчас он в реанимации. И он тоже русский. Вам бы стоило заглянуть, поболтать с ним.

— Русский? Как его зовут?

— Расскажите мне про Росту.

Данко покачал головой. Он поднял чемодан.

— Пойду его искать, — он открыл дверь и вышел в коридор. Ридзик проследовал за ним по пятам. Стоббз, все еще бродящий вокруг, был удивлен, увидев их разом.

— Какого черта вы вылезли из постели, Данко?

Данко целеустремленно двинулся по коридору.

— Да ответьте же, черт побери, — рявкнул Стоббз.

— Он сказал, что идет искать Росту, — ответил Ридзик.

Стоббз монолитом встал на пути у русского, преграждая ему путь:

— Данко, уже пять сотен полицейских разыскивают эту задницу.

— Может, я тоже помогу, — сказал Данко.

— Во, — поддакнул Ридзик, — может, он поможет.

— Заткнитесь. Данко, когда вы в прошлый раз помогали, прикончили одного из моих людей.

— Я не предполагал, что американские преступники будут защищать Виктора.

— Да насрать на это, Данко. Будто это наша вина. У нас тут хватает проблем и без того, чтобы импортировать головорезов из России, — Стоббз ткнул палец в гранитную грудь Ивана. — И еще одно позвольте вам сказать, капитан. Он больше не ваш заключенный.

— Давайте его гласностью, лейтенант, — поддержал Ридзик.

— Заткнитесь. Роста убил полисмана. И когда мы арестуем его, то не станем отправлять в Москву.

Данко ничего не ответил, но подумал: «Тогда я прибью его здесь».

— Ридзик!

— Что?

— Слушайте, проследите за этим парнем. Теперь он у нас свидетель обвинения. Я поговорю с Доннелли, может, он придумает, как с ним поступить.

— Мне не нужен Ридзик.

— Плевать мне, что вам нужно, Данко. Будете делать, как вам скажут. — Стоббз повернулся к Ридзику. — Арт, вы следите за парнем. Если он слиняет — пеняйте на свою задницу.

— Такое предложение трудно отклонить.

— Вот и делайте, — и Стоббз направился к лифту.

Данко, застыв посреди коридора, смотрел вслед удаляющемуся Стоббзу:

— Он обвинил меня в смерти сержанта Галлахера.

— Может, в чем-то он и прав, товарищ.

Как ни противно было Данко в этом сознаваться, но он понимал, что Ридзик ему нужен. Для начала требовалась хоть какая-то информация. И уж коли он теперь повязан, то, пожалуй, можно ее раздобыть.

— А те негры, что помогали Виктору...

— Бритоголовые. Наверно, братья Элиджа — тюремная банда. У вас в России есть тюремные банды?

— Да. Но они остаются в тюрьмах.

— Новаторское решение, — сказал Ридзик. — А здесь они выходят — и двигают прямиком на улицы. Эти ребята, действительно, по-крупному сидят в наркобизнесе — что и возвращает меня к предположению, сделанному в вашей палате. Про Виктора. Помните?

— Виктор тоже в наркобизнесе.

Ридзик был поражен. Наконец-то Данко сказал что-то важное.

— Ну вот мы и стронулись.

Данко кивнул:

— Будете помогать?

— Не помогать, Данко. Это мое расследование. Том Галлахер был моим другом.

— А Виктор — мой враг.

— Значит, у нас есть что-то общее. Что, впрочем, еще не делает нас партнерами.

Данко пытался поспорить:

— Пожалуйста, отвезите меня в «Гарвин». И тогда мы найдем Виктора.

Ридзик посмотрел на Данко долгим взглядом. И как ни противно было ему в этом сознаваться, он понимал, что в голове у того есть именно те фрагменты головоломки, которые нужны ему, Арту Ридзику. И он решил, что станет играть в паре с Данко, пока не выведает все, что ему требуется, а потом — «Чао, бамбино».

— Пойдем.

Портье в гостинице был удивлен, снова увидав Данко. Он поднял взгляд от журнала.

— Чудесный костюмчик, — сказал он.

Но не один лишь портье был удивлен, обнаружив, что Данко вернулся. В машине, припаркованной с противоположной от гостиницы стороны улицы, низко вжавшись в сиденье, расположился еще один из членов банды Виктора, русский по имени Иосиф Барода. Он заметил, как Данко входит в гостиницу, и выругался. Ошибку они сделали, что не пришли этого милиционера, когда была возможность.

Портье в гостинице медленно покачал головой:

— Не могу дать вам прежнюю комнату, старик. Туда только что въехала дама. И она не хотела никакой другой. Чего это там такого, в этом номере?

— Вид из окна, — ответил Данко. — Тогда давайте мне соседний номер.

— К вашим услугам, приятель.

Данко оставил в комнате чемодан, вышел в коридор и прислушался, остановившись возле дверей своего прежнего номера. Он перевернул его вверх дном в поисках следов Виктора Росты — и не нашел ничего. И вот теперь какая-то женщина требует тот же номер. Слишком уж это не похоже на случайное совпадение. Было что-то в этом номере, чего искал Данко. Он продолжал напряженно вслушиваться. Изнутри слышался шум льющейся в душе воды и какое-то слабое поскрипывание дерева и металла. Он нажал дверную ручку. Заперто.

А в это время в номере Кет Манзетти, стройная темно-волосая юная прелестница, преклонив колена и отогнув в сторону потрепанный ковер, вооружившись отверткой, высвобождала из пола доску. Из старого дерева винты выползали легко. За считанные минуты она открутила их все. Затем сунула руку в темную дырку и вытащила оттуда полиэтиленовый пакет. Внутри она обнаружила

паспорт и половинку стодолларовой банкноты. Покачала головой. А это на кой черт?

Быстро работая, она принялась приворачивать доску на место. Ей осталось ввинтить лишь один шуруп, когда она услышала, как поворачивается ручка и щелкает замок. Она побледнела, накинула ковер обратно и выплюнула оставшийся шуруп изо рта на пол. Кто-то явно пытался взломать замок и она ничего не могла поделать, чтобы остановить того, кто там был. Пора переходить к плану Б.

Она скинула туфли и стала стаскивать тесную майку. Голова ее запуталась в материале, а полные груди открылись всеобщему обозрению, когда дверь растворилась. Сквозь неплотную ткань она смогла различить, что вошедший — кем бы он ни был — не принадлежал к числу ее знакомых. Пора притвориться шлюшкой, готовящейся к своему ночному бизнесу. Она стянула майку через голову и устоялась стоящему в дверях громиле прямо в глаза, прижимая майку к груди.

— А я как раз собиралась принять душ, — сказала Кет Манзетти убийственно спокойным голосом. «Отлично сыграно», — решила она. — Если хотите присоединиться, это будет стоить вам пятьдесят баксов. И кроме того, я не люблю, когда люди тычут в меня пистолетом.

Данко опустил пистолет, направленный в ее обнаженную грудь

— Я хотел бы с вами поговорить, — сказал он.

«Что за дерьмо, — подумала она. — Еще один русский».

— Ага, все так говорят, солнышко.

— Меня не интересует ваше тело, — ответил он.

— Ох, ты обаяшка... Но цена одна — что поговорить, что душ принять, — она подхватила свою сумочку. Внутри был тот пакетик, который она достала из-под пола. Кет направилась к ванной. — Даю последний шанс, — сказала она через плечо.

— Я подожду, — Данко уселся на край постели. Дверь в ванную закрылась. Душ продолжал шуметь.

Данко резко встал и подошел к окну. Внизу, облокачившись о крыло своего автомобиля, ждал Ридзик. Он нетерпеливо поглядывал на часы. Данко обратил внимание на эти часы. Отличные.

Данко вновь повернулся к двери ванной. И почему-то

случайно взглянул на пол. А там, на ковре, лежал шуруп. Данко нагнулся и поднял его. Затем отвернул край ковра и обнаружил дырочку, откуда, по всей видимости, и был извлечен шуруп. Ему захотелось кричать от злости. Опять он поступил как дурак. Переломал всю комнату, но не удосужился заглянуть под доски. Данко ударил кулаком себя по ладони. И теперь сморозил еще одну глупость. Поверил, что эта женщина — проститутка, которой она прикидывалась. А ведь у нее то, что было спрятано здесь.

Он обрушился всем своим весом на дверь ванной, срывая непрочную деревяшку с петель. Замусоленная комната была наполнена паром, струи воды из душа лились вниз, но та дверь из ванной, что вела в прихожую, оказалась приоткрытой. Женщина исчезла.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Данко сидел за столом Ридзика, углубившись в шахматную задачку, которую тот оставил ему на доске. Он пошел конем, на что компьютерный мозг ответил ладьей. Данко кивнул и, передвинув своего слона по диагонали через доску, объявил машине мат. Компьютер недовольно запищал. Легкая победа не доставила Данко удовольствия. Он вспомнил слова Ридзика: может, он и здорово

выглядит за шахматной доской, но на улице, на их американской улице, он все делает не так. Сперва Виктор, теперь эта девчонка...

Ридзик в это время находился в кабинете у Доннелли. Командир сквозь зеленую завесу растений рассматривал Данко. Это становилось даже смешно. Доннелли хватало проблем и со своими ребятами.

— Смотрите, — говорил Ридзик. — Я всего лишь довез его до гостиницы. Он прописался. Десятью минутами

позже он выходит снова и рассказывает про какую-то бабу под душем. Я не знал, какого еще черта делать, — вот и привез его сюда.

Доннелли покачал головой:

— Ладно, ладно. Я так думаю, что теперь этот малыш наш. Но вы ведь знаете, как мы должны поступить?

— Что, с ним?

— Нет, Арт, с вами.

— Со мной?

— Ну, вы же знаете. Если работник полиции является свидетелем убийства, тогда он не может принимать активного участия в его расследовании.

— Сукин...

— Я знаю, знаю, — прервал его Доннелли. — Я не отстраняю вас от этого дела. Вы с Галлахером были друзьями, так что я вас как-нибудь туда пристрою. Но помните, что официально это дело не ваше. Теперь позовите Данко и найдите Стоббза.

Прежде чем Данко вошел в кабинет, он отвел Ридзика в сторону:

— Я все обдумал.

— Великолепно, и теперь хотите слинять, верно?

— Это насчет побега Виктора. Он был организован, пока Виктор находился в тюрьме.

— Блестяще.

— Узнайте, кто его посещал, пока он сидел.

Ридзику пришлось сознаться себе, что идея это неплохая. Следовало бы ему самому до нее додуматься пораньше. Ридзик снял трубку, набрал номер.

— Глория? Арт Ридзик. Слушай, окажи мне одну услугу. — Глория, одна из секретарш отдела, уже привыкла оказывать Ридзику услуги. — Могу я узнать, кто навещал в тюрьме этого русского? Р-о-с-т-а, Виктор. Целую. — Ридзик повернулся к Данко. — О'кей, пора повидаться с Доннелли.

Стоббз был занят.

— Вот к чему мы теперь пришли. Те двое дипломатов стали малость поприветливей. Они кому-то там позвонили и вернулись, расплываясь в улыбках. И вроде как горят желанием повидать нас снова, капитан.

Данко кивнул. Он сдастся им — но сперва закончит работу.

— Кроме того, они предоставили мне кое-какую

информацию. — Стоббз стал читать бумагу из скоросшивателя: — Виктор Роста родился в 1949 году в Грузии. Преступность — это, кажется, у него наследственное. Его отец отличился тем, что был судим немцами, а расстрелян русскими за преступление под названием «разбой». — Трое американцев посмотрели на Данко. — Что такое «разбой?» — спросил Стоббз.

— Сожжение деревень, изнасилование женщин.

— Такое случается в России? — спросил Ридзик.

— В прошлом, во время Великой Отечественной войны. Сейчас нет.

— Далее, — продолжал Стоббз. — Виктор проводит три года в армии и шесть — в лагере за распространение наркотиков. Разыскивался в Советском Союзе за убийство, изнасилование, шантаж, похищение людей, валютные операции и наркотики.

Данко кивнул; это было почти верно.

— Нехороший мальчик, — сделал Доннелли профессиональное заключение.

Данко был поражен той информацией, которую получили на руки чикагские фараоны. Он с трудом мог поверить, что Советское посольство разрешило это.

— Откуда вы добыли такую информацию?

— Я уже рассказал, — ответил Стоббз. — От ваших ребят.

— Ну вот, — заметил Ридзик, — вероятно, попозже они пришлют нам и малость черной икры.

— А не могли бы вы нам заполнить некоторые белые пятна, капитан? — спросил Доннелли. — Это, конечно, прекрасно, — знать, кем был отец у Виктора и подробности его послужного списка, но не пояснили бы вы нам, во что он впутался сейчас? А конкретно, какого черта он делает в Чикаго?

Данко перевел взгляд со Стоббза на Ридзика, затем снова взглянул на Доннелли. Если он хочет отыскать Росту, ему следует довериться этим людям.

— Виктор переправляет кокаин из Америки в Советский Союз. Он уже прежде дважды проделывал это — и каждый раз большими партиями. Тут у него есть сообщники — советские граждане, из Грузии.

Доннелли сложил руки на груди:

— Почему вы прежде нам об этом не рассказали?

— Не было разрешения.

— Что за дерьмо, — буркнул Стоббз.

— Если бы мы знали, что Виктор так крупно повязан с Бритоголовыми, мы бы уж постарались, чтобы они ничего не выкинули, — раздраженно сказал Ридзик. Он не стал договаривать то, что и так стало понятно всем: и Том Галлахер был бы сейчас жив.

Доннелли поднял руки, словно успокаивая Ридзика:

— Есть еще что-нибудь, о чем следовало бы знать моим людям, капитан?

Данко кивнул:

— Вы должны знать, что я не уеду из этой страны без Виктора. Мне нужна помощь.

Стоббз и Доннелли обменялись взглядами. Доннелли кивнул.

— Вы хотите влезть в это дело? Ну что ж, я не вижу в этом проблем. Даю вам добро.

— Мне нужен один человек. Чтобы показал мне город.

— Отлично, — сказал Доннелли. — Можете взять Ридзика.

— О, Боже, — прошепел Ридзик. — Сэр...

— Я же говорил, что подключу вас к делу, Арт. И это лучшее, что я могу сделать. Либо соглашаетесь, либо выходите из дела.

— Согласен, — молвил Ридзик. Он понял, что побежден — и не мог обвинять в этом Доннелли. Тот был порядочным человеком и понимал, что должен строго придерживаться буквы закона, если им нужно отправить Виктора подальше на долгие-долгие времена. А если они совершат процедурную ошибку, то защита сможет получить огромные преимущества.

— Вам это подходит, капитан? — спросил Доннелли. Данко коротко кивнул.

«Ну вот, теперь у меня есть большой, горячий голос в поддержку», — подумал Ридзик. — Новый шаг во взаимоотношениях сверхдержав».

— Хорошо, — продолжал Доннелли. — Теперь у меня будет пара рекомендаций для вас обоих. Все должно быть тихо. Я не хочу, чтобы вокруг вас крутилась пресса. Усекли?

— Прикажите им не соваться, — порекомендовал Данко.

— Видите ли, капитан, у нас это, как правило, не сбывается.

— Но вы же полиция! — воскликнул Данко таким тоном, словно это все объясняло.

— Оно, конечно, верно, но средства массовой информации смотрят на это иначе. Во всяком случае, мне не хотелось бы, чтобы вы маршировали по городу, словно отряд Красной Армии. Нам нужно найти Росту, — Доннелли наклонился вперед, опираясь руками на стол. — И мы прижмем его к стенке. Даю вам слово.

Данко с радостью поверил бы в это, но он не мог. Он не был полным профаном в американской юридической системе.

— Ваши суды отпускают преступников, если те попросят прощения. А я бы не хотел, чтобы это произошло с Виктором.

Доннелли выдавил из себя улыбку. Каждый фараон считал, что суды слишком уж снисходительны ко все наглежащим правонарушителям, но он не знал ни одного такого, который считал бы, что судьи слишком уж строги. И несмотря на это, не нашлось бы ни одного полисмена в Чикаго и, вероятно, — как он надеялся — нигде, который хотел бы сменить американскую систему на советскую. Однако он понимал точку зрения Данко. Виктор не уйдет от ответственности, но при хорошем адвокате ему не придется мотать тот срок, какого он заслуживает.

— Мы сделаем так, чтобы Росту засадили на всю катушку — быть может, до конца жизни, — произнес Доннелли с уверенностью, которой он на самом деле не чувствовал. — А пока что я хочу, чтоб вы и сами не испортили дела, ладно?

— Больше я ошибок не совершу.

— Пока не сообразите, что совершили ошибку, — заметил Стоббз.

— Вот-вот, а то пока создается впечатление, что это мы ловим Росту, — добавил Ридзик, — а вы, ребята, даете ему смыться. Или я неправ?

— Этого больше не случится.

И глядя, как Данко выходит из кабинета вместе с Ридзиком, Стоббз почувствовал, что русский богатырь на сей раз может оказаться прав.

— Весьма решительно настроенный парень,— заметил он.— Но позвольте мне кое о чем спросить у вас, командир,— он остановился, словно ища нужных слов.— Вы, случаем, не сошли с ума?

Доннелли следил за рыбками в одном из аквариумов.

— С чего это вы взяли? — он включил музыку, столь воздушную, что по сравнению с нею легкая эстрадная мелодия показалась бы тяжелым металлом.

— Данко и Ридзик? Да это же самая крутая пара чокнутых со времен Бонни и Клайда.

Доннелли улыбнулся:

— Данко — чудесное оружие, Чарли. Бронебойная пушка. И если он поможет нам схватить Росту — грандиозно. А если он будет нарушать правила, пережимать по ходу дела — что ж, он русский. Это не наша проблема. Пусть об этом заботятся комиссары из Москвы. Это не наша проблема.

— Да, но что, если он пережмет до такой степени, что пристрелит какого-нибудь невинного чикагского зеваку?

— Без оружия, если вы помните.

— Забыл.

— Вот потому-то вы и лейтенант, а я командир,— он занялся какими-то бумагами. Стоббз задержался у двери:

— Еще один вопрос.

— Валяйте.

— А как с Ридзиком?

«Ридзик,— подумал Доннелли,— вечно Ридзик». Лично ему нравился Ридзик, но иногда казалось, что лучше бы он не был полицейским, а если бы уж был, то где-нибудь в другом месте.— Арт хороший полисмен.

— Но и большой мастер выпендриваться.

— Есть такое,— согласился Доннелли.— Так что, если будет выпендриваться — то прощай, Арт. Выражаясь канцелярским языком, я не вижу в этом негативных аспектов.

— Что ж, посмотрим,— ответил Стоббз.

Ридзик и Данко продирались сквозь толпу людей, заполнивших регистратуру, словно пара ледоколов, направляясь в сторону комнаты для допросов.

— Я вытащил Галлахера стукача,— объяснил Ридзик,— и думаю, если мы на него как следует поднажмем...

— Стукача?

— Ну, понимаете, осведомителя.

— Да.

— Это он навел нас на ту компанию, которую мы прихватили на днях. На Бритоголовых.

— Негров без волос.

— Это одна из возможностей, за которую можно ухватиться. Он скользкий, как зараза, но если нам удастся заставить его говорить, мне кажется, он сможет рассказать нам, кто заправляет у этих Бритоголовых.

— Он один из тех, что посещали Виктора в тюрьме?

— Нет,— Ридзик взглянул на листок, который передала ему Глория.— У Виктора были только два посетителя. Сперва какая-то юбка по имени Кет Манзетти. И еще тот парень, которого я подстрелил. Его фамилия Татамович или что-то в этом роде.

Данко кивнул. Он знал это имя. Татамович. Тоже из Грузии. Его разыскивали за убийство, шантаж и сводничество. Данко добавил и его к числу тех людей, которые поймут, что такое советская юстиция, когда дело будет завершено.

— А что это за женщина?

— Педагог. Учит танцам в Веккер Парке — вы не знаете, где это, но далеко не самое милое местечко. Попробуем заскочить к ней нынче вечером.

Они остановились возле безликой серой двери комнаты для допросов и сквозь небольшое окошечко посмотрели на Стрика, осведомителя Галлахера. Молодой негр сидел, развалившись, на стуле, словно ему было наплевать на все на свете. Это был довольно здоровый малый — и достаточно крутой, если не приходилось иметь дела с кем-нибудь покрепче непослушной шлюшки или старушки-лавочницы, которой не слишком хотелось платить за обещаемую «защиту», которую предлагал им Стрик. Дела у него шли хорошо. На нем был весьма кричащий итальянский шелковый костюм, который не произвел особого впечатления на Ридзика, но стоил, судя по всему, сотен восемь.

Арт Ридзик обернулся к Данко.

— Теперь вот что,— сказал он, словно защитник, дающий инструкции партнеру на футбольном поле,— тут Америка. В этой стране мы охраняем права личности, даже

права такого дерьма, как этот сутенер на полставки, — он указал большим пальцем куда-то за плечо. — Это закон под названием «Миранда».

— Вы называете свои законы женскими именами?

— Заткнитесь и слушайте. Миранда гласит, что вы эту задницу и пальцем тронуть не можете.

Глаза у Данко сузились. Что это еще за Миранда такая?

— Я не собираюсь трогать эту задницу. Я собираюсь заставить его говорить.

Ридзик тяжело вздохнул:

— Слушайте, я буду за этим следить, ладно?

— Он знает, где Виктор?

— Может быть.

— Хорошо.

Ридзик открыл тяжелую дверь и вошел в комнату. Уселся за стол напротив Стрика. Комната, отметил он, отличалась всеми прелестями вагона метро.

Стрик склонился к нему через исцарапанный и усеянный следами от погашенных сигарет стол.

— Эй, легавый, — завякал он, — что это еще за хреновень? Ты еще что за зараза? Может, ты какой-нибудь долбаный...

Данко не верил своим ушам. Преступник, паршивый сутенер, так разговаривает с полицейским. Может, из всех диких и абсолютно непостижимых явлений, которые довелось ему увидеть и услышать со времени прибытия в Америку, это было самым странным? Нет. Еще более странным было то, что самому Ридзику такое поведение вовсе не казалось странным. Стрик продолжал верещать:

— У вас на меня ничего нет. Все это сучье дерьмо! И ты, говноед, это знаешь!

С Данко этого было достаточно, даже если Ридзик и не реагировал. Он подошел к Стрику, рывком поднял его на ноги, закрутил руку за спину и швырнул о бетонную стенку. Ридзик вздрогнул.

— Где Виктор? — проревел Данко в ухо Стрику.

Ридзик пытался разнять мужчин:

— Данко! Какого хрена...

Данко надавил на руку Стрика. Тот закричал от боли. Ридзик пытался ослабить хватку Ивана. Только им не хва-

тало арестованного со сломанной рукой. Да из-за этого по уши в помоях окажешься. Ридзик протиснулся между мужчинами и умудрился оттолкнуть Данко от злополучного сутенера.

— Ведите себя культурно, — сказал Ридзик. Данко уставился на него, словно соображая, не вырубить ли ему сперва Ридзика, а потом уж Стрика. — Слушайте, Данко, это мой город. Я знаю, как здесь надо делать дела.

Иван Данко отошел назад. «Ну и отлично, — подумал он. — Посмотрим, как будут действовать ваши американские методы». А к своим процедурам он еще успеет вернуться, если дела пойдут не так, как, по мнению Ридзика, они должны идти.

Арт толкнул Стрика обратно на стул. Сутенер поглаживал свою больную руку.

— Я не знаю, что это еще за хрен, — прохныкал он, — но я вас обоих угроблю за жестокость.

— Эй, Стрик, Стрик, дружок ты мой, успокойся, — произнес Ридзик утешающим тоном. — Мы просто хотим задать тебе пару вопросов. Прости моего приятеля — слишком много кофе выпил — знаешь, как это бывает. Мы просто хотим, чтобы ты малость просветил нас насчет Бритоголовых.

— Иди на хрен, — огрызнулся Стрик.

— Это нехорошо, Стрик. Ведь сержант Ридзик может и разозлиться.

— А мне насрать. Я уже говорил, что рассказал Галлахеру все, что знаю.

Ридзик потер руки. Он вытащил из заднего кармана бумажник, вынул из пачки банкнот хрустящую пятидесятидолларовую бумажку, аккуратно сложил ее, лучезарно улыбаясь Данко, словно фокусник, исполняющий особенно сложный трюк. Данко же, в свою очередь, стоял, устремив на американского полисмена недоумевающий взгляд. Он платит заключенному за информацию! Ни разу в жизни Иван не слышал о подобном идиотизме. Данко знал гораздо более быстрые, более эффективные и при этом гораздо более дешевые способы заставить людей говорить.

Ридзик воткнул сложенную денежку в карман пиджака Стрика. Сутенер улыбнулся.

За услуги следует честно платить. Капитализм в действии, верно, Стрик?

— В этом величие нашей страны.

— Ну, а теперь предоставь нам оплаченные услуги.

Стрик самодовольно ухмыльнулся:

— У Бритоголовых дела пошли на убыль. Я рассказывал Галлахеру. Больше не о чем говорить,— и, скрестив руки на груди, он снова откинулся на стуле, словно объявляя: твой ход, легавый.

— Он врет,— сказал Данко.

Ридзик, казалось, смирился с этим.

— Ну, понимаете ли, в этой стране у него есть Богом данное право так поступать,— Ридзик вздохнул.— Что ж, как нажито, так и прожито.

— Кстати, офицер, когда меня отпустят?

— Вы знаете, мистер Стрик, поскольку нам, кажется, не за что вас тут держать...

— Это верно.

— Тогда...— Ридзик прервал свою фразу, нахмурился и стал принюхиваться, словно охотничья собака.— Эй, Данко, вы не замечаете, чем тут пахнет?

— Бандитом,— ответил Данко,— подонком.

— Нет,— сказал Ридзик.— Кое чем еще. Более знакомым.

— Ридзик, что за дерьмо?

— Ага! — сказал Ридзик, чье лицо осветила догадка.— Знаю, что это такое. Попахивает героином. Да, смачным и крепким.

Стрик вскочил на ноги:

— Да что за дерьмо такое?

Ридзик сунул руку в нагрудный карман Стрика и выудил оттуда небольшой пакетик с желтоватым порошком.

— Господи Боже мой, Стрик,— молвил он тоном обеспокоенного родителя,— и вы принесли это сюда? Вы принесли эту гадость на полицейский участок?

Стрик разразился воплями:

— Минуточку, сука! Ты сам сунул мне это говно!

Ридзик покачал головой:

— Это серьезно, старик. Очень серьезно. Мы тебя отпустили под честное слово — и все такое прочее. А ты так плохо поступаешь, Стрик,— Ридзик прищелкнул языком.— От трех до пяти лет. И понимаете ли, Данко, они

ведь сами прибьют его, когда он туда попадет: он же стукач. А они терпеть не могут среди себя осведомителей. И стараются, чтобы жизнь — и смерть — оказалась для тех как можно менее приятной. Разве неправда, Стрик?

Стрик прыгнул вперед:

— Это все ваши легавские махинации. Дерьмо, чувак, поганое коровье дерьмо! — он ткнул в сторону Ридзика своим указательным пальцем, словно кинжалом.— Ты уволен! Можешь идти и забирать свои вещички, потому что в полиции ты больше не служишь, засранец. Да ты знаешь, какого я нанимаю адвоката? У меня такой юрист...

— Вернемся к Бритоголовым, Стрик,— настаивал Ридзик.— Кто, где и когда?

— Да у меня такой адвокат, который сможет святых представить фашистами, старик. Он живет за счет выявления должностных преступлений всяких вонючих мусоров. А уж твою-то паршивую задницу он с удовольствием бесплатно засудит. Ни хрена я тебе не скажу. Слышишь? Ни хрена!

Данко покачал головой. Методы Ридзика они испробовали. Теперь попробуют советские. Он вскочил со стула, ухватил Стрика за руку, крутанул того, словно исполняя замысловатое танцевальное па, заломил руку сутенера назад и шмякнул его лицом о бетонную стену.

— Шантаж и полицейская жестокость,— бормотал Стрик, прижатый губами к каменной панели.

«Жестокость? — изумился Данко.— Какая же это жестокость? Вот сейчас будет жестокость».

Рука Данко сомкнулась на одном из усеянных перстнями пальцев Стрика. Данко нажал и палец хрустнул.

— Сукин сын! — закричал сутенер.

Треснул другой палец. Так хрустит омар, когда вы разделяете его за ресторанным столиком.

— Господи! Ладно! Ладно! — Стрик быстро заговорил: — Абдул Элиджа ведет это дело из «Джолье»*. Через пару дней поступит товар. Я не знаю где, — он почувствовал, как ладонь Данко сжимает третий палец. Голос Стрика подпрыгнул на октаву от страха и боли: — Клянусь яйцами, старик, я не знаю где!

— Он не знает,— сказал Ридзик.

* Джолье — название тюрьмы в Чикаго.

Данко отпустил Стрика. Тот прижал изувеченную руку к животу и сполз вдоль стены на пол, ругаясь и постанывая.

— Абдул?

— О, вы в него просто влюбитесь, товарищ,— сказал Ридзик.

— Пойдем.

— Эй, Стрик,— произнес Ридзик, склоняясь над ним и забирая обратно свои деньги,— как уже сказал этот человек, мы пошли. И знаешь, мне, правда, очень жаль, что ты так неудачно прищемил дверью пальцы,— он слегка похлопал Стрика по плечу.— Нужно быть поаккуратней, старик.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Во время долгой поездки в тюрьму Ридзик осветил перед Данко личность Брата Абдула Элиджа. Он лишь излагал сухие факты, так, словно это обычный составляющий элемент из жизни полиции, но для Данко рассказ его звучал, будто самая странная сказка из всех, которые он когда-либо слышал.

— Элиджа — это матерый бандюга, глава одной из крупнейших преступных организаций.

— Но ведь теперь он в тюрьме, значит, он никто.

Ридзик покачал головой:

— Не совсем, не совсем.

— Но ведь он же в тюрьме?

Ридзик оторвал глаза от дороги и взглянул на Данко:

— Да, он там. Мы ведь тут тоже иногда кого-то арестовываем, знаете?

— Рад слышать. А то уж я было подумал, что в вашей стране законы вообще ничего не значат, а всем заправляют гангстеры. Расскажите мне про Миранду.

Ридзик нажал клаксон, подгоняя задержавшийся перед ним автомобиль, чтобы успеть проехать на зеленый свет. Побystрее.

— Миранда? — он на секунду оторвал руки от руля. — Ну что мне сказать? В основе своей это хороший закон. Он предназначен для того, чтобы защитить невинных. Но у каждой палки, как вы знаете, два конца. Так что он разрешает и всяким подонкам держать язык за зубами, пока не появится подобный им подонко-адвокат и не скажет первому подонку, что тому следует говорить.

Для Данко не потребовалось перевода слова «подонко», хотя в Киеве они его и не учили.

— В Советском Союзе у вас тоже есть право посоветоваться с адвокатом.

Сие Ридзика удивило:

— Вы не шутите?

— Через два дня после ареста.

— Через два дня? Вы что, издеваетесь?

— Я не издеваюсь.

— Старик,— сказал Ридзик,— у вас, ребята, все там схвачено. То есть, я хочу сказать, что мы вроде как должны стоять на страже закона, но это вовсе не значит, что закон на нашей стороне. Вы понимаете, что я имею в виду?

И в этом заключалась еще одна диковинная сторона американского правопорядка.

— Нет,— ответил Данко.

Ридзик сунул в рот сигарету, но прежде чем чиркнуть зажигалкой, бросил взгляд на своего спутника:

— А ваш костюмчик случайно не взорвется?

— Думаю, это вам не угрожает.

«Ну,— подумал Ридзик,— это уже чуть ли не шутка».

— Просто хотел убедиться,— сказал он.

Данко решил, что «Джолье» совсем неплохо выглядит для тюрьмы. Когда они прошли мимо охраны, он оглядел камеры, которые показались ему весьма просторными и чистыми, причем в каждой стояло лишь по шесть коек. А в некоторых, что он с удивлением отметил, даже стояли телевизоры, к тому же цветные. Заключение слонялись без дела, болтая, слушая музыку либо просто листая журналы. Что служило лишним доказательством того, насколько мягко относятся американцы к преступникам.

В тюрьме не должно быть так шикарно — не удивительно, что преступники ее не боятся.

— А этот самый Абдул продает наркотики из тюрьмы? Как же это возможно?

— Очень просто. Этих ребят мы посадили, но другие-то остались. Они поддерживают связь.

— Но охрана...

— У них есть замки, но не кляпы. К тому же есть такие места в тюрьме, которые находятся вне сферы надзора, — он показал пальцем. — Не хотите ли туда спуститься?

— Да.

Ридзик кивнул:

— В этом месте банды заправляют всем. Арийское Братство, Мексиканская мафия, Бритоголовые, Эль Рукны, Мусульмане — они правят окружением так же, как правительства — многие правительства — правят своими странами: путем террора. А поскольку большинство из заключенных — рецидивисты, то и у вожака каждой банды есть множество связей со свободой.

Охранник отпер ворота. К своему удивлению, Данко оказался в спортзале, к тому же хорошо оборудованном. Гораздо лучше, чем советские военные. Тут был и помост для штангистов, и баскетбольная площадка, и спортивные снаряды, на которых энергично упражнялись заключенные. И в помещении еще оставалось достаточно места для желающих попинать футбольный мячик и помахать бейсбольной битой.

— Это уже поле Бритоголовых, — сказал охранник. — Тут я вынужден вас покинуть.

Ворота захлопнулись у них за спиной.

— Послушайте, — сказал Ридзик, — если вы услышите крики...

— Не волнуйтесь, — ответил страж, — вызовем полицию.

— Вы меня крайне ободрили.

Данко продолжал осматривать комнату. На помосте стоял невероятных размеров черный бритый штангист. Он выжимал груз весом эдак килограммов на 160. Штанга лежала у него на груди. Человек глубоко вздохнул и, собрав все свои силы, крича от напряжения, вытолкнул штангу над головой. Собравшаяся вокруг

небольшая группа Бритоголовых засвистела и захлопала.

— Порядок, мужик, — сказал один.

— Этот человек тренируется! — удивился Данко, прозвучавшее слово «тренируется» так, словно это было самым странным делом из всех, о которых он когда-либо слышал.

— Чудесно, верно? Мы тут не морим их голодом, как в Сибири. Хорошо кормим, даем поразмяться, поднакачать силы. Сюда они приходят просто паршивыми засранцами. А выходят здоровыми, крепкими, сильными паршивыми засранцами.

Постепенно активность в зале стала замедляться, по мере того, как присутствие посторонних — белых, и к тому же фараонов — обнаруживалось присутствующими. Ридзик почувствовал неприятное посасывание в желудке.

— Привет, ребята. Играйте дальше, не обращайтесь внимания.

— Какого хрена тебе нужно, старик? — закричал один из зеков.

В дальнем углу комнаты сидел маленький сухощавый человечек. Лицо его украшала пышная шевелюра и короткая ухоженная бородка. Глаза скрывались за зеркальными очками. Он даже не глянул в сторону полицейских, но, казалось, просто почувствовал их присутствие. И усмехнулся, словно какой-то своей мысли. Ридзику он напомнил музыканта, играющего очень холодный джаз.

— Это он, Абдул Элиджа. Как видите, носит волосы. Он заставляет своих последователей сбривать волосы в знак доказательства их приверженности, но себе, я думаю, он ничего доказывать не собирается. Хозяева ведь всегда живут по иным правилам, верно, Иван? Так же, как и у вас в России.

— Нам нужно с ним поговорить.

— Не сейчас. Эй! — крикнул Ридзик, указывая на стоящего неподалеку Бритоголового. — Подите-ка сюда.

Молодой, крепкого сложения негр не спеша подошел: — Чего?

— Это капитан Данко. Он проделал долгий путь из России, чтобы побеседовать с вашим вожатым.

— А ты еще что за хрен?

Ридзик почувствовал, что начинает выходить из себя.

— Что я за хрен? А ты что за хрен? Позови своего хозяина.

— Брат Абдул Элиджа не имеет желания говорить с этим человеком.

— Пусть он сам об этом скажет, дерьмоголовый. Давай, потряси задницей.

Бритоголовый потопал к Абдулу неторопливо, вразвалочку, так, словно Ридзика с Данко не существовало в помине.

— Эти люди не проявляют уважения к нашему офицерскому званию.

— Господи, с чего вы это взяли?

Данко сделал несколько шагов вперед, остановился, а затем подошел к помосту. Он наклонился и ухватился за штангу, которая потребовала таких усилий от бритого штангиста. Данко слегка подергал ее, словно проверяя вес.

— Эгей,— сказал Ридзик.— Не сходите с ума. Эта штука весит фунтов триста.

— Сто пятьдесят девять.

— Чёрта с два.

— Килограмма — 2,2 фунта в килограмме.

Ридзик быстро пересчитал:

— Значит, она весит 350 фунтов. И вы собираетесь заработать...

Данко легко положил вес на грудь и затем, словно играючи, быстро поднял штангу над головой.

— ... грыжу? — закончил Ридзик.

Данко распрямил спину. Он держал вес высоко и крепко, без видимых усилий. Затем медленно повернулся, словно на соревновании, сделав полный круг, позволяя Бритоголовым как следует наглядеться. Негромкий шепоток прошуршал по залу. Данко двинулся через помещение в сторону Абдула Элиджи с таким видом, словно штанга причиняла ему не больше неудобств, нежели среднего веса чемодан. Он безразличным взглядом окинул лидера Бритоголовых, посмотрел на свое отражение в зеркальных очках Абдула Элиджи, а затем отпустил штангу, которая, грохоча, рухнула тому под ноги. Бритоголовые бросились в стороны, но Абдул и бровью не повел. Отзвук упавшего металла отразился от стен помещения эхом далекого грома.

— Данко. Московское управление народной милиции.

— Поговорите с моим секретарем. Возможно, я смогу вас принять,— и Абдул пошел прочь.

— Секретарем?

— Ага,— сказал один из Бритоголовых с мерзкой ухмылочкой,— о встрече нужно договариваться через него.

«Им» оказался здоровенный негр, облаченный в грязную тюремную робу. Он медленно, с мрачным видом двинулся навстречу Данко. Ридзiku пришло в голову сравнение с локомотивом в спецовке.

Данко кивнул. Ради привилегии общения с заключенным Абдулом Элиджой ему придется драться с этим человеком. Много странных вещей, однако, пришлось ему сегодня повидать и узнать. Он двинулся обратно к Ридзiku, снимая по дороге пиджак.

— Костюм новый,— объяснил он.— Подержите, пожалуйста.

— Да вы что, Данко, и правда хотите с ним побороться?

Данко развел руками:

— Баловство все это, но если они настаивают... — он расстегнул пуговицы на манжетах рубашки и закатал рукава.— Все равно победа будет за мной.

Ридзик посмотрел на Данко, затем перевел взгляд на секретаря Абдула:

— Черт возьми. Этот парень здоровый. А вдруг не выйдет?

— Тогда охрана его подстрелит.

— Что ж, верно.

Джамал стоял в кругу аплодирующих, одобрительно посвистывающих Бритоголовых. Он напрягал мышцы, махал в воздухе руками и дрыгал ногами, давая Данко понять, что знает толк в боевых искусствах.

Ридзик следил за ним без особой радости. Даже на расстоянии чувствовалась необычайная сила этого человека. Быть может, Данко тоже силен и крепок, но этот малый будет для него крутоват. Ридзик сразу это понял, едва Данко двинулся навстречу своему противнику, подняв кулаки и приняв позу, напоминающую стойку Джима Корбетта. Слишком он уж далеко выставил кулаки, слишком прямо держался, словно даже приглашая нанести ему сокрушающий удар. Ридзик с трудом взирал на это.

Бритоголовые возрадовались. Джамал пошел навстречу Данко, который, застыв на месте в своей неуклюжей позе, поджидал его. Движения Бритоголового были легки и изящны, мускулы пульсировали силой.

— Эй, джентльмен Джим, это вы так собираетесь драться? — язвительно бросил он.

Данко, состроив удивленную мину, опустил кулаки:

— Может тогда лучше поборемся по-русски?

— Как это?

Данко продемонстрировал. Секретарь даже не заметил самого удара, зато, несомненно, почувствовал его результаты. Нога Данко вонзилась ему в промежность, сокрушая произрастающие там органы. Джамал заорал и согнулся пополам от боли. Данко сделал шаг вперед и нанес ему кулаком один-единственный, но точно рассчитанный удар, несущий в себе силу тяжелого грузовика. Джамал рухнул как подкошенный.

В наступившей тишине Данко вернулся к Ридзику. Он снова застегнул рукава и надел пиджак.

— Теперь поговорю с Абдулом.

— Очень рад, что свел вас вместе.

Трое Бритоголовых потащили секретаря через зал обратно в клетку. Данко прошел мимо них, бросив на потерявшего сознание Джамала такой взгляд, какой обычно кидает прохожий на дорожное происшествие.

Во время драки Абдул Элиджа не проявил ни малейшей реакции. Не отреагировал он и на приближение Данко, который остановился, возвышаясь над ним.

— Почему вы держите этого человека в клетке? — спросил Данко, когда металлическая решетка с лязгом опустилась за спиной у Джамала.

— Моего секретаря? — мягко спросил Абдул Элиджа. — А он слишком импульсивен. Я учу его самоконтролю.

— В советских школах изучают историю американских негров и их борьбы за свободу. Вы совершили политическое преступление? — Данко решил изобразить из себя «добренького мента».

— Я ограбил банк. Так что же вам угодно, господин Москва? Перейдем к делу.

— У меня ключ Виктора.

Абдул Элиджа не проявил никаких эмоций.

— Если это так, то тогда в ваших руках его деньги. Теперь вам нужна лишь половина стодолларовой бумажки — и мы с вами можем на пару заняться совместным делом.

— Я верну вам ключ. А вы возвращаете мне Виктора, — Данко вытащил ключ из кармана, стараясь, чтобы Ридзик не заметил этого. Абдул на минуту задумался.

— Это неэтично, — сказал он наконец.

— Вы продаете кокаин.

Абдул медленно покачал головой:

— Вы просите меня нарушить мою этику, мои принципы. Наркотик — это политическое оружие, понимаете ли, а деньги — лишь средство в политической борьбе.

— И что же вы собираетесь сделать?

— Я собираюсь разрушить вашу страну, мой белый друг. Обе великие державы, Америка и Советский Союз, захлебнутся в наркотиках. Наркотики убьют вас обоих.

Данко с великим трудом удерживал себя от того, чтобы не придушить этого человека.

— Мы не американская полиция, — сказал он спокойно, хотя тон его и наполнился угрозой. — Если вы будете отправлять наркотики в мою страну, то однажды утром, проснувшись, обнаружите собственные яйца в стаканчике возле кровати.

— Я человек святой. Мне яйца ни к чему.

— Тогда займемся вашими глазами.

Абдул улыбнулся и поднял очки. Зрачки его смотрели безжизненными взглядом. А вокруг них виднелись шрамы — результат неверно собранной самодельной бомбы, которая взорвалась тогда, когда этого от нее вовсе не ожидали. Абдул снова опустил очки:

— Меня не запугать, мой белый мальчик.

— Тогда мы вас убьем.

Улыбка не покидала лица Абдула:

— Мне тридцать восемь лет — и двадцать шесть из них я провел за решеткой. Убийство не причинит мне страданий. Оно освободит меня.

— У вас нет права разрушать мою страну.

Абдул Элиджа снова покачал головой.

— Вы, видимо, просто не понимаете, старик. Эта страна, США, была построена за счет эксплуатации чер-

ного человека. Я ничего не слышал насчет наших братьев в вашей стране, мой белый мальчик...

«В России тоже есть черные», — подумал Данко. — Студенты из стран третьего мира». Дважды ему приходилось расследовать совершенные против них преступления: молодые люди были избиты русскими за то, что встречались с белыми девушками.

— ... но вы эксплуатируете свой собственный народ, — продолжал Абдул. — Вы превращаете его в рабов. Так что думаю, что в этом зале единственный марксист — это я, товарищ, — сказал он, иронически подчеркивая последнее слово, — а вы ни кто иной, как лишь еще один лакей.

— Я офицер милиции.

— Вы холуй, — Абдул переменял позу. — Видимо, вы просто не понимаете. Дело тут не в наркотиках. Дело в духовности. И я с радостью буду продавать наркотик каждому белому на этой земле. И его сестре.

Данко смерил его долгим взглядом. Он слышал каждый звук в зале, слышал дыхание Абдула. Ивану было плевать на политику; ему было плевать на этого черного. Он жаждал мести.

— Мне нужен Виктор Роста.

Абдул Элиджа кивнул:

— Да. Страшно. Чувствую, что он вам страшно нужен.

— Где мне его найти? — Данко почувствовал, что его снова наполняет гнев. Но был ли смысл бить Абдула? Несомненно, остальные Бритоголовые бросятся на помощь, а он вовсе не был уверен, что сможет справиться с ними всеми. Ридзик, наверно, поможет. Данко припомнил, что для защиты при нем есть пистолет, но был уверен, что если пристрелит американского заключенного, даже в целях самообороны, то это лишь замедлит поиски Виктора.

— Я скажу вам, что сделаю, мой белый мальчик. Я попробую свести вас с Виктором.

— Когда?

— Погодите. Я это устрою. Сведу вас с ним — и посмотрим, что у нас получится. Потому что мне нужен Виктор, а Виктору — ему нужен ключ. А вы, — он снова улыбнулся, — вы, товарищ, лишь еще один сукин сын, с которым нам приходится иметь дело.

— Как? Как вы это организуете из тюрьмы?

— Я из этой каталажки могу организовывать что угодно, господин Москва, — Абдул Элиджа двинулся прочь. — Успокойтесь.

Данко смотрел ему вслед.

Он молчал почти всю дорогу обратно до Чикаго, размышляя, что можно рассказать Ридзику. И решил не рассказывать ничего. Если Абдул Элиджа устроит ему встречу с Виктором, Данко предпочитал прийти на нее один. Ридзик ему не нужен.

Ридзик тоже решил нацепить на лицо каменную маску — чем он хуже Данко. Он пытался не задавать вопросов, но по мере того, как автомобиль пожирал милю за милей, он все более чувствовал, что его любопытство требует удовлетворения. Наконец он сломался:

— Ну что, не расскажете, как дело прошло?

— Отлично прошло.

Ридзик раздраженно ударил рукой по баранке:

— Давайте, кончайте. Вы с этим засранцем столько времени протрелились, что я уж начал было подумывать, не побрить ли мне голову самому.

— Неплохая мысль, — заметил Данко. Сигнал на его часах запищал. Он нажал кнопку и часы замолчали.

— Это что еще за черт?

— Мои часы. Я их не перевел с московского времени.

— Да? И что же это за время? Пора вставать?

Данко отрицательно помотал головой.

— Время кормить моего попугая.

— О! — еще милую они проехали молча. — Кормить попугая. Что это значит? Пора заваривать кашу?

Данко сумрачно взглянул на Ридзика и покачал головой.

— Нет, наверно, нет.

Осталась позади еще миля.

— А чем вас не устраивают попугаи?

Ридзик был абсолютно уверен, что Данко — самый странный персонаж из всех, с кем ему приходилось в жизни встречаться, — пожалуй, даже еще почокнутей того парня, с которым он учился в школе и который ел жуков, а большую часть времени проводил в подвале своего дома, возясь с химическими приборами.

— Да нет. Я ничего не имею против попугаев. У моей сестренки в детстве был один. Если хотите иметь попугая, то я не против.

— Считаете, что это женское дело?

— Женское?

— Вы сказали, что у вашей сестры был один.

— Да нет, не то чтобы женское. То есть, конечно, это не то, что выращивать быка, но, с другой стороны, это и не чихуахуа. То есть, это я так понимаю. Так что, думаю, все нормально.

Данко кивнул облегченно:

— Спасибо.

— На здоровье,— то ли на самом деле дни стали такими долгими, размышлял Ридзик, то ли это просто ему так кажется.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Но день еще был не закончен. Данко настоял — да и сам Ридзик того хотел, — чтобы отправиться допросить эту женщину, учительницу танцев, которая навещала Росту в тюрьму. Пока Ридзик вел машину к Веккер-Парку, он решил, что все же следует установить какие-то правила игры с Данко. Ему совсем не нравилось быть выпихнутым из-за происшедшего в тюрьму —

он не был уверен, что стал бы драться с секретарем либо какой-либо подобного рода личностью, но Данко все же стоило поделить полученной информацией.

Ридзик подрулил к тротуару возле нужного им дома. Это было старое торговое здание с химчисткой и винным магазином на первом этаже. На втором этаже окна были освещены. На них было неумело намалевано: «ТАНЦЕВАЛЬНАЯ СТУДИЯ».

— Это тут. Теперь слушайте, Данко, разговаривать

буду я, ладно? Таким образом мы сможем избежать ваших личных бесед со свидетелями в отсутствие Ридзика. Усекли?

— Усек?

Ридзик хихикнул:

— В чем дело? Вас что, не учили в Киеве, что значит «усечь»?

— «Обрезать»?

— Ладно не будем об этом.

Они взобрались по неровным ступеням на второй этаж здания, откуда все громче долетали до них звуки музыки. На секунду Данко припомнил тот день, когда они с Юрием несколько месяцев назад вот так же поднимались по лестнице к логову Виктора. Если бы тогда он не совершил ошибки, то теперь ему не пришлось бы подниматься сюда, а Виктор понес бы давно заслуженное наказание.

Ридзик толкнул двери студии. За ними открывалось довольно большое помещение с обшарпанным деревянным полом. Вдоль стен располагались зеркала и балетные станки. Темноволосая женщина в трико стояла, облокотившись на один из станков и, куря сигарету, наблюдала, как около дюжины девочек-подростков совершают свои танцевальные па. С дамой подобной внешности Ридзик не прочь был бы познакомиться и поближе. В своем трико она смотрелась грандиозно: красивая грудь натягивала эластичную ткань, плотно облегающую стройные ножки и чудесную попку.

— Хорошо, — крикнула она, — продолжайте, — она стряхнула пепел с сигареты. — Не вихляй задом, Динеция, это тебе не стриптиз.

Одна из девочек подобрала зад, стараясь не сбиться с ритма музыки.

— Вот так уже лучше, — сказала наставница. Затем, взглянув на дверь, заметила Ридзика и Данко, и скучающее выражение на ее лице переменялось. Данко кивнул. Это была та самая женщина из гостиницы.

Пленка закончилась.

— Ладно, девочки, — прокричала она. — Перемотайте ленту и пройдите все упражнения еще раз. — Она подошла к детективам.

— На этот раз прихватили с собой фараона? — она показала головой на Ридзика.

— Отлично. Как вы догадались?

— Есть опыт.

— Вы выехали из гостиницы, не расплатившись,— заметил Данко.

— Да, я спешила,— она снова стряхнула пепел.— Отличный костюмчик.

Тут Ридзика осенило: «Так это же та самая милашка, которую видел под душем, или что-то в этом роде, Данко в „Гарвине“!»

— Чудесно. Приятно видеть, как старые друзья встречаются снова.

— Подружка Виктора,— сказал Данко.

Кэт Манзетти минуту поколебалась, а затем двинулась мимо них в повидавшую виды комнатенку, служившую ей кабинетом. Тут стоял разбитый стол с телефоном. На улицу смотрело грязное окно. На столе возвышалась стопка магнитофонных лент. Кэт тяжело опустилась за стол и глубоко затянулась.

— Почему бы вам не показать мне свое удостоверение? Я бы предпочла знать, с кем говорю.

Ридзик показал свой знак:

— Ридзик, Артур. А это капитан Данко, из Москвы.

— Черт подери. Ну и далеко же вы забрались от дома.

— Вы навещали Виктора Росту в тюрьме.

Кэт выпустила изо рта дым:

— Да. Ну и что? Он меня просил.

— О чем вы говорили? — спросил Ридзик.

— О погоде, налогах, инфляции,— ответила она насмешливо.

— Вы познакомились с ним, шляясь по барам? Или вы работаете при входе?

Лицо Кэт потемнело от злости:

— Иди на хрен. Если есть за что меня арестовывать, так арестуйте. Но я не собираюсь выслушивать этого дерьма,— она двинулась из комнаты прочь, направляясь в студию. Данко схватил ее за руку.

— Отпусти, паршивая русская сволочь,— она попыталась освободиться от его хватки, но Данко держал крепко. Он не собирается бить ее, но пока он ее держит, она никуда не выйдет. Данко посмотрел ей в глаза; было что-то в его взгляде такое, отчего она сообразила, что он не ударит ее. Она перестала вырываться.

— Так чего же вы от меня хотите? — спросила она жалобно. Играть роль возмущенной дамы не стоило.

— Что вы забрали Виктору из гостиницы? Это очень важно. Могут пострадать многие люди,— он отпустил ее руку.

Кэт Манзетти потрогала то место, за которое он ухватил ее. Ридзик не верил своим глазам. Данко, тот самый парень, который сломал Стрику два пальца, словно это были хлебные палочки и играючи уложил на месте Бритоголового, теперь превратился в воплощение учтивости.

— Слушайте,— медленно сказала Кэт,— я не хочу никаких проблем. Виктор просил меня прийти в «Гарвин» и снять его давний номер. И рассказал, где искать.

— И что же вы нашли?

Кэт пожала плечами:

— Паспорт и половину стодолларовой бумажки.

Данко кивнул. Абдул Элиджа упоминал про половину банкнота. И тогда, говорил он, они смогут заняться общим делом.

Конечно, Ридзик ничего об этом не знал. Его больше интересовал паспорт. Если Роста его раздобудет, то он сможет удрать из страны и станет недосыгаем для чикагской полиции.

— Фальшивый паспорт? — спросил Ридзик.

— Паспорт настоящий,— сказал Данко.— Имя фальшивое.

— Вам это лучше известно, чем мне,— ответила Кэт.— Я туда не заглядывала.

— И что вы с ним сделали?

— Передала его одному другу Виктора.

— Кому? — допытывался Ридзик.

— Не знаю его имени.

— Весьма удобно.

— Но это правда.

Ридзик раздраженно нахмурился:

— Дерьмо все это, мадам. Не мелите чепухи. Где он?

На резкость и Кэт будет отвечать тем же. Смущенная, слегка испуганная минутой раньше женщина снова исчезла:

— Говорю же, что не знаю!

— А его телефонный номер? — Ридзик подошел ближе, продолжая нажимать на нее.

— Потеряла.
— Виктор очень гадкий парнишка.
Она загасила окурок:
— Правда?
— Из-за него погиб полицейский.
— Я про это ничего не знала,— ответила она таким тоном, словно собиралась сказать: «Плывать мне на это». Но она знала. Она знала Виктора Росту и понимала, что он способен на большее, нежели просто убить фараона. И происходящее становилось ей все больше не по душе. Ридзик окончательно разозлился:

— Послушайте, сударыня, если мы и дальше так пойдем, то могу вас уверить, что когда Виктор сядет, то вы отправитесь вслед за ним.

Кэт обратила к нему свои карие глаза и широко растворила их, изобразив на своем лице притворную невинность и страх:

— О, большой сильный полицейский хочет запугать меня, чтобы я помогла?

— Я просто хочу понять, какого хрена вы помогаете этому паршивому...

— Он мой муж,— ответила она кратко. Потом повернулась на каблуках и вышла в студию, где перестала играть музыка.

— Муж?! — повторил Ридзик. Он почувствовал, как подскочило его давление.— Вот я отправлю сейчас эту суку за решетку, тогда посмотрим, как она у нас поведет,— и Ридзик двинулся за ней.

Данко встал у него на пути:

— Мы должны использовать ее.

— Какого черта! Мы ее и используем, но только в комнате для допросов на участке. Вот где мы ее используем.

Но Данко думал на несколько ходов вперед, как шахматный игрок:

— Если она останется на свободе, она выведет нас на Виктора. А сейчас я уверен, что она не знает, где он,— и Данко сделал то, что никак не вязалось с его, Данко, обликом. Он положил руку на плечо Ридзика.— Пожалуйста,— сказал он,— поверьте мне.

По дороге обратно к автомобилю Данко поделился и еще кое-какой информацией. Он понимал, почему Виктор женился на этой девушке:

— Ради визы в Соединенные Штаты. В Советском Союзе гораздо легче выехать из страны, если ты женат на иностранке. Но она нас на него выведет, я в этом уверен. Или он сам придет ко мне.

— Придет к вам? А мне казалось, что вы последний человек из всех, с кем он пожелал бы встречаться.

— Возможно.

Ридзик прищурился и долгим взглядом посмотрел на Данко:

— Знаете, у меня начинает складываться такое впечатление, что есть тут что-то побольше, чем просто исполнение капитаном Данко своего долга перед Родиной. Признайтесь, товарищ, ведь есть же что-то личное между вами обоими, разве не правда? Роста, может, хочет достать наркотики, но и вас он тоже хочет достать, верно? А вы хотите остановить наркотики, но больше всего хотите Росту.

Данко кивнул:

— Ну?

— Полгода назад я подстрелил его братца. В Москве.

— Убили? — простому ранению Ридзик особого значения не придал бы.

— Да.

— Что ж, неплохо. Так и следует.— Это была лучшая весть из всех, что он услышал за день.

— Спасибо,— Данко сделал еще несколько шагов к автомобилю, потом остановился.— А он убил моего напарника,— закончил он тихо.

Ридзик покачал головой. Русские, американцы — не все ли равно. Сыщики есть сыщики, и когда убивают партнера одного из них — это одинаково паршиво, независимо от того, по какую сторону границы это происходит.

— Мне очень жаль слышать это, правда.

— Спасибо.

— Так что, Данко, у нас, получается, есть в результате что-то общее. Виктор ведь убил и моего партнера. А это значит, что мы оба хотим схватить его за задницу.

Данко кивнул:

— Эта девчонка выведет нас на него.

Ридзик поднял голову и посмотрел на окна танцевальной студии. Музыка затихла и в некоторых окнах погас свет. Несколько из занимавшихся девушек спустились по

лестнице и смешались с уличной толпой. Похоже, что им обоим придется нынче ночью заняться слежкой. Ридзик перевел взгляд на расположенную на противоположной стороне закусочную:

— Хороший детектив никогда не бывает мокрым и голодным. Дождя вроде не заметно, но я бы чего-нибудь перекусил. А пока мы здесь, то можно и прикупить кой-какой еды.

Данко еда не слишком интересовала.

Ридзик показал на закусочную:

— Там всегда можно найти четыре главных продукта питания: гамбургеры, жареную картошку, кофе и пончики.

— Пончики?

— Они вам понравятся. Увидимся в машине, — и Ридзик направился на противоположную сторону улицы.

— Погодите, — позвал Данко.

— Только не просите двойной порции майонеза, или без лука, или порцию борща.

— Дайте мне ключ от автомобиля.

— Он не заперт.

Данко посмотрел на окна танцзала:

— На случай, если она выйдет.

— Вам нельзя водить этот автомобиль. Таковы правила. Если что случится, если еще, чего доброго, налетите на законопослушного гражданина или его машину, Данко, то мне придется до самого гроба потом заниматься канцелярской работой. Оставьте это.

— Если она возьмет такси, — терпеливо объяснял Данко, — то не уверен, что я смогу бегом преследовать его.

Данко смотрел на него. И чего он не послушался своего старика и не стал бухгалтером?

— А вы бы попытались?

— Да.

— Ох, едрена мать, — он бросил ключи русскому, моля судьбу, чтобы Манзетти удосужилась остаться в помещении достаточно времени для того, чтобы закусочная успела снабдить его парой чизбургеров.

Данко уселся за руль и воткнул ключ зажигания. Он осмотрел приборы на панели. Автомобиля есть автомобили. Так что он не думал, что вести этот «шевроле» сложнее, чем советские «Жигули». Из нагрудного кармана он вытащил свой ключ и дешевую стальную шариковую

ручку. Покопавшись среди мусора, разбросанного по полу автомобиля, он нашел мятую салфетку и аккуратно переписал фабричный номер ключа. Прodelав это, он повернул глаза к выходу из танцевальной студии и больше уже не отводил от него взгляда.

По крайней мере, до тех пор, пока не услышал голос, рычащий что-то в окошко. А оттуда пылал ему навстречу гневным взглядом объемистый мужик — чей объем происходил, скорее от количества жира, нежели от размера мышц — физиономии которого украшала трехдневная щетина. В одной мясистой руке он сжимал бутылку пива, а в другой — бейсбольную биту. Облик его не выражал радости. Данко взглянул на мужика и обнаружил, что одет тот в безрукавку с крупной надписью «Чикагские Медведи» на груди. Возможно, что «Чикагские Медведи» — тоже какая-нибудь местная банда, вроде Бритоголовых, решил Данко. Мужик отхлебнул изрядный глоток из бутылки, рыгнул и уложил свою жирную лапу на край окна.

— Эй, ты, засранец, тут тебе нельзя ставить машину, — оглядев костюмчик Данко, болельщик «Медведей» решил, что это один из тех миссионеров — Свидетелей Иеговы или Мормонов — от которых, по причине их любви к Христу, можно не опасаться неприятностей.

Данко удивился:

— Почему нельзя?

— Тут я ставлю машину, — прорычал мужик. — Я над этим местом живу, — он махнул битой в неопределенном направлении, — так что убери свой дерьмовый автомобиль к черту с моего места, — мужик удостоверился, что Данко как следует успел рассмотреть биту. — Или давай мне пятьдесят баксов, — предложил он, ибо, будучи уступчивым малым, решил предоставить сидящему в машине право выбора.

— Не понимаю.

— Слушай, — сказал мужик, заполняя машину ароматом пивного перегара, — все очень просто. То есть одно из двух: мотай отсюда или плати полтинник. А то я возьму эту штуку и искурочу твою машину к чертовой матери.

Мужик весьма отвлекал Данко от его дела. Иван вновь взглянул на двери здания. Наверху погасло еще одно окно. Она явно собиралась уходить.

— Эй, ты меня что, ни хрена не слушаешь?

Данко не сводил глаз со здания:

— Уматывай.

— Сукин ты сын! — возопил мужик. — Приезжаешь к моему дому, да еще меня же и посылаешь?! Я здесь живу. И это, едренить, моя стоянка! — мужик так возбудился, что аж слюной стал брызгать. — Семьдесят пять баксов. Проваливай или я расколочу твою машину, да еще и морду в придачу.

Данко понял, что, дабы продолжать спокойно свое дело, он должен избавиться от этого человека. Но, напомнил он себе, это Америка — и действовать следует по американским законам.

— Вы знакомы с Мирандой? — спросил он мужика с бейсбольной битой.

— Э? Никогда не слыхал про эту суку.

О, подумал Данко, тогда все в порядке. И отпустив руль, он заехал мужику кулаком в челюсть. Удар был такой силы, что тот, казалось, даже подлетел в воздух. Удивленно повисев в воздухе, он грохнулся на тротуар, исчезая из поля зрения. Причем даже не успев и пикнуть.

Данко снова обратил свой взор к танцевальной студии, весьма довольный тем, что расправился с хулиганом в строгом соответствии с американскими законами.

Возвращаясь из закуской, Ридзик перешагнул через мужика. Посмотрел на чикагского гражданина, распростершегося на тротуаре в луже крови и пива, затем взглянул на Данко. Сразу было понятно, что это дело рук русского, но Ридзик не хотел слушать про это — ни теперь, ни потом. Он уложил два пакета с едой на заднее сиденье.

— Все в порядке? — спросил он, вытаскивая из пакета гамбургер.

— Да. Отлично. Без проблем, — Данко все еще не проявлял интереса к еде.

Все же Ридзик не выдержал:

— А что это за мешок дерьма валяется на тротуаре?

Из-за окна донеслось слабое постанывание. Скоро мужик очнется и станет размышлять, что ж это такое стукнуло его — ведь не мормон же.

— Он тут живет.

Ридзик высунулся в окошко. Мужик не выказывал желания подниматься.

— Чудесно, — заметил Ридзик. Затем повернулся к Данко. — Только окажите мне услугу — не переедьте его ненароком, когда мы двинемся.

— Сделаю, что в моих силах.

— Именно к этому мы и стремимся в чикагской полиции. Держите, — он протянул Данко чашку горячего кофе. Ридзик снял с нее крышку. — Не знаю, как вы там в Москве, ребята, а мы всегда сохраняем крышку, потому что, если приходится вдруг спешить... — Ридзик вертел чашкой кофе и гамбургером, стараясь поудобней пристроить их у себя в руках. — Кстати, знаете что? Я позвонил в управление и они сказали, что второй русский — тот, которого я подстрелил — Татамович — приходит в себя из комы. Может, нам смотаться отсюда и посмотреть, что он...

Данко выпрямился за рулем:

— Вот она.

Кэт стояла в тени у выхода, нервно осматривая улицу. Желтый автомобиль, проехав вдоль дома, остановился прямо напротив нее. Данко заметил, как она обменялась несколькими словами с водителем, затем быстро скользнула на заднее сиденье. Автомобиль отъехал от тротуара, набирая скорость.

— Двинулись, — сказал Данко, поворачивая ключ зажигания. Он дернул сцепление и нажал на акселератор, не слишком знакомый с мощностью детройтских двигателей. Машина рванулась вперед.

Ридзик опрокинул полчашки горячего кофе себе на колени.

— Господи! — закричал он. — Да я же себе яйца ошпарил!

Данко это не волновало. Наконец-то у него появилась возможность найти Виктора. А гениталии Ридзика — лишь еще один несчастный случай в его личной войне. Он вывел машину на проезжую часть, держась на несколько автомобилей позади такси.

— Черт возьми! — ругался Ридзик, продолжая поглощать свой пах. Я испортил костюм и чуть не сварил яйца. На кого мне за это подавать в суд? — его швырнуло в сторону, когда Данко резко свернул направо, преследуя такси.

— Вы ужасающий водитель, — прохрипел Ридзик.
 — Пожалуйста, успокойтесь, — ответил Данко.
 — Пожалуйста, поосторожней с этой чертовой машиной! — воскликнул Ридзик. — Я не хочу попадать в аварии, — снова напомнил он. — Меня за это на год кинут канцелярщиной заниматься.

— Я умею водить автомобиль, — Данко продолжал смотреть вперед.

— Ясное дело, — хмыкнул Ридзик. — Думаю, они вас в этом Киеве всему обучили насчет аварий и цен на страховку.

— В социалистических странах можно обойтись без страховки. Государство платит за все.

Ридзик недоверчиво посмотрел на Данко:

— Ладно, тогда скажите мне одну штуку, капитан. Если там такой охренительный рай, то с чего ж это у вас в стране народ толпами стоит в очередях на выезд?

— Капиталистическая пропаганда, — Данко сказал это таким тоном, словно и сам верил в это.

— И если вы, ребята, все так здорово устроили, то как же это угораздило вас вляпаться вместе с нами во все эти героины и кокаины?

— В Советском Союзе это лишь начинается. И мы это прекратим.

— Желаю удачи. С таким же успехом вы можете остановить океан.

— Китайцы нашли способ. Сразу после революции. Построили всех наркоманов, всех продавцов, отвели их на площадь — и расстреляли.

— Тут это не работает. Политики на это ни хрена не пойдут.

— Расстреляйте сперва их.

Они преследовали такси уже минут пятнадцать — и пока что водитель его не пытался улизнуть от них — вероятно, он даже не подозревал, что за ними следят. Данко подумал, что что-то здесь не так.

— Может, она просто возвращается домой, — сказал Ридзик, словно прочитав мысли русского.

Данко кивнул, но такое предположение его отнюдь не устраивало. Он слишком далеко зашел и слишком многое вытерпел, чтобы теперь потерять след.

— В больницу, — сказал Ридзик, — вот куда нам нужно бы поехать. Неплохо было бы оказаться там, когда этот самый Татамович воскреснет ото сна.

— Пока погодим, — ответил Данко, не в силах оторвать взгляда от задних фонарей автомобиля. А про себя он подумал, что ему нравится сидеть за рулем этой машины. Она отзывалась на каждое его движение, словно скаковая лошадка, и он с удовольствием чувствовал силу ее двигателя, легко подчиняющегося любому движению его пальцев, свободно лежащих на баранке. Не то что его строптивые, хотя и оснащенные специальным мощным двигателем «Жигули». И как только полисмены вроде Ридзика могут позволить себе покупать такие шикарные машины — тем более что такие люди, как Ридзик, несмотря на все их недостатки, не относятся к числу тех, что способны на взыточничество.

Данко уже достаточно освоил этот автомобиль, чтобы свободно преследовать такси, когда то резко свернуло налево, ко въезду в мрачное серое отверстие подземного гаража. Данко почувствовал, как его сердце забилося чаще. Такси попыталось скрыться, но это ему не удалось. Теперь он был уверен, что держит путь навстречу Виктору.

«Шевроле» проскользнул по скату гаража к первому уровню. Многие ряды автомобилей стояли там, тускло поблескивая в свете огромных светильников. Такси не было видно нигде. Данко притормозил, мысленно выругав себя за излишнюю самоуверенность.

— Потерял их, товарищ? — иронично спросил Ридзик.

В дальнем конце гаража Данко вдруг заметил желтую крышу такси и светящийся знак на ней. Такси продвигалось вперед, направляясь к спуску в сторону нижнего этажа.

— Нет, — ответил Данко, посылая автомобиль дальше.

Когда они добрались до спуска, салон «шевроле» осветили огни автомобиля, следующего позади.

— За нами следили, — сказал Данко. — Бритоголовые.

Ридзик обернулся и посмотрел. Он увидел за спиной рекламу на стенке какого-то фургона, но сидящих внутри разглядеть не смог. Непонятно, с чего Данко решил, что их преследуют Бритоголовые — конечно, такое могло быть

вполне вероятно, подумал Арт, но русский, кажется, абсолютно в этом уверен.

— Она заманила нас сюда, — сказал Ридзик.

Для Данко это было уже очевидно. Он снова вспомнил слова Абдула Элиджи: тот найдет способ свести их с Виктором лицом к лицу. И вот этот способ.

Они находились на нижнем этаже гаража. Он представлял собой пустой бетонный бункер, свободный от машин. Участки, ярко освещенные расположенными вдоль потолка лампами, резко контрастировали с полосами, погруженными в тень. Ридзику это совсем не понравилось. Для перестрелки место неважное — хотя, впрочем, полиции, как правило, не приходится выбирать место для стрельбы.

Данко резко затормозил. Фургон остановился в нескольких метрах позади.

— Может, нам выскочить из машины?

Ридзик категорически замотал головой:

— В Чикаго полиция не бросает автомобилей, чтобы бы там ни случилось, — он выхватил револьвер из кобуры. — Похоже, сейчас начнется баллистика.

— Не надо стрелять, — решительно сказал Данко. — Мы лучше поговорим.

Ридзик снова оглянулся. Бритоголовые выскакивали из фургона, сжимая в руках оружие. Он печально взглянул на свой револьвер. Навряд ли он сгодится в качестве аргумента против огневой мощи Бритоголовых. Скрепя сердце, он сунул револьвер обратно в кобуру. И надеялся, что у Бритоголовых будет настроение поговорить.

Такси вывернуло из темноты и остановилось в нескольких шагах от них. «Черт побери, — подумал Ридзик. — Бритоголовые впереди, Бритоголовые позади. Поймали в коробочку и обезоружили. Нехорошо».

Данко вытащил что-то из кармана своего пиджака.

— Подержите это, — сказал он протягивая руку.

— Что там?

— Ключ Виктора.

— Я даже не знал, что...

— Держите.

Арт Ридзик запихнул ключ в карман своих брюк. Оба они вылезли из автомобиля и очутились в круге яркого света. Бритоголовые позади слегка пошевелились, держа оружие наготове.

Из такси вылезла Кэт Манзетти и направилась в сторону Ридзика и Данко. Она была явно напугана. По дороге из студии в гараж «таксист» по имени Салим, тоже из Бритоголовых, обо всем проинструктировал ее и дал понять, что она должна передать русскому менту сообщение от Виктора — и если она будет хорошей и не станет выпендриваться, то останется жить. Слегка подрагивая, шагала она по гаражу.

— Что бы она ни стала нам продавать, — прошептал Ридзик, — не покупайтесь.

Кэт остановилась в нескольких шагах от Ридзика и Данко. Салим расположился в паре метров за ней, прислушиваясь к тому, что она скажет, чтобы удостовериться, что все идет как надо.

— Меня просили передать вам, — сказала она дрожащим от страха голосом, — меня просили передать вам, что эту встречу организовал человек по имени Абдул. Отдайте оружие вон тому парню, — она бросила на Салима нервный взгляд через плечо.

— Не выйдет, — ответил Ридзик, — чикагские полисьмены не отдадут своего оружия.

За спиной у Арта раздалась серия металлических щелчков. Это Бритоголовые залязгали затворами своих автоматов. Ридзик почувствовал, как волосы у него на шее зашевелились.

— То есть, не сдают своего оружия, если на то нет достаточно убедительных причин.

Салим подошел к фараонам.

— Ключ у вас? — спросил он Данко.

«Снова этот ключ, — подумал Ридзик. — Когда же, черт побери, кто-нибудь удосужится раскрыть ему секрет, что этим ключом отпирается?»

Данко покачал головой:

— Нет.

— А где он?

— В надежном месте.

Ключ был у Ридзика. И он отнюдь не чувствовал себя в надежном месте. Очень мило было со стороны Данко доверить ему ту штуку, которую столь настоятельно хотела заполучить эта компания тяжеловооруженных Бритоголовых.

— А может, мы лучше вас общем? — сказал

Салим.— Так, на всякий случай,— и он стал ощупывать карманы Данко, методично выискивая ключ.

Ридзик приложил все усилия, чтобы голос его звучал ровно:

— А что будет, если вы его найдете?

— Будет очень плохо.

Ридзик сумел это себе представить.

— Вы считаете, что я такой дурак, что принес его с собой? — заметил Данко.

— Никогда не помешает проверить.

Ридзик рассматривал Салима, размышляя, не встречал ли он его прежде. С уверенностью сказать он не мог, но лицо этого парня ему не нравилось. Он... «Погоди-ка,— подумал Ридзик,— так это же один из тех, кого мы сцапали с Галлахером и Стоббзом. Вот такая у нас юстиция».

Данко очень медленно сунул руку за пазуху. Ридзик почувствовал, как напряглись стоящие за спиной Бритоголовые. Русский вытащил пистолет и протянул его Салиму.

— Вы зря тратите время. Где Виктор?

Салим, кажется, потерял интерес к ощупыванию карманов Данко. А Ридзик вдруг вспомнил пару молитв, которые, казалось, позабыл давным-давно, и стал молить Бога, чтобы Бритоголовые не решили обыскать и его.

— Он там,— сказал Салим, кивнув в сторону темноты.

— Отлично,— облегченно произнес Арт.— Так пойдем, поговорим с ним. Я буду переводчиком.

Салим вынул револьвер Ридзика у того из кобуры, взвел курок и приставил ствол ему к виску:

— У вас уже есть работа. Будете заложником.

— Всегда считал, что из меня выйдет отличный заложник,— заметил Ридзик.

— Слушайте,— сказала вдруг Кэт, еще не пришедшая в себя от страха.— Я сделала, что вы сказали. Я пойду.

— Большое спасибо,— кисло молвил Ридзик.— Вы оказали неоценимую услугу.

— Извините, мистер, но не я все это затеяла,— она с надеждой смотрела на Салима.

— Идите.

Кэт Манзетти быстро двинулась к выходу. Несмотря на свою свою ненависть, Ридзик предпочел бы уйти вместе с ней.

— Идите, повидайтесь с Виктором,— сказал Салим Данко,— но если не будете держать себя в руках, мистер Москва, то вашему другу придет конец.

— Где он?

— Идите туда, к свету,— ответил Салим, показывая.— Он встретит вас.

Данко двинулся в сторону пятна света в центре помещения. Эхо его тяжелых шагов по бетонному полу зазвучало в зале. Лишь этот звук да отдаленный шум надземки нарушали тишину огромного зала. Едва Данко приблизился к свету, как Виктор вышел из тени. Данко продолжал идти вперед, пока не встретился лицом к лицу со своим врагом. Долго они смотрели друг на друга. Данко с трудом подавил в себе внезапное желание схватить Виктора за глотку и, наконец, придушить его.

Ироничная усмешка заиграла у Виктора на губах. Он понимал, что козыри в его руках.

— В странных местах мы встречаемся, Данко,— сказал он по-русски.

— Хватит русского дерьма,— раздался голос. Из темноты возник еще один Бритоголовый. В руке он крепко сжимал револьвер.— Говорите по-английски. Я должен все это пересказать.

Виктор пожал плечами и вытащил из кармана пачку сигарет. Он протянул пачку Данко, но тот не пошевелил и пальцем.

— Если б они не забрали у меня пистолет, тебе был бы конец, Данко,— Виктор чиркнул спичкой, прикурил, затянулся. Выбросил спичку в темноту. Затем продолжил тоном учителя: — Ты считаешь меня подонком, отщепенцем. А я считаю себя представителем народа,— он показал сигаретой.— Почти как ты.

Данко отметил, что Виктор хорошо говорит по-английски, лучше чем он сам. Но как бы хорошо он ни говорил, никакие слова не скроют его преступлений.

— Я не продаю наркотиков.— Виктор улыбнулся, выдыхая дым.— У людей есть разные потребности. Одна из них — это закон и порядок,— он кивнул подбородком в сторону Данко,— другая — это развлечение. И я его им обеспечиваю.

— Ты обеспечиваешь их отравой.

Виктор снова затаился:

— И мы похожи. Мы оба уважаем мужество. Мы оба не дорожим своей жизнью.

— Ты не дорожишь ничьей жизнью.

«Ну, а что с этим чертовым ключом-то, — думал Бритоголовый. — Что за хреноту они болтают».

— А ты? — спросил Виктор. — Станешь говорить, что дорожишь чужой жизнью? После всей той крови, которую ты пролил?

— Ты убил моего друга.

— А ты убил моего брата.

— Твой брат был преступником.

На секунду они замолчали, глядя друг на друга. Новая волна ненависти захлестнула их, когда каждый вспомнил, сколько бед принес ему другой. В этот момент Виктор готов был забыть про наркотики, про деньги, про власть — забыть все ради удовольствия увидеть, как умирает Иван Данко. Но жадность одолела стремление к мести. Ему нужен ключ, а значит, ему нужен и Данко.

— Впрочем... мертвый есть мертвый. Брат, друг... — он стряхнул пепел, словно показывая, насколько мертвый бесполезен ему.

— Для меня нет.

— Может, и нет. Но есть вещи поважнее.

— Для меня нет.

— Дело, — проворчал Бритоголовый. — Говорите о деле.

— Он прав, — Виктор вновь затаился. — У тебя мой ключ. И он мне весьма нужен. Я за него заплачу. Хорошо заплачу. Больше, чем ты зарабатываешь за десяток лет.

Данко удовлетворенно хмыкнул. Пока Виктор будет больше заботиться о деньгах, чем о мести, Данко будет знать, что он победит, а Виктор проиграет.

— Поцелуй меня в задницу.

Виктор окинул Данко ледяным взглядом. Он понимал, что ему придется искать другой путь, чтобы забрать ключ у Данко.

— Не валяй дурака, капитан. Я-то думал, что ты поразумнее. Деньги обычно прочищают людям мозги, но к тебе это не относится, — он бросил окурок себе под ноги и растер его каблуком. — Спокойной ночи, капитан Данко, — сказал он, скрываясь в темноте.

Бритоголовый покачал головой. Ничего не вышло. Брату Абдулу это не понравится.

— А как насчет девчонки? — спросил вдруг Данко.

Виктор остановился на полпути и снова высунулся из темноты:

— Хочешь сказать, что порой, когда деньги бессильны, может помочь женщина? — он внимательно посмотрел на лицо Данко и покачал головой. — Нет, не думаю. Это не про тебя. Ты из тех русских, что лишь смерти ищут. Я таких, как ты, отлично знаю, Ваня. Запомни: без меня ты не существуешь.

— Девчонка, — повторил Данко.

— Она мне пригодилась. Украсила часть моей жизни в этом городе. А в остальном она — ничто. Можешь взять ее себе, если хочешь. В подарок.

И он скрылся.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Виктор исчез, а Ридзик и Данко остались. И остались Бритоголовые. Но что-то переменялось, возникло движение. Хотя револьвер все еще торчал у головы Ридзика, однако остальные парни стали возвращаться в свой фургон. Зашумел двигатель.

Держа Данко на прицеле, негр проводил его обратно к Ридзику.

— Где вы так долго шлялись, ребята? А то мне уж тут малость одиноко стало, — встретил их Ридзик.

— Заткнись, — сказал Салим. — Ну что, уладили?

Тот, что привел Данко, покачал головой:

— Ни фига.

«Вот черт», — подумал Ридзик. И стал размышлять, что делать дальше. Если Бритоголовые задумают пришить его, то на месте стоять он не собирается.

— Вот зараза, — сказал Салим. — Брат Абдул будет

очень недоволен. Так что придется сообщить вам, мистер Москва, что вы не оставляете нам особого выбора.

«И мне тоже», — подумал Ридзик.

— Выбора? — переспросил Данко.

— Да, старик, выбора. Прежде наши отношения с Виктором были чисто деловыми, а теперь нам придется встать на его сторону, — он убрал револьвер от головы Ридзика. — Раз вы упорствуете, то мы должны помочь ему — и мы будем за него драться.

— У вас есть другой выход, — ответил Данко.

— Не думаю, старик.

— Можете отдать Виктора мне. И забыть про него. У вас ведь найдется и достаточно других, вроде него. В самой Америке.

— Отлично, — заметил Ридзик, немного повеселев от того, что между его виском и дулом револьвера образовалось некоторое расстояние. — Просто обалденно. Мило и удобно. Русские с Бритоголовыми устраивают свои дела, а мы остаемся по уши в дерьме.

Бритоголовые проигнорировали предложение Данко и возмущенную тираду Ридзика. Они двинулись к фургону.

— Отдайте мне оружие, — сказал Данко.

— И мне тоже...

Бритоголовые обернулись, поднимая свои пушки. На мгновение Ридзик даже испугался, что они начнут палить.

— Но вовсе не обязательно сразу. Знаете, перешлите его позже. Не волнуйтесь.

Салим усмехнулся:

— Не тревожься, старик. Вы, ребята, свое слово сдержали. Мы тоже так сделаем. Абдул — человек чести, — он разрядил их пистолеты и бросил пули на бетонный пол. Двигатель фургона взревел и тот покатиł через пустынный гараж к выходу.

Ридзик подождал, пока эхо слегка утихнет, затем подобрал свой револьвер и пару патронов.

— По заднице бы вам надавать, вот что, — произнес Ридзик нормальным разговорным тоном, таким, которым обычно произносят фразы типа: «Пожалуй, поеду я домой на шестом номере» или «Надо глянуть, не идет ли чего интересного по телевизору вечером», — но в душе он был зол, очень зол.

— Попробуйте, — кратко предложил ему Данко.

Ридзик с трудом сдерживал свой гнев — и наконец, уже за рулем автомобиля, разразился:

— Насрать мне на то, что они отдали нам оружие, — он со всех сил надавил на газ и машина стремительно прокатилась по склону и выскочила из гаража. — Это те же самые типы, что убили Галлахера! — он перешел на крик и его голос заполнил автомобиль. — А вы! — Данко молча заряжал свой пистолет. Словно никакого Ридзика рядом и не было. — Вы! Отдали мне этот собачий ключ, не сказали мне о нем ни слова, а потом оказывается, что все вокруг готовы из-за него человека прикончить.

— Был определенный риск, — отозвался Данко.

— Никакой не «определенный», черт вас побери! Это для меня был риск, — Ридзик резко ворвался в поток уличного движения, не обращая внимания на возмущенные гудки других автомобилей. Он трахнул кулаком по баранке. — Я даже не понимаю, как вы вообще можете называть себя ментом. В этой стране мы доверяем, черт возьми, своим партнерам. Мы им не врем, ничего от них не скрываем и не бросаем их на фиг, когда какой-нибудь лысый говнюк тычет им в ухо пистолетом, — Ридзик оторвал руку от баранки и выловил что-то из кармана. — Вот, — сунул он ключ в ладонь Данко. — В будущем держите его у себя.

Наступила тишина. Ридзик надавил на клаксон, пытаясь заставить идущую впереди машину двигаться побыстрее.

— Я думал, что могу на вас положиться, — сказал Данко.

— Это что? Что-то вроде комплимента?

— Да.

— О, спасибо, сэр.

Данко то ли не понял сарказма, то ли решил проигнорировать его:

— Пожалуйста.

Ридзик немного успокоился.

— Так о чем вы с Виктором поговорили?

Данко тупо посмотрел на Ридзика, словно вдруг перестал понимать английский:

— Теперь давайте навестим Татамовича в больнице.

Ридзик вздохнул:

— А вы, знаете ли, просто сукин сын.

Первым, на кого они наткнулись, придя в больницу, оказался старый приятель Арта Ридзика — Неллиган. Он сидел в небольшой комнатке рядом с реанимацией в окружении изрядной чашки кофе, пары журналов и пепельницы. Помимо него в той же комнате расположился еще один полисмен — в форме — которому, казалось, было на все наплевать. За окошком виднелась больничная палата. Первую постель занимал Татамович. Русский, вероятно, пребывал в состоянии комфорта: над ним заботливо склонилась прелестная светловолосая медсестра. Что она делала, Ридзик различить не смог. Но рассмотрел ее попку с одобрением.

— Эй, Ридзи, — сказал Неллиган, откладывая журнал.

Ридзик оглядел уютное окружение:

— Господи, Неллиган, что ты здесь делаешь? А я-то думал, что после того, как ты меня скovyрнул, они назначат тебя начальником отдела убийств.

Физиономия Неллигана явила образчик истинного чистосердечия:

— Я делал, как мне сказали, Ридзик. Все в соответствии с правилами. Слушай, не держи на меня зла, ладно?

Ридзик бросил на него взгляд, который однозначно переводился на любой язык словами «иди ты на...», и обратился к тому, что в форме:

— Ну и как?

— Где-то с час назад он начал приходить в себя.

— Что-нибудь сказал?

— Бормотал по-русски.

— А что он сказал по-русски? — спросил Данко.

— Русский язык не входит в мою компетенцию, сэр, — ответил тот.

«Запишем еще очко в нашу пользу», — подумал Ридзик.

— У него там сейчас сестра. Как только она уйдет, мы с ним малость поболтаем.

— На вашем месте я бы дождался Доннелли и Стоббза, — сказал Неллиган.

— Одна из немногих радостей в этой жизни, Неллиган, заключается как раз в том, что я — это не ты.

— Как хотите, — ответил Неллиган. Он с усилием поднялся из удобного кресла. — Кто-нибудь хочет кофе? Я принесу.

— Очень мило с вашей стороны, детектив Неллиган. Нет.

— Арт?

— Исчезни, Неллиган.

Неллиган пожал плечами, взял кофейник и отправился в комнату к медсестрам. А из двери, ведущей в палату, вышла та, что ухаживала за Татамовичем, толкая перед собой санитарную тележку. Оказавшийся на пути Данко с интересом рассматривал ее лицо. «Хоть он и русский коммунистический мент, — подумал Ридзик, — но он русский коммунистический мент мужского пола», — и Арт не мог отказать ему в наличии вкуса относительно дамской части населения. Сестра обладала всем, чем положено обладать сестре: высокая, белокурая, с идеальными зубами и чувственными губами фотомодели. Данко отошел в сторону, а она проследовала дальше в коридор, одарив его, Ридзика и полисмена в форме чудесным зрелищем своей оборотной стороны.

Ридзик пригладил волосы рукой.

— Издеваетесь? — он не мог оторвать глаз от удаляющейся попки. — Всегда считал, что мне нужно было пойти в доктора, — и проводив медсестру страстным взглядом, он последовал за Данко в палату.

Татамович выглядел ужасно. Губы его были болезненного сине-серого цвета, а лицо настолько красным, что казалось просто искусственным. К обеим его рукам было прикреплено по трубке, и еще одна висела вдоль лица к носу. Впрочем, так оно и выглядит всегда у тяжелораненого. Система поддержания жизни действовала абсолютно бесшумно — совсем не так, как это представляют в кино, где все это сопровождается какими-то свистами и писками.

Он остановился возле раненого:

— Эй, приятель, пришла пора поболтать.

Глаза Татамовича были полуоткрыты, но он не подал ни малейшего знака того, что понял или хотя бы услышал слова Ридзика.

— Поговорите с ним на своем языке.

Данко склонился над постелью.

— Мы хотим с вами поговорить, — медленно и отчетливо произнес он по-русски.

Никакого ответа. Ридзик сомневался, что в том состоянии, в котором находился Татамович, человек, даже очень

крепкий, сможет сдержать себя и не раскрывать рта. Наверно, он еще не полностью пришел в себя. Ридзик ткнул его пальцем:

— Эй, ты, дерьмо, не притворяйся трупом.

Что-то заставило Ридзика наклониться поближе. Он приподнял веко лежащего:

— Да этот сукин сын помер!

Данко громко выругался по-русски.

— Сестра!

А сестра следовала вдоль по коридору, не привлекая внимания никого, кроме нескольких одаривших ее восторженными взглядами санитаров и докторов. Чистенькая форма, безукоризненно надетая шапочка — ничто не вызывало никаких подозрений. Но двигалась она слишком уж быстро, словно спешила. Те двое в прихожей реанимационной палаты явно были из полиции. А ей еще требовалось по меньшей мере три минуты, чтобы выбраться на улицу к ожидающему там автомобилю. Одна минута пролетела.

А позади в коридоре поднималась какая-то суета, раздавались крики. Люди останавливались, оборачивались, но она продолжала спешить вперед, словно не слыша голоса Ридзика. Свернула налево в следующий коридор. Посередине его был выход. Если она успеет добраться до него, все будет в порядке.

Но Ридзик и Данко бежали быстро.

— Остановите ее! — кричал Ридзик. — Остановите ее, черт побери! Полиция!

Оба они мчались по коридору.

Люди прижимались к стенам, пропуская полисменов. Но в тот момент, когда те оказались возле одного из лифтов, двери его растворились и пара санитаров выкатила оттуда носилки прямо перед носом у них. Данко налетел на носилки и упал, прокатившись по скользкому полу. Ридзик успел бежать и, не обращая внимания на своего напарника, снова устремился вслед за медсестрой.

Он свернул за угол.

— Черт возьми, мадам — стойте!

Сестра понеслась по коридору, расталкивая встречающихся на пути людей. Ридзик хотел выхватить револьвер — но слишком уж много было народу вокруг. Слишком велик риск попасть в случайного прохожего.

Сестра выскочила на эскалатор, спускавшийся к вестибюлю. Ридзик бросился за ней, стуча каблуками по металлическим ступеням. Куда подевался этот Данко? Наверно, где-нибудь позади.

Медсестра уже бежала по фойе. Людей там было немного: лишь регистраторша да двое человек, напоминавших закончивших свое дежурство санитаров.

— Стой! — закричал Ридзик, выхватывая револьвер. — Стой или буду стрелять!

Сестра не послушалась. Палец Ридзика напрягся на спусковом крючке.

И тут, откуда ни возьмись, появилась Кэт Манзетти. С размаху ударила полотняной сумкой. Револьвер выскочил из руки Ридзика, а сам он потерял равновесие и рухнул прямо на большой стеклянный кофейный столик, стоящий посреди зала. Стол разлетелся вдребезги и Ридзик свалился посреди осколков стекла. Это уже само по себе было не важно — задница болела в буквальном смысле слова, — но Кэт Манзетти прокричала фразу, по которой он понял, что может случиться кое-что и похуже.

— Нет, — кричала Кэт сестре, — не стреляй в него!

Изящно наманикюренные пальчики медсестры сжимали Смит-энд-Вессон фунтов десяти весом. Ридзика изумило то, что сознание его, казалось, полностью отделилось от тела. Он испытывал такое ощущение, словно вот уже час смотрит на направленный в его сторону ствол, различая мельчайшие его детали. Он услышал выстрел, но еще не почувствовал удара пули. «Прощай, Ридзик», — подумал он.

Но тут он снова вернулся к реальности. Медсестра продолжала сжимать свою пушку, но Ридзик увидел, как посреди белизны ее безукоризненного халата распустился пышный кровавый бутон. Она покачнулась, но не упала. Раздался еще один выстрел — и второй аленький цветочек вырос у сестры на груди.

Данко, расположившись в нескольких шагах позади Ридзика, метился аккуратно, стараясь не убить женщину, а лишь сбить ее с ног. Но та все не падала. Собрав все свои силы, она подняла револьвер и направила его на Данко. Но прежде, чем успела выстрелить, опережая ее, он выпалил снова, нанося ей теперь уже смертельную рану в сердце. Сестра отлетела назад, ударившись о шершавую оштукатуренную стену.

туренную стену. На мгновение ее тело застыло в этом положении, повиснув словно белье на просушке. Затем колени ее подогнулись, и она сползла вниз по стене.

Форменная шапочка медсестры была приколотая к ее волосам булавкой. Она зацепилась за неровную поверхность стены — и по мере того, как опускалось тело, волосы, удерживаемые шапочкой и шероховатой поверхностью, все выше поднимались над головой. А в тот момент, когда сестра, наконец, оказалась на полу, они и вовсе, словно снятый скальп, отделились от головы.

Ридзик испытал весьма странные ощущения. Не обращая внимания на вопли больничного персонала, ставшего свидетелем столь кровавой сцены, он неровным шагом подошел к безжизненному телу сестры. Потянул за ее белокурые волосы.

— Во, зараза! Это же парень!

Сей факт, впрочем, казалось, вовсе не удивил Данко.

— Иосиф Барода. Другок Виктора, — и его взгляд заскользил по вестибюлю.

Кэт не стала задерживаться, чтобы поглазеть на смерть Бароды. Она выскочила в первую же попавшуюся дверь. Там был выход на служебную лестницу. Но она и так уже была на первом этаже, так что оставалось только подниматься.

Она одолела один пролет, когда услышала, как хлопнула дверь позади и застучали шаги по лестнице. Ей не хотелось оглядываться. Дернула двери второго этажа. Заперто. Помчалась на третий. Тоже заперто. Она обернулась и увидела, как навстречу ей по лестнице шагает Данко. А в руке у него пистолет — и направлен он прямо ей в лицо.

— Давай! — закричала она. — Вперед! Стреляй!

— Дура ты, — сказал Данко. В ее ушах это прозвучало смертельным приговором.

— Я просто хотела ему помочь, — сказала она; на глазах ее появились слезы. — Он мне сказал, что я нужна ему.

— У Виктора было десяток таких, как ты, дома. Теперь все они либо погибли, либо в тюрьме. Сейчас ему нужна ты. Но это ненадолго.

— Так убей меня! — закричала она. — Мне теперь все равно.

— Уходи, — сказал Данко.

Кэт широко открыла глаза:

— Уходи?

— Уходи, — повторил Данко. Он поднял пистолет и, направив его на замок, выстрелил. Грохот выстрела эхом прокатился по лестнице. Замок разлетелся вдребезги. Данко толкнул ногой дверь и подтолкнул Кэт. Она оглянулась недоуменно, удивленно и, наконец, с благодарностью. Затем помчалась по коридору, надеясь, что сможет обратиться наружу, не наткнувшись на Ридзика. Кэт очень сомневалась, что тот окажется столь же всепрощающим.

В течение всего лишь одного этого дня Бритоголовые сперва угрожали Ридзику, потом сделали из него заложника, потом его чуть не пристрелил белокурый травести, а вдобавок он еще и на кофейной столик налетел. И когда, в результате, тебе в той же больнице собираются воткнуть в задницу иголку чуть ли не метровой длины — то это уж слишком. Ридзик ненавидел иголки. Сестра, седовласая дама среднего возраста в строгих очках, облик которой отнюдь не располагал к шуткам, готовилась сделать ему инъекцию противостолбнячной сыворотки. И хотя лица ее не осеняла и тень улыбки, Ридзик чувствовал, что она делает это с наслаждением.

Он медленно спустил брюки:

— Слушайте, мадам, не дадите ли вы мне минутку подумать? Ну, знаете, чтобы мысленно подготовиться к пытке?

Она бесцеремонно толкнула его к лежанке и стала протирать зад спиртом.

— Не будьте ребенком, — сказала сестра, втыкая иголку Ридзику в ягодицу с излишним, по его мнению, энтузиазмом.

— Что там за гадость в этой штуке? Цемент?

Она вытащила иголку:

— Не так уж и больно, верно?

— Страшно больно, — пробормотал Ридзик. Когда он застегивал штаны, в дверях появились Доннелли и Стоббз. Они прислонились к дверному косяку, рассматривая Ридзика, словно подозреваемого в совершении тяжкого преступления.

— Ну? — сказал Доннелли. — Как успехи, сержант?

— Дьявольский вечерок, сэр,— ответил Ридзик, осторожно усаживаясь на стул.— Бритоголовые тыкали пушкой мне в ухо. Татамович канул в лету, Данко шлепнул травестишку, а еще я налетел на стеклянный столик и заработал за это укол от столбняка в свою розовую попку.

— Всегда обожал ваши яркие отчеты,— соврал Доннелли.

— Очень рад слышать,— ответил Ридзик на ложь взаимностью.

— Этот травести,— сообщил Стоббз,— убил Татамовича, введя ему в вену воздух. Как видно, не хотел, чтобы мы допросили того...

Тем временем в комнате появился и Данко.

— Он не хотел, чтобы допросил его я.

— Значит, этот тип — из группы Виктора? — спросил Доннелли.

— Да. Он убил Татамовича, потому что знал, что я заставлю его заговорить. И потому лучше было его убить.

Доннелли кивнул:

— В этом есть смысл. И все же жестокий он, подонок.

В разговор вмешался большой профессионал, Стоббз:

— А вы отыскиали ту женщину, которая, как видно, стала женой Виктора? Мы весь вечер пытались ее выследить.

Ридзик бросил взгляд на Данко:

— Увы. Мы и сами не смогли ее найти.

Стоббз холодно посмотрел на Ридзика:

— Это странно, потому что швейцар, который там работает, сказал, что до нас туда уже заходила пара полицейских. Интересно, кто бы это мог быть?

Ридзик поглядел ему прямо в глаза.

— Только не мы.

— Интересно.

— Неужели?

А у Доннелли были еще и ведомственные проблемы. Он повернулся к Данко.

— Капитан, скажите, где вы взяли пистолет?

— Он мой — зарегистрированный в Московском уголовном розыске.

Доннелли кивнул. Бросил на Ридзика гневный взгляд.

— Сержант Ридзик, вы...

— Я не знал, что у него есть оружие.

Доннелли знал своих коллег. Вот эта совершенно несовместимая парочка — а один будет выгораживать другого, даже если попадет под суд. При подобных обстоятельствах у него не оставалось иного выхода, кроме как принять их дурацкую версию. Но в одном он оставался тверд.

Доннелли протянул руку:

— Я вынужден просить вас сдать оружие, капитан.

Данко выпрямился во весь свой рост и тяжело вздохнул.

— А я отвечу: нет!

Доннелли улыбнулся:

— Вижу, Ридзик научил вас чувству юмора,— затем взгляд его и голос посуровели, улыбка исчезла.— Вы сдадите мне оружие, капитан. И немедленно.

Данко колебался. Вся его жизнь была построена на принципе подчинения старшим по званию — и это давало о себе знать.

— Не валяйте дурака, Данко.

Данко нехотя протянул пистолет. Доннелли передал его Стоббзу.

— Теперь относительно вас, Ридзик.

— Да, сэр?

— Я просил вас присматривать за нашим другом. Я говорил, что не хочу, чтобы он маршировал по улицам, словно отряд Красной Армии — или я этого не говорил?

— Великие слова, сэр.

Когда Доннелли приходил в ярость, речь его становилась тише, но каждому было ясно, что он зол, по-настоящему зол.

— Оставьте это дерьмо, Ридзик. Я сказал, что дам вам возможность участвовать в этом деле — и я дал. Но стоит оставить вас без контроля, как у нас сразу же вся жопа полна русских трупов.

— Сэр, кажется, не стоит обвинять меня в смерти Тата...

— Заткнитесь. В чем хочу, в том и буду обвинять. Ясно?

— Сэр! — воскликнул Ридзик тоном, присущим скорее новобранцу.

— Отлично. И я хочу, наконец, чтобы вы представили мне отчет. Я хочу, чтобы вы на бумаге представили

мне всю эту ахинею — и хочу, чтобы вы сделали это к десяти часам утра. Мне нужно знать о любом малейшем движении, которое вы с Данко проделали.

Ридзик сомневался, что сможет сделать это без ущерба для поисков Виктора Росты. Если Доннелли узнает обо всем, чем занимались они с Данко, Ридзик получит по заднице. Но, судя по лицу шефа, тот явно не был в настроении предаваться дискуссиям на сей счет.

— Без проблем, — сказал Ридзик наконец. — Прямо сейчас берусь за дело, сэр.

— Хорошо, — Доннелли задержался в дверях. — И кстати, Данко, на вашем месте, я бы подтянул ремни парашюта. А то тут пара русских дипломатов явно хочет сшибить вас на землю.

Когда они вышли в коридор, Стоббз не мог удержаться, чтобы не вспомнить те слова, которые ранее в тот же день произнес Доннелли:

— Выражаясь канцелярским языком, мы не можем не заметить тут негативных аспектов.

— Пожалуйста, Стоббз, — Доннелли провел рукой по лбу, словно пытаясь прогнать головную боль. — Если Ридзик выпендрится еще раз, он отсюда вылетает. И после этого ему не позволят работать даже постовым на перекрестке.

— Радостная весть, — ответил Стоббз.

— А где эти русские?

— В приемной, внизу.

Степановичу с Муссорским вовсе не доставляло радости то, что их заставляют ждать, тем более что их оставляли в полном неведении относительно происходящего. Ведь это именно они привыкли скрывать всяческую информацию, а теперь как раз с ними-то и начинали играть в прятки.

Доннелли решил показать себя истинным дипломатом:

— Добрый вечер, джентльмены. Чем могу быть вам полезен?

К тому времени Григорий уже слегка подрастерял свое тщательно взлелеянное американоподобное хладнокровие.

— Мы не можем обнаружить советского гражданина, капитана Данко. Но нас уведомили, что он работает с одним из ваших офицеров.

Тут вмешался Степанович:

— Он не уполномочен вести это расследование. Ему приказано было вернуться в Москву еще утренним рейсом.

Доннелли соорудил удрученную мину:

— Мне охренительно жаль огорчать вас, ребята, но капитан Данко является свидетелем убийства работника чикагской полиции. И он не может уехать без нашего на то разрешения.

Степанович перешел чуть ли не на крик, словно полагая, что сможет вогнать в трепет пару американских полисменов одною лишь силою своего голоса:

— По приказу Советского посольства, он должен отправиться в Москву завтра же утром. Неисполнение этого приказа приведет к серьезным дисциплинарным последствиям для него. Спасибо, командир, — и рот дипломата захлопнулся с таким стуком, словно губы его были отлиты из стали.

Русская парочка, оттолкнув полицейских, гневно покинула помещение.

— Ишь ты, осерчали, — сказал Доннелли.

— Хотите, чтоб я подключил к этому госдепартамент? — спросил Стоббз.

Доннелли посмотрел на него, как на сумасшедшего.

— И чтобы еще пара засранцев влезла в это дело? Нет уж. Хватит и тех, что есть.

Сидя в автомобиле Ридзика, Данко усиленно размышлял, пытаясь припомнить хоть какой-нибудь след, который позволил бы продолжить расследование. Впрочем, Ридзик уже все обдумал.

— Сдавайтесь, Данко. Снова мы на пустом месте. Никаких следов, приятель. Ничего. Дело провалилось, и мы снова на нуле. И все благодаря вам и вашим «русским методам».

Данко не взволновали эти слова.

— Почему вы соврали Доннелли из-за меня?

Ридзик пожал плечами:

— Вы же спасли мою жизнь. А вообще, было бы очень стыдно, если б меня прихлопнул этот переодешавшийся. Что бы подумала моя мама, — он полуобернулся и бросил взгляд на Данко. — Но позвольте сказать вам, что потом вы вели себя как настоящий дурак.

— Принимаю ваши благодарности. А теперь мне нужен пистолет.

Ридзик засмеялся и возвел очи к небу:

— Только вы его не получите. Смотрите,— продолжал он, стараясь говорить помедленнее,— если я дам вам оружие, мне крышка. Стоббз ждет не дождется того момента, когда сможет написать приказ о моем увольнении, а Доннелли всегда готов подписать его.

— С командиром Доннелли я сам столкуюсь.

Ридзик не знал, то ли ему смеяться, то ли плакать.

— Неужели? Да он же просто чертова газонокосилка. Не льстите себя надеждой, что с ним столкнетесь. Он крутой и твердый полисмен.

— Он держит рыбок.

— Ну, уж рыбки, по крайней мере, лучше, чем какой-нибудь сраный попугай.

«И что за хренотень я болтаю»,— подумал Ридзик.

— Вы же говорили, что ничего не имеете против попугаев,— Данко, как видно, по-настоящему обиделся.

— Ладно, ладно,— Ридзик сунул руку в отделение для перчаток и выволок оттуда огромный револьвер.— Вот,— он протянул его Данко.— Поздравляю. Теперь у вас в руках самое мощное из ручного оружия в мире.

Данко оглядел револьвер и взвесил его на руке, примериваясь к тяжести. Оружие было прекрасное — это было видно. Только он вовсе не был уверен, что Ридзик сказал ему правду.

— Самое мощное ручное оружие — это советский Подбирин 9,2 миллиметров.

— Будьте посерьезней, товарищ. Всем известно, что первенство в этом деле держит Магнум 44.

Данко защелкнул барабан.

— В следующий раз вы еще станете доказывать мне, будто это американцы изобрели телефон.

В Москве это, наверно, вызвало бы бурю смеха. В Чикаго такая фраза повлекла за собой лишь долгий недоумевающий взгляд Ридзика. Он нажал на стартер и автомобиль рванулся с места.

— Трудно поверить,— пробормотал Ридзик, качая головой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Придерживаясь того правила, что полицейский никогда не бывает мокрым и голодным, Ридзик остановил машину возле одной из круглосуточных закусочных и рванул сквозь дождь в теплый и безопасный закуток заведения. Он был измучен, зад болел, а его еще ожидала куча незаполненных бланков. Данко тоже выглядел усталым, но теперь и он оказался голодным, так что просто

жевал свой чизбургер, наблюдая как его несчастный партнер стонет над бумажками.

Ридзик разложил бланки перед собой, так как понимал, что если собирается сегодня ночью еще и поспать, а к десяти утра сдать отчеты, то пора начинать.

— Не знаю, как там у вас, ребята,— сказал Ридзик, перелистывая бланки,— но здесь, в добрых старых Штатах, каждый раз, когда что-нибудь случается — ну просто любая мелочь,— то приходится приниматься за канцелярщину.

Данко что-то хрюкнул, продолжая есть.

— Вы так считаете? — сказал Ридзик кисло.— Нужно сдать отчет о местонахождении, предварительный отчет, потом отчет о собственно случившемся, потом заполнить анкету для следственного отделения. А потом еще большой рапорт о ведении дела, который к тому же нужно напечатать на машинке в трех экземплярах, что особенно забавно, знаете ли, потому что я не умею печатать.

Он сгорбился, сжимая в руках чашку кофе.

Молодая и прелестная официантка, в тесной мини-юбке, из той породы женщин, которые при нормальных обстоятельствах мгновенно разогнали бы у Ридзика всякую грусть, подплыла к их столику, предлагая подлить кофе.

— Ну, ребятки, как с утра пораньше идут дела?

— Грандиозно. Меня швырнули о кофейный стол и воткнули в задницу лошадиную иголку.

— Очень жаль слышать такое,— она потянулась к чашке Ридзика, но тот схватил ее за руку.

— Мадам. Я только что добился идеального цвета своего кофе. И это единственное, что я смог сделать ради себя.

Она оглядела его с головы до ног:

— Могу поверить,— ответила она.

Ридзик не любил людей, которым так весело в полчетвертого утра. Он снова вернулся к своим бланкам.

— А вы, кажется, расстроены,— заметил Данко.— Даже не взглянули на ее попку.

— А вы кто такой? Братья Джойс?

— Но у того травести вы от зада взгляд не могли отвести.

Ридзик не поднимал взгляда.

— Е... я вас, Данко.

— Это комплимент?

Ридзик решил, что порою было бы предпочтительно, чтобы у Данко отсутствовало чувство юмора. Он решил игнорировать Данко. Ридзик вытащил шариковую ручку и начал писать предварительный отчет, что есть сил стараясь вести себя так, словно Данко нет и в помине.

Данко откусил очередной гигантский кусок чизбургера и стал рассматривать происходящее в ресторане. Пригляделся к попке официантки. Попка была чудесная.

Ридзик что-то пробормотал, отпил кофе и взглянул на часы.

— Отличные у вас часы,— сказал Данко.

— Спасибо.

— Очень дорогие.

— Ага.

Ридзик снова стал писать, отрываясь только для того, чтобы глотнуть кофе. Данко опять нарушил молчание:

— Очень дорогие. Как вы могли себе позволить такие?

— Что?

— Часы. Это ведь «Ролекс», да? — у их майора тоже был «Ролекс».

— Ага. Я купил со скидкой. У меня двоюродный брат занимается их продажей.

— О!

Ридзик вернулся к работе. Он почувствовал, как Данко склонился ближе, наполовину сокращая расстояние между ними.

— Ради Бога, Данко, шестьсот пятьдесят долларов, без пошлины, автоматические, с указанием дня и даты, и идут с точностью до трех секунд в год — или что-то около того,— что приносит мне чертову кучу пользы, потому что с этими вот отчетами я опоздаю дня на три, если вы не перестанете мне мешать.

— Я не собирался спрашивать вас про часы.

— Понятное дело, что нет. Вы хотели узнать, где тут можно по дешевке прикупить видеоманитофон, чтобы, воротившись в Москву, забраться в свою холостяцкую берлогу и смотреть, сколько влезет, «Броненосец Потемкин».

— Я хотел сказать вам, что мы достанем Виктора, Ридзик.

Ридзик продолжал писать.

— Ясное дело. Я как раз подхожу сейчас к той части — она называется «Советские методы», — где эта девчонка возвращается и решает прокинуть Виктора, а не меня.

— Ключ. У нас же остался ключ.

— Ага,— пробормотал Ридзик.— Я это тоже сюда запишу. Да мы ведь этого засранца просто в угол зажали,— он поднял сердитый взгляд.— Я вам начистоту скажу, Данко: мой послужной список и так выглядит не больно здорово. А теперь, когда мы с вами поработали вместе, то глядишь, меня и вовсе отправят на улицу регулировщиком — (Ридзик не догадывался, что даже этот скромный пост будет закрыт для него.) — Не знаю, может, Галлахер был прав, может, я и не хочу возвращаться.

— Возвращаться откуда?

Ридзик отмахнулся:

— Черт с ним. Забудем об этом.

Данко отодвинулся:

— Понимаю. Не мое это дело, верно?

— Верно,— Ридзик снова взял ручку, но вместо того чтобы писать, стал играть ею, вертя между пальцев.— Что за дерьмо,— сказал он, наконец,— все остальные знают,

могу и вам рассказать — только не сообщайте об этом в «Правду».

— Что случилось?

— У меня сейчас в отделении испытательный срок. Я должен следить за своей задницей на каждом шагу, иначе меня пошлют на хрен. Три месяца мне нужно быть помесью Бетмена и матушки Терезы. Но, как видите, начало вышло не больно замечательное, — он снова отпил глоток кофе.

— И как это произошло?

— Просто. Шесть недель я занимался слежкой за какими-то дерьмовыми ворами. Один парень тащил телевизоры с большим экраном из винного магазина на Южной Стороне.

Данко недоуменно глазел на него:

— У вас в России есть телевидение?

— Две программы.

— Грандиозно. Ну так вот, торчу я один в машине шесть недель подряд. Ничего не происходит. Этот долбоголовый, которого мы подозревали за телевизоры, просто торгует себе спиртным.

— Арестовали бы его по подозрению, — предложил Данко.

— Этого делать нельзя.

— Рассказали бы ему про Миранду — и потом арестовали по подозрению.

— Это тоже не выйдет.

— Арестовали бы за спиртное.

— Так он торговал легально.

— А...

— Ну и вот, как-то на сорок четвертый день почувствовал я себя малость одиноко, — теперь, оглядываясь назад, он признал, что поступил весьма глупо. — И я пригласил свою подружку меня навестить. Лежим мы с нею, значит, на заднем сиденье и я аккуратно учу ее искусству любви, когда подымается буча. Не на сорок третий день, не на сорок пятый — не-е-ет, как раз на сорок четвертый в 3 часа 45 минут дня. Наряд в формах налетает с переднего входа, а вся малина линяет с заднего — прямиком мимо меня.

— И что случилось? Даже в Советском Союзе коллегамиллиционер не донес бы о вашей этой... деятельности.

— И даже в Соединенных Штатах, Данко. Только дежурным следователем был тогда сержант Неллиган — вы знаете Неллигана. Ну, он и донес на меня «за пренебрежение служебными обязанностями». На месяц меня отстранили от работы без оплаты, и вот теперь три месяца испытательного. Господи! — он допил свой кофе.

— А они поймали того долбоголового? — спросил Данко. Слово «долбоголовый» он собирался запомнить и потом посмотреть его в словаре.

— Ага. Парочку долбоголовых, — Ридзик помахал официантке пустой чашкой. — Эй, сладкощёкая!

Официантка, не слишком восхищенная таким зовом, принесла кофе и наполнила чашку.

— Не переусердствуйте с дозправкой, милая.

Она поставила кофейник и вытащила счет жестом полисмена, радостно выписывающего штраф за неверную парковку «феррари».

— Это все, сэр?

— Не знаю. Как вы, Данко?

— Я бы выпил чаю, пожалуйста.

— В стакане, — сказал Ридзик, — и с лимоном. Я прав?

Данко кивнул, явно удивленный, откуда это Ридзику известно, как русские предпочитают пить чай.

Ридзик пожал плечами:

— Я смотрел «Доктора Живаго».

К рассвету пошел сильный непрерывный ливень. Казалось, что прошло уже несколько дней с тех пор, как они в последний раз были в «Гарвине». Туда захотел отправиться Данко, и Ридзик не мог винить его за это. Даже Ивану Грозному нужно немного поспать. Он притормозил у тротуара.

— Встретимся через пару часов, — сказал Ридзик.

— Хорошо.

Ридзика подобная роскошь в ближайшее время не ожидала. Он двинулся к центру города, моля Бога, чтобы удалось уговорить одного из ночных дежурных напечатать ему отчет.

Портье в «Гарвине», спавший уткнувшись носом в стол, поднял голову, когда вошел Данко, и обратил на него свой туманный взор.

— Сообщения есть? — спросил Данко.

Портье зевнул и потянулся. Стоя в нескольких шагах от него, Данко вдыхал запах его пота и застоявшуюся вонь сигаретного дыма.

— Ну, через полчаса мы выключаем горячую воду, если это вас волнует.

— Сообщения по телефону.

Клерк пошарил в ящике для ключей от номера Данко:

— Ага, есть вам послание. От какой-то юбки. Уверяла, что это срочно.

Он перебрал Данко смятый клочок бумаги. Данко схватил телефонную трубку и немедленно стал набирать номер.

— Будьте как дома, можете пользоваться телефоном, если это, конечно, местный...

На звонок ответила Кэт. Говорила она медленно и устало. Еще один участник пьесы, не спавший всю ночь.

— Очень вовремя, — сказала она.

— Вы что хотели?

Кэт нервно облизала губы и попыталась собраться с мыслями. Оставался только один выход — продать все это дело русским.

— Слушайте, я не могу в этом участвовать, — страх прорывался в ее словах, путая тщательно подготовленные фразы. — Если Виктор узнает... Вы обещаете, что...

— Что вы хотите? — прервал ее Данко, отчетливо выговаривая каждое слово.

Кэт сделала глубокий вдох:

— Я могу выдать вам Виктора, если вы пообещаете отпустить меня, когда все это кончится. Свободной и чистой. И без «может быть» или «посмотрим».

— Я не понимаю.

Голос Кэт стал жестким:

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Вы получаете Виктора, а я — свободу. Понятно? Свободу.

Данко на секунду задумался. Это дело. И если он не согласится, то потеряет эту девчонку, а как следствие, и свою последнюю связь с Виктором. Но, с другой стороны, он не мог говорить от имени американцев — и не мог обещать женщине свободу в обмен на Виктора. Впервые за все

то время, что он провел в Америке, Данко хотел, чтобы рядом оказался Ридзик.

Кэт снова нервно заговорила:

— Может, ты не понимаешь, старик, но я хочу получить возможность поступить правильно. Смотрите: город платит мне пять восемьдесят пять в час за обучение танцам детей, чтобы те не стали наркоманами. Виктор заплатил мне десять штук просто за то, что я вышла за него. Подсчитайте, — она не могла понять, почему изливает душу этому человеку, но не могла забыть и прошлой их встречи, когда именно ему, русскому, она поверила. А не американскому фараону. — Слушайте, Виктор должен со мной связаться. Я могу узнать, где и когда состоится крупная сделка, и тогда позвоню.

Данко нарушил молчание:

— А почему он вам об этом скажет?

— Он мне верит. Я ведь его жена, — она остановилась, чувствуя, как напряжение охватывает ее до предела. — Ну, отвечайте же, Данко, не дышите мне в ухо.

Наконец он ответил:

— Я получаю Виктора, вы получите свободу, — и он повесил трубку, надеясь, что сможет сдержать свое слово.

— Женщины, — сказал портье, который прислушивался к каждому его слову. — Абсолютно невозможно с ними жить. И абсолютно невозможно их пристрелить.

Если уж они собираются отключить горячую воду, то первым делом нужно было искупаться. Данко включил душ, спуская ржавую воду пока она не стала горячей и чистой, потом вернулся в спальню, стащил с себя рубашку. Задернул грязные шторы и включил свет в комнате.

С противоположной стороны улицы, стоя на крыше многоквартирного дома, Виктор внимательно изучал обшарпанный экстерьер гостиницы. Он видел, как Данко вошел в номер, разделся, повесил одежду и затем исчез в ванной. Виктор перевел бинокль на окна номера, расположенного рядом с тем, что занимал Данко. Привлекательная молодая проститутка, готовясь то ли к своему последнему клиенту за ночь, то ли к первому за день, вылезала из

облегающего платья. По разорванной шторе он понял, что она находится в его бывшей комнате.

— Виктор,— сказал один из Бритоголовых, сгрудившихся у него за спиной,— в каком он номере?

— В моем бывшем, Али.

— Что он ответил? — переспросил другой Бритоголовый. Этого звали Джамал.

— В его бывшем номере.

— Так пойдем и возьмем его.

Виктор снова взглянул в бинокль. Он увидел, как Данко выходит из ванной, забирается на стул и что-то делает с пыльной лампой, свисающей с потолка посреди комнаты.

— Слушай, Виктор, старик, пошли уже,— сказал кто-то из Бритоголовых. В общей сложности их было четверо.

Виктор кивнул.

Ночной портье не привык, чтобы в такую рань приходилось выносить столько хлопот. Он уже заснул, примостив голову на стол, когда в дверях появился Виктор со своей командой. Шума от них было столько, что портье снова проснулся.

Он уже было сказал: — Вам что, ребята, номер нужен? — когда сообразил, что шум производит вырываемый из стен телефонный провод.

— Эй!..

Виктор съездил этим телефоном клерка по голове и тот вернулся к своему излюбленному бессознательному состоянию, хотя и не совсем был согласен с использованными для этого Виктором методами.

Четверка Бритоголовых направилась к лестнице, сжимая в руках пистолеты.

— Вперед,— произнес Виктор тоном пехотного командира, приказывающего своему отряду занять намеченную высоту. На третьем этаже они свернули и Бритоголовые решительно двинулись вперед, а Виктор на секунду задержался, чтобы выглянуть в единственное выходящее отсюда окно. Тремя этажами ниже бурлила грязная речка Чикаго.

Затем он проследовал по коридору вслед за Брито-

говыми, но не стал подходить к дверям своей бывшей комнаты, как те. Он остановился позади, выжидая.

Али и Джамал обрушили свой вес на непрочную деревяшку гостиничной двери. Когда дверь слетела с петель, они увидели проститутку, которая, выпрямившись, сидела на кровати.

— Где он? — спросил Али.

Шлюшка никогда прежде не видала таких бритых черных легавых, но решила, что лучше быть сговорчивой.

— В ванной... Только, вы кто такие?

Они не ответили ей. Али и еще один Бритоголовый направили пистолеты на двери ванной и принялись палить, сотрясая тонкое дерево тяжелыми пулями. Дверь дребезжала и трескалась, пули рикошетом разлетались по всему помещению. Из ванной раздался приглушенный крик и звуки бьющегося стекла и кафеля. Бритоголовые не оставили находящемуся там никаких шансов: они разрядили оба свои пистолета. Наконец наступила тишина. Али пробрался сквозь синеватую завесу порохового дыма и толчком открыл дверь. Из изуродованной комнатенки вывалился изрешеченный пулями труп жирного мужика и мешком рухнул к ногам Бритоголовых.

— Не тот! — воскликнул Али.

— Вот дерьмо!

Когда началась стрельба, Данко возился с ремешками своих часов. Не колеблясь, он схватил револьвер и, пригнувшись, отворил дверь своего номера, оглядел коридор — пусто — и побежал в ту сторону, откуда доносились выстрелы. Свернув за угол, он тут же принялся стрелять и сам. Оглушительный грохот его тяжелого орудия заполнил помещение и долею секунды спустя, когда пуля пробурала тело Али, одним Бритоголовым стало на свете меньше.

Приятель Али отправился вслед за своим другом почти тут же. Пистолет бухнул дважды и замолк.

«С двоими покончено,— подумал Данко,— но сколько еще осталось?»

А осталось еще двое, но оружие их было готово к бою — и они знали, где Данко, а где они — он не знал. И они решили, что справятся с ним запросто. Можно считать, что он уже труп.

Джамал со своим дружкой выскочили из открытых дверей номера в коридор. Данко услышал их шаги, но у него даже не хватило времени спрятаться. Однако первый выстрел раздался не со стороны Бритоголовых. Данко с удивлением увидел, как посреди лба у Джамала появилась аккуратная маленькая дырочка. Данко сознавал, что стрелял это не он, но, впрочем, в тот момент ему было все равно, кто это сделал. Это давало ему время привести в боеготовность свою артиллерию. Смит-энд-Вессон дважды полыхнул огнем, отбрасывая последнего Бритоголового к стенке уже мертвым.

Данко оглянулся. За ним, в прекрасной боевой позе, стояла молодая шлюшка, держа в руке дымящийся револьвер.

— Они убили моего клиента,— молвила она.

— Сколько их еще?

— Не знаю.

Сзади из коридора донесся звук бьющегося стекла. Виктор разбил лампу, висящую на потолке в номере Данко. На пол посыпались мертвые насекомые, пыль — и ключ. Мрачно усмехнувшись, Виктор поднял его. Ключ у него, дело улажено. Теперь оставалось только прикончить Данко. Это доставит ему не меньше удовольствия, чем операции торгового характера — а может, даже больше.

Проститутка заскочила к себе в номер, набросила плащ и натянула туфли. Она решила, что единственная возможность выбраться из этого дерьма — держаться за этого здорового парня. Она осторожно двинулась за ним по коридору.

Но у Данко возникли проблемы. Он был уверен, что Виктор находится в его номере, а звук разбитого стекла означал, что он нашел ключ. То есть Данко нужно пробраться внутрь и отобрать ключ. Но в номер вели две двери: одна — в спальню, а другая выходила в коридор из ванной. О том, что такое поле обстрела, Данко прекрасно знал по службе и помнил, что в номере — в углу спальни — есть такая точка, откуда Виктор мог следить за обеими дверьми. В какую бы из них ни вошел Данко, Виктор сразу же его увидит. Если бы у Данко был партнер — пусть даже Ридзик, они могли бы попробовать ворваться одновременно через разные входы — и надеяться

на лучшее. Даже Виктор не сумел бы зацепить их одновременно.

Данко оглянулся на юную проститутку. Она дрожала, как замерший щенок, а выступившие на глазах слезы понемногу смывали с лица макияж. Она явно была не в состоянии помочь. Свое дело она уже сделала — и о большем он ее просить не мог.

Но Виктор был рядом, и Данко нужно было войти и схватить его — никогда еще с того зимнего дня в Москве не был он ближе к цели. Поэтому ему придется пройти через одну из дверей — все равно какую, коль скоро он в любом случае окажется в зоне обстрела.

Он остановился возле дверей спальни, держа револьвер наготове. Он решил досчитать до трех, а затем ударом распахнуть непрочные створки. Но на счете «два» его предали. Наручные часы, все еще установленные на московское время, стали пищать. А этого негромкого звука оказалось достаточно, чтобы предупредить Виктора. У Данко осталась лишь секунда, чтобы успеть отскочить от двери, прежде чем Виктор не изрешетил ее пулями.

Шлюшка закричала и бросилась на пол. Иван последовал ее примеру. И не успел еще Виктор кончить стрелять, как Данко ворвался во вторую дверь — ту, что вела в ванную. Поступок этот был настолько рискованным, что даже самого Данко чуть не привел в восторг, когда он обнаружил маячащую впереди спину Виктора, на которую он тут же навел револьвер. Данко всегда надеялся убить Виктора, стоя перед ним лицом к лицу, но если судьба предлагает ему лишь этот шанс...

Судьба подарила ему Виктора, но тут же и отняла его обратно. В тот момент, когда Данко уже решил было стрелять, проститутка подскочила на ноги, стремясь убраться подальше отсюда. Если бы Данко нажал на спуск слегка посильнее, она была бы уже убита, но Иван успел удерживать свой палец в тот момент, когда фигура шлюшки выросла у него перед глазами.

Виктор завопил и помчался вдоль по коридору. К изумлению Данко, он устремился напрямик к окну.

— Мать твою! — закричала проститутка.

— Роста! — заорал Данко.

Виктор выскочил из окна головой вперед, словно прыгун с большого трамплина. Описав в воздухе кривую и поджав ноги, он мгновение спустя погрузился в темные, маслянистые воды протекающей вдоль гостиницы реки Чикаго.

Данко остановился у окна, глядя на бурлящий поток и готовясь пристрелить Виктора, лишь только тот появится на поверхности. Но Виктор все не всплывал.

И тут Данко почувствовал, что в спину ему направлено оружейное дуло. Он обернулся и обнаружил смотрящий на него ствол винтовки 45 калибра. И лицо человека, сжимающего в руках винтовку, было чем-то знакомо Ивану. Но потребовалось еще несколько секунд, прежде чем Данко смог понять, кто это такой.

— Вы за это заплатите, мистер Русский, — заявил ночной портье (а это был именно он), приближаясь. — Вы оплатите счет врачу и расходы за причиненные разрушения. И заплатите за новую покраску.

Роста удирал, а этот благонамеренный маньяк держал его на прицеле. Данко сделал обманный жест влево, чтобы ускользнуть от него вдоль узкого коридора, но ствол ружья остановил его.

— Пожалуйста, — спокойно произнес Данко, — не ставьте меня убивать вас.

Физиономия портье налилась ярко-красным цветом, а из глаз посыпались стрелы ярости.

— Убивать меня? Убивать меня? У меня в руках оружие. Я в армии четыре года служил, — стал размахивать он дулом перед носом у Данко. — Уж я-то знаю, как пользоваться этой хреновиной!

Проститутка поняла, что Данко на самом деле вознамерился прикончить клерка — ведь, помимо всего прочего, он стоял на пути между ним и тем парнем, что сбежал — и вовсе не нужно было знать Данко, чтобы сообразить, что сие отнюдь не радует его. Но она решила, что на сегодня смертей достаточно.

Шлюшка оказалась весьма неплохой актрисой. И сочла, что самое время изобразить истерику.

— Нет, — закричала она столь душераздирающим тоном, что Данко с клерком аж подпрыгнули, — нет! Пожалуйста, не надо!

Данко отреагировал первым. Пока портье все еще глазел на проститутку, Иван схватил его винтовку за ствол, выдернул ее, оттолкнул клерка локтем в сторону и понесся вниз по служебной лестнице. Быть может, еще есть хоть какой-то шанс снова напасть на след Росты. Протопав по ступенькам, Данко исчез.

Истерика достигла своей цели, посему проститутка сразу же успокоилась, уняв свои эмоции словно по мановению волшебной палочки. Пора и самой уматывать отсюда. А то после всей этой стрельбы тут скоро соберется вся чикагская полиция.

— Какого черта здесь происходит? — воскликнул портье. — Что это все за русское дерьмо?

— Я ничего не знаю, — ответила шлюшка. — Может, вы объясните мне...

И она покинула клерка, который, потирая лоб, стоял возле груды бритоголовых трупов и размышлял, не сменить ли ему профессию.

Дождь продолжал хлестать, но это не беспокоило Данко. По грязной аллейке он добрался до задней стороны гостиницы. Остановившись на берегу, он покачал головой. Виктор снова исчез. Возвращаясь обратно, он заметил юную проститутку, которая быстро вышла из гостиницы и направилась в сторону станции надземки в дальнем конце улицы. Она поймала на себе его взгляд и зашагала еще быстрее.

Он стоял у входа в гостиницу и глядел, как она удаляется. Потом крикнул: — Погодите, — и побежал через улицу.

Девушка неуверенно остановилась на тротуаре, оглядывая улицу. Неподалеку завывали полицейские сирены — и можно было сообразить, куда они направляются.

Данко догнал ее и взял за руку:

— Не понимаю. Почему вы мне помогали?

— Слушайте, мистер, я лучше пойду отсюда.

Звуки сирен становились все громче. Она знала, как это будет: она может назвать свои действия самообороной, тот парень, которого она пришила, может оказаться Джеком-Потрошителем, но она все равно схлопочет срок. Для нее дела всегда оборачивались именно так.

Данко осторожно взял ее за плечи.

— Нет. Объясните.

Девушка смахнула с лица капли дождя:

— Они ворвались в мой номер и пристрелили моего клиента. Он уже заплатил мне пятьдесят баксов. То есть я была у него в долгу.

— А где вы взяли оружие?

— Вы иностранец? Говорите с акцентом.

— Да.

Она улыбнулась.

— Мистер, в этой стране у всех есть оружие, — она освободилась от его рук. — Извините, мне нужно смыться, пока легавые не взяли. Вы меня не видали, ладно? А я не видала вас. Приятно было познакомиться, — и она направилась к лестнице, ведущей на платформу.

Но Данко снова ухватил ее за запястье:

— Погодите.

— Да?

— Вы спасли мне жизнь.

Она подозрительно взглянула на него, словно он внезапно мог превратиться в фараона, а спасение его жизни стало бы расцениваться как очередное ее преступление.

— Ну и что?

Данко широко улыбнулся, стаскивая ее со ступенек своими мощными руками:

— Я хочу поблагодарить вас.

Он крепко обнял ее, горячо расцеловал, а потом поднял высоко в воздух. Роста сбежал, но почему-то мысль о том, что ему, Данко, помогла эта хрупкая, милая девушка, делала боль от потери немного терпимее. И ему показалось, что впервые со времени смерти Юрия он почувствовал радость в жизни.

Шлюшке вдруг передалась его радость и она громко рассмеялась, потом весело завопила под дождем. Они вместе оказались перед лицом смерти — и вместе победили ее.

За рулем первого полицейского автомобиля, вынырнувшего из-за угла, сидел Стоббз; на заднем сиденье расположился Доннелли, на переднем — Ридзик. Вся троица сразу же заметила Данко, поднявшего над головою полуодетую, промокшую под дождем девушку. Само по себе это было уже странно. Но еще более странным

выглядело то, что Данко смеялся, смеялся счастливо, до слез.

— Ридзик, — спросил Доннелли, — что это там Данко делает?

— Советские методы, сэр.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

На место преступления обычно приезжает множество людей — эксперты, медики, лаборанты, подчас даже помощники окружного прокурора. Все они прибыли и в «Гарвин», за исключением последнего, что вполне устраивало Доннелли, потому что ему вовсе не хотелось давать объяснений, откуда взялись четыре трупа Бритоголовых да еще тело какого-то неизвестного белого в го-

стинице, где, как известно, проживал в прошлом Виктор Роста, а в настоящем — Иван Данко. Он не хотел объяснять этого и — что еще важнее — не мог объяснить. Но он был абсолютно уверен в том, кто убил их, и столь же уверен в том, что дал Данко оружие.

Когда тело клиента проститутки спускали по лестнице, Стоббз заметил:

— У всех Бритоголовых — вот что любопытно, — у всех Бритоголовых были билеты на бейсбол. «Вайт Сокс».

Доннелли потер глаза, словно пытаясь прогнать сон:

— Отлично. Я уже представляю себе лозунг на трибуне: «Добро пожаловать, Бритоголовые!»

— Может, они все болельщики? — предположил Стоббз.

Доннелли мрачно взглянул на него:

— Ага, решили устроить себе отдых посреди битвы, потому что вдруг подхватили бейсбольную лихорадку.

— Я пошутил, шеф, — сказал Стоббз.

— Хорошо.

— Ну а я вовсе не склонен шутить, шеф,— раздался гневный голос у них за спиной.

Они повернулись и увидели ночного портье. Тот был небрит, потен и челюсть его изрядно распухла в том месте, куда заехал телефоном Виктор. Сперва русские, потом все эти трупы, а теперь легавые.

— Я вовсе не склонен шутить, когда хочу узнать, какой хрен объяснит все это моему начальнику. Третий этаж выглядит как Бейрут. И кто поможет мне оправдаться перед хозяином, когда я буду объяснять ему, что это не моя вина? Город Чикаго? Полиция?

Стоббз умел обращаться с Иван Ивановичем Народом.

— Сэр, если вы сообразоволяете дать показания одному из наших офицеров...

— Срал я на одного из ваших офицеров, старик. Я слышал, что вы называли этого парня «шефом», поэтому я хочу говорить с шефом.

Доннелли закатил глаза и двинулся к двери:

— Эй, шеф, кто за все это заплатит? Я уж на все сто уверен, что не этот русский ублюдок. И отпустите... Эй, мужик, отпусти меня,— это уже полицейскому в форме, который схватил его за плечо.— И еще, шеф, я хочу сказать про русского. Этот сукин сын украл у меня винтовку.

Доннелли не слушал его. Портье, продолжая ворчать, позволил тем не менее полицейскому выпроводить себя.

— Думаю, пришла пора потрясти Ридзика и его русского приятеля,— сказал Доннелли,— и посмотреть, что из них высыпется.

— Хорошая идея,— ответил Стоббз.

— Где они?

— На улице.

— Вполне подходящее место.

Ридзик и Данко сидели в автомобиле Доннелли, глядя, как тело проституткиного клиента грузят в машину скорой помощи.

— А это кто еще такой?

— Случайный свидетель,— ответил Данко.

— Бывает.

— Ключ теперь у Виктора,— сказал Данко.— Значит, мы должны найти, что этот ключ открывает, либо найти самого Виктора.

— Нет,— ответил Ридзик,— заводя машину,— не сейчас. Сейчас нам нужно найти такое место, где нет командира Доннелли и лейтенанта Стоббза,— и тут он увидел обоих вышеупомянутых, как раз появившихся в дверях «Гарвина».— Пора отчаливать, товарищ.

— Эй,— сказал Стоббз,— разве это ваша машина?

— Да,— продолжил Доннелли,— и разве это...

Стоббз бегом устремился вперед:

— Чертов Ридзик! Эй!

Ридзик помахал им ручкой, словно отправлялся домой после скучного рабочего дня, и укатил прочь.

Доннелли проводил его взглядом и покачал головой:

— Я больше не хочу, чтобы Ридзик служил в полиции,— сказал он, не обращая ни к кому конкретному.

Пробираясь на машине по утренним улицам, Ридзик старался соединить куски головоломки вместе. Данко, кажется, теперь полностью раскрылся, что делало жизнь немного полегче, хотя и не обязательно безопасней.

— А есть вероятность, что мы настолько испугали Виктора, что он просто заберет свои деньги и смоеется?

Данко покачал головой:

— Нет. Сначала он устроит свою сделку, а потом уж уедет.

— Обратю в Россию?

— Да. С наркотиками.

— Черт, а чего бы ему просто не остаться здесь и заниматься своими делами? Присоединиться ко все растущему классу американской мрази?

— Семья. У Виктора семья в России.

— О, теперь все понятно. Виктор Роста, примерный семьянин.

— Они его не предадут. Он может им доверять. Это не то, что иметь дело с бритыми неграми.

— Напоминает мафию. А я всегда думал, что только мы, сентиментальные капиталисты, подвержены подобному дерьму,— Ридзик закурил и удобнее устроился за рулем.— Приятно узнать, что организованная преступность организована везде.

— У нас много проблем. Семейные банды. Наркотики. Черный рынок. Коррупция.

— Господи, — ответил Ридзик. — Похоже, ребята, вы начинаете говорить, словно средний американский Джо.

Но дальше Данко не пошел, несмотря даже не перестройку.

— Виктор — это нетипичный пример, — сказал он.

— Ну, конечно же, нет. В основном же вы все — компания добродушных симпатяг с балалайками в руках, — подкалывать Данко постепенно становилось второй натурой Ридзика.

— Вы расскажете командиру про ключ?

— Товарищ, я постараюсь держаться от командира как можно подальше до тех пор, пока не смогу принести ему то, что спасет мою бедную попку. Как вы думаете, сможете вы подробно описать этот ключ?

Данко не стал упоминать, что переписал заводской номер ключа.

— Да.

— Хорошо.

— Почему?

Ридзик резко свернул налево.

— Потому что говорить придется вам.

— Почему?

Арт вырулил на автобусную остановку, включил на щитке знак «ПОЛИЦИЯ НА ВЫЗОВЕ» и вылез из автомобиля. Он указал Данко в сторону небольшого магазинчика. Надпись над дверью гласила: «КЛЮЧИ ПЭТА. ЗАМКИ. ОХРАНА».

— Говорить придется вам, потому что этот самый Пэт с ключами терпеть меня не может.

— Почему? Вы его за решетку отправляли?

— Можно и так это назвать, — ответил Ридзик. — Он, понимаете ли, в некотором смысле член моей семьи.

Как и предсказывал Ридзик, Пэт Нунн не испытал особого восторга при виде его. Это был человек крупного телосложения и похоже было, что пребывает он, как правило, в прекрасном расположении духа — при том, правда, условии, что поблизости не возникает Ридзик.

— Эй, Пэт, — сказал Ридзик, входя в магазинчик.

Все помещение казалось увешанным гирляндами ключей. Они плотными рядами свисали с сотен крючков, торчащих из укрепленных на стенах кронштейнов. Позади прилавка стояла пара автоматов для нарезания ключей и целая библиотека справочников.

— Скажи своей ненасытной сестренке, чтоб она перестала меня донимать, — произнес Пэт вместо приветствия.

Ридзик облокотился на прилавок, словно собираясь заказать выпивку:

— Хочу дать тебе один дружеский совет: плати эти паршивые алименты. А я здесь по рабочим делам.

Пэт перевел взгляд с Ридзика на Данко:

— А это что еще за начальник?

— Мой партнер. Нам нужно...

— Слушай, хватит брехать, — Нунн сразу мог распознать финансового инспектора, а Данко весьма походил на одного из них. — Я на той неделе послал ей чек, а вчера она звонит и заявляет, что отправит меня под суд. Вот я и думаю, что этот парень в классном костюмчике — либо фининспектор, либо судебный исполнитель.

— Это полицейские дела, Пэт, мы разыскиваем ключ.

— Правда?

— Да, правда.

— И никаких повесток?

— Нет.

Пэт Нунн, казалось, приободрился:

— Там справочники в алфавитном порядке. Алфавит по названиям производителей.

Данко подошел к ряду книг и стал изучать их заглавия. Он снял с полки пару томов и перелистал, чтоб ознакомиться.

— Только ставьте их на место. Не перепутайте, ладно?

Данко достал из кармана салфетку с написанным на ней номером и посмотрел на название изготовителя. «Иейл». Он взял справочник фирмы «Иейл Локс» и раскрыл на той букве, с которой начинался серийный номер ключа, — «Г».

Ни Ридзик, ни Пэт Нунн не обращали на него внимания. Бывшие зять с шурином продолжали доставать друг друга.

— Так что же случилось, Арт? Опять захлопнул очередную подружку в полицейской машине? Честно тебе скажу: я спать по ночам спокойно не могу, вспоминая, что ты фараон.

Ридзик проигнорировал оскорбление:

— А я слышал, что тебя избрали почетным засранцем. Всегда был уверен, что у тебя к этому настоящий талант. Поздравляю. Кандидатур туда полно, а избирают немногих.

— Все ваше семейство хочет мне поднасрать, Ридзик. Вот только не знаю, кто больше — ты или твоя сестра.

— Я? А какого черта я тебе сделал?

— Она сказала, что отправить меня под суд было твоей идеей.

Ридзик пожал плечами:

— Я полисмен. Поэтому считаю, что и суд для чего-то нужен.

Данко обнаружил строчку, на которую обратил внимание. «Ключи серии «Г» под номером от 1050 до 4950 — смотри «КАМЕРЫ ХРАНЕНИЯ». Когда Ридзик впервые увидел ключ, он сказал, что, вероятно, он от какого-нибудь шкафчика.

— Если хочет, пусть отправляет меня под суд, только у меня больше нет денег. Мы же договорились о сумме — так чего же она не может прожить на нее?

Раздел, относящийся к камерам хранения, изобилует превеликим множеством изображений ключей всевозможных форм и размеров. Данко проследил по списку номера, пока не нашел нужный. Под ним стояла надпись: «Смотри дополнение Б».

— Ну, как дела? — спросил Ридзик, глянув на Данко.

— Отлично, — ответил тот.

— Откуда он? — спросил озадаченный Пэт.

— Канадский француз, — не моргнув глазом, ответил Ридзик.

Данко достал дополнение и снова стал изучать цифры, то и дело заглядывая в свою салфетку. Цифры постепенно вставали на свое место.

Тон Пэта Нунна немного изменился. Он решил поговорить с Ридзиком, как мужчина с мужчиной, стараясь заручиться его поддержкой:

— Ладно, Арт, дай мне передохнуть. Поговори с ней. Она тебя послушает.

— Не знаю, Пэт. Я же предупреждал ее в свое время, что ты пройдоха. Тогда она меня не послушала.

Данко нашел то, что искал. Его ключ, серийный номер Г-3291 Иейл, подходил к замку камеры хранения автобусной компании «Американ Либерти». Но была там и одна неприятная информация: имеет отделения по всей стране. Оставалось уповать на то, что искомый замок расположен в чикагском филиале.

— А знаешь, — говорил Ридзик любезным тоном, — я ведь даже предлагал заплатить ей за то, чтобы она не выходила за тебя.

Нунн выпрямился:

— Не хочу я слушать такую чушь. Знаете что, ребята, уматывайте-ка вы отсюда.

Данко спрятал салфетку в карман.

— Да ладно, Пэт, погоди, пока парень закончит.

— А я закончил.

— Вот и хорошо, — сказал Нунн, — так что уматывайте.

Они залезли обратно в автомобиль.

— Что-нибудь отыскали?

Данко покачал головой:

— Нет.

— И что теперь?

Данко пожал плечами.

Когда они бесцельно кружили по городу, размышляя, что же делать дальше, Ридзик заметил, что за ними следует патрульная полицейская машина. Оба сидящих в ней были белыми, из чего он сделал вывод, что это не очередные выходки Бритоголовых. За Ридзиком плелся хвост из его же собственного учреждения — и делал это настолько плохо, что казалось, что те даже хотят, чтобы он заметил этот хвост.

Когда они приблизились к перекрестку, свет как раз переключался с зеленого на красный. Черт с ним, подумал Ридзик и надавил на акселератор, собираясь проскочить вперед и оставить преследователей торчать у светофора. Но не успел он разогнаться, как прозвучала сирена, машина полиции выскользнула из своего ряда и заставила Ридзика затормозить.

Полисмен на правом сиденье опустил окно и улыбнулся:

— Эй, сержант Ридзик, командир Доннелли страшно хотел бы вас видеть.

Но полиция проводила их не в управление, а в Главную больницу графства Кук — и через въезд они попали к отделу медицинского обследования и моргу. Ридзик почувствовал холодок. Кого на этот раз пришел Виктор?

Небольшая группа полицейских стояла у металлического столика на колесах. Бесформенный черный мешок скрывал тело. Работник лаборатории потянул за молнию, раскрывая этот саван.

Взору собравшихся предстало лицо Кэт Манзетти — необычайно бледное, с прилипшими к нему волосами. Ридзик издал невольный стон. Данко замер, ошеломленный. Он обещал ей свободу в обмен на помощь. За это Виктор заплатится тоже.

— Ее выловили из реки час назад, — сухим голосом произнес Стоббз, словно читая лекцию отряду новобранцев. — Предварительный осмотр обнаружил перелом шейных позвонков. Смерть произошла от удушья.

— Отвезите на вскрытие, — приказал Доннелли.

В ушах у Данко звучали слова, произнесенные Виктором во тьме подземного гаража: «Она мне пригодилась. Украсила часть моей жизни в этом городе. А в остальном она — ничто».

— Это сделал Виктор, — сказал он.

Доннелли резко посмотрел на него:

— Подержите язык за зубами, капитан. И вы тоже, Ридзик. — Доннелли оттащил Стоббза в сторону и зашепел ему на ухо: — Если я стану разговаривать сейчас с одним из них, то наверно, схвачу инфаркт.

— Командир...

— Я вам точно говорю. Заткните их, Стоббз. Им конец. С Данко я хочу поговорить у себя в кабинете. Мне нужен от него какой-нибудь доклад, — он медленно покачал головой. — Знаете, я очень ошибался, когда решил, что мы ничего больше не потеряем.

Он двинулся прочь, но тут к нему подбежал Ридзик. Арту пришла в голову совершенно замечательная мысль.

Но Доннелли не проронил даже и слова. Одного взгляда на лицо командира было достаточно, чтобы понять, что никакие коврижки не убедят этого человека в том, что Ридзик заслуживает предоставления ему еще хотя бы одного-единственного шанса.

Данко не сводил глаз с лица Кэт. Он чувствовал свою вину за происшедшее — а кто же еще почувствует? Уж, во всяком случае, не Виктор.

— Она — его жена, — заметил Стоббз.

— Да, — ответил Ридзик, — жена. Сукин сын.

А его-то сестричка считает, что ей тяжело пришлось с Пэтом Нунном.

— Вы, ребята, по уши в дерьме, — сказал Стоббз.

— Глубокая мысль, — ответил Ридзик.

Санитары покатали столик с телом. Данко проводил его взглядом, как провожают уходящий поезд. Он не поворачивался, пока не захлопнулась бесшумно стальная дверь.

— У нее не было выбора.

— И у вас тоже, — сказал Стоббз. — Ридзик, вы переводитесь на работу в канцелярию. С сего момента.

Что ж, Ридзик так и предполагал.

— Данко, вы отправляетесь домой. Туда, где вам и следует быть.

Данко не пошевелил и мускулом.

«Нет уж», — подумал он.

Доннелли решил, что если ему удастся выдержать переговоры сперва с парой русских дипломатов, а потом еще и с Данко, то он сможет поздравить себя с тем, что сумел сохранить свою сердечно-сосудистую систему еще на один день.

Хваткий дипломат Муссорский из всех сил старался быть мил; Степанович действовал в своем привычном подкупающем репертуаре. Оба дипломата время от времени поглядывали сквозь заслон из растений и аквариумов на комнату дежурных, где Ридзик, сидя за своим столом, с необычайной медлительностью стучал на машинке. Рядом с его столом сидел Данко, отсутствующим взглядом уставившись в пространство. Глядели русские туда, чтоб убе-

даться, что Данко все еще на месте — невозможно было допустить, чтобы он снова скрылся. Им вовсе не хотелось приносить себя в жертву из-за товарища капитана Ивана Данко.

— Когда мы сможем забрать его? — спросил Григорий Муссорский.

— Когда я с ним разберусь, — резко ответил Доннелли. Он полистал бумаги на своем столе. — Мне это не доставляет особой радости. Но нам надо соблюдать наши процедуры, знаете ли.

— Москва настаивает, чтобы капитан Данко немедленно вернулся и представил полный отчет.

— Да пусть ваша Москва идет к... — Доннелли постарался успокоиться. — Пусть ваша Москва займется своими процедурами, когда я закончу со своими. Это пока еще наша страна, товарищ, а я пока еще руковожу этим полицейским отделением.

— Капитан Данко находится вне вашей юрисдикции.

— Да и черт с ним! — Доннелли почувствовал, как поднимается его давление. — Ладно... ладно... когда его рейс?

— Сегодня вечером в двадцать два ноль ноль, — сказал Степанович.

— Хорошо. К этому времени я закончу. Капитана и сопровождение до аэропорта вы получите в девять. Но сперва мне нужно с ним поговорить. Дайте мне на это время, а потом он ваш. Даю вам свое слово.

Дипломаты предпочли бы, чтобы им дали Данко. Они бы отвезли его в Советское консульство, там доктор ввел бы успокоительное — и тогда Данко можно было бы отвезти в аэропорт когда им угодно, и как им угодно. Если бы удалось забрать Данко сразу, то не понадобилось бы сопровождение. Но они понимали, что правила тут диктует Доннелли. А им оставалось лишь скрежетать зубами и подчиниться этим правилам.

Ридзик, склонившись над машинкой, долбил по клавишам со скоростью, приближающейся к одному слову за месяц. Одри, секретарша Доннелли, хлопала его по плечу:

— Я могу сделать это для тебя на компьютере за полчаса. Кстати, Доннелли хочет вас видеть.

— Черт, — пробормотал Ридзик. — Началось.

— Не тебя, Арт. Капитана Данко.

— Хорошо, — Данко встал.

— Нет. Ничего хорошего, — ответила Одри. — На вашем месте я бы надела каску.

Поднявшись, Данко оправил пиджак и подтянул узел на галстук, словно отличник боевой подготовки перед парадом. Быстрым шагом устремился он в кабинет Доннелли.

Ридзик проводил его взглядом:

— Знаешь, Одри, я почти завидую этому хрену.

— Отчего?

— Когда он вернется домой, то его просто кокнут. А может, пошлют на рудники. Говорят, в Сибири в это время года красиво. А я? Начнутся слушания и допросы, административные наказания, пресса, и что-бы-сказала-моя-мама — и уже потом мне наступит конец.

Он снова вернулся к машинке:

— Ты уверен, что не хочешь, чтобы я напечатала это за тебя?

— А я не прочь потянуть, Одри. Чем скорее я закончу, тем скорее меня отправят в молотилку.

— Попробуй отыскать светлые стороны, Арт. Проверь, кто тебе звонил, — она хлопала по телефону. — Может, тебя ждет выигрыш в лотерее.

Он почти допечатал очередное слово после ее ухода, но затем пустил пленку автоответчика. Обычная белиберда:

«Привет, Ридзик, это Салли из Цицero. Мы все еще ждем твоего рапорта по поводу 560 на прошлой неделе В...»

Ридзик включил перемотку. Услышал звук очередного соединения. Это был Пэт Нунн:

«Кстати, Арт, слушай, я кое что забыл. Ты сука», затем раздался звук брошенной трубки.

Было еще сообщение из прачечной: рубашки его постираны.

После чего последовала длинная пауза и вслед за ней — задыхающийся голос. Голос из могилы: Кэт Манзетти. Ридзик почувствовал, что его словно ударило током:

— Нужно говорить быстро. Сегодня у Виктора сделка.

Комиски-Парк. Во время игры. В комнате у зрителя стадиона. Только два человека — Виктор и еще один, — в ее голосе чувствовался страх. — Не могу говорить отсюда, тяжело». Она повесила трубку. Звоня, она покупала себе жизнь, но покупка не состоялась.

Доннелли был холоден и собран. Он знал — по крайней мере, ему казалось, что знал, — как вести себя с Данко. Как мужчина с женщиной, как полисмен с полисменом. Он даже попытался представить себя русским ментом — все ради того, чтобы добраться до Данко, чтоб раскрыть дно этой свалки.

Данко стоял, как всегда. Ридзик ясно дал понять ему, что теперь Доннелли стал их врагом: во власти командира послать его домой — и без Виктора. Нужно быть настоящим.

— Теперь, — спокойно произнес Доннелли, — мы вот как поступим, капитан. Сделаем так, чтобы вам было удобно. Расслабимся.

Данко надеялся, что это не означает, что ему придется кормить рыбок.

— Мы расслабимся на русский манер, — командир открыл небольшой холодильник, стоящий у него под столом, и вытащил высокую, полную бутылку холодной как лед «Столичной». Данко отметил, что это самый дешевый сорт из тех, что можно купить в Советском Союзе, но он пивал и похуже: паршивый самогон, а однажды даже — еще в армии — стеклоочиститель. И все же он подумал, много ли найдется на Западе людей с достаточно крепким желудком, чтобы пить эту штуку. Доннелли поставил бутылку и две рюмки на стол, откупорил металлическую крышку и отбросил ее в сторону: он где-то читал, что это русский жест, означающий... что-то — Доннелли надеялся, что дружбу и доверие. Он разлил напиток и подал рюмку Данко. В дверях появился Стоббз. Но лейтенант отмахнулся от предложенной бутылки.

Доннелли поднял рюмку и повертел ее в пальцах. Он предпочел бы не пить — вредно для сердца, — но готов был сделать это, если в ответ Данко раскроется. Впрочем, немного выпить не помешает — это не атомная бомба.

— Теперь представим, что мы в Москве. Я ваш начальник. И вы можете полностью на меня положиться.

Данко одним глотком опрокинул рюмку.

— Я проиграл.

Доннелли кивнул. Что ж, он хочет, как видно, исповедаться, а не отчитываться. Отлично — если только он при этом изложит и факты. Данко снова наполнил рюмку и отпил.

— Вы проиграли. И?

Данко пожал плечами и еще отпил:

— И это все?

— Да.

Доннелли тяжело сглотнул, словно откусил чересчур большой кусок сандвича. Потом подскочил, ухватил бутылку с водкой за горло и изо всех сил швырнул ее об стенку. Бутылка разлетелась на куски, забрызгивая помещение водкой. Напиток попал в некоторые из аквариумов и их обитатели немедленно рванулись к поверхности, дабы вкусить нового угощения. Стоббз застыл, словно вросший в пол. Он никогда не видел прежде своего шефа в таком состоянии.

Покрасневший Доннелли, пыхтя и шатаясь, словно пьяный, кинулся к двери.

— Ридзик! — заорал он.

На минуту комната, казалось, погрузилась в полную тишину.

— Да, сэр! — отозвался Ридзик, промчавшись вдоль аллеи письменных столов и врываясь в комнату, заполненную невыносимым запахом водки. Едва он появился, как Доннелли выпалил в него сразу из обоих стволов.

— А ну-ка, давайте посчитаем, сколько у нас на сегодня тут трупов, а, Ридзик?

— Очень хорошо...

Доннелли пронесся мимо него, словно скорый товарный состав. Данко потягивал напиток, жалея об уничтоженной водке.

— Вот Галлахер, — возопил Доннелли, загибая пальцы, — двое русских: один — нормальный, другой — двуполой разновидности, четверо лысых черных, голый кобель...

«И куропатка на груше», — сказал бы Ридзик, если б у него хватило храбрости.

— ...наконец, девчонка, которую выловили из воды со сломанной шеей и которая, как оказалось, жена этого Виктора — это не считая ущерба, причиненного полиции и частной собственности. Теперь я прошу вот этого капитана рассказать мне про все, а он, в сущности, посылает меня в глубокую жопу! — голос Доннелли перешел на визг.

Но тут он замолк, глубоко вздохнул и, кажется, успокоился. Речь его стала спокойной, холодной и медленной:

— Но не думаю, что я туда пойду. Я пошлю в жопу вас. Я скажу, что вы занимались делом, не имея на то полномочий.

Аргумент был веский, чего Ридзик не мог отрицать.

— И я возложу на вас персональную ответственность по всем судебным искам и гражданским обвинениям.

Ридзик терпеть не мог судебные иски.

— И прослежу за тем, чтобы ваши пенсия и пособие были заморожены.

Ну, теперь уж Доннелли явно заливал. Он знал, что Ридзик еще не проработал в отделении достаточно для того, чтобы заработать на пенсию и пособие.

— И я предъявлю вам уголовное обвинение в том, что вы передали огнестрельное оружие не имеющему лицензии иностранному агенту.

Ооо! Вот это Ридзiku уже крайне не понравилось. Уж если ты не любишь гражданские обвинения, то уголовные ты просто ненавидишь.

Пришло время свершить чудо.

— Я не верю, что вы поступите так, сэр.

Теперь даже Стоббз отвернулся. Он не любил Ридзика, но и он не считал, что тому стоит усугублять свои проблемы.

— С какого же это хрена не верите, Ридзик?

Арт Ридзик бросил кассету с записью звонка от Кэт командиру Доннелли:

— Я знаю, где сегодня ночью состоится сделка, — и улынувшись словно фокусник, извлекающий из шляпы автомобиль, Ридзик добавил: — Мы схватим Виктора.

Стоббз не мог отрицать, что проделано это все было очень ловко. Ему даже захотелось аплодировать.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Действия большого количества тяжело вооруженных полицейских среди еще большей группы невинных граждан — даже болельщиков команды «Чикаго Вайт Сокс» — маневр опасный. Полиция терпеть не может подобных акций и прибегает к ним лишь в случае крайней необходимости. Перспектива перестрелки с участием Виктора и его оркестра Веселых и Бритоголовых против

спецназа чикагского отделения Полиции в Комиски-Парке, по мнению Доннелли, относилась к числу явлений крайне отрицательных. Но, с другой стороны, оставлять Виктора на свободе еще на день было немыслимо. Важно остановить его — и остановить навсегда. И поскорее.

Доннелли со своими людьми при поддержке отряда специального назначения находились в выгодном положении. Они знали, кого они ищут, и знали, где его искать. Оставалось лишь надеяться, что Виктор сообразит, что проиграл, и не станет с боем пробираться к выходу с переполненного стадиона. Если такое случится, то Доннелли может смело рассчитывать на инфаркт: ведь каждый раз, когда кто-нибудь страдает — а Доннелли был уверен, что при подобном исходе дела кто-нибудь пострадает, — можно было не сомневаться в том, что сперва комиссар, потом мэр, и, наконец, пресса станут по куску вырывать у него из сердца.

Он тщательно продумал план. Сперва нужно избавиться от Ридзика и Данко: Ридзик останется сидеть в управлении, причем ему ясно будет дано понять, что случится, если он отойдет от своего стола дальше, чем до кофеварки; Данко заперт и сидит под охраной в отделении полиции. Доннелли предпочел бы посадить его в камеру, но опасался, что в результате могут последовать диплома-

тические неприятности. Ладно — Неллиган сумеет за ним присмотреть.

Отряд спецназа расположился на верхних трибунах, одетый в форму обслуживающего персонала и стараясь не походить на легавых — правда, все они сжимали швабры, словно это были автоматы — и надеясь, что бронежилеты их останутся не замеченными. Все входы на стадион охранялись полицейскими в форме — и тоже в бронежилетах. Полицейские в бронежилетах расположились на автостоянке и в служебных помещениях под игровым полем, в раздевалках и конторах. Даже Доннелли со Стоббзом нацепили под костюмы бронежилеты. Если бы кто из болельщиков обратил на это внимание, то решил бы, что нынче на стадионе бронежилетный карнавал.

Когда Стоббз и Доннелли прибыли на стадион, счет еще не был открыт. Доннелли старался слегка расслабиться.

— Здесь будет победитель, Стоббз,— говорил он, с трудом сдерживая возбуждение.— Перед нами одна из крупнейших в мире акций по захвату преступников. И я надеюсь, вы упомянете о помощи Ридзика в своем отчете.

Стоббз рассмеялся:

— Только вот не удалось ему присутствовать на празднике.

— Упомяните там, что он малый-не-промах.

За свою жизнь Данко засадил в тюрьму немало людей, но никогда не лишали свободы его. Если, конечно, не считать трех лет, проведенных в Советской Армии.

Он был удивлен, когда Неллиган провел его по коридору в какой-то кабинет, болтая всякую чепуху насчет того, что нужно подписать какие-то бумаги, связанные с убийством Галлахера. Данко подчинился с плохо скрываемым нетерпением. Он хотел пойти и, наконец, схватить Виктора. Неллиган завел его в комнату и сказал, что сходит за бумагами. Данко не мог усидеть. Он зашагал по пустому помещению, в котором стоял лишь стол с телефоном. Зарешеченное окно выглядывало на вентиляционную

шахту. Одна из стенок комнаты была сделана из прозрачной толстой пуленепробиваемой пластмассы. За ней располагалась подобная же пустая комната. И в этот момент Данко пришло в голову, что он находится не в кабинете; это комната свиданий с преступниками — то место, где заключенные встречаются со своими семьями или адвокатами: каждый со своей стороны неодолимой преграды.

Как только он сообразил это, замок в двери защелкнулся. Данко рванулся обратно и, ухватившись за ручку, подергал дверь. Сквозь матовое стекло он различил очертания усевшегося снаружи Неллигана. Раздалось шуршание разворачиваемой газеты.

Тут зазвонил телефон. Данко схватил трубку, бросив взгляд на разделяющую комнату прозрачную перегородку. Звонил Ридзик.

— Для честной игры это уж чересчур,— сухо заметил он.

— Мне нужно выбраться отсюда,— сказал Данко.

— Обстоятельства к этому не располагают. До тех пор, пока ваши люди не приедут и не заберут вас в аэропорт.

— Мне нужно выйти, чтобы взять Виктора.

Ридзик застонал:

— Извините, старик. Ваше время ловить Виктора прошло. Его будут брать Доннелли и крепко вооруженные ребята. Не волнуйтесь. Они знают свою работу. Они выпотрошат этот стадион, как цыпленка. Профи. Он не уйдет.

Только тут Данко сообразил, что он позволил своей гордости пресечь ему путь к аресту Виктора. Зная место, где расположен ящик, открывающийся ключом Виктора, он понимал, что стадион — это лишь уловка. Если бы он сказал кому-нибудь об этом — даже Ридзику, — то они смогли бы схватить Виктора на автовокзале. Но ему никогда и в голову не приходило, что его могут лишить свободы. Каким же дураком он оказался! Через считанные минуты Виктор заплатит денежки, заберет наркотики — и смывается.

— Виктора не будет на бейсболе.

Ридзик хотел было рассмеяться, но почувствовал в

голосе Данко нечто такое, что дало ему понять, что русский не шутит.

— А как же запись?

— Ложь.

— Ложь?

— Да, ложь.

Ридзик покачал головой, припоминая голос Кэт:

— И за то, что она лгала, ее убили? Или вы хотите сказать, что Виктор скормил ей липовую информацию, а потом убил ее?

— Да.

— Просто так?

— Это же Виктор.

— Но он же хотел, чтобы она рассказала это нам?

— Виктор,— сказал Данко таким тоном, словно это объясняло все. Впрочем, в какой-то смысле так оно и было.

— А откуда вы узнали, что именно это и случилось? Данко не ответил на вопрос.

— Вытащите меня отсюда.

Ридзик покачал головой:

— Вам всегда хотелось бы рассчитывать на меня, верно, Данко? На сей раз вы ошиблись. Все указывает на стадион.

Глаза Данко сверкнули:

— Вытащите меня отсюда!

— Эй, не надо так расстраиваться — меня тоже заперли.

Данко ударил по толстой пластмассовой перегородке:

— Это несправедливо.

Голос Ридзика звучал флегматично, словно арест Виктора не относился к числу тех вещей, которые продолжали его волновать:

— Знаю, что несправедливо, но нет смысла плакать над пролитым молоком. Теперь я вот что хочу вам сказать. Данко, дружок, не забивайте себе голову безумными идеями о том, чтобы выбраться отсюда. Вот этот парень за дверью — зверь, а не полицейский. Неллиган. Помните? Тот самый, что настучал на меня. Не связывайтесь с ним.

«Ну давай, свяжись, ну пожалуйста», — думал Ридзик, говоря все это.

— Ладно, до встречи,— закончил он вслух и повесил трубку.

«Ну, теперь посмотрим,— подумал он,— клюнет ли приятель наш Иван на приманку».

Закончив разговор с Ридзиком, Данко подскочил к грязному окну. Он оттянул проволочную сетку от рамы, насколько смог. До земли было по меньшей мере этажей девять. Даже ему не удастся прыгнуть с такой высоты. Он осмотрел закопченную шахту. Никаких труб, крючков или даже поломанных кирпичей, за которые можно было бы уцепиться. Единственным выходом оставались пуленепробиваемая перегородка либо дверь. Данко быстро пробежал пальцами по пластмассовой поверхности, проверил ее сопротивляемость кулаком. От сильного удара пластмасса даже не прогнулась. Края врезаны в стену. Никаких зажимов и винтов.

Данко посмотрел на часы. На спокойное, незаметное бегство времени не оставалось. Он постучал по дверному стеклу и увидел, что очертания Неллигана слегка сдвинулись — тот опустил газету.

— Открой дверь,— сказал Данко.

— Заткнитесь,— ответил Неллиган, снова поднимая газету.

— Это важно.

Газета не пошевелилась.

— Я же сказал: заткнитесь.

— Пожалуйста, офицер Неллиган.

— Сержант Неллиган,— поправил тот.

— Извините, пожалуйста,— произнес Данко голосом, полным раскаяния. — Сержант Неллиган, мне нужно поговорить с вами, это очень важно.

— Заглуши мотор, Борис. Я выполняю приказ.

Данко что-то пробормотал.

— Что?

Данко снова пробормотал что-то по-русски.

Неллиган прижал ухо к стеклу. Данко четко различал контуры его головы.

— Эээ?

Если б кто-нибудь стал измерять скорость, с которой кулак Данко пробил стекло, то стрелка, пожалуй, поднялась бы до отметки километров восемьдесят в час. Не так быстро, как летит бейсбольный мячик, отбитый игро-

ком в высшей лиге, но достаточной для того, чтобы вырвать Неллигана. Тот рухнул на пол посреди осколков стекла.

С другой стороны коридора Ридзик услышал звон стекла и громкий стон, вырвавшийся из уст человека перед тем, как тот погрузился в беспамятство после мощного удара в челюсть.

Ридзик оглядел опустевшую комнату дежурных. Затем припустил вдоль по коридору, чувствуя необычайный прилив адреналина. Он снова возвращался к делу.

Так же, как и Виктор. Тот переодевался в очередном номере захудалой гостиницы. Такой номер вполне мог бы оказаться в «Гарвине», но на этот раз гостиница была другая. Виктор то и дело бросал взгляд на телеэкран, где в программе новостей серьезная молодая репортерша описывала биографию женщины по имени Кэт Манзетти, найденной сегодня днем в реке. Когда на экране появилось изображение погибшей, он лишь мельком взглянул на ту, с которой часами занимался любовью, на которой женился, которой доверился и которую убил. Он не бахвалился, когда сказал Данко, что она не значит для него ничего.

Виктор взял в руки половинку сто долларовых бумажек — Кэт рисковала своей жизнью из-за нее, — поцеловал ее и засунул в карман пиджака. Затем поднял свою девятимиллиметровую Беретту, проверил, заполнен ли пятнадцатизарядный магазин, и сунул пистолет в кобуру под мышкой. Вес оружия был внушительный. Но лишняя предосторожность не помешает. Виктор подтянул рукав пиджака и укрепил на место второй пистолет. Это был тот самый, которым он убил Юрия, — только теперь, снабженный еще и чудесным глушителем, добытым для него добрыми бритоголовыми друзьями. Больше эти добрые друзья ему не понадобятся. Через несколько часов он исчезнет и предоставит им возможность самим вкушать плоды гнева чикагской полиции. Виктор устал от них, устал от их политики. Он устал от Америки. Ему хотелось домой. Домой, к семейному очагу.

На экране все еще светилось изображение Кэт Манзетти. Вероятно, фото из паспорта или водительских прав.

— ...по свидетельству неофициальных источников из чикагского отделения полиции, убийство Манзетти было, по всей вероятности, связано со все растущей волной наркоторговли, который...

Экран телевизора разлетелся на куски и лицо Кэт исчезло во взрыве. Виктор сдул дымок с дула своего пистолетика, и тот скользнул обратно в рукав. Из телевизора фейерверком разлетелись искры.

Виктор сунул ключ в карман и осмотрел себя в зеркале. Никто не заметит на нем оружия. Он готов действовать.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

То был великий день для бейсбола. Но «Вайт Сокс» к пятому иннингу проигрывали уже со счетом 8:0 команде из Оклэнда. Народу было немного — тысяч шестнадцать, — однако публика веселилась, несмотря на бледное выступление их команды. Болельщикам было приятно сидеть жарким влажным вечером, потягивать пиво и глазеть, как продувают земляки.

И никто, казалось, не замечал, что на трибунах слишком уж много обслуживающего персонала, укутанного в плотные слои одежды и истекающего потом.

Стоббз и Доннелли забрались высоко на верхнюю трибуну и сидели, сгорбившись на скамейках. Каждые десять минут лейтенант проводил переключку по переговорнику. До сих пор никто на стадионе не заметил ни Виктора, ни кого-нибудь из Бритоголовых.

— Две минуты десятого, — сказал Стоббз, посмотрев на часы. — Я думал, что к этому времени все уже закончится.

Доннелли печально следил за парнем на одном из

соседних рядов, жадно глотающим чудесное холодное пиво. Он бы и сам сейчас не отказался — но он на дежурстве, а на виду у своих людей заниматься этим было бы неуместно.

— Вы должны быть выше часов, — ответил он Стоббзу. — Часы нынче недорого стоят, — Доннелли зевнул и расстегнул пиджак. Он начал подозревать, что они ведут охоту на призрака.

— Мы ничего не добились, — произнес Стоббз раздраженно. — Никаких сообщений, что кто-нибудь входил либо выходил. И никаких признаков присутствия Виктора.

По стадиону прокатились слабые аплодисменты, когда «Вайт Сокс» взяли базу по боллам. Двое в ауте, но это уже что-то.

— А как насчет раздевалки?

— Там ничего, кроме шкафчиков.

Оклэндский питчер быстро повел в счете с бьющим. 2 и 0.

— Ну а что внутри шкафчиков?

— Пивные банки, мячи и предметы одежды, которые спецназовцы не стали брать.

Бьющий отбил в сторону пару питчей.

— Думаешь, он усек? — спросил Доннелли.

— Нет. Что будем делать дальше?

— Усек и смылся? — сказал Доннелли.

— Нет, я хотел сказать...

— Черт! — выругался Доннелли. Его великая битва с наркотиками превращалась в спокойный вечерок на стадионе. Он снова перебрал в уме все детали: женщина передала Ридзику информацию и погибла за это. Никто, даже Виктор, не станет убивать людей за то, что они лгут полиции. Что-то должно здесь сегодня ночью произойти. Иначе Кэт Манзетти была бы жива.

— Скажи всем, чтоб оставались на местах, — сказал Доннелли.

Толпа взревела, когда бьющий промазал мимо мяча.

— Почему никто в этом городе не умеет играть в бейсбол? — задал Доннелли риторический вопрос.

Ничто не изменилось на поле ни в шестом, ни в седьмом, ни в восьмом иннинге. Ничего не изменилось и для полиции. «Сокс» заработали два очка; Доннелли уже пред-

ставлял, как спортивные репортеры сообщат, что они «ушли от сухого счета после долгого превосходства Оклэнда». Но два очка — это все, что они заработали. Игра закончилась со счетом 8:2. Табло призвало болельщиков соблюдать осторожность при выходе, и все отправились домой — за исключением полиции.

Стадион был почти пуст и настоящие рабочие из obsługi неторопливо выкатывали на поле брезент.

— Ненавижу оказываться в дураках, — флегматично произнес Доннелли.

— Я тоже.

— Думаю, что нас нае...ли, — Доннелли кивнул своему подчиненному. — Ладно, зови всех.

Стоббз поднес микрофон ко рту:

— Едем домой, нас нае...ли.

Доннелли тяжело поднялся со скамейки:

— Пустая трата времени и денег налогоплательщиков.

— Не волнуйтесь. Налогоплательщики не узнают.

— Тоже охренительно здорово.

— Так, что теперь?

Доннелли пожал плечами:

— Есть одна штука, о которой даже думать не хочется.

Но я командир, поэтому приходится о ней думать.

— Вы думаете о том же, о чем и я? — спросил Стоббз.

— Вероятно.

— Паршиво, правда?

— Да уж.

И оба они размышляли о том, где же могла этим вечером совершиться сделка. И не смотался ли уже Виктор, посмеиваясь над ними.

Виктор появился на автовокзале около девяти. Сперва он прогулялся по стоянке, куда прибывали автобусы, чтобы удостовериться, что его связной не пришел раньше. Нет. Он оглядел местность, довольный, что нынешним вечером пассажиров было немного и что пара полицейских, которых он заметил, выглядели усталыми, измученными жарой и скучающими. Если Данко либо чикагская полиция сумели вдруг каким-то образом раскрыть его планы, то им пришлось проделать огромную работу, чтоб оставаться незамеченными, а если те двое в форме, которых он смог обнаружить, лишь притворялись тоскующими

и безразличными, то зря они тратили силы в полиции — им следовало бы выступать на сцене. Виктор позволил себе расслабиться.

Он подошел к прилавку закусочной, расположенной напротив рядов камеры хранения и входов для приезжающих. Заказал кофе и повернулся на стуле, чтобы оглядеть помещение. Когда часы над входом перешагнули за девять, он увидел входящего Салима: посланец Абдула Элиджи прибыл вовремя. Салим сел у стойки рядом с Виктором, делая вид, словно он никогда прежде в жизни не встречал этого русского.

Как поступать дальше, знали оба. Виктор в последний раз быстрым взглядом осмотрел помещение, потом положил свой ключ на стойку. Не поворачивая взгляда, Салим накрыл ключ ладонью, снял его со стойки и сунул себе в карман. Когда он вытащил руку из кармана, то в ладони у него оказалась долларовая бумажка, которую он положил на прилавок.

— Дайте мне кофе, милая, — обратился он к барменше. — Я сейчас вернусь.

Он соскользнул со стула и двинулся к камере хранения, сверяя номер на ключе с тем, что был указан на одном из больших отделений в нижнем ряду. Пара полисменов стояла неподалеку, но они смотрели в другую сторону. Да и что может быть естественнее на вокзале, чем человек, достающий чемодан из камеры? Салим вытащил виниловый чемодан, отметив, что тот достаточно тяжел. Брат Абдул будет доволен. Со спокойным видом Салим двинулся к мужскому туалету. Виктор пошел следом.

Салим дождался, когда Виктор войдет. Чемодан лежал, все еще закрытый, на одной из раковин. В сыром помещении стоял кислый запах. Виктор кивнул Салиму. Бритоголовый открыл замки на чемодане, приподнял крышку на несколько дюймов и увидел то, что и хотел увидеть: деньги. Он вытащил пачку потрепанных банкнотов сантиметровой толщины и быстро пролистал ее.

— Хорошо, — сказал он.

— Все в порядке, верно?

Салим кивнул, слегка улыбнувшись:

— Все отлично, старик.

— Теперь расскажите, что я хочу знать.

Салим взглянул на часы:

— Груз сейчас прибывает. Он на автобусе в девять пятнадцать из Эль Пасо. Это в Техасе. Ты встретишься с парнем по имени Лупо, мексиканцем. Он тебя узнает. Покажи ему свою полусотню и он скажет, в каком чемодане это дерьмо.

— Я могу вам доверять?

Салим широко улыбнулся:

— Ага. Нам нужны твои деньги, но нам нужно и то, чтобы ты раскидал этот крэк по всей Сибири.

— Понятно, — ответил Виктор. — До свиданья.

Он протянул вперед ладонь, словно для рукопожатия. Когда же Салим протянул ему навстречу свою, из рукава Виктора соскользнул в пальцы пистолет. Всего пара секунд потребовалась ему, чтобы поднять свое смертельное, неслышное оружие и два раза выстрелить Салиму в голову. Крови пролилось на удивление мало. Ноги Бритоголового подогнулись, и он рухнул в туалетную кабинку.

Виктор прикрыл дверцу кабинки и спрятал пистолет обратно в рукав. Он поднял чемодан и спокойно вышел, уверенный, что когда тело Салима будет обнаружено, то на него посмотрят как лишь на еще один труп, на еще одно неразгаданное убийство в городе, которому не чуждо насилие.

Он вернулся на стоянку автобусов. На первом, который он заметил, значилось: «КАНАДА», но рядом с ним стоял другой — табличка над ветровым стеклом гласила: «ЭЛЬ ПАСО — ЧИКАГО». Пассажиры толпились у багажного отделения, подхватывая свои чемоданы и выбираясь наружу, либо спокойно ожидая, пока их обслужит носильщик. Один из носильщиков как раз возился с двумя объемистыми алюминиевыми чемоданами, владельца которых, однако, поблизости заметно не было. Виктор был уверен, что это как раз те, что нужно.

Стоящий рядом автобус на Канаду загружался, багажные отсеки его были открыты, дверь широко распахнута. Из толпы появился темный коротышка в костюме. Он направился прямо к Виктору.

— Извините,— произнес он с легким испанским акцентом.— Вы не разменяете сто долларов?

Виктор вытащил из кармана полбанкнота:

— Извините, помельче денег у меня нет.

Он ловко сунул бумажку в ладонь Лупо, словно подавая чаевые за хорошее обслуживание официанту в дорогом ресторане. Лупо сравнил свою половинку с той, что передал ему Виктор. Стодолларовый банкнот был аккуратно разрезан так, чтобы номер его делился на две равные части. На банкноте было восемь цифр и две буквы: одна буква вначале и такая же в конце номера. На половинке Лупо значилось В 2567, а у Виктора — 5093 В. На обеих сторонах банкнота номера совпадали.

Лупо улыбнулся и протянул Виктору две багажные квитанции.

— Ваш товар в серебристых кофрах,— он повернулся, словно желая уйти, но затем остановился.— У меня в Дуранго — это в Мексике — есть маленькая деревушка. Там приятно побывать.

— Я в этом уверен,— ответил Виктор, желая побыстрее получить свой груз и отправиться дальше.

Лупо заговорщически понизил голос.

— Но еще приятнее в этом месте заниматься делом. Вы понимаете, что я имею в виду? Может, в следующий раз нам не понадобятся американские посредники.

Виктор кивнул:

— Вполне возможно.

Он не стал говорить этому человеку, что это более чем возможно, это уже наверняка. После того как он ограбил Бритоголовых и прикончил одного из них, было крайне маловероятно, что он хоть раз в будущем появится в Чикаго — а поставщик ему в дальнейшем еще потребует. Кроме того, Виктору подумалось, что в Мексике работать будет попроще.

Мексиканец легко похлопал его по плечу.

— Не будем терять друг друга, старик.

Лишь несколько секунд спустя Виктор сообразил, что Лупо унес с собою сто долларов. Впрочем, чего плакать о такой потере, когда у него в руках миллионы?

Он протянул квитанции носильщику.

— Куда отвезти? К автомобильной стоянке?

— Нет,— ответил Виктор.— К канадскому автобусу.

Теперь он спокойно пересечет границу, ляжет на несколько дней в Монреале, потом двинется на восток, погрузив наркотики на польский грузовой корабль, о чем он уже договорился в Квебеке. А потом будет долгое, медленное, неудобное путешествие обратно в Россию.

Виктор постоял, посмотрел, как носильщик укладывает его багаж в автобус. Он заплатил ему хорошие чаевые, хотя и не настолько щедрые, чтобы тот запомнил его. Виктор позволил себе на минутку расслабиться. Автобус отправится через десять минут. И тогда он будет свободен.

Он обошел автобус, намереваясь войти и занять место. Но в нескольких шагах от двери его уже ждал Данко. В руке у него был пистолет.

— Не выйдет,— спокойно сказал Данко по-русски.

Виктор окинул Данко долгим взглядом, стараясь припомнить, где же он совершил ошибку. Как тот смог его выследить? Он ведь все так отлично разработал, вплоть до того, что пожертвовал Кэт Манзетти — Виктор считал свой маневр чуть ли не гениальным,— и все равно Данко здесь, и в самую неподходящую минуту. Отыскать свою ошибку он так и не смог. Ну, да ладно. Позже на это еще будет время. Теперь нужно пришить Данко и сматываться. А чтобы убить того, потребуется не слишком много времени. Виктор улыбнулся.

— Ты с ума сошел, Иван,— сказал он по-английски.— Это же Америка. Ты не имеешь прав здесь.

— Пошли со мной,— рявкнул Данко,— или я пристрелю тебя немедленно,— и он поднял пистолет.

И тут позади раздался голос:

— Отойдите, капитан. Прибыла чикагская полиция. Это был Ридзик.

Глаза у Данко вспыхнули:

— Вы следили за мной?

— А вы соврали мне насчет ключа,— парировал Ридзик, не спуская глаз с Виктора. Сейчас не время давать ему возможность воспользоваться соперничеством между Данко и Ридзиком.— По-моему, теперь мы квиты.

— Я заберу его обратно.

— Не получится,— ответил Ридзик.— Он убил чикагского полисмена. Сначала им займется Чикаго.

Данко повернул пистолет и направил его на Ридзика. Арт отвернулся от Виктора и посмотрел на пистолет. Потом взглянул в глаза Данко. Ему не понравилось то, что он увидел в них: можно было не сомневаться, что Данко прикончит и Виктора и Ридзика, если тот встанет у Ивана на пути.

— Я выполняю приказ, — сказал Данко так, словно бы и не было последних нескольких дней, когда они вместе делили и опасность и шишки. Он заполучил своего пленника — и теперь либо пристрелит его, либо отвезет обратно.

— Приказы? Какие? Они что, приказывали вам в Москве стрелять в меня? Не валяйте дурака, Данко. Мы же здесь делаем доброе дело — мы отправим его в...

Вдоль автобуса, сгибаясь под тяжестью сумок, двигалась старая дама, собиравшаяся занять свое место. Проходя, она налетела на Данко. И начала уже, было, извиняться, когда заметила у него в руке пистолет. Дама решила, что тут происходит ограбление, если не что-нибудь похуже. Она мгновенно побледнела и закричала — так громко, что крик ее перекрыл даже шум движения.

У Виктора появился шанс. Он рванул вперед, схватил даму за плечи и прикрылся ее телом от Данко. Данко стоял в нерешительности — и это дало Виктору возможность нырнуть в автобус. Дверь с шипением захлопнулась.

Данко выругался по-русски и бросился к автобусу. Теперь уже Ридзик не мог остановить его; да никто не станет с ним и спорить, если он пристрелит арестованного при попытке к бегству. Виктор прыгнул на сиденье водителя, подергал ручки и сумел пробудить к жизни большой и мощный двигатель. Раздался скрежет переключаемых скоростей — и гигантская туша автобуса рванулась вперед. Единственное, что оставалось Данко — отскочить с пути надвигающейся машины.

Виктор крутанул руль и нажал педаль газа, разворачивая автобус на площадке носом к выезду. Он боролся с управлением — и автобус, шатаясь из стороны в сторону, налетел на автомобиль, припаркованный неподалеку от входа на вокзал. Автобус отбросил его в сторону, сминая

металл, словно простой картонный ящик. Ветровое стекло лопнуло, осколки полетели на мостовую.

На вокзале царил хаос. Полицейские выскочили, размахивая оружием и отдавая приказы, но никто их не слушал. Пассажиры кричали или просто, скорчившись, прижимались к стенам. Ридзик пребывал в состоянии бешенства. Ведь это его машину угробил Виктор.

И тут ожил другой автобус, он пронесся вдоль стоянки и, взвизгнув, затормозил возле Ридзика. Дверь распахнулась. За рулем сидел Данко.

— Залезайте, — приказал он.

Ридзик нырнул в автобус и дверь за ним захлопнулась. Данко пустил машину вперед и помчался в погоню. Качнувшись, автобус развернулся и выскочил на улицу.

— У него и кокаин, и деньги, — сказал Данко.

Ридзик бросил последний взгляд на свой изуродованный автомобиль:

— Мать его! Он мне машину угробил. Этот парень меня уже довел!

Данко полностью сосредоточился на управлении, но справиться с тяжелым автобусом оказалось нелегко. Когда они сворачивали за угол, резко крутанувшись влево, колеса, выскочив на тротуар и зацепив газетный автомат, послали тяжелый металлический ящик в воздух, будто тот был сделан из фанеры.

— Господи, Данко! Бога ради!

Автобусы выехали на запруженную Мичиган-авеню и понеслись по улице, словно спортивные феррари, а не четырехтонные монстры. Улица заполнилась нестройным гулом гневных сигналов, когда автобусы стали продираться сквозь их ряды. Увидев их, пешеходы прятались за угол. К счастью, Данко удалось пробиться, не причинив ни малейшего ущерба. Виктору повезло меньше: его автобус оторвал открытую дверь семейного фургона, словно мушиное крылышко.

Виктор посмотрел в зеркало над головой. Автобус Данко становился все больше и больше — он нагонял. Вести машину и стрелять одновременно — бессмысленное дело; надо оторваться. Без колебаний он резко крутанул руль налево — и автобус со скрежетом свернул на Ист-Уэkker-драйв. Данко среагировал так быстро, что Ридзик понял — сам он так никогда бы не смог. Как видно, столь

агрессивному вождению тоже учили в Киеве, потому что Данко резко дернул ручной тормоз и бросил автобус влево сразу на девяносто градусов — и когда Ридзик поднялся с пола, то с изумлением обнаружил, что они уже катят по Уэккер-драйв, словно приклеенные к хвосту первого автобуса.

Но тут возникла еще одна проблема. — они оказались на противоположной стороне улицы и мчались вперед против движения. По лицу Данко Ридзик понял, что тонкости чикагского движения сейчас мало волнуют его. Но перспектива столкнуться с кем-нибудь лоб в лоб мало прельщала Ридзика.

— Данко! — закричал он. — Черт возьми, мы же едем не по той стороне! — к тому же он заметил, что автобус катит со скоростью семьдесят пять миль в час. — Данко!

С обеих сторон машины расступались перед ними, когда водители уясняли вдруг, что автобус маршрута «Американ Либерти» гонит по трассе против движения. Визжали тормоза, гудели клаксоны — но все это проносилось мимо Ридзика, как в тумане.

— Данко! — он схватил русского за плечи и стал его трясти. — Ради Бога!

— Что? — спросил Данко.

— Мы не на той стороне дороги!

— Они нас объедут.

Если попробовать перескочить на другую сторону, то можно потерять драгоценные секунды.

— Ну, а если не объедут, сумасшедший...

Словно сдаваясь перед капризной настойчивостью ребенка, Данко вдруг повернул руль, автобус подскочил на разделительном газончике, круша разукрашенный фонтанчик посередине, и выбрался на верную сторону. Он бросил на Ридзика взгляд, словно говоря: «Ну что, доволен?», — и помчался дальше, увеличив скорость до восьмидесяти пяти миль в час. Оглянувшись, Ридзик посмотрел на воду, поливающую улицу из разрушенного фонтана. Живописная деталь для будущего отчета. Если он до него доживет.

Виктор не знал, куда он направляется. Казалось, вокруг гудит весь город. Полиция, наверняка уже получила сообщения о двух сошедших с ума автобусах. Если не

достанет его Данко, то уж чикагская полиция достанет точно. Но сейчас это не играет роли. Если уж он не сможет убежать, то хоть прихватит с собой этого ублюдка Данко. Виктор пронесся вниз по скату и свернул направо на Лауэр-Уэккер-драйв. Но не проехал он и ста метров, как автобус Данко снова замаячил в зеркале. Виктор выругался. Все еще не слазит. Он надавил на акселератор и снова вильнул сквозь поток машин.

— Это нужно прекращать, — сказал Ридзик. Он выхватил револьвер из кобуры и опустил на колено у переднего окна. Целясь из револьвера в одной руке и стараясь держаться другой, он скоро понял, что не слишком разумно стрелять в парня, сидящего за рулем автобуса, несущегося со скоростью под девяносто миль в час по переполненной улице. Таким вещам не учат на занятиях в полиции.

— Успешной стрельбы, — произнес Данко.

Ридзик не мог понять, то ли Данко желает ему удачи, что-нибудь типа «удачной охоты», или просто иронизирует. Но решил, что скорее последнее.

— Держитесь поровнее. Я постараюсь подстрелить этот автобус.

Виктор снова свернул. Он прокатился по спуску, ведущему на Рэндольф-стрит. Он не заметил знака возле спуска, как не заметил этого знака и Данко — впрочем, это ничего бы не изменило. А вот Ридзик увидел: «ОБРАТНАЯ СТОРОНА. ПРОЕЗДА НЕТ».

Теперь уже оба автобуса катились по обратной стороне дороги. Автобус Виктора, словно ледокол, прорубал дорогу в движении, которое не успевало смыкаться, когда секундою позже следом пролетал автобус Данко.

Но плотный поток встречного движения, накативший у перекрестка на Дирборне, Виктор прорубить уже не мог. Оставался только один путь. Он направил свой автобус вдоль тротуара. Прохожие бросились врассыпную, словно кегли. Одиноким постовой сунул в рот свисток и дунул, словно его попискивание могло остановить Виктора.

Нет, вместо этого полисмену показалось, что он лишь насвистал еще один автобус. Данко с ревом пронесся мимо по тротуару. Постовой хотел было снова засвистать, но понял, что будет выглядеть идиотом.

Тем временем на пути Виктора выросло очередное препятствие: блестящая красная извивающаяся стальная масса скульптуры Александра Колдера, стоящая на широкой площади возле Дирборна. Она стояла целое состояние и весила около тонны. Виктор заметил ее почти в ту же секунду, что и Ридзик.

Ридзик не питал особой любви к современной монументальной скульптуре, но был уверен, что почитающие искусство чикагцы не придут в восторг от того, что пара чокнутых русских уничтожит их всемирно знаменитое скульптурное творение. Он молча молился, прося пощады Колдеру.

Виктору каким-то образом удалось проскользнуть мимо скульптуры, и он проломил стоящий рядом огромный стеклянный стенд. Данко теперь уже следовал за ним по пятам, повторяя каждое его движение.

Автобусы пронеслись по лабиринту боковых улиц — Ридзик благодарил Бога, что они наконец-то выбрались из автомобильного потока, — распахивая и отбрасывая в стороны стоящие вокруг машины. Ридзик глянул через плечо и увидел длинный ряд искаженного металлолома.казалось, что некий злобствующий великан прошелся по тихим улочкам, корежа подряд все попадающиеся на пути автомобили исключительно по причине накатившей на него злобы.

Они выехали на Уэллс-стрит. Автобус Данко сшиб ряд парковочных счетчиков, словно это было ромашки. Двигатели обоих автобусов выли от перегрузки, но не сдавались.

Виктор резко свернул налево, проломился сквозь ограду товарного склада и загромычал по темному пустому пространству грузового парка железной дороги. Фары освещали помещение метров на сто впереди. А там тускло светилась сеть рельсов, упирающихся в кирпичную стену. Единственный выход отсюда лежал у него за спиной. И он был перекрыт Данко.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Автобусы смотрели друг на друга, словно бык с матадором. Данко остановил машину. Позади прокатился грузовой поезд. Данко нажал на кнопку и дверь открылась.

— Выходите.

— Не валяйте дурака.

Данко резким рывком включил первую передачу.

— Это личное дело.

— А как же Галлахер?

— И за него тоже.

— За него вы не можете, — возмущенно ответил Ридзик. — Вы сраный русский, — он надавил на кнопку управления дверьми. — Поехали.

Данко снял ногу с тормоза и запустил двигатель. Колеса крутанулись вхолостую, потом нашли точку опоры. Гигантская машина рванулась вперед, изрыгнув из выхлопной трубы клубы черного дыма.

Как только двинулся Данко, Виктор тоже пустил свою машину. Лучи света от фар автобусов встретились и скрестились, словно шпаги. Но машины неслись навстречу друг другу, как метеоры. Как на турнире, только вместо лошадей — машины: Данко — белый рыцарь, Виктор — черный. Автобусы питаются бензином, но ненависть питала гордость, решимость каждого из водителей уничтожить другого.

Данко склонился над рулем, крепко упираясь ногами в пол. И Виктор тоже забыл про наркотики, деньги, своего брата, Бритоголовых — про все, кроме начавшейся дуэли. В голове у него было легко, почти радостно — наступил последний раунд. Виктор подскакивал на сиденье, выкрикивая что-то по-русски и задыхаясь от смеха.

Однако Ридзiku вовсе не нравилось происходящее.

— На такой скорости мы не успеем сообщить ему о его правах, — прокричал он в ухо Данко.

— У Виктора нет никаких прав, — процедил Данко сквозь сжатые зубы.

Автобусы сближались. Ридзик уже видел дьявольское лицо Виктора, освещенное огоньками приборного щитка.

— Знаете, как мы это называем? — прокричал Арт. — Мы это называем петушиным боем. Но, надеюсь, вы не станете играть в него автобусами?

— Это не игра! — заорал Данко.

Ридзiku казалось, что Виктор уже так близко, что он почти чувствует его запах.

— Нет, черт бы тебя побрал!

Автобусы летели навстречу друг другу, словно две пули, пущенные в одну и ту же мишень с разных сторон. Данко и Виктор, охотник и зверь, вложили в эти несколько секунд всю свою жизнь и ненависть. И оба были полностью захвачены этим моментом.

Но не Ридзик. Он стоял за спиной у Данко, глядя, как с каждой долей секунды все ближе и ближе сходятся визжащие тела гигантских машин.

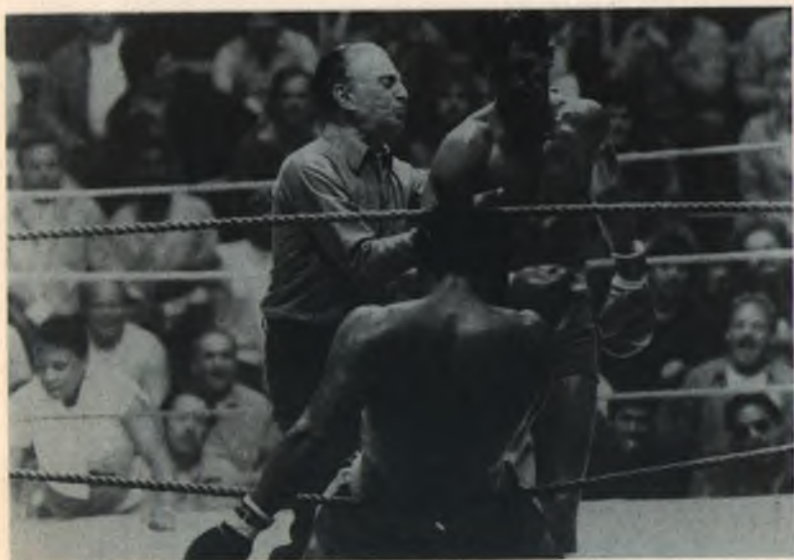
— Так, — произнес он тоном спортивного тренера, — готовимся свернуть... готовимся...

Но Данко не слышал его. Он вообще даже забыл о присутствии Ридзика. А Арт Ридзик, рожденный и вскормленный в Чикаго, вдруг сообразил, что эта пара сумасшедших идиотов собирается уничтожить друг друга — при помощи американских автобусов, в американском товарном складе, причем жертвой сего несчастного случая должен стать американский же полисмен. Он оказался теперь лишь эпизодическим актером в этой безумной русской фантазии.

— Суки вы сумасшедшие! — заорал он, готовый в этот момент убить их обоих. Вовсе не так собирался он помирать. И жажда жизни, столь же сильная, как их стремление к смерти, охватила все его тело. Он вцепился в руки Данко, сжатые на руле. Все свое стремление к жизни вложил он в свои усилия, дюйм за дюймом сдвигая смертельную хватку Данко. И за несколько секунд до столкновения он успел повернуть руль на столько, что автобус Виктора пронесся мимо в волоске от них. Но их автобус продолжал жить собственной жизнью. словно не выдержав нанесенного ему оскорбления, он проявил свой нрав, кувырнулся на сторону, словно умирая. Но скорость была слишком велика. И огромная машина перекувырнулась еще раз, и

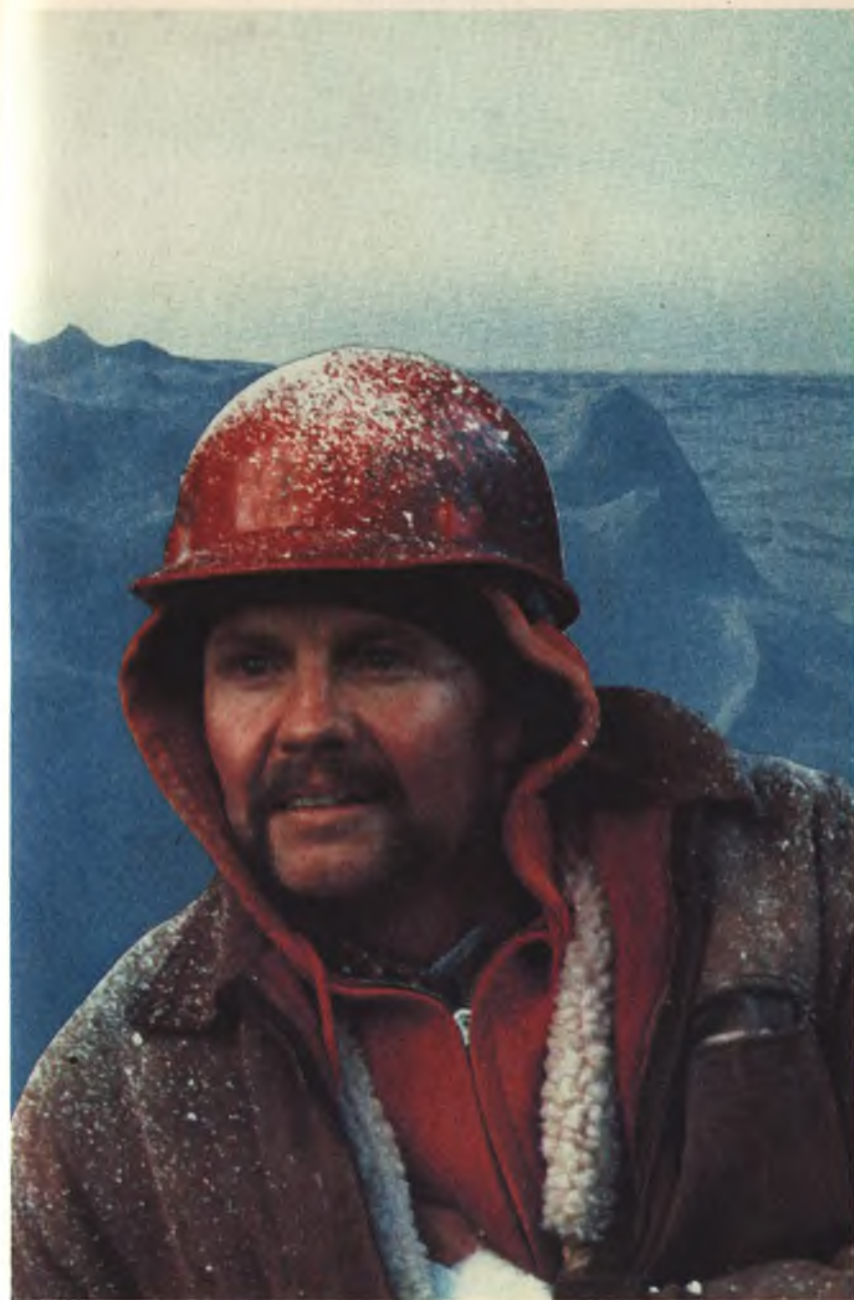

еще — а внутри, словно крысы в банке, кувыркались Ридзик и Данко.

Виктор взревел от восторга, наблюдая это в зеркало. Когда исцарапанный и помятый автобус Данко наконец остановился, первые язычки пламени, вырвавшись из разбитого бензобака, поползли по его израненному телу. И тут, проламывая стекло, появился кулак — это Данко разбил окно. Разбив окно, он выкарабкался из автобуса, волоча за собой Ридзика.

Данко сбросил чикагского полисмена на землю. Голова и руки Данко были испещрены ранами и царапинами, но под шрамами лицо его побелело от гнева.

— Дурак! — прокричал он Ридзику по-русски. — Дурак!

— Какого хрена значит «дурак», ты, псих? — спросил Ридзик, испытывая наслаждение от того, что все еще жив.

— Идиот!

А Ридзику-то казалось, что именно его быстрое и энергичное вмешательство спасло их обоих от верной смерти. И он вовсе не считал, что за это его следует награждать «дураком».

— Ты бы убил нас, кретин!

Ничего не понимают эти американцы!

— Зато и Виктора бы тоже! Дурак!

Да только Виктор не смотрел, куда он едет. И когда он пересекал железнодорожные пути, огромный тепловоз, выполняющий свое дежурство в эту ночь, вывернув из-за поворота, с грохотом врезался в автобус. Тепловоз катился небыстро — миль двадцать пять в час, — но весил семьдесят пять тонн; он был больше, сильнее и страшнее, чем та машина, что несла Виктора навстречу свободе. Поезд протащился еще сотню метров по пути, прежде чем остановился. Автобус был смят, словно консервная банка.

Наступила тишина. Данко и Ридзик стояли, уставившись на обломки.

— Вот и все, — сказал Ридзик.

Данко проковылял несколько шагов навстречу автобусу. Его машина горела позади, освещая склад красным светом.

Иван Данко вытащил пистолет и двинулся к искореженному автобусу.

— Данко,— крикнул Арт.— Он же не мог...

Но Виктор смог. Спотыкаясь на рельсах, в разодранной одежде, с переломанной левой рукой, безжизненно повисшей в руке, русский приближался к ним. В правой он сжимал пистолет — и он шел убивать Ивана Данко, московского милиционера — даже если это будет, в буквальном смысле слова, последним, что он успеет сделать в жизни.

— Я пойду один,— сказал Данко.

Ридзик вскарабкался на ноги. Казалось, будто все мышцы его пропустили через мясорубку.

— Почему вы считаете, что больше подходите для этой работы, чем я? — спросил он.

Данко оглянулся. По щеке у него струилась кровь. Лицо казалось красным в отсветах огня. Ридзик уже не сомневался, что Данко убьет его, если он попытается вмешаться. А тот даже не удостоил его ответом.

Ридзик пожал плечами:

— Сдаюсь. Это чисто русский конфликт.

Данко двинулся навстречу своему врагу, тяжело шагая по земле. Менее уверенным шагом, но не менее решительно, шел навстречу Данко Виктор. Ридзiku это напомнило «В самый полдень»* — только по-московски — долгий путь двух вооруженных людей навстречу друг другу.

Когда их разделяло метров двадцать, Виктор остановился, не поднимая пистолета. С усмешкой следил он, как приближается Данко.

— Хочешь, чтоб я сдался? Да?

Данко шагал вперед.

— Хочешь предать меня народному суду? Да?

Данко шагал вперед.

— Думаешь, если возьмешь меня, то возьмешь и всю семью — да?

Их разделяло лишь несколько шагов.

— Ну а я отвечу: иди на...! — закричал Виктор и, подняв пистолет, выстрелил. Но прежде успел выстрелить Данко. И первая пуля вонзилась Виктору в грудь. Иван держал свой изрыгающий огонь пистолет крепко и ровно, опустошая в Виктора весь магазин. Казалось, что лишь

сила вливающегося в тело пуль держала Виктора на ногах. Когда выстрелы прекратились, он рухнул на землю. Тело Виктора спазматически вздрогнуло, когда мозг и нервная система стали отключаться, перегруженные внезапным насилием, совершенным над телом.

Данко опустил пистолет, вовсе не чувствуя ожидаемого облегчения — лишь усталость и слабое отвращение. Он все еще стоял, не двигаясь, когда Ридзик прошел мимо и склонился над телом.

Профессиональным взглядом окинул он раны.

— Вот вы его и достали. Отлично. Прекрасная кучность попаданий.

Данко вздрогнул, словно отряхиваясь ото сна.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Данко протянул еще теплый пистолет. Больше он не понадобится.

— Все же я предпочел бы советскую модель.

— Но знаете, у вас проблемы с позицией — серьезные проблемы, Данко.

Он взял пистолет и пошел дальше. Нужно найти телефон — Ридзик чувствовал, что множество народа весьма интересуется, куда ж это он подевался.

Данко стоял над телом Виктора. Разбитая грудь Рости приподнялась — легкие пытались вдохнуть немного воздуха в еще теплящуюся жизнь. Кровь стекала у него из уголка рта, и все же губы Виктора искривились в последней предсмертной ухмылке.

— Кранты мне,— простонал он по-русски. Виктор закашлялся от усилия, контуры Данко постепенно все сильнее размывались у него перед глазами.

— Да,— ответил Данко.

Собрав всю силу, что еще осталась в теле, Виктор сумел приподнять правую руку. Из рукава ему на ладонь выскользнул пистолет.

— Но и тебе тоже...

Он попытался направить пистолет в ту сторону, где, как ему казалось, находился Данко. Сердце отмеряло последние удары. Данко смотрел на пистолет, неуверенно сжатый в руке умирающего.

— Труп — он и есть труп,— заметил Иван.

* «В самый полдень» — знаменитый американский вестерн.

Виктор не смог даже кивнуть. А прицелиться и нажать спуск было тем более выше его сил. Он лишь сумел улыбнуться, словно вспоминая что-то приятное, случившееся много лет назад. К тому времени, как Данко наклонился и вынул у него из руки пистолет, он был уже мертв.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В больнице графства Кук Данко и Ридзiku зашили раны. Надо сказать, правда, что Данко потребовалось от врачей больше внимания, за что Ридзик был благодарен судьбе. На большой порез на лбу у Данко наложили четырнадцать швов, тогда как Ридзiku хватило лишь йода и очередного укола от столбняка. Впрочем, каждому из них следовало еще давать объяснения: Данко уединился

с советскими дипломатами, Муссорским и Степановичем почти на час, а Ридзик отвечал на вопросы Доннелли. И сам тоже собирался задать несколько вопросов.

— Так что вы добрались, наконец, до Виктора, — говорил Доннелли.

— Ага — сегодня мы сделали Россию немного счастливей и безопасней.

— Хорошо, — ответил Доннелли. — Я рад.

— А где его чертово тело? — спросил Стоббз.

Ридзик посмотрел на него таким взглядом, словно ответ был очевиден:

— Я перетасил его за границы нашего графства. Пусть им занимаются ребята Цицero. Это сэкономит нам неделю бумагомарания.

— Просто прекрасная идея, Арт, — отметил Стоббз.

Но Ридзiku было плевать на то, что думает Стоббз. Его больше волновал Доннелли.

— Я всегда считал вас отличным парнем, командир.

— Рад стараться, — скромно ответил Доннелли.

— Ну да, чтобы мне потяжелее жилось. Вы ведь специально подвесили меня к Данко? Думали, что я в дерьме окажусь?

Доннелли неуверенно переступил с ноги на ногу:

— Вы хороший полисмен. Поэтому я и дал вам сложное задание. Я считал, что вы сможете справиться с ним.

— Чёрта-с-два! Если бы у них выгорело это дело, пока вы все сидели на бейсболе... — Ридзик махнул рукой. — Ох, черт возьми! Эй, Стоббз, а это дерьмо неплохо будет смотреться в моей характеристике, верно?

Как ни неприятно было Стоббзу сознавать это, но, похоже, Ридзик снова вступит в строй на полных правах. Если б они хоть разбили скульптуру Колдера, то можно было бы предъявить к нему какие-то претензии, но на ней не осталось и царапины.

— Да, — отвечал он слегка подавленным тоном, — ваша характеристика будет в порядке.

— В порядке?

— Хорошая. Очень хорошая.

Ридзик чувствовал себя неплохо, хотя задница и побаливала.

— А знаете, этот сукин сын — настоящий полисмен. Может работать в Чикаго, командир, если ему дать подходящего партнера, чтоб показал ходы.

Доннелли покачал головой:

— Данко? Забудьте, Ридзик. Радуйтесь, что продолжаете работать.

Если капитан Данко и был рад тому, что отбывает домой, или грустил оттого, что покидает Чикаго, или даже счастлив, что наконец-то мертв Виктор Роста — то он не показывал этого. Ридзик отвез его в аэропорт, зарегистрировал на рейс Аэрофлота, а потом отвел в один из многочисленных баров. Ридзика слегка удивило то, что Данко одним махом опорожнил полбутылки водки, словно это был лимонад, и лишь потом успокоился и стал попивать ее уже неторопливо. И при этом он не пьянел.

Телевизор над баром передавал бейсбол — «Уайт Сокс» — «Тайгерс», и Данко глазел на экран с таким

видом, словно игра эта была для него столь же непостижима, как итальянская опера.

— Это Бейнс,— сказал Ридзик.— Чертовски здорово бросает.

Данко потягивал свой напиток.

— Да.

— Эй, Данко. Как вы думаете, мог бы я работать секретным агентом в России?

Перед тем как отправиться обратно домой, Данко уже снова переделал в свою милицескую форму. На лбу у него выделялся красноватый шрам, но Ридзiku подумалось, что это даже украшает Ивана.

— Нет.

Но Ридзик видел, что Данко шутит — в свойственной ему манере, конечно.

— Прекрасно. Просто прекрасно. Я тоже буду по вас скучать.

— Хорошо.

Ридзик отпил пива, поглядывая на экран.

— Слушайте, я вот что хотел у вас спросить. Помните, тогда, на автовокзале, когда мы уже было взяли Виктора, а вы направили пистолет на меня?

— Помню.

— Вы бы ведь не стали стрелять в меня, верно?

Данко лишь молча продолжал смотреть. И Ридзик подумал: «Да, он бы выстрелил в меня. Может, только в ногу. Но этот сукин сын выстрелил бы».

— Ага. Так я и думал. Я просто хотел, понимаете, удостовериться.

Данко снова повернулся к телевизору:

— Я не понимаю этой игры.

— Бейсбола? Да и не надо. Это чисто американская забава,— Ридзик отхлебнул пива. Он решил, что не стоит упоминать, что бейсбол — это еще и японская забава, и кубинская.— Вам, русским, лучше заниматься плясками вприсядку и дрессировать медведей для цирка.

— Сейчас и в Советском Союзе играют в бейсбол.

Почему-то это разозлило Ридзика:

— У вас, ребята, в этом деле нет никаких шансов. Это наша национальная игра,— он снова перевел взгляд на экран, посасывая пиво.— Хотя, надо сказать, между нами можно бы было устроить дьявольское состязание.

Данко улыбнулся:

— Мы бы выиграли.

Ридзик рассмеялся:

— Это уж мы посмотрим, товарищ.

Данко поставил стакан и снял с запястья свои дешевые часы.

— В Советском Союзе,— начал он торжественно, словно произнося речь,— есть обычай обмениваться сувенирами на память — как знак дружбы. Я решил отдать вам это.

Ридзик посмотрел на его часы, потом на свой «Ролекс». Обмен был явно нечестным — ну и черт с ним. Мир во всем мире в обмен на часы — благородное дело.

— Очень мило, а я и не знал о таком обычае. Просто очень приятно,— он отстегнул свой «Ролекс».— Я тоже хочу подарить вам свои часы. Это чудо — тысячедолларовый образчик западной технологии. Умеет делать все что угодно — разве что задницу не может пороть.

Данко застегнул «Ролекс» у себя на руке и с восхищением посмотрел на часы. Ридзика же его подарок отнюдь не привел в восторг.

— А это настоящие... восточногерманские часы за двадцатку. Даже не верится, что вы мне их подарили,— сказал он, широко улыбаясь.— Это пластмасса, верно?

Впрочем, какого черта. Забавно будет как-нибудь вспомнить вечером в баре.

— Я очень рад,— ответил Данко. Он допил и, наклонившись, поднял свой чемодан.

— Пока,— сказал Ридзик.

— До свиданья,— ответил Данко. Затем, подумав, добавил: — Ридзик, мы полицейские, а не политики.

— Да? Слава Богу. И что это должно означать?

Данко улыбнулся:

— Это значит, что мы можем любить друг друга,— а потом сказал по-русски: — Удачи тебе. До свиданья.

Ридзик пожал плечами:

— Извините, я слегка подзабыл русский язык.

— Удачи и до свиданья,— перевел Данко. Он положил руку Ридзiku на плечо, сжал его, снова подхватил чемодан и вышел из бара.

— Пока, чувак! — крикнул вслед ему Ридзик. Он про-

следил, как серая форма постепенно скрывается в толпе, потом снова принялся за пиво. Ридзик смотрел игру, решив, что после всего недавно пережитого ему следует пару часиков передохнуть. В середине восьмого иннинга часы Данко — а теперь уже Ридзика — запищали. Ридзик нажал кнопку, отключая сигнал, и допил пиво.

— Пора кормить попугая, — сообщил он бармену.

Тот подозрительно взглянул на него:

— И какого черта это должно означать?

Ридзик улыбнулся:

— Мистер, вы мне все равно никогда не поверите.

ДЭВИД БИШОФ

ВОЕННЫЕ ИГРЫ

DAVID BISCHOFF «WAR GAMES»

Based on the original screenplay written by
LAWRENCE LASKER and WALTER F. PARKES

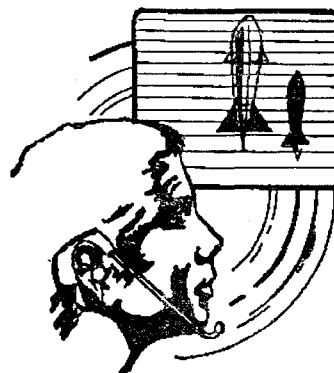
ДЭВИД БИШОФ «ВОЕННЫЕ ИГРЫ»

Роман по сценарию
Лоуренса Ласкера и Уолтера Паркса

Перевод с английского М. Бельского

Кэт Эннис,
с особой нежностью

ПРОЛОГ

Снег.

Хлопья валили густо, как помехи на телеэкране, приглушая рычание автобуса, везшего двух офицеров ВВС на ночное дежурство, которое не сулило им ничего, кроме смертельной скуки.

— Заступать в такой денек на защиту отечества — не подарок, а? — сказал лейтенант Олмер. Руки его крутили руль с небрежной уверенностью опытного водителя,

привыкшего одолевать снежные заносы, но глаза напряженно следили за обледенелой дорогой, петлявшей по склонам Северной Дакоты. Мириады снежинок мельтешили в лучах фар, снижая видимость почти до нуля.

— Н-да, небо свалилось в долину Красной реки, — буркнул спутник Олмера. — Правда, когда я служил на Аляске, там бывало и похуже.

Капитан Джерри Халлорхен поплотнее запахнул парку и покосился на испорченную печку. «Какие мерзавцы заказывали для авиации эти фургоны? — подумал он. — Электронной начинки в них хватает, чтобы вести по курсу эскадрилью „Голубых ангелов“, но обогреть кабину они не в состоянии».

— Доберемся до места, получим медаль, — предполо-

жил Олмер, переключая перед легким подъемом рычаг на вторую скорость.

— Упаси боже, лейтенант, заработать медаль за дежурство на кнопке,— отозвался Халлорхен, зябко вдавливаясь в сиденье.— После этого может не остаться живой души, чтобы прицепить герою награду на облученную грудь!

Халлорхен издал хриплый смешок и трубно высморкался в платок.

Так и есть. Начинался насморк. У него явная аллергия на снег. Как только дождется выслуги, непременно попросит перевод куда-нибудь в теплые края вроде Аризоны. Глэдис понравится там. Ребятишкам тоже. А его нос просто оживет.

Халлорхен высморкался и вздохнул. Из рта вырвалось облачко пара.

— Вы начали рассказывать о хипповой подружке, которая была у вас. Шила ее звали? — спросил Стив Олмер, возвращая рычаг на третью скорость.— Интересная особа.

— О да,— улыбнулся воспоминаниям Халлорхен.— Мы познакомились, когда я служил на авиабазе «Эндрюс». Горячие были денечки, точно. Марши протеста, тяжелый рок и свободная любовь. Шила была в самой гуще, настоящая радикалка! Боже, узнай она, чем я занимаюсь сей час, ее бы удар хватил! Когда она ходила дышать слезоточивым газом на демонстрациях в Мэрилендском университете, то таскала меня смотреть годаровские фильмы, «Хиросима, любовь моя». «Доктора Стрейнджлава» мы смотрели раза три, не меньше!

— Антиядерная особа,— мрачно уточнил Олмер.

— Да. Но ей можно было простить все,— почти оправдываясь, сказал Халлорхен.— Девушка — полный восторг! Даже в восточной мистике разбиралась,— по-настоящему, понимаешь?

Олмер склонился к стеклу, вглядываясь в темень впереди.

— Подъезжаем к центру,— сообщил он.

— В самый раз! — Халлорхен тряхнул планшет, пристегнутый стальным браслетом к запястью левой руки.— Мама подвязывала мне варежки таким способом.

Начальство явно консультировалось с ней, прежде чем прицепить меня к этой штуковине.

— Не иначе,— рассмеялся Олмер, подруливая к стоянке возле железных ворот.

— Вылезаем! — Халлорхен, не без труда двигая засывшими конечностями, открыл дверцу и спрыгнул в хрустящий сугроб. Ветер резанул по лицу и заставил прижаться к автобусу. Капитан чертыхнулся и попытался поднять голову. Снег слепил глаза. Он натянул на голову капюшон. Впереди сквозь пелену вырисовывался силуэт строения, похожего на обычный фермерский дом. Лейтенант Олмер уже брел туда, скособочившись от ветра.

— Засунули ракеты в морозильник,— пробурчал Халлорхен; его могучая фигура, качнувшись, двинулась следом.

Олмер добрался до двери первым и встал, пропуская вперед командира. Войдя в теплое помещение, Халлорхен снял облепленные снегом унты, парку и остался в небесно-голубом комбинезоне с надписью «РАКЕТНОЕ КРЫЛО» на спине. Вокруг шеи у него был повязан алый платок.

— Здесь, пожалуй, поуютней, чем на улице, а? — заметил капитан и занялся замком на планшете.

— Точно,— согласился Олмер, распыляясь в улыбку.

Халлорхен наконец справился с замком и вытащил из планшета красную пластиковую папку. Подойдя к пуленепробиваемому стеклу, он просунул папку в прорезь сидевшему в будке охраннику.

Лицо за стеклом не выразило никаких эмоций. Охранник раскрыл папку, внимательно изучил впаившиеся в пластмассу пропуска с фотографиями, после чего сличил снимки с оригиналами. Затем снял трубку и набрал номер.

— Дежурная смена прибыла, сэр,— сказал он. Губы его тронула едва заметная улыбка.— Совершенно верно.— Он положил трубку.— Проходите. Еще минут двадцать, и мы бы начали разыскивать вас.

— Угу,— отозвался Халлорхен.— Должен предупредить тебя, малыш,— обратился он к Олмеру,— болтаться возле ракетного комплекса «Минитмен III» не рекомендуется. Здесь сначала стреляют, потом спрашивают.

Охранник покачал головой на мрачную шутку и нажал кнопку. Раздалось легкое гудение, дверь открылась. Офицеры прошли в охраняемую зону.

Дневальный, еще раз взглянув на фотографии, вернул красную папку. Затем он вынул из сейфа два пистолета в кобуре и выложил их на стол перед ракетчиками.

Олмер пристегнул оружие к поясу.

— До завтра,— кивнул он охраннику.

Шаги гулко отдавались в коридоре. Халлорхен на ходу пристегивал портупею.

Молоденький часовой возле дверей лифта внимательно следил за их действиями, бдительно сжимая автоматическую винтовку М-16. Офицеры не удостоили его вниманием. Лейтенант Олмер утопил кнопку, а когда двери раскрылись, пропустил старшего по званию в кабину.

— Да, так вот,— с удовольствием продолжал рассказ Халлорхен,— частенько я слышал, как Шила ночь напролет распевала заклинание «о мане падме ум, о мане падме ум».

— Над р о с т к а м и? — не поверил Олмер.

— Именно! Простирали над ними руки и пела часами. Зато ты бы видел, как вырастала травка — загля-денье!

Двери лифта разъехались, открыв подземный этаж стартовой базы. «Бетона и стали здесь хватило бы на постройку целого города,— подумал Халлорхен.— Пяти-мегатонная боеголовка для этого сооружения — все равно что ярмарочная шутиха, это я вам говорю!»

Едва Халлорхен шагнул мимо посторонившегося Олмера из лифта, как завыл сигнал тревоги.

Халлорхен подбежал к стальной двери, набрал шифр на клавиатуре кодового устройства и произнес в микрофон внутренней связи:

— Говорит капитан Халлорхен. Передаю свои данные.— Набрал воздуха, он отчеканил: — Лима, Оскар, Ноябрь, Лима, Виски, Гольф — Он подмигнул Олмеру.

Сирена смолкла, но у Халлорхена в ушах все еще стоял вой. Всегда было так. «Должно быть, действует подземелье»,— решил он.

Зажужжали невидимые двигатели, оттягивая массивные затворы. Перед ними открылся очередной коридор, который заканчивался второй стальной дверью. Офицеры остановились перед ней.

— Вызывает Эвон,— сказал в стенной микрофон Халлорхен. Дверь раскрылась.

Они небрежно отковыряли закончившей дежурство смене.

Командир ракетного комплекса, капитан Эд Флэндерс поднялся со стула возле щитка управления дверями, сладко потянулся и погладил живот.

— А мы уже беспокоились о вас, ребята,— он взглянул на своего помощника, лейтенанта Моргана, сидевшего возле пускового пульта; тот снимал показания приборов и фиксировал их на карточке.— Что, замело дороги?

— Здесь есть дороги? — язвительно осведомился Халлорхен.

Помещение, в котором им надлежало коротать ночь, представляло собой комнату размером три метра на шесть, оборудованную всеми атрибутами технотронной выдумки. Мигали сигнальные лампочки. Урчали вентиляторы. К легкому запаху электричества примешивался аромат отсыревших носков и крепкого кофе. Из стен рядами выступали панели высокочастотных передатчиков, переключателей, воздухоочистителей и систем жизнеобеспечения. В углу стояло скоростное печатающее устройство, связанное напрямую со штабом командования стратегической авиации (КСА). В другом углу тихо гудел холодильник. В третьем нагло белел унитаз. Оба пульта управления запуском имели по компьютерному терминалу с панелями индикации готовности каждой из десяти ракет комплекса.

В стену командного пункта был вмонтирован ярко-красный сейф с двумя замками.

Капитан Флэндерс присмотрелся к Халлорхену и недоверчиво указал пальцем на его лицо:

— Это что такое?

Джерри моргнул:

— Это? Усы! — возмущенно произнес он.

— Новое обличье,— добавил Олмер.

Морган положил карточку и двинулся к открытой двери.

— Ну-с, джентльмены,— сказал капитан Флэндерс, следуя за ним,— желаю приятно провести время!

Пока Халлорхен запирали за ушедшей сменой стальную дверь, Олмер отстегнул кобуру, повесил пистолет на крюк и со вздохом опустился на красное сиденье у своего

пульта. «Совсем еще свеженький парень,— подумал Халлорхен, подходя к зеркалу.— Но осваивается быстро, надо отдать ему должное. Уже приступил к проверке оборудования».

Халлорхен уставился на собственное отражение. Глэдис закатила ему из-за усов целую сцену — видите ли, они колются при поцелуях. Правда, в последнее время они целовались не часто.

Олмер был весь в работе.

— Третья установка не реагирует на сигнал, сэр. Остальные девять птичек в полном порядке.

Халлорхен пощипал усы. «А мне нравится»,— подумал он.

Олмер продолжал бойко нажимать на кнопки. Замигал ряд лампочек. Сработал звуковой аварийный сигнал. Щелкнув тумблером, лейтенант отключил его.

Халлорхен заглянул в холодильник. Молоко для кофе. Несколько пачек зефира в целлофане. Упаковка плавленых сырков, пролежавших здесь уже добрую неделю. Немного фруктов. От их вида у Халлорхена во рту набежала слюна. Он выбрал яблоко порумяней и обернулся, чтобы взглянуть, как идут дела у подчиненного.

С хрустом откусил яблоко. Кислое. Как и предполагал.

Красная лампочка на панели упрямо отказывалась гаснуть после отжатия кнопки сброса.

— Красный сигнал, сэр,— напрягся Олмер.

Халлорхен подошел ближе:

— Что там?

Глаза Олмера неотрывно сверлили панель, словно там появилось привидение.

— Восьмая установка. Не отключается,— произнес он подчеркнуто ровным тоном.

— Стукни-ка по сигналу,— хмыкнул Халлорхен.

Олмер с явным облегчением постучал пальцем по сигналу. Тот немедленно погас.

Олмер продолжил проверку систем, а Халлорхен шагнул к своему пульту, расположенному в трех метрах от первого, сел в кресло, пробежал пальцами по кнопкам, после чего задрал ноги на край консоли и, достав щипчики,

стал подравнивать ногти. Рассказ о Шиле всколыхнул воспоминания.

Халлорхен перелистнул страницу детектива. «Лихо работает этот Спенсер,— подумал он.— Надо будет посмотреть другие книги Роберта Паркера». Капитан настолько увлекся детективной интригой, что вздрогнул, когда из динамика донесся чуть гнусавый голос:

— Ласточка, Ласточка! Я — Нокаут. Сообщение «Молния-альфа» в двух частях. Приготовиться к приему.

Роман плюхнулся на пол. Движения Халлорхена были отточены до автоматизма. Вскочив, он схватил с полки над консолью книгу формуляров и быстро пролистал ее. Где же этот проклятый? Ага, вот. Голубая пластиковая карточка с названием «МОЛНИЯ-АЛЬФА/ОПРУ». Он взял карандаш.

«Странная история»,— мелькнуло у Халлорхена.

— Приготовиться к записи сообщения,— приказал он.

— Готов,— откликнулся Олмер, выкладывая свой формуляр.

Голос в динамике заговорил снова:

— Молния-альфа... Молния-альфа. Ромео, Оскар, Ноябрь, Чарли, Танго, Танго, Лима.

Халлорхен быстро заполнил кодовыми буквами пробелы в формуляре.

— Идентификация,— продолжал голос.— Дельта, Лима, Золото, два, два, четыре, ноль, девять, Танго, Виктор, Рентген.

Халлорхен по-прежнему действовал совершенно автоматически. Шаг к сейфу. Олмер уже стоял там. Халлорхен начал набирать комбинацию на своем замке и успел на мгновение опередить Олмера. Поднял дверцу сейфа. Офицеры взяли лежавшие на полке хромированные ключи и пластмассовые идентификаторные карточки с надписью «МОЛНИЯ-АЛЬФА».

Шагнув назад к пульту, Халлорхен нервно распечатал свой идентификатор. Пальцы его слегка дрожали. Он сделал долгий глубокий вдох и сложил карточку с формуляром. Код на идентификаторе был тот же, что передали по радио.

Они совпадали!

На дисплее появилась комбинация букв и цифр. Халлорхен внимательно всмотрелся в нее.

То же самое!

— Гадство! — прошептал Олмер.

Халлорхен неотрывно следил за экраном.

— Так, спокойно, — сказал он самому себе.

— Запросим подтверждение, у какого-нибудь осла мозги могли съехать набекрень.

Халлорхен аккуратно набрал запрос на своем терминале. В трех метрах от него то же самое проделал лейтенант Стив Олмер.

— Ну, детка, — произнес Халлорхен сквозь стиснутые зубы. — Скажи, что это ошибка!

Буквы беззвучно проползли по экрану:

ПРИКАЗ НА ЗАПУСК ПОДТВЕРЖДАЮ.

НАВЕДЕНИЕ НА ЦЕЛЬ ЗАКОНЧЕНО.

ВКЛЮЧИТЬ ПРЕДСТАРТОВУЮ ПОДГОТОВКУ.

ВРЕМЯ ДО ПУСКА: 60 СЕКУНД.

НАЧАТЬ ОТСЧЕТ.

Несколько долгих секунд Халлорхен смотрел на текст. Голос в динамике вывел его из оцепенения.

— Шестьдесят... пятьдесят девять... пятьдесят восемь...

— О боже! Это по-настоящему! — без всякого выражения произнес Олмер.

Халлорхен облизнул губы:

— О'кей. Приступаем.

Слова вырвались у него совершенно автоматически: восемнадцать лет в авиации не прошли даром. Устроившись поудобней, он пристегнулся ремнем к сиденью. Руки действовали сами собой, но недоумение не проходило.

Вас учат, как надлежит действовать; вас учат, что это должно быть сделано; но вам не говорят, что вы должны чувствовать, когда такой приказ обрушивают на ваш командный пункт.

Халлорхен взял вынутый из красного сейфа ключ и вставил его в гнездо, на котором были обозначены три позиции — «ВЫКЛ», «УСТАНОВКА», «ЗАПУСК».

Все еще автоматически Халлорхен приказал:

— Ввести код разблокировки.

Пальцы Олмера пробежали по кнопкам. Его голос звучал все так же монотонно:

— Есть код разблокировки.

Где-то в самой глубине сознания капитана Джерри Халлорхена, пробиваясь сквозь автоматизм, сквозь удивление, сквозь все остальное, зазвучал чей-то тихий голосок.

— Гм, — он прочистил горло. — Ключ в гнездо.

— Есть ключ в гнездо.

Он узнал голос. Шила. Шила, произносящая одну из своих тирад по поводу ядерной войны.

— О'кей, — сказал Джерри, глядя прямо перед собой. Сердце заколотилось сильнее, во рту стало сухо. — Слушай мою команду. Ключ на «установку».

Он повернул ключ, зная, что Олмер одновременно повернул свой.

— Есть, — подтвердил лейтенант. — Ключ на «установке».

В памяти Джерри Халлорхена возникла Шила. Ее слова: *Беда в том, что ограниченный мозг военных не в состоянии охватить проблему в полном объеме. Речь идет об оружии, которое унесет миллионы человеческих жизней только из-за того, что люди придерживаются различных идеологий. Сгорит живая плоть, разум, надежда, любовь. Неминуемо погибнут все ценности... и, возможно, навеки. Вообрази это, Джерри. Вообрази!*

— Сэр? — спросил лейтенант Олмер.

— А..? — очнулся Джерри. — Включить предстартовую подготовку.

Лейтенант Олмер щелкнул тумблерами защитных переключателей. Поглощенный производимыми действиями, он четко соблюдал предписанный инструкцией порядок.

— Первая готова... вторая готова, — бубнил он. — Третья готова.

Десять ракет были готовы вырваться из стартовых шахт, волоча за собой хвосты адского пламени, взмыть сквозь снежный вихрь в стратосферу и лечь на заданную траекторию. Половина будет сбита в небе, но остальные, как предполагалось, достигнут стратегических целей.

— Шестая готова.

Джерри внезапно обдало жаром.

— Погоди секунду, — бросил он. — Попробую выяснить по телефону.

Он схватил трубку. В уши ворвался пронзительный визг. *Господи, нас предупреждали, что именно так и будет, если...*

Он швырнул трубку на рычаг.

— Все установки готовы,— доложил Олмер.

— Свяжись с командиром крыла по своему телефону! — приказал Халлорхен с отчаяньем в голосе.

Олмер, словно цепляясь за соломинку, снял трубку. Тот же леденящий душу визг. Лейтенант повернулся к Халлорхену, в глазах его стоял немой вопрос: неужели все?

Халлорхен сжал кулаки. Оставалась последняя надежда.

— КСА! Попробуй вызвать штаб КСА по ВЧ!

— Но, капитан, по инструкции мы не...

— Плевать на инструкцию! — загремел Халлорхен. — Неужели никто не подойдет к этому чертову телефону прежде, чем я убью двадцать миллионов человек!

В голове опять зазвучал голос Шилы: *Ты видел когда-нибудь ожоги от радиации, Джерри? Видел, во что превращают людей радиоактивные осадки?*

Олмер лихорадочно нахлобучил на голову наушники, воткнул штекер в передатчик высокочастотной связи, нажал кнопку вызова и замер, вслушиваясь.

— Молчат,— вздохнул он. Глаза его округлились. — А может, они уже... испарились?

Халлорхен часто задышал. Там снаружи была Глэдис. И дети.

— О'кей. Слушай мою команду. Ключ на запуск.

«Вы отличный офицер, капитан Халлорхен,— сказали они.— Сколько вам осталось до полной выслуги — десять лет? Прекрасный послужной список. Да, мы считаем вас подходящей кандидатурой. Надеемся, вы понимаете, что это назначение является высшей честью для офицера... Но оно сопряжено также с тяжелой ответственностью».

— Есть,— отозвался Олмер.— Готов к запуску.

«В ваших руках окажется судьба Соединенных Штатов Америки, капитан Халлорхен,— сказали они.— Родина надеется на вас...»

— Тринадцать... двенадцать...

Записанный на пленку голос продолжал автоматически отсчитывать время. Халлорхен стал повторять:

— Одиннадцать... десять...

Слова Шилы снова заполнили сознание: *Ты же не машина, Джерри, ты — человек. Поэтому ты и*

дорог мне! Не позволяй этим мерзавцам задурить себе голову!

Слова упрямо не хотели слетать с уст Халлорхена. Они застряли в глотке. Капитан опустил руку.

Олмер повернулся к командиру. На его лице читалась явная тревога:

— Сэр! У нас приказ!

Халлорхен молча смотрел на лейтенанта. Олмер выдернул из кобуры пистолет 38-го калибра и навел на своего начальника.

— Ключ... положите руку на ключ, сэр,— произнес Олмер почти умоляюще.

— Шесть... пять... четыре,— продолжал бесстрастный голос в динамике.

Глядя перед собой невидящим взором, Халлорхен покачал головой.

— Не могу.

На дисплее монитора появились цифры отсчета в буквенной записи.

— Три... две... одна... ПУСК!

Голос Шилы звучал теперь совсем издалека, но все же отчетливо: *Хоть раз в жизни, Джерри Халлорхен, ты должен принять решение, исходя из этических, нет — моральных соображений. Поступить по велению совести!*

Олмер был в отчаянии. Голос его перешел в дрожащий фальцет:

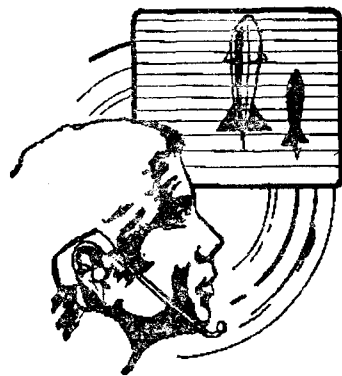
— Сэр... Приказ на запуск! Поверните ключ!

Джерри не шелохнулся, ощутив спокойствие и смирясь с судьбой. Потом повернулся к лейтенанту Олмеру, и четко произнес:

— Не могу.

Сверлящий уши визг заполнил крохотное пространство подземного помещения. Командир ракетного комплекса Джерри Халлорхен молча ждал следующего мгновения. Будь что будет.

1

О конце света возвестил не грандиозный взрыв и даже не шлепок, — нет — просто наступила полная тишина.

Над зелено-бурой поверхностью планеты Земля выросли грибовидные облака. По Северной и Южной Америке зигзагами пробежали трещины, и оттуда равными клочьями завихрился дым.

— Какого черта? — спросил Дэвид Лайтмен.

Он отложил в сторону дистанционный пульт управления и покрутил колесико «громкость» небольшого издававшего виды цветного телевизора «Сильвания». Шума и треска стало еще больше, но звук не вернулся. Изображение Земли на экране разлетелось на мелкие кусочки, и ярко-малиновые буквы оповестили: **КОНЕЦ.**

Дэвид Лайтмен откинулся на стуле и хлопнул себя по лбу:

— Подпрограмма финального взрыва!

Ну конечно, он совсем забыл про эту глупую штуку! Дэвид рассмеялся. Все остальное, что он написал для программы «Разрушители планеты», было замечательно! Не хуже, чем кассеты с игрой «Звездные налетчики» фирмы «Атари». В его варианте изображение на экране и звуковые эффекты были даже лучше.

Семнадцатилетний паренек щелкнул тумблером на потертой клавиатуре компьютера «Альтаир» и выключил дисковод операционной системы; тот со скрежетом остановился. Н-да, неплохо было бы достать новые дисководы. Но свой «Альтаир» он не променяет ни на что. Вместе с дополнительными блоками памяти и периферийными устройствами этот аппарат был шедевром изобретатель-

ности — собран по винтикам, скреплен кое-где жевательной резинкой, но работал отлично.

Конечно, если ему с неба свалится новый компьютер последнего поколения, он не станет отказываться. Но то, что есть, его вполне устраивает, спасибочки. Пусть система выглядела как электронное кладбище в спальне, зато была его собственностью.

Дэвид вздохнул, выключил купленный по случаю вспомогательный дисковод, подождал, пока погаснет контрольная лампочка, и вновь включил «Альтаир».

ГОТОВ, — немедленно сообщил экран.

Дэвид почесал сквозь футболку живот и задумался. Вроде он составил программу электронной игры по всем правилам. Ловушка для космических пиратов лихо построена, сторожевые космические корабли вокруг Земли — просто блеск, а финальный взрыв, когда Земля разлеталась на куски, возвещая победу игрока, был просто потрясный. Не стоило даже распечатывать целиком.

— Ладно, попробуем еще разок.

Он набрал на клавиатуре ДОС — дисковую операционную систему. После короткой паузы на экране появилась распечатка всех частей программы «Разрушители планеты».

Ага, вот оно что. Он забыл ее кодовое название: «КРАХ».

Подпрограмма занимала пять секторов на старом диске «Элефант».

Гм-мм. Придумать бы, как ее правильно связать с графической подпрограммой...

Он снова вызвал Бейсик и ввел команду РАСПЕЧАТАТЬ «КРАХ».

На экране тут же появились четко пронумерованные строчки. Дэвид мог программировать и в машинных кодах, но эту программу проще было написать на языке Бейсик.

Он включил стоявшую рядом электрическую пишущую машинку ИБМ-1, которую использовал в качестве буквопечатающего устройства, и ввел команду: ПЕЧАТАТЬ.

Старая машинка мучительно медленно начала рабо-

тать. Эх, достать бы приличное АЦПУ*... или хотя бы матричную печать. Но куда не прыгнешь — приходится обходиться старенькой машинкой ИБМ; с финансами туго — карманных денег, что давали родители, кот наплакал, а приработок — грошовый.

— Дэвид! — позвал снизу отец. Старик никогда не удосуживался подняться и постучать в дверь. Он просто орал, стоя возле нижней ступеньки. — Дэвид! Обед готов!

Дэвид со вздохом подошел к двери:

— Еще минуту, о'кей?

— Еда подана. Второй раз звать не буду.

Чччерт! Когда мама готовила обед, отец садился есть, даже не спросив, где сын. Но когда мама уезжала торговать недвижимостью и старик кухарил сам, присутствие было обязательно, хотя в готовке Гарольд Лайтмен смыслил столько же, сколько в квантовой механике.

— Сейчас! Только вымою руки.

Дэвид подошел к печатающему устройству.

Чик-чик-чик, изрекла ИБМ, прижимаясь шаром к обратной стороне формуляров на продажу земельных участков, — мама дала ему целую кипу своих бланков, и сейчас на них выстраивались четкие буквы и цифры!

— Давай, давай, шевелись! — сказал он, нетерпеливо постукивая по зеленому корпусу машинки.

Дэвид рассеяннo оглядел комнату. Кавардак тот еще. Одежда разбросана по кровати и по полу. Если мама заглянет, ее хватит удар. Хорошо, что он держит свою комнату на замке. С отцом все было в порядке: тот считал комнату сына чуланом, где слабоумный отпрыск предается дурацким забавам, чуждым всякому благоразумному человеку.

— Дэвид! Я сейчас разозлюсь по-настоящему!

— О'кей! О'кей!

Машинка напечатала последнюю часть программы, Дэвид схватил толстый блокнот, шариковую ручку, вырвал страницу из валика ИБМ и кубарем скатился с лестницы.

Сев за обеденный стол, паренек шмякнул все принесен-

ное рядом с тарелкой. Отец стоял у плиты, и когда он повернулся, Дэвид увидел, что отец в фартуке. Ну, дает!

— Готовил уроки? — осведомился Гарольд Лайтмен.

— Уже отстрелялся, — ответил сын, раскидывая бумаги на аккуратно сервированном столе.

— Хотелось бы, чтоб в этом полугодии оценки у тебя были лучше.

Дэвид, на секунду оторвавшись от печатного текста, поднял глаза на отца:

— Будут. Обещаю.

— Хорошо, — мистер Лайтмен двинулся к столу, помешивая варево.

Дэвид, не веря собственным глазам, уставился на дымящееся содержимое кастрюльки.

— Сосиски с горошком? И ради этого я мчался сюда сломя голову?!

Мистер Лайтмен поправил пенсне. Его круглое лицо приняло обиженное выражение.

— Между прочим, это мое фирменное блюдо. Сюда добавлен жареный лук, перец, специи, вустерский соус, бекон... На гарнир — салат-латук и помидоры, — он указал на стеклянную салатницу с вялыми овощами. — Как тебе известно, мама последние дни очень занята.

— Н-да, — Дэвид вывалил себе на тарелку коричневый ком.

Мистер Лайтмен сел за стол и принялся жевать, нахмурив брови.

«Так, посмотрим, — подумал Дэвид. — Достаточно ли номеров я здесь оставил? Если переход ИДИ НА вставить сюда, то...»

— Не скрою, Дэвид, мне было бы приятно хоть когда-нибудь побеседовать с тобой за столом, как принято у нормальных людей. Но ты вечно утыкаешься в свою компьютерную галиматью или псевдонаучную фантастику. Скажи, есть ли предел дурацким занятиям?

— Па, но для меня это очень важно, — рассеяннo ответил Дэвид.

— Угу, — отец полил свой салат заправкой из бутылки с наклейкой «Остров Таузенд». — И над чем же ты трудишься?

— Составляю программу для одной игры.

* АЦПУ — алфавитно-цифровое печатающее устройство. — Здесь и далее примечания переводчика.

— Очень интересно.
 — Да. Если удастся продать ее, можно будет заработать.
 — И как же называется это прибыльное произведение?
 — Секрет. Когда закончу, может быть, покажу тебе.
 — А почему не сейчас?
 — Ты не поймешь. Она еще не отлажена. И потом, я хочу запатентовать ее.
 — Если получишь гонорар, подумай о покупке нового костюма, Дэвид. Возможно, тебе захочется надевать его почаще, отправляясь в церковь. Пастор Клинтон уже осведомлялся о тебе.
 — Беспокоится о моей душе, да?
 — Он любит тебя, Дэвид.
 — Как же! Ему просто надо заполучить еще одну душу в лоно церкви и получить у Христа дополнительное очко! Для него это игра.

— Ну, это как раз твоя стихия.
 — Ммм?
 — Ты ведь только и занят электронными играми... денно и ночью.
 — Вся жизнь — игра, па.
 — Но надо уметь выигрывать, правильно?
 — Не. Надо уметь делать игры.

Отец безнадежно вздохнул. Дэвид вернулся к программе. Папа вообще-то неплохой человек, только чокнутый малость. Неправильно запрограммирован. Дэвид представил, как бы это могло выглядеть на дисплее ЭВМ:

10 ПРИМЕЧАНИЕ: ГАРОЛД ЛАЙТМЕН
 20 НАПЕЧАТАТЬ: «ЖИЗНЬ ОБЫВАТЕЛЯ»
 30 ЕСЛИ ХОРОШО, ТО ИДИ НА НЕБЕСА
 40 ЕСЛИ ПЛОХО, ТО ИДИ В АД

Быстро набросав несколько строчек программы, отвечающий за воспроизводимый звук, он отложил блокнот и стал торопливо доедать. Сейчас надо будет подскочить наверх и прогнать ее на машине.

Гаролд Лайтмен промокнул губы бумажной салфеткой и аккуратно сложил ее.

— Дэвид, сегодня вечером собрание молодежной церковной лиги. Я подумал, раз мамы нет дома, мы могли бы пойти вдвоем...

— Спасибо, па, не могу.

Отец расстроено мотнул головой и встал из-за стола. Минуту спустя из кухни донесся стук брошенной в мойку тарелки. Гаролд Лайтмен с красным лицом влетел в комнату и возбужденно заговорил:

— Будь это дурацкий видеоклуб, фильм серии «Р»* или концерт панк-рока, ты бы помчался задрав хвост!

— Па, не надо. Сейчас это уже не панк, а «новая волна».

— Мне все равно, как это называется, Дэвид. Для меня это — сор!

Дэвида передернуло. Обидно, когда тебя не понимают. Он поднял вилку с куском сосиски.

— А знаешь, па, очень вкусно.

— Не пытайся уйти от разговора.

— Остынь, па. Я не хочу идти на собрание церковной лиги. Я вообще никуда не пойду, потому что хочу закончить свою программу. О'кей?

— Бред какой-то. У меня впечатление, что компьютер тебя увлекает больше, чем девочки. Мать интересовалась, кто твоя подружка. Пустой вопрос. У тебя никого нет.

Дэвид пожал плечами и отхлебнул молока из чашки.

— Па, давай договоримся. Не приставай, о'кей?

— Что ты нашел в этих железках? Как можно часами — днями! — просиживать взаперти, уставившись на экран, набирать цифры на клавиатуре и уничтожать космических пришельцев или кто там они у тебя!

Дэвид встал, собрал свои листочки и сунул их под мышку.

— Это такой кайф, па!

— Ты даже не доел, Дэвид.

— Отдай Ральфу. Он за домом возле мусорного бака.

Гаролд Лайтмен с беспомощным смешком возвел глаза к потолку, словно апеллируя к небесам.

— Знаешь, в старые добрые времена отцы наказывали сыновей, сажая их в комнату под замок. В твоем случае это все равно, что пустить братца кролика на морковное поле.

* Фильм, на который подростки допускаются только с родителями.

— Да. Пока, па, до скорого!

Поднявшись к себе, Дэвид быстро вставил гибкий диск в дисковод, запустил его и занялся серьезным делом. Всего за час он нашел нужные звуки и запрограммировал их в игру. Затем он записал подпрограмму на основной диск для игр и сделал копию — на случай, если все вдруг пойдет всмятку.

После этого он включил игру «Разрушители планеты».

На экране появились яркие вспышки — взрывались космические корабли, но Дэвид Лайтмен не мог целиком сосредоточиться на игре, мешали посторонние мысли. Отец не просто не понимал — даже не пытался понять. До него никому нет дела... Взрослые слишком заняты своими заботами, своими играми, заикнулись на своих застывших представлениях, словно ошибочная программа...

Серией густых залпов он прикончил последний космический сторожевик. В перекрестке прицела четко обозначились очертания планеты Земля.

— Вот теперь порядок, — сказал Дэвид Лайтмен своей компьютерной системе, нажимая на красную кнопку рядом с ручкой управления.

Лучи наведения уперлись в Землю. Ядерные ракеты, распустив огненные хвосты, с шипением понеслись на цели.

Дэвид прибавил звук.

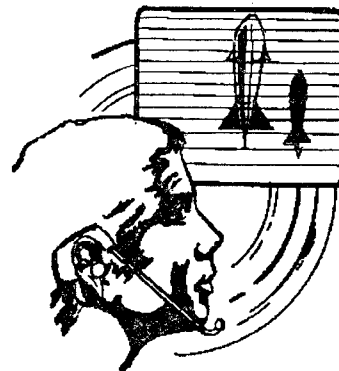
На сей раз о конце света возвестил не только грандиозный взрыв, но и дикие крики и визг, сменившиеся погребальной музыкой.

Раздался стук в дверь.

— Дэвид! Что у тебя стряслось? Ты жив?

Дэвид Лайтмен выключил компьютер и улыбнулся.

2

Джон Маккитрик курил, глядя на Скалистые горы за окном отеля.

— У нас появился шанс, — сказал он. — Больше, чем шанс, — перспектива. Я говорил в свое время Фолкелю... Настанет день, и наша работа дойдет до этой черты!

— А что ты говорил жене — до какой черты дойдет ваш брак? — спросила Патриция Хили.

— Элинора? — Маккитрик горестно покачал головой. — Она уверена, что я допоздна работал в Хрустальном дворце и остался там ночевать. Это уже было десятки раз.

— И каждый раз в твоей светлой голове рождались такие блестящие мысли?

Маккитрик покачал головой:

— Ты не застала Фолкелю. Поэтому не можешь по достоинству оценить его конструктивное решение, которое я потом улучшил... и довел почти до совершенства. Эта система не знает себе равных.

Принесли заказанный завтрак. Пат Хили отхлебнула кофе и откусила ломтик датского печенья. Маккитрик дал официанту на чай.

— Я в курсе, Джон, — сказала она. — Я не была знакома с Фолкелю, но хорошо знаю его работы и знаю, что сделал ты. Я верю в тебя. Меня беспокоит одно, дорогой. Твое рвение мальчика-отличника может закончиться инфарктом, а я не хочу потерять тебя. В том числе и как начальника.

Маккитрик рассмеялся и тоже взял печенье. Это был сорокалетний хорошо выглядевший темноволосый мужчина. Они сошлись год назад во время поездки в Вашингтон, куда их вызвали на совещание в министерство обороны. Оказалось, она полюбила человека, маниакально увлеченного работой. Превратности служебного романа...

Патриция Хили получила ученую степень по теории ЭВМ в Мэрилендском университете, завершив, казалось, нескончаемый этап ученичества и ассистентства. После аспирантуры министерство обороны подхватило ее прямо с порога. Тема ее диссертации как нельзя лучше соответствовала характеру будущей работы, именно такой специалист им и был нужен. Вы хотите служить своей стране? Она не была уверена в этом, но предложенная зарплата выглядела заманчиво, а перспектива частых поездок — тем более. После неудачного брака с доцентом, талдычившим юриспруденцию в Джорджтаунском университете, и несколько лет томления в компании ученых-электронщиков Пат хотелось сменить обстановку. Она проработала пару лет в Пентагоне, и тут ее отчеты привлекли внимание влиятельного советника оборонного ведомства доктора Джона Маккитрика.

Последовало предложение перейти на другую должность с более высокой зарплатой, и она переехала в Колорадо-Спрингс, где в горе Шейен располагался подземный штаб Объединенного командования аэрокосмической обороны Северной Америки — НОРАД.

— У тебя замечательный дар убеждения, Джон, — сказала Пат. — Ты выступишь прекрасно, поэтому, ради всего святого, перестань так волноваться. Эти наутюженные вашингтонские бюрократы не успеют вздохнуть, как будут у тебя у кармане.

— Знаешь, ты замечательная женщина, честное слово.

— Неужели, я тебе нравлюсь больше, чем компьютер?

Он улыбнулся и взъерошил ей волосы:

— Приведи себя в должный вид, о'кей? Поедешь встречать Кэбота и Уотсона. Постарайся обворожить их.

— Я полагала, будет достаточно твоих неотразимых аргументов.

— Дорогая, сегодня надо быть во всеоружии... А ты — мое самое смертоносное оружие.

— Слушаюсь, сэр, — отдала честь Пат.

Доктор Джон Маккитрик, старший советник министерства обороны США и глава электронно-вычислительного центра НОРАД, сидел один в конференц-зале. На столе перед ним громоздились горы документов и записей. Маккитрик с нетерпением поглядывал на дверь — чинов-

ники из Вашингтона должны были появиться с минуты на минуту.

Этого дня он ждал несколько лет. Сегодня могло решиться все. Он нервно проверил, заряжена ли в видеомэгнитофон кассета с записью беседы с капитаном Халлорхеном, тем самым дежурным командиром комплекса «Минитменов» в Северной Дакоте, который отказался выполнить учебный приказ. В конце концов, статистика — это голые цифры. Вот когда комиссия увидит и услышит этого офицера, она неизбежно осознает всю опасность нынешнего положения. И тут хитроумный Джон А. Маккитрик предложит свое простое элегантное решение.

Маккитрик подошел к застекленной перегородке и заглянул в соседнее помещение, где находился операционный зал НОРАД — десятки компьютерных пультов и электронных карт. Его недаром прозвали Хрустальным дворцом. Все в нем сверкало и искрилось — мигали сигнальные лампочки, светились экраны, блестели хромированные детали. Отсюда, из командного центра, исходили приказы подводным лодкам, межконтинентальным баллистическим ракетам и стратегическим бомбардировщикам. Каждая установка имела по несколько боеголовок, а все вместе они были способны не один раз уничтожить земной шар.

Раньше НОРАД размещался в небоскребе, взметнувшись над соседним городом Колорадо-Спрингс. Но он представлял собой уязвимую цель, и в начале 60-х годов центр решено был перебазировать в Шейн. Началось рытье туннелей. Вскоре в толще горы выстроили комплекс из пятнадцати стальных бункеров, где установили компьютеры и средства связи; светящиеся точки на электронных табло под потолком зала показывали местоположение всех самолетов и космических аппаратов; сюда же стекалась информация с рассыпанных по всему свету стационарных и мобильных баз.

В комплексе помещался также центр оповещения и космических операций НОРАД и отделение метеонаблюдений. Тысяча семьсот военнослужащих военно-морских, военно-воздушных и сухопутных сил США вместе с гражданскими специалистами и офицерами связи канадской армии несли здесь круглосуточное дежурство.

Для Маккитрика это был родной дом.

Он участвовал в создании многих компьютерных систем. Это были его детища. Его и Фолкена.

Фолкен. Вспомнив о нем, Маккитрик улыбнулся. «Я покажу тебе, упрямый осел,— сказал он возникшему в памяти образу.— Погоди немного».

Сейчас, наверно, вашингтонское начальство в черных лакированных «линкольнах», свернув с Колорадского шоссе 115 на отрезок длиной в три с половиной мили, поднималось ко входу в НОРАД, расположенному на высоте двух тысяч метров над уровнем моря.

Пат Хили встретит их у контрольного пункта и прицепит им к пиджакам красные пластмассовые пропуска. Затем они пройдут метров четыреста по выбитому в скале туннелю к искусственной пещере, а оттуда сквозь массивные двойные двери — в сам комплекс. Он занимал площадь в двадцать тысяч квадратных метров. Стены помещений отделяли от скалы мощные гидравлические амортизаторы. Взрывоустойчивые двери на бетонных столбах были почти метровой толщины и весили двадцать пять тонн каждая, но открывались и закрывались за тридцать секунд. Первая дверь была сделана вровень со скалой, так что ударная волна от разорвавшейся у входа боеголовки, пронесаясь по туннелю, вышла бы на противоположной южной стороне горы. Запасы воды, провизии, энергии и воздуха на подземном командном пункте позволяли личному составу продержаться тридцать дней, в случае, если он окажется вдруг отрезанным от поверхности.

В чреве этого циклопического памятника войне Маккитрика охватывало разом привычное чувство безопасности и тревоги.

Пат Хили ввела в зал гостей. Бойкий шарм брюнетки, по-видимому, не произвел на них впечатления — они были слишком озабочены, и Джон Маккитрик вполне понимал их.

Он был знаком с обоими заочно, обмениваясь письмами и с ними, и с их подчиненными. Но ему еще не приходилось лично общаться со столь высокопоставленными особами. Тем более по такому поводу.

Артур Кэбот тряхнул руку Маккитрика, скользнув сквозь стекло взглядом по пультам и гигантским картам в операционном зале.

— Рад наконец познакомиться с вами, Маккитрик. Жаль, что приходится это делать по такому поводу.

У визитера было морщинистое лицо, короткая стрижка и двойной подбородок. Кожистый — так бы назвал его Маккитрик. Жесткий и кожистый. Пожалуй, он выглядел скорее как ветеран танковых сражений, нежели как чиновник. Рукопожатие его помощника Лайла Уотсона было мягким, холодным, профессиональным. Тонкий и элегантный человек, намного моложе Кэбота, он гораздо больше подходил для роли дипломата, чем его шеф.

— Джентльмены, прошу садиться,— проворковала Пат Хили.

— Да. Генерал Берринджер будет здесь с минуты на минуту,— сказал Маккитрик.— Пат, будьте любезны, включите видеозапись. Я уже вставил кассету.

— Та самая пленка, что мы затребовали? — спросил Кэбот, заняв место за большим столом и наливая стакан воды со льдом.

— Доставили с нарочным,— уточнил Маккитрик.— Прекрасная иллюстрация проблемы, которую нам надлежит решить. А вот и генерал.

Генерал Джек Берринджер и его заместитель Догерги не скрывали недовольства. Войдя, грузный Берринджер буркнул нечто похожее на «здрасьте» в сторону Маккитрика, а затем официально представился, пожимая руки гостям.

«Медведь прекрасно знает, чего я хочу»,— подумал Маккитрик. Но теперь уже ничто не остановит его.

— Доктор Маккитрик,— сообщила Пат Хили,— у меня все готово.

— Джентльмены,— начал Маккитрик, усаживаясь во главе стола,— полагаю, никому не надо объяснять, зачем мы собрались, поэтому ограничусь кратким вступлением. Две недели назад во время обычной проверки готовности дежурных на стартовых установках некий капитан Джерри Халлорхен, командир шахтного комплекса «Минитменов» в Северной Дакоте, не сумел повернуть ключ запуска. Капитан, разумеется, был отстранен от дальнейших боевых дежурств... Сейчас мы просмотрим запись беседы с ним опытного психиатра медслужбы ВВС.— Маккитрик кивнул помощнице.— Начинайте, Пат.

На экране телевизора возник капитан Халлорхен, мускулистый человек лет под сорок. Он сидел на стуле спиной к стене голубого цвета. Голос психиатра доносился из-за кадра:

— Вам приходилось когда-нибудь лично убивать людей?

Халлорхен облизнул губы:

— Я был во Вьетнаме, сэр. Участвовал в воздушных налетах.

— Но вы были тогда моложе... гораздо моложе, — заметил психиатр.

Халлорхен стал рассматривать носки ботинок.

— К чему все это? — Я — офицер и, согласно присяге, обязан беспрекословно выполнять любые задания. До сих пор, как вы могли прочесть в моем личном деле, я выполнял свои обязанности беспрекословно.

— Что же произошло? Вы не допускали мысли, что это была учебная тревога?

— Нет, сэр, — ответил Халлорхен. — Я думал, что запускаю ракету. И просто не мог заставить себя повернуть ключ.

Голос психиатра:

— Быть может, вы представили себе последствия?.. Чувство личной моральной ответственности... вины?

— Может быть, — произнес Халлорхен. — Может быть...

Пат Хили приглушила звук монитора.

— Беседа продолжается еще полчаса. Насколько можно судить, этот человек в последнюю минуту натолкнулся на этическую преграду. И он не одинок. Были и другие случаи, когда дежурные не смогли повернуть ключ... и впоследствии не могли дать этому объяснений. Они застывали, словно пораженные столбняком.

Генерал Берринджер нервно запыхал сигарой. Тонкий дымок потянулся вверх, расплываясь голубоватым слоем по комнате.

— Типичный случай, — произнес он отрывисто-грубым командирским голосом. — У всех у них прекрасные послужные списки. Мы производим тщательный отбор. Офицеры считают за честь стать командиром ракетного комплекса.

Кэбот весь подобрался. Его голос прервал успокоительные рассуждения Берринджера:

— Генерал, более двадцати процентов ваших ракетчиков, подобно этому капитану, не смогли, хуже того — отказались произвести пуск во время учебной тревоги. Думается, понятие о воинской чести значит для них не слишком много!

Уотсон откинулся в кресле.

— Невыполнение приказа превратилось в широко распространенную болезнь в наших вооруженных силах, — мягко заговорил он, обращаясь к Маккитрику. — Но президент озабочен в первую очередь состоянием боеготовности наших баллистических ракет.

Маккитрик кивнул. «Да-да, я как раз тот человек, который выведет вас из прорыва», — подумал он.

— Мы приехали сюда с тем, чтобы предложить президенту решение... срочное решение, — сказал Кэбот. — Как вам известно, президент не любит рассусоливать в вопросах обороноспособности страны.

— Можете передать президенту, — отчеканил Берринджер, — что я отдал приказ полностью пересмотреть процедуру отбора личного состава ракетчиков. — Он заерзал на сиденье и положил сигару в пепельницу. — Мы пригласили для консультации лучших специалистов-психологов из клиники Менинджера.

«Самое время», — подумал Маккитрик.

— Извините меня, генерал, — произнес он вслух, — но, думается, это пустая трата времени. Вы выбрали вполне надежных людей. Проблема не в них, а в том, чего мы от них требуем.

Кэбот посмотрел на часы.

— Послушайте, — устало сказал он, — через час, даже меньше, мы должны уже быть в самолете. И по возвращении я обязан объяснить президенту, почему двадцать два процента командиров наших ракетных установок не смогли запустить ракеты. Что я ему скажу, черт возьми?! Что эти двадцать два процента — неплохие ребята? Да он слопают меня с потрохами!

Берринджер побагровел:

— Я убежден, что более строгий отбор...

— Генерал, — перебил его Маккитрик, вновь беря инициативу в свои руки, — нельзя же допустить, чтобы комиссия вернулась в Вашингтон с грузом первостатейной ерунды. — Он повернулся к гостям и выдержал театральную паузу. — Ясно, что предусмотреть все человеческие реакции невозможно. Человек, сидящий за пусковым пультом, знает, что повлечет за собой поворот его ключа. Нам следует, господа, вообще исключить человеческий фактор из стартового цикла.

— Вы соображаете, что говорите, Маккитрик! — взорвался Берринджер.

Но Кэбот уже проглотил наживку. Он был явно заинтригован. «Я зацепил его», — мелькнуло у Маккитрика.

— Вы имеете в виду — убрать людей из стартовых командных пунктов? — спросил он.

— А почему нет? — вопросом на вопрос ответил Маккитрик.

Берринджер вскочил, забыв в гневе про сигару, и, упревая указывающий перст в Маккитрика, загрохотал:

— Что касается меня, то я спокойно сплю, только когда знаю, что наши парни дежурят у кнопок!

«Какая дубина», — подумал Маккитрик.

— Генерал, — возразил он нарочито спокойным тоном, — не спорю, у вас там сидят прекрасные люди... Но в этом-то вся загвоздка! Ведь все, что от них требуется — это повернуть ключи, когда компьютер прикажет им сделать это.

— Вы хотите сказать — когда президент прикажет им повернуть их, — поправил Уотсон.

— Разумеется, — согласился Маккитрик. — когда президент прикажет нам привести в действие план, заложенный в ЭВМ.

— Полагаю, Объединенный комитет начальников штабов внесет свою лепту, — не без сарказма заметил Уотсон.

— Да уж можете не сомневаться! — вскрикнул Берринджер.

— С того момента как президент примет решение... — вмешался Маккитрик. — Все остальное за шесть минут должны сделать компьютеры. — Он одарил присут-

ствующих хорошо отретпетированным взглядом. — Позвольте мне продемонстрировать вам, как будет действовать система.

Доктор Джон Маккитрик шествовал между машинами, словно гордый папаша между своими отпрысками. «Пусть называют шедевром картину Рембрандта, роман Флобера или симфонию Бетховена, — думал он, — а для меня нет краше любой из этих крошек». Сплетение микросхем и реле каждой могло служить памятником человеческому гению, причем памятником действующим, а не поставленным для любования.

Ведя гостей по командному мостику над операционным залом, Пат Хили, взявшая на себя роль гида, рассказывала об истории центра. Но прибывших интересовала не столько история, сколько зрелище плотных рядов компьютеров с разноцветными экранами и мигающими лампочками. Сновали одетые в комбинезоны техники, похожие сверху на рабочих муравьев в гигантском муравейнике. Операторы ЭВМ и программисты в наушниках с телефонами щелкали тумблерами на консолях, пили кофе или передавали информацию, глядя на гигантские карты обоих полушарий. Карты светились в полутьме подземелья, как неоновые рекламы на ночной Таймс-сквер.

— Прошу сюда, — сказал Джон Маккитрик, подводя приглашенных к стеклянной перегородке. («Да, если они согласятся с его предложением, во всем ведомстве воцарится полный порядок. Наконец-то он покажет этим тупоголовым военным, на что способны его машины»). — Осторожно, ступеньки... Ага, прекрасно, Рихтер на месте. Джентльмены, Поль Рихтер — один из моих помощников. Это ведь не ваша смена, Поль? Я специально попросил его задержаться и дать нам необходимые объяснения.

Поль Рихтер, пухлый человек с козлиной бородкой, в очках, галстук и жилете походил на типичного психиатра-фрейдииста. Он нервно кивнул важным гостям и встал рядом с большой серой машиной размером с «фольксваген», замыкавшей целый ряд компьютеров.

— Внушительная аппаратура, — сказал Кэбот, оглядывая оборудование.

— Мистер Кэбот, мистер Уотсон, полагаю, вас не надо извещать, откуда к нам поступает исходная информация, — произнес Маккитрик.

Кэбот хмыкнул, чуть спустив с себя суровость:

— Служебные инструкции обязывают нас знать это, так ведь, Уотсон? Разведывательные спутники, патрульные самолеты, сообщения наблюдателей и радарных станций...

— Разветвленная сеть, — подытожил Уотсон.

— Совершенно верно. Вся эта информация попадает сюда, на командный пункт, и заносится на карты... — Маккитрик сделал паузу и указал на заполнявшие помещение ряды ЭВМ. — Компьютеры показывают ситуацию в мире на данный момент. Передвижения войск... испытания ракет... изменения погодных условий — все сведения стекаются в эту комнату, — он подошел к серой машине, возле которой Рихтер нервно тербил свой узенький черный галстук, — и вводятся... в компьютер ОПРУ.

— Оперативный план ракетного удара, — расшифровал Уотсон.

Маккитрик кивнул и повернулся к помощнику:

— Мистер Рихтер сейчас объяснит нам его назначение. На лице у Рихтера промелькнуло подобие улыбки.

— Гм, — он откашлялся. Рихтер явно был более привычен к диалогу с компьютерами, чем с людьми. — Система ОПРУ круглосуточно триста шестьдесят четыре дня в году просчитывает варианты третьей мировой войны. Используя массу информации о ситуации в мире, она проводит безостановочную серию военных игр.

— ОПРУ бессчетное число раз вела — в виде игры — третью мировую войну, — продолжил Маккитрик. — Система нацелена на выбор оптимального варианта в реальных условиях. Ключевые решения по основным параметрам ядерного кризиса уже введены в ОПРУ. Если настанет момент, когда президент отдаст приказ о приведении плана в действие, надо иметь полную гарантию, что он будет выполнен. В этой связи мы можем утверждать, что данная машина — наш лучший генерал, самый талантливый полководец. В случае боевого применения ядерного оружия эта система обеспечит нам большой шанс на выигрывание.

Кэбот одобритительно кивнул.

— Насколько я понимаю, — сказал он, — сейчас наша ракетная оборона, обошедшаяся стране в триллион долларов, находится в руках дежурных. Если они откажутся повернуть ключ, весь этот арсенал можно считать грудой бесполезного металла. А процент отказов среди дежурных невероятно высок.

— Проблема в том, что они — люди. При всем уважении к присутствующим можно ли гарантировать, что, оказавшись мы сами на месте этих людей, мы по первому сигналу повернем ключ, обрекая на гибель миллионы людей? — Маккитрик оглядел присутствующих. Уотсон кашлянул. Маккитрик уставился на Кэбота. Подошел решающий момент. — Дайте мне от четырех до шести недель сроку, и мы сможем заменить людей — иначе говоря, подверженные срыву людские механизмы — стопроцентно надежной электронной автоматикой. Мы исключим человеческий фактор из цикла действий ЭВМ!

— Я уже говорил вам, Джон, — с обычной бесцеремонностью прервал его Берринджер, — что считать вашу кучу микросхем панацеей от всех бед — глупость. Как можно исключить людей из управления системой! Я согласен, у наших военных нет такого опыта ведения атомной войны, как у ваших компьютеров. Пусть машины дают советы, но решать должны люди.

— Представьте, однако, — возразил Маккитрик, — что совет дан. Времени на то, чтобы обсуждать с военными, как вести войну, у президента не будет. Мы считаем, что человеческий фактор должен оставаться там, где следует... на самом вершине.

Помолчав минуту, Кэбот заключил:

— Доктор Маккитрик, мы углубились в технические аспекты... Думаю, вам следует изложить свои соображения лично президенту.

— Я готов, — откликнулся Маккитрик. — С удовольствием. — Он не смог сдержать улыбки при виде искаженного лица Берринджера.

— Решено, — заключил Кэбот. — Следует ожидать, что ваше предложение вызовет кое у кого из либералов дрожь в коленках. Других затруднений я не предвижу.

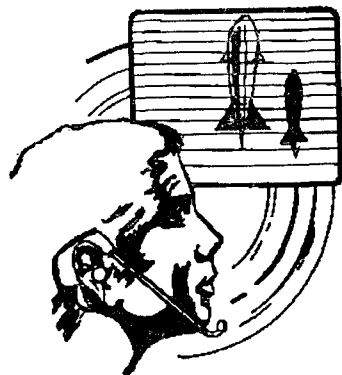
«Ну, Фолкен, — подумал Маккитрик. — Говорил я тебе, что дождусь своего часа. Теперь это мое детище. Я получу

наконец заслуженное признание. А ты, плюгавый гений, можешь катиться ко всем чертям. Ко всем чертям!»

Кэбот был заморожен машиной.

— Вот, значит, где разыгрывается Армагеддон, — сказал он, — дотрагиваясь до панели.

3

Дэвид Лайтмен манипулировал рукоятками управления ракет. Автомат видеоигр «Атари» был втиснут между «Фроджером» и «Закононом». Тони месил тесто у плиты, норовя попасть в такт несшемся из транзистора шлягеру Пата Бинатара о превратностях любви. Пиццерию Тони Марино наполнял уютный запах свежеспеченного пирога — такой густой, что во рту почти ощу-

щался вкус сыра. Но Дэвид Лайтмен, небрежно одетый в рваную футболку и линялые джинсы, не замечал ни запахов, ни звуков; он неотрывно следил, как на экране с буханьем, треском и свистом вспыхивали красочные огоньки игры.

«Проклятые управляемые бомбы!» — мелькнуло у него при виде того, как белый мерцающий предмет увильнул от его залпа и ринулся на один из шести городов в нижней части экрана. Он крутанул рукоятку управления, выписал курсором под спускающейся бомбой три заслона в форме буквы «Х» и, довольный собой, увидел, как его ракеты, прочертив белые трассы, настигли цель и взорвали бомбу в фосфоресцирующем небе.

Машина добавила ему новые очки, на экране сменился цвет, и Дэвид с удовлетворением отметил, что у него осталось шесть городов — хороший запас, даже если в следующем раунде какая-нибудь вражеская бомба дойдет до низа. Он выиграл у машины почти две тысячи очков! Если изловчиться, то на табло автомата скоро останутся только его инициалы — Д. А. Л.!

Он вдруг опомнился и с беспокойством взглянул на часы. Электронная «булава» на левом запястье показывала 1.06 пополудни! Обед накрылся, да и на четвертый урок он уже опоздал!

Дэвид обернулся. Мальчишка, которого он засек уголком глаза, все еще стоял по соседству. Круглые глаза сияли на веснушчатой физиономии.

— Ну ты даешь, — сказал мальчуган, облизывая рыжие усы от томатного сока.

— Хочешь закончить вместо меня?

— Спрашиваешь!

— Валяй!

Схватив книги, Дэвид Лайтмен ринулся из пиццерии к школе имени Губерта Хэмфри. Небо над городом хмурилось, готовясь вот-вот пролиться дождем, — типичная картина для Сиэтла.

Он мчался мимо рядов одинаковых домов через стриженный газон, неотличимый от стриженного газона любого американского пригорода. Иногда он пытался представить себе, каково было бы жить в Калифорнии, Флориде, Канзасе или другом месте Соединенных Штатов, но всегда приходил к выводу, что особой разницы между ними нет. Здесь, в штате Вашингтон, лежащем у канадской границы, отец имел твердую, хотя и не очень прибыльную, должность бухгалтера-ревизора, а мать открыла для себя радости торговли недвижимостью, так что Сиэтл, где он родился и вырос, вполне подойдет еще на какое-то время.

Средняя школа имени Хэмфри представляла собой ансамбль из серых кубов, аккуратно поставленных на оживленном перекрестке и окруженных бессмысленной сетчатой оградой. Дэвид просунул руку сквозь дыру в сетке — «тайный ход», которым пользовались все кому не лень, — ворвался через боковую дверь в школьный коридор и, не обращая внимания на дежурные мониторы, взлетел на второй этаж, где располагались классные комнаты и лаборатории химии и биологии. Найдя 14-й кабинет, он замедлил шаг, чтобы незаметно проскользнуть внутрь.

Помещение пахло формальдегидом, зверями и минеральными удобрениями. Булькал аквариум. Учитель, Амос Лиггет, стоял у доски с куском мела в руке.

— А,— сказал он, заметив вновь прибывшего,— вот и Дэвид ошастливил нас. Добро пожаловать.— Он откинул со лба прядь редких волос и двинулся к покрытому черным пластиком лабораторному столу, отделявшему его от учеников.— Вас ждет подарок.

Дэвид уже направлялся в конец класса. Он всегда предпочитал задние столы, не высывался и вообще старался быть в тени. Сейчас пришлось подойти к Лиггету. Тот держал синюю тетрадь для контрольных работ, причем так, чтобы она была видна всему классу. Вот змей! Главным оружием садистов-преподавателей было публичное унижение, и Лиггет владел им в совершенстве. На обложке тетради крупно, словно красная буква у Готорна, которого они как раз проходили по американской литературе, виднелась выведенная красными чернилами «двойка».

Лиггет улыбался, обнажив желтеющие зубы. Воротник его вязкого халата был густо усыпан перхотью — из-за этого «пепла» ученики прозвали Лиггета Атомной Бомбой.

Дэвид взял тетрадь, демонстративно пожал плечами, и побрел в конец класса. По пути он не без удивления отметил, что Дженифер Мак пересела за его стол. Приятно. Он сел, стараясь не глядеть на нее, а обратил внимание на Лиггета, который показывал аудитории синюю тетрадь с очередной малиновой «двойкой».

«Лиггет сегодня гуляет на всю катушку»,— подумал Дэвид. Преподаватель расхаживал перед классом, разливаясь соловьем.

— В истории науки известны случаи, когда новые революционные концепции рождались в результате неожиданного озарения,— он навалился на стол, и его толстый живот растекся по пластику.— Дженифер? Ага, вот вы где! Дженифер Мак, отвечая на вопрос номер двадцать четыре «Что заставляет азотные клубеньки образовываться на корнях растений?»...

Дэвид поглядел на соседку. Та потупилась в явном смущении, и прядь каштановых волос коснулась стола. Красивые волосы, шелковистые, блестящие. «Интересно,— рассеянно подумал Дэвид,— какие они на ощупь».

— ... вы написали слово «любовь»,— безжалостно закончил Лиггет.

Весь класс, хихикая, повернулся к ней. Дэвид ощутил, как его захватила волна сочувствия к девочке.

— Любопытный ответ, мисс Мак,— язвительно продолжал Лиггет, явно наслаждаясь произведенным впечатлением.— Возможно, мисс Мак известно об азотных клубеньках нечто такое, что неизвестно нам? Вы готовы поделиться своей интимной информацией?

Дженифер подняла голову, посмотрела на учителя и с вызовом в голосе ответила: «Нет». Дэвид никогда еще не видел ее такой хорошенькой.

— Ясно,— Лиггет отвел от нее глаза.— Вы не знали правильного ответа — симбиоз. А не знали его потому, что невнимательны на уроках.— Лиггет повертел тетрадь, так чтобы все видели оценку Дженифер, и пренебрежительно бросил ее ученику в первом ряду.— Передайте это, пожалуйста, мисс Мак.

Дженифер вздохнула. Она, конечно, заметила, что Дэвид, единственный из класса, не смеялся, и улыбнулась ему благодарно и беспомощно. От сочувствия у него екнуло сердце.

— Не расстраивайся. От двойки еще никто не умирал.

— Как же,— прошептала она.— Расскажи это моему отцу. Когда он увидит дневник в конце года, его хватит удар.

Лиггет продолжал разбор убийственной контрольной:

— Теперь вопросы, касающиеся клонирования. У многих вышла путаница с этим понятием.— Он одобряюще оглядел класс.— Кто первым выдвинул идею бесполового размножения высших организмов?

Учитель стал выводить на доске какие-то слова. Дэвид с облегчением отвернулся от Дженифер. Ему было нелегко поддерживать разговор с девочками. Не то чтобы они не нравились ему, просто это были неизвестные величины. Переменные, так можно было бы обозначить их на машинном языке, хотя девочки в своем поведении не придерживались никакой логики. Чтобы не выглядеть дураком, он водил их несколько раз в кино, но от танцев и посиделок удавалось увиливать. Он чувствовал себя угловатым и неловким, надо было вымучивать слова. Вообще — кошмар, похлеще испанской инквизиции. С девочками полагалось вести себя как-то иначе... — не как с компьютерами. Что-то происходило с ним, когда они, улыбаясь, глядели на него. Ему становилось жутко неловко от желания дотронуться до них.

Эх, знать бы, как разговаривать с такой, как Дженифер Мак. Она часто улыбалась ему, особенно после того, когда старик Лиггет принес в класс удава.

Они проходили тогда рептилий. Дэвид по обыкновению думал о своем и не заметил, как на гигантском лабораторном столе у Лиггета оказался стеклянный аквариум. На дне его лежал полутораметровый удав. В середине он был толщиной с бицепс чемпиона по вольной борьбе Хэнка Джодри. Здоровенная тварь шевельнулась и уставилась на них злющими глазами, высовывая и убирая язык, словно примеряясь, кого сожрать первым. Почти все девочки тут же пересели за задние столы.

Но это было не все. Старик Лиггет превзошел самого себя. Он вытащил из клетки любимца класса, толстого хомяка Германа, снял проволочную сетку, прикрывавшую аквариум, и сунул туда хомяка.

— Мне надо отлучиться. Проследите за тем, что произойдет, и подготовьте мне подробный отчет, — сказал он.

Едва за ним закрылась дверь, как весь глас передернуло от ужаса. Змея лежала, свернувшись в углу, и дремала. Но когда пушистый зверек запрыгал рядом с ней на газете, «мистер Б. К.» (боа-констриктор) принял его появление к сведению.

Большинство мальчиков стали заворуженно следить за тем, что произойдет. Кроме Дэвида. Не говоря ни слова, он подбежал к учительскому столу, поднял сетку змеиного аквариума, сунул туда руку и выудил Германа. Девочки устроили овацию.

— Чего ты полез, дундук! Нарвешься на неприятности! — заорал один балбес по фамилии Кросби.

— Еще одно слово, Джон, — накинулась на него подружка, — и я с тобой никуда не пойду в пятницу!

— А что мы скажем Атомной Бомбе? — спросил кто-то.

— Скажем, что змея слопала Германа, — предложил чей-то голос.

— Но у нее должно тогда вздуться брюхо.

— Лиггет забыл сегодня очки.

В тот день Дженифер впервые улыбнулась ему, а Герман переселился к Дэвиду в комнату, где жил в углу, подальше от удавов.

ВНЕПОЛОВОЕ РАЗМНОЖЕНИЕ — БЕЗ УЧАСТИЯ ПОЛОВЫХ ОРГАНОВ, — гласила корявая надпись на доске.

По классу пополз смехок.

— Не вижу никакого юмора, — оповестил Лиггет. — Мистер Радужай, напомните нам, кто первым выдвинул идею внеполового размножения высших организмов.

Радужай заерзал на стуле.

— Мендель?

— Рановато.

В глазах Дэвида заплескались искорки; наклонившись к Дженифер, он шепнул ей два слова.

Дженифер фыркнула. Она пыталась сдержаться, прижав ко рту ладонь, но не смогла.

— Мисс Мак, — раздраженно произнес Лиггет, — у вас что — припадок? Почему вдруг такое веселье?

Дженифер, опустив голову, попыталась совладать с собой, но, взглянув на Дэвида, снова громко фыркнула.

Лиггет взъярился и, словно акула, кинулся на жертву. Его лицо побагровело.

— Прекрасно, Лайтмен. Извольте сказать нам, кто первым подал идею внеполового размножения.

Дэвид выпрямился, покосился на Дженифер, поднял брови на манер комика Джона Белуши и произнес с невинной улыбкой, глядя прямо в лицо Атомной Бомбе:

— Ваша жена?

— Мистер Лиггет прислал меня обсудить с мистером Кесслером мое поведение на уроке, — объявил Дэвид Лайтмен в канцелярии.

Молодая женщина, секретарь дирекции миссис Митчел, скептически оглядела его поверх съехавших на нос очков.

— Кажется, я уже видела вас здесь. И неоднократно.

Она кивнула ему на дверь и вновь обратилась к пишущей машинке, подняв, словно Пикассо, кисточку для замазывания опечаток.

Дэвид толкнул дверь, вошел в приемную, плюхнулся на деревянную скамью и стал разглядывать свои кроссовки «Адидас».

Неожиданно ему в голову пришла шальная мысль: «Раз уж я здесь, надо попробовать...»

Он улыбнулся собственной догадливости. Прислушался. Миссис Митчел барабанила на машинке. Хорошо. Повернул голову в другую сторону. Справа от него был кабинет Кайзера — так они прозвали заместителя директора Кесслера, ведавшего в школе Хэмфри вопросами дисциплины. Из-за двери доносился его резкий лающий голос.

Слева находились два машинных зала. Дэвиду была видна сидевшая у одного терминала немолодая женщина. Но второе помещение было пусто, и дверь в него широко открыта.

Лафа! Как раз то, что надо! Дженифер пустила его по верному следу. Только бы на дисплее оказался пароль пользователя.

Тревожно косясь на женщину в соседней комнате, Дэвид крадучись двинулся к оставленному без присмотра компьютеру. Если его застукают, шум в школе поднимется до небес. Но рискнуть стоило.

Все заняло ровно одну секунду.

На мониторе виднелся длинный список паролей; все они были зачеркнуты, кроме последнего: ГРИФЕЛЬ.

Назад!

Дэвид долетел до скамьи ровно в тот момент, когда дверь замдиректорского кабинета открылась и оттуда понуро вышел ученик. Не глядя на Дэвида, он побрел к выходу, как побитая собака.

Кайзер-Кесслер махнул Дэvidу рукой.

— Снова вы, Лайтмен? Какой сюрприз.

Дэвид с кислой миной протянул ему записку Лиггета. Кесслер взял ее, прочел и откинулся в кресле, задумчиво глядя на Лайтмена и покусывая толстые губы.

— Не могу понять вас, Лайтмен, — сказал он. — Садитесь. Хочу поговорить с вами. На сей раз не будет ни испытательного срока, ни записки родителям, ни даже звонка отцу.

Дэвид Лайтмен сел, недоверчиво глядя на собеседника:

— Вы прекрасно справились с тестами пригодности, особенно по математике... Да, я узнавал у вашего классного руководителя. — Кесслеру было уже под сорок, но он упрямо носил короткую военную стрижку и выглядел типичным немецким инструктором по строевой подготовке, чем и заслужил у школьников кличку Кайзер. Его старания по части наведения дисциплины были известны

всему городу, и хотя они не давали ощутимых результатов, он продолжал относиться к работе с восторженным рвением. По мнению Дэвида, Кесслер втайне сожалел о том, что жил в 80-е годы XX века, а не воспитывал подопечных в эпоху розог и шпицрутенов. Из него вышел бы дивный диккенсовский персонаж.

— И что же?

— Вы могли бы стать первым кандидатом в отличники. Однако вас в который уже раз отправляют ко мне в кабинет.

— Мистер Кесслер, но я не дерусь, не пью, не курю, не балуюсь наркотиками...

— Знаю, вы — хитрая bestия. Ваше хобби — изводить учителей, — Кесслер, шумно вздохнув, заложил руки за голову. — Во что мы превратимся, если каждый ученик станет таким, как вы, Лайтмен?

— В школу одаренных детей?

Кесслер рассмеялся:

— Знаете, Лайтмен, будь вы моим сыном, я бы положил вас на колено и отшлепал хорошенько. Но, боюсь, сейчас это уже поздно. В наши дни работать учителем — нелегкое дело, Лайтмен. А такие заводи́лы, как вы, превращают труд педагога в каторгу.

— Да, сэр.

— Вы ведь считаете себя всезнайкой, верно, Лайтмен? Рассчитываете вывернуться из любого положения. Для вас удовольствие — сунуть палку в колеса и посмотреть, сколько спиц сломается. Нет, вы неплохой парень. Я-то знаю, что такое плохие дети, поверьте. Но у вас извращенный вкус, не находите? — Кесслер улыбнулся, вытащил из пачки зубочистку и начал ковыряться в зубах. — Вам, очевидно, известно, Лайтмен, что я отвечаю в школе за внеклассную работу.

Дэвид заморгал:

— Да-да, теперь это в моем ведении. И, представьте, принимая дела, я обнаружил заявление... некоего Дэвида Лайтмена. Он просит установить в школе аппарат для видеоигр. Не скрою, Лайтмен, некоторые учителя приветствуют эту идею. Однако я только что ознакомился с докладом министерства здравоохранения, в котором перечисляются вредные последствия увлечения этими играми — синдром напряжения мышц предплечья, рас-

стройства зрения, развитие тенденций к насилию. Скажу больше: именно вы являете собой пример того, сколь пагубно влияют видеоигры на неокрепшее сознание подростка. Поэтому, конечно, ни о каких видеоиграх в нашей школе не может быть и речи.

Кесслер порвал заявление Дэвида и бросил его в корзину.

— Эта корзина — мой блок памяти для подобных вещей. А теперь катитесь, Лайтмен, и чтобы я вас больше здесь не видел!

Кесслер обратил свои слегка выпученные глаза на лежавшие перед ним бумаги:

— Есть, сэр.

Надо было бы ответить этой жабе: «Зиг хайль». Ребята именуют его Кайзером, но для Дэвида отныне он будет Фюрером.

«Вся штука в том, что большинство из тех, кто командует нами, — полные «чайники», — подумал Дэвид Лайтмен, покидая здание школы. Еще один день, призванный озарить его светом ученья, был позади. Дэвид вяло брел домой, помахивая учебником по тригонометрии.

Добро бы они сознавали, что они — «чайники». Но нет, они скрывают свою бездарность за обтекаемыми фразами — Дэвид, кстати, умел пользоваться этим бюрократическим жаргоном не хуже их. Все они принимают себя за важных шишек, уверены, что они лучше других. Убеждены, что могут управлять всеми и разбираются во всем.

С компьютерами такое не проходит. Тут все по справедливости. Что вводишь в машину, то и получаешь. Мгновенный результат. А остальной мир... такой же серый, как сегодня небо над Сиэтлом.

За спиной послышалось тарахтенье. Дэвид решил уловить эффект Доплера, ожидая, когда мопед проедет мимо. Но звук по-прежнему доносился сзади. Он обернулся. На зеленом мопеде сидела Дженифер Мак.

— Привет! — крикнула она.

— А, привет, — отозвался Дэвид.

Больше сказать было нечего. Оставалось лишь выдать свое неумение связать пару слов за мужественную сдержанность в стиле Клинта Иствуда. Дэвид двинулся дальше.

— Я хотела извиниться, — сказала Дженифер. — Из-за меня у тебя неприятности. Но я просто не могла сдержаться — так было смешно.

Слава богу, она сама вывела его из затруднения. Он замедлил шаг и взглянул на нее.

— Нет, все о'кей. Ты была великолепна.

Дженифер выключила мотор и недоверчиво переспросила:

— Я?

— Угу.

Ладно скроенная фигурка девушки была облачена сейчас в джинсы, зеленую майку и черную ветровку. Ее длинные волосы чуть растрепались от езды, а покрасневшее лицо стало еще привлекательней. Дэвид не знал, что сказать.

Дженифер сама нарушила неловкое молчание:

— Слушай, может, тебя подвезти?

— Давай, — автоматически отозвался Дэвид.

— Прыгай! — пригласила она.

— Гм... сейчас, — Дэвид устроился сзади, уцепившись одной рукой за сиденье Дженифер. — Сел.

— Где ты живешь?

— Недалеко. — Он указал ей направление.

— Держись крепче, поехали!

Дженифер Мак влилась в поток машин сиэтлского пригорода. Какой-то «фольксваген» погудел им. Дэвид глотнул порцию выхлопных газов, мопед подскочил на бугре, и паренек едва не свалился. Черт, она гонит, как бешеная!

Когда мопед заложил крутой вираж в Вязовую аллею, Дэвид чиркнул подошвой по асфальту.

— Эй! Подбери колени! — крикнула Дженифер через плечо. Дэвид подобрал колени.

— И ради бога, сядь поближе! Я не укушу!

Дэвид с опаской положил ей руки на талию. Бока у нее были нежные и тугие.

— Крепче хватайся. Я не хочу подбирать тебя потом по кускам! — нетерпеливо сказала она.

Дэвид сглотнул слюну и обвил руки вокруг Дженифер; ощущение было неописуемое. Ветер отбрасывал ее волосы прямо ему в лицо. Они были шелковистей, чем казались, и пахли чем-то душистым.

«У компьютеров такого не может быть», — подумал он. Вскоре они свернули, машин стало меньше, и Дженифер спросила:

— Послушай, а ты тоже хватанул «пару», да?

Какая она теплая!

— Угу, — рассеянно ответил он.

— Теперь нам обоим придется ходить летом в школу.

— Мне — нет, — улыбнулся Дэвид.

— Почему? Разве тебе не надо пересдавать биологию?

«Нет, если подойдет пароль», — самодовольно подумал Дэвид.

— Не думаю.

Дженифер помолчала, явно озабоченная.

— Как же так?

— Заходи ко мне, увидишь.

— Ладно.

Дэвид указал на последний поворот; жаль, что дорога такая короткая.

— Сюда.

Мопедик затахтел по тихой улице, обсаженной зелеными вязами, мимо аккуратно подстриженных живых изгородей, за которыми прятались односемейные дома. Дэвид велел остановиться у калитки и прыгнул, а девушка, ногой опустив подставку, завела на нее мопед.

По наклонной дорожке уже мчался, радостно приветствуя гостей, Ральф.

— Твой? — спросила девушка.

— Ага, — ответил Дэвид, поглаживая сеттера по загривку. — Звать Ральфом. А это Дженифер, Ральф. Она хорошая.

Уши у Ральфа встали торчком. Обнюхав брюки девушки, он поднялся на задние лапы, желая познакомиться поближе.

— Ральф! — одернул его Дэвид.

— Ничего, ничего, — успокоила Дженифер. — У меня тоже собака. — Потрепав, она мягко отстранила Ральфа. — Им не надо сдавать биологию.

— Да уж... — вздохнул Дэвид, взяв пса за ошейник. Ральф гавкнул. — Ну-ну, будь умницей. Это моя гостя. Извини, но тебе придется обождать ее во дворе.

Дженифер рассмеялась. Дэвид повел ее мимо двух керамических фламинго к двери. В доме никого не было.

Внизу все еще стоял запах сгоревшего утром у отца бекона.

Разглядывая дом, Дженифер вдруг почувствовала себя неуверенно. Она остановилась. Дэвид тоже.

— Гм... то, что я хочу тебе показать, у меня в комнате, — до него вдруг дошло, в каком положении они оказались. — Моя комната... гм... наверху. На втором этаже.

Дженифер решительно двинулась за ним.

— Родителей нет дома? — спросила она на лестнице. В ее голосе зазвучали странные нотки, словно происходило что-то необычное.

Сердце у Дэвида запрыгало:

— Они оба работают.

Чего она ожидала? Он только хотел показать ей компьютер.

Дженифер молча поднялась за ним на второй этаж. При виде надписей на его двери, она рассмеялась.

— «Запретная зона», — прочитала девушка вслух. — «Вход только по пропускам». На меня это тоже распространяется?

— Нет, — ответил Дэвид, вытаскивая из кармана ключ. — Я отключил сигнализацию. — Он открыл дверь и посторонился, пропуская ее.

— Но там тьма крошечная! — заколебалась она.

— О! Минутку, — он сунул руку и щелкнул выключателем.

Зажегся свет. Бр-бр-р! Он совсем забыл, какой в комнате кавардак!

Дженифер, похоже, не обратила на это внимания. Она поразилась нагромождению аппаратуры. Дэвиду же с порога бросилась в глаза куча грязного белья и носков. Перекидываясь репликами с Дженифер, он заткнул ее ногой под незастеленную кровать.

— Ого, ты по-серьезному занимаешься компьютерами, да?

— Да. Я как раз хотел показать тебе.

— А какое это имеет отношение к отметкам по биологии? — спросила Дженифер, с удивлением разглядывая опутанные проводами приборы. Было впечатление, будто она очутилась в летающей тарелке.

— Сейчас покажу.

Дэвид боком проскользнул мимо нее и сел на продраный вращающийся стул. Он включил терминал и дал разогреться телевизору. Черт побери, куда подевался дурацкий модем? Ага, вот он. Дэвид дотянулся до раздаточной коробки рядом с телефоном и вставил штекер в гнездо.

Полистав испещренный карандашными пометками телефонный справочник, он нашел нужный номер и нажал на кнопки номеронабирателя.

— Что ты делаешь? — тихо спросила Дженифер.

— Набираю номер городской школьной системы и, если повезет... Ага, номер свободен.

На мониторе возникли строчки:

ОБЪЕДИНЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СЕТЬ
ШКОЛ СИЭТЛА.

НАБЕРИТЕ ПАРОЛЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ И ЛИЧНЫЙ
НОМЕР.

— Смотри, Дженифер, — продолжал Дэвид. — Они меняют пароль два раза в месяц. — Он сделал паузу для пущего эффекта. — Но я знаю, где его можно найти!

Он набрал на клавиатуре слово «грифель».

Экран немедленно очистился, и на нем высветился список подсистем на выбор.

— Ну давай, Дженифер, теперь ты. Набери слова «оценки учеников».

— Нет, я не...

— Давай-давай, — улыбнулся Дэвид. — Компьютер не укусит.

Здесь, в своей стихии, он чувствовал себя гораздо увереннее. Она склонилась над клавиатурой и нажала на кнопки.

ОЦЕНКИ УЧЕНИКОВ — появилось на экране.

— Так. Теперь введем номер моей личной карточки и... вуаля! — объявил Дэвид. — Узри мои недостойные успехи.

Экран снова очистился, и внезапно белыми буквами на голубом фоне возникла таблица успеваемости некоего ЛАЙТМЕНА, ДЭВИДА А.

Дэвид подвинул курсор к графе «Биология» и исправил «2» на «4».

— Что ты наделал?! — в ужасе воскликнула Дженифер.

— Поменял оценку, только и всего... Какой номер твоей карточки?

Дженифер назвала. Дэвид набрал цифры на клавиатуре.

Экран предъявил ведомость оценок МАК ДЖЕНИФЕР Д.

Дэвид уставился на дисплей, и тут Дженифер начала соображать, что он собирается сотворить:

— Слушай... Этого нельзя делать!

— Почему? Все очень просто.

— Не твоя забота. Что ты делаешь?

— Меняю тебе отметку по биологии.

— Погоди. У меня потом будут жуткие неприятности, — запротестовала Дженифер.

— Успокойся. Никто не узнает. Смотри!

Дэвид навел курсор на оценку по биологии и одним движением превратил двойку в четверку.

— Ну вот. Теперь тебе не грозит никакая летняя школа.

— Верни обратно, — потребовала Дженифер.

— Почему? — глаза у Дэвида полезли на лоб. — Клянись тебе, они ни за что на свете...

— Сделай все, как было! — рассерженно повторила Дженифер.

— О'кей, о'кей, — сказал Дэвид.

Он нажал клавишу с двойкой.

— Будьте любезны. У тебя снова — пара.

— Я, пожалуй, пойду, — холодно сказала Дженифер.

— Да-да, — смущенно заторопился Дэвид. — Спасибо еще раз, что подкинула.

— Ага, о'кей. — Дженифер вышла на площадку и быстро сбежала с лестницы. — Пока.

— Хочешь, я тебя прово... — начал было Дэвид, но Дженифер уже выскочила из дома. Дэвид подошел к окну и стал смотреть, как она отъезжает. Разогнав мопед, она — врррум! — помчалась по улице.

«Девуцы, — бормотнул про себя Дэвид, чувствуя, как у него что-то обрывается в животе. — До чего хорошенькая». Зря он так. Надо было постепенно подвести ее к идее, что компьютер — это инструмент восстановления справедливости. Программа, заложенная обществом в Дженифер, гласила, что нельзя нарушать установленные правила, даже если вы во сто раз умнее болванов, распоряжающихся вами.

Вообще-то Дэвида не особенно волновала оценка по биологии. Просто подвернулся случай. Самое большое удовольствие — обдурить этих пустозвонов, натянуть им нос так, чтобы они ничего не заметили!

Такие вещи приводили Дэвида Лайтмена в полный восторг.

Он вернулся к компьютеру, поменял Джениферову двойку по биологии на пятерку и быстро стер все следы своей предосудительной деятельности. Шито-крыто.

— Невероятно! — дружно закричали Кэти Ли Кросби, Фрэн Таркентон и Джон Дэвидсон: по телевизору показывали рекламный ролик телефонной компании Си-энд-Пи.

Дэвид Лайтмен скормил остаток котлеты Ральфу, терпеливо дожидавшемуся под столом подачи, вытер руки бумажной салфеткой и стал смотреть пришедшие по почте рекламные проспекты.

Ральф, сообразив, что от Дэвида больше ждать нечего, перебрался к ногам мистера Лайтмена, методично обрабатывавшего кукурузный початок. Размазав кусочком хлеба масло по поверхности початка, отец начал обгрызать его.

Тарелка перед третьим стулом стояла нетронутой: едва они сели ужинать, как миссис Лайтмен позвонил клиент.

— Уверяю, вам надо съездить посмотреть, — ворковала она в телефонную трубку на кухне. — Этот дом — лучшее, что у нас есть. Да, две спальни, ванна-туалет и огромная дополнительная комната.

— Ральф! — укоризненно сказал мистер Лайтмен, заметив, что пес роняет слюну ему на брючину. — Ты уже ел. Имей совесть!

Дэвид рассеянно вскрыл конверты. Ничего интересного, кроме свежего выпуска журнала «Новинки компьютеров».

— Ты вытащил мусорный бак? — спросил отец.

— Да-да, — буркнул Дэвид. Отец уже дважды за вечер задавал ему этот вопрос.

Мать, зажав ладонью трубку, подхватила звенящим шепотом:

— Не забудь поплотнее закрыть крышу, сынок, а то Ральф опять залезет туда, — после чего вновь принялась обрабатывать клиента.

— Знаю, мам.

Чт черт! Они не замечают его, а если обращаются, то всегда с какой-нибудь чепухой. Он стал листать «Новинки компьютеров». Из середины журнала выпал плотный листок. Ого! Что такое!

Реклама была набрана броским шрифтом в два цвета. Текст гласил: «Фирма „Квант“, отделение „Протовижн“, начнет летом выпуск новой серии видеоигр».

Дэвид скоренько доел ужин, запил его молоком и, извинившись, встал из-за стола.

«Протовижн» находится в Калифорнии. Стоило попробовать.

Он заторопился к себе наверх.

— В один прекрасный день, — сказала мама, кивая на журнал, — ты устроишь в доме пожар!

— Пожалуйста, — сказал Дэвид в телефонную трубку, — «Протовижн». Солнечная Долина, Калифорния. Спасибо. — Внезапно у него мелькнула мысль. — Да, и назовите еще кодовые номера этого района.

Он быстро набросал цифры в блокноте.

— Спасибо.

Сняв с полки маленький пластмассовый ящик, Дэвид пробежал пальцами по вложенным туда конвертам; в них лежали его дискеты для хранения программ. Подумать только, что когда-то, несколько лет назад, он начинал с примитивного кассетного магнитофона. Естественно, что записывать и считывать программы с дискет было намного быстрее и удобнее. Теперь он держал в ящике программы, написанные им самим. В другом углу комнаты стоял второй ящик с дубликатами — точными копиями его программ. Единственный недостаток дискет заключался в том, что при поломке компьютера или неосторожном обращении с дискетой записанную на нее программу невозможно было считать.

Дэвид вынул один конверт с надписью:

Модемная развертка.

Авторские права Дэвида Лайтмена.

Самовольное использование или копирование этой программы строго воспрещается.

Дэвид достал модем* около года назад и начал активно им пользоваться. Но месяц спустя пришел жуткий счет от телефонной компании, и Дэвид решил, что пора поближе познакомиться с техникой ее работы. Помог в этом его друг Джим Стинг, большой спец по компьютерам. Старина Стинг тоже имел зуб на телефонную компанию и накопил богатый опыт по части ее обмана. В юности Джим был тележуликом — детальные знания ЭВМ позволяли ему разговаривать по телефону бесплатно.

Так вот, Стинг помог ему с модемом.

Дэвид уже не раз пользовался телефонной сетью для подключения к чужим компьютерам. Выходило очень забавно. Теперь он хотел связаться с ЭВМ «Протовижн», обмануть защиту с помощью специальной программы, найти в системе новые игры и скопировать их на свои дискеты.

В продажу видеоигры поступают только летом, а у него они будут уже сейчас. Раньше всех!

Итак, включаем модем в телефон.

Ударяем по кнопке сброса...

ДЛЯ ВЫБОРА ТОНОВ МОДЕМА НАБЕРИТЕ КОД И ПРЕФИКС НУЖНОГО ВАМ РАЙОНА.

Дэвид набрал: 311-399, 311-437, 311-767, 311-936.

Компьютер автоматически вызвал первый номер.

В трубке послышался слабый звонок. Сердитый голос ответил: «Алло!»

Не то. Компьютер начал искать тона, на которые отвечал другой модем. Если в трубке звучал человеческий голос, он тут же разъединял и набирал следующий номер.

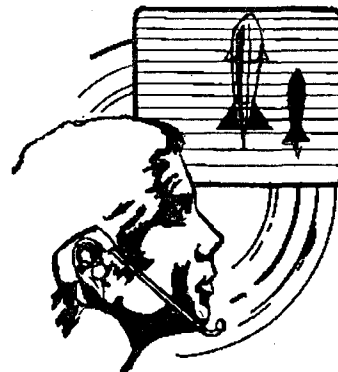
Из предыдущего опыта Дэвид знал, что процесс мог затянуться на несколько часов. Специалисты «Протовижн» — не бараны. Они не преподнесут вам номера своего модема на тарелочке с голубой каемочкой. В стране развелось столько любителей разжиться информацией на дармовщину, что без строгой защиты своей ЭВМ фирма мигом вылетит в трубу.

Экран монитора заполнился цифрами. «Молодец, — одобрил Дэвид. — Старайся, старайся».

* Модем (модулятор-демодулятор) — прибор для передачи цифровой информации по телефонным линиям. Включается при получении сигналов определенного тона.

Отключив звук монитора, он взял новую книжку в мягкой обложке, которую удачно умыкнул со стенда в магазине, — фантастический роман под названием «День Драконовой звезды» — и погрузился в чтение.

4

Дэвид Лайтмен увернулся от Шустрика, обманым финтом обошел Рыжика, срезал угол и оказался на витаминном пункте.

Ам-ам. Его бойкий колобок — Пэкмен — зарядился энергией.

Призраки посинели. Дэвид ухмыльнулся — здорово он уделал их. Цап, цап, цап, цап: Пэкмен слопал всех врагов. Оторвавшись на мгновение от аппарата видеоигр, Дэвид обернулся к столику за куском пиццы.

— Привет! — возле стола, потягивая через соломинку цитрусовый коктейль, стояла Дженифер Мак.

— Угу. Привет. — Дэвид повернулся к экрану, взялся за ручку управления и скормил Пэкмену еще несколько энергетических шариков. Призраки опять зашевелились, и на сей раз очень бойко.

— Ты ешь перед ужином? — начала разговор Дженифер.

— Это и есть мой ужин.

— Знаешь... я передумала.

— Насчет чего?

Призраки смыкали кольцо, на экране теперь оставалась одна-единственная станция зарядки энергией.

— Насчет вчерашней отметки. Ты можешь еще изменить ее?

Дэвид ослабил внимание и сделал неверное движение. Клайд легко схватил Пэкмена, и тот с жалобным воем растаял без следа.

— Я вела себя ужасно глупо. Не знаю почему. Надо было оставить в исправленном виде.— Она взглянула на игру.— Ого, отличный счет! Ты даешь! Не знала, что Пэкмен может набрать столько очков. Я никогда не поднималась выше тридцати тысяч.

Пэкмен снова двигался по экрану, Дэвид умело вел его. Он слопал очередной плод, и машина затарахтела, признавая поражение.

— Я пришла спросить,— продолжала Дженифер, потупившись,— можешь ты снова сделать, как вчера?

«Всегда они так,— подумал Дэвид Лайтмен.— Женщины». Его мама тоже частенько передумывала. Дэвид увернулся от Фиолетика и обошел его с другой стороны.

— Гм... Не знаю. Может не выйти.

— Почему?

— Гм... Не знаю. Они могли сменить пароль.

— Но могли и оставить.— Дженифер говорила по-прежнему мягко, но с настойчивостью в голосе.— Давай попробуем, а?

Он вновь представил ее в своей спальне, и Фиолетик, пролетев через лабиринт, схватил Пэкмена.

Дэвид в раздражении повернулся к Дженифер.

Глаза ее были неотразимы, когда в них читалась мольба.

— Пожалуйста, а? — сказала она.

Парень, конечно, со странностями, но умница, это точно. Если ему удастся сделать отметку, так что не придется торчать в летней школе,— ничего больше Дженифер Мак не надо.

Его родителей опять не было дома.

— А чем занимается твоя мать? — спросила она, перекатывая во рту леденец, когда он отпирал дверь.

— Агент «Двадцать первого века».

— Чего-чего?

— Фирма такая, по продаже недвижимости.

— А-а,— она оглядела гостиную. Комната очень напоминала их собственную гостиную и десяток других гостиных, где ей доводилось бывать. По крайней мере, диван и

кресла не покрыты пластиковыми чехлами. Они прошли наверх в его комнату.

— Да, я забыла спросить. Как Герман?

— В порядке. Крутит колесо, я приспособил к нему динамо — обеспечивает меня электричеством.

Она рассмеялась:

— Новое слово в технике: «хомяковод»?

— Точно. Компьютер весь день трудится у меня над одной штуковиной.

Он вытащил из кармана ключи и принялся отпирать дверь спальни. Десятка два ребят из школы приглашали ее к себе, но она всем отказывала. А сейчас во второй раз входит в спальню тихони Дэйва. Он исправит ей отметку, после чего они, наверно, поиграют в космических пришельцев. Ничего больше.

Вообще-то он неплохо смотрится, худой только и бледный. Интересно, как он целуется? Может, ничего.

В темной комнате жутковато светился телевизор.

Дэвид зажег люстру. Дженифер подошла к монитору.

На экране появлялись и исчезали телефонные номера.

— Что он делает?

— Не трогай клавиатуру,— предупредил Дэвид.

Дженифер, как ужаленная, отодвинулась от кнопок:

— Не буду. Но что он делает?

Дженифер посторонилась, пропуская Дэвида. Тот пробурчал что-то в ответ, садясь к экрану. Проверив работу системы, он снизошел до объяснений:

— ЭВМ набирает номера. Одна калифорнийская фирма, «Протовижн», собирается через пару месяцев выпустить на рынок новую партию видеоигр. Их программа, скорей всего, уже введена в компьютер фирмы, поэтому я велел своей системе проверить компьютеры Солнечной Долины,— он снял отводной наушник и дал его Дженифер.— Каждый компьютер отвечает на определенный тональный сигнал. Моя система пробует подобрать тот, который мне нужен.

Дженифер приложила резиновый кружок к уху. Какое-то попискивание и гудки.

— Ты что же, вызываешь каждый номер в Солнечной Долине?

Лицо Дэвида расплылось в самодовольной улыбке:

— Это ведь жутко дорого, нет разве?

— Смотри для кого! — загадочно ответил Дэвид. В глазах у него заплясали искорки.

«Парень — настоящий маньяк, — подумала Дженифер. — Спятил от большого ума».

— И долго он будет так гудеть? Мне бы хотелось побыстрее сменить отметку.

— Да? — ответил Дэвид, неотрывно следя за экраном. — Понимаешь, я в общем-то... уже поменял ее.

— Что?! Я ведь запретила тебе делать это!

— Я был уверен, что ты передумаешь.

— Ну и нахал!

— Мне не хотелось, чтобы ты завалила биологию. — Внезапно он опять впал в транс, позабыв про ее отметки. — Так-с, посмотрим, до кого мы достучались...

Он нажал на клавишу, и на экране возникла надпись:
БАНК «ЮНИОН МАРИН», ЮГО-ЗАПАДНЫЙ
ФИЛИАЛ.

ВХОДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА.

— Надо будет запомнить номерок, — произнес Дэвид. — Глядишь, пригодится когда-нибудь.

Дженифер заинтересованно придвинулась к аппарату.

Дэвид набрал следующий номер, им оказалось управление дорожной полиции.

— Тебя когда-нибудь штрафовали в Солнечной Долине?

— Нет, а что? Ты бы мог снят с меня штраф?

— Возможно, — пожал плечами Дэвид, вызывая очередную номер. Экран заполнился названиями городов, датами, номерами рейсов. Это был отдел заказов авиакомпании «Пан-Америкен».

— О, блеск! Давай слетаем куда-нибудь, — предложила Дженифер.

Дэвида это не интересовало, но в голосе девушки было столько радости.

— Куда ты хочешь?

— В Париж. Это так романтично!

Два коротких удара по клавишам.

— О'кей. Билеты заказаны.

Едва он нажал еще одну клавишу, как на экран низвер-

глась лавина цифр. Дженифер всмотрелась в них. Цифры вдруг исчезли, и вместо них экран пригласил:

ВХОДИТЕ.

— Гм, — пробормотал Дэвид, — странно. Не называет себя. Попробуем... наугад!

Он набрал несколько нолей и единицу.

Телевизор ответил:

**ВАШ ПАРОЛЬ НЕ ОПОЗНАН СИСТЕМОЙ. СЕАНС
ОКОНЧЕН.**

— Грубовато разговаривает, — прокомментировала Дженифер, захваченная игрой.

— Попрошу помочь мне войти в систему, — сказал Дэвид, вновь набирая номер.

— А это можно?

— Конечно. Некоторые системы помогают. Чем они сложнее, тем чувствительней.

ВХОДИТЕ.

ПОМОГИТЕ ВОЙТИ.

ПОМОЩЬ НЕ ПРЕДУСМОТРЕНА. ВХОДИТЕ.

— Что теперь? — удрученно спросила Дженифер.

— Знаешь, — возбужденно ответил Дэвид, — мне кажется, это и есть «Протовижн». А если так, то...

ПОМОГИТЕ С ИГРАМИ, — набрал Дэвид.

Монитор тут же откликнулся:

**ИГРЫ ОТНОСЯТСЯ К ТЕОРИИ МОДЕЛИРОВАНИЯ,
А ТАКЖЕ К ОТРАБОТКЕ ТАКТИКИ И СТРАТЕГИИ.**

— Ага! — завопил Дэвид. — Мы добрались до них! Включаю машинку, сможешь? Сделаем распечатку.

Дженифер, с удовольствием входя в роль ассистентки спятившего ученого, подошла к ИБМ-1, в которую ткнул Дэвид, и нажала на кнопку «ВКЛ».

— **ДАЙТЕ СПИСОК ИГР,** — потребовал Дэвид.

Экран пусто мигал.

— Ну, давай, давай, давай же! — простонал Дэвид, словно они сидели на ипподроме, глядя на рыбок жокея. Дженифер молча ждала.

— Наверно, не сработало, — заключила она. — И вообще, Дэвид, это нехорошо. Давай лучше сходим в кино. Там как раз...

— **ИГРЫ,** — оповестил монитор.

— Есть! — подскочил Дэвид.

Монитор продолжил:

ЛАБИРИНТ ФОЛКЕНА

ДВАДЦАТЬ ОДНО

ШАШКИ

ШАХМАТЫ

БЛИЖНИЙ БОЙ

ВОЙНА В ПУСТЫНЕ

ТАКТИЧЕСКОЕ СРАЖЕНИЕ.

— Что-что? — удивился Дэвид. — Это уже...

— Погоди, — перебила его Дженифер. — Там есть еще.

МИРОВАЯ ТЕРМОЯДЕРНАЯ ВОЙНА.

— Боже праведный, — протянул Дэвид.

— Это, наверно, типа «Управляемых ракет», да, Дэвид? — спросила Дженифер. — Попробуем сыграть?

День уже клонился к закату, когда Дженифер Мак лихо влетела на стоянку перед Сиэтлским университетом. За спиной у нее, судорожно вцепившись в сиденье, прилепился Дэвид Лайтмен.

— Как, ты сказал, звать того парня? — крикнула Дженифер, вилля по узкому проезду.

— Джим Стинг, — ответил Дэвид. Сейчас он уже сомневался, что правильно поступил, попросив девушку привезти его сюда. Но он пришел в такое возбуждение, а ей нечего было делать, так что оба, не раздумывая, сели на мопед и помчались, несмотря на час «пик», через весь город показать Джиму Стингу распечатку. Дэвид по очереди пытался вызвать систему, к которой он подключился, на игру, но из этого ничего не вышло. Тогда он подумал о Джиме.

— Видела мою аппаратуру? — спросил он, подскакивая на очередной бетонной плите.

— Ага. У тебя ее навалом! — уважительно ответила Дженифер, невольно имитируя Фарру Фосет в фильме о студентах-первокурсниках.

— Думаешь, я все это купил? Дудки. Родители не миллионеры и к тому же не одобряют мое хобби.

— Точнее — твой бзик.

— Называй как хочешь. Знаешь, откуда деньги?

— Не знаю. Ограбил кого-нибудь?

— Лучшее. Почти все приборы достал Джим Стинг. По дешевке.

— Он что — торгует краденными компьютерами?

— Не-а. Он работает здесь, в университетском вычислительном центре. Заведует ремонтом. Голова по этой части. Делает с компьютерами что захочет. Больше всего любит строить новые системы. Был телефонным жуликом. Доил «Белл», как хотел, и ни разу не попался.

— Он что — звонил через эти черные коробочки?

— Точно. Но потом ему все обрыдло. Нет пищи для ума, понимаешь?

Дэвид сказал ей куда ехать, и мопед покатил по газону, на котором валялись или перебрасывались «летающими тарелками» студенты.

— Как ты с ним познакомился?

— Тайна. Кто-то сказал, что он продает дисковод. Мы встретились, я закидал его вопросами, а вскоре уже половину времени проводил в его мастерской. Многому научился. В прошлом году половину каникул не вылезал оттуда. Узнал больше, чем за четыре года в дурацкой школе. Давай на холм, Дженифер, вокруг этого здания.

Дженифер с обычной ловкостью выполнила маневр.

— Ставь здесь, — сказал Дэвид, указывая на стоянку для велосипедов. — И надень замок. Нынешним студентам верить нельзя. Они все — клоны Ричарда Никсона и Рональда Рейгана.

— Полегче! Мой отец республиканец, — с притворным гневом сказала Дженифер, поднимаясь по ступенькам.

— Мой тоже. Что и следовало доказать, — вздохнул Дэвид, пропуская ее в стеклянную дверь.

Они двинулись по коридору, освещенному трубками дневного света, мимо помещений, где сидели студенты: вперившись в экраны мониторов, они нажимали на клавиши. Одни были поглощены играми, другие — программированием.

— К разговору о клонах, — указала на них рукой девушка. — Познай своих братьев по духу.

Дэвид заговорил утробным басом Питера Лорри из телевизионной серии о пришельцах:

— Мы прилетели из космоса за тем, чтобы поработить вас, люди. Скоро вы все будете сидеть перед мониторами и валять дурака.

— «Нашествие похитителей разума», — засмеялась Дженифер.

— У тебя хорошая память. Держись правее.

Ремонтная мастерская располагалась в конце коридора. На стеллажах и столах лежала компьютерная аппаратура всех размеров, пол был завален панелями и прочим хламом. Пахло горелой изоляцией. Из-за обшарпанной перегородки торчали две ноги и увесистый зад.

— Это и есть твой гений? — спросила Дженифер.

— Он самый. У Стинга даже в конечностях хранится немалый запас информации. Добрых сорок восемь килобайтов. Подожди здесь, о'кей?

Дэвид подошел к выгородке:

— Хэлло, капитан Кранч. Я из телефонной компании «Белл». Она вся горит синим пламенем.

Стинг высунул голову, стукнувшись при этом о косяк:

— Господи!

— Нет, его младший брат.

— Лайтмен! — улыбнулся Стинг, почесывая ушибленное место.

Это был коренастый молодой человек во фланелевой рубашке поверх линялых джинсов. Двигался он вразвалку, поводя тяжелыми плечами. Дэвид всегда говорил Стингу, что с его внешностью надо работать водителем грузовика.

— Эй, Мэлвин, можешь не выкатывать пушку — это Дэвид Лайтмен. Давненько не появлялся, Дэйв. Я уж думал, ты угодил в «черную дыру», которую сам себе запрограммировал.

Из-за стеллажа появился Мэлвин, худющий парень, по виду студент.

— Взгляни на эту штуковину, капитан, — сказал Дэвид, — доставая из кармана сложенную распечатку.

— Салют, Лайтмен, — произнес Мэлвин. — Как там твой компьютер — ловит на живца? Что это ты приволок?

Он взял распечатку.

— Погоди, я хочу, чтобы посмотрел Джим.

— Откуда ты это взял? — выпучил глаза Мэлвин.

— Попытался пролезть в «Протовижн». У них готовы программы новых игр, хотел добыть.

Стинг потянулся за бумагой, но Мэлвин убрал ее.

— Сейчас, я еще не прочел.

— Ты не в читальне! — Стинг вырвал бумагу и поправил сползающие очки. Он почесал всклокоченную

бороду. — «Мировая термоядерная война». Такого у «Протовижн» не может быть.

— Конечно, нет, — проворчал Мэлвин. — Спроси, где он это откопал.

— Я же сказал где.

— Военная информация, — продолжал Мэлвин. — Точно тебе говорю. — Он с подозрением уставился на Лайтмена. — Возможно, секретная.

— Да, — согласился Дэвид. — Я тоже подумал об этом. Но если она военная, почему идет вслед за шашками и шахматами?

— Может, это игры для обучения основам стратегии? — предположил Джим Стинг.

Тут Мэлвин заметил Дженифер, наблюдавшую за ними из коридора.

— Кто это? — спросил он.

Его тонкие губы слегка дрогнули:

— Она со мной.

— А чего подслушивает? — нахмурился Мэлвин.

— Она не подслушивает. Она привезла меня сюда, — объяснил Дэвид. — Дженифер, заходи. Познакомься с моими друзьями.

Дженифер неуверенно вошла в помещение. Дэвид представил молодых людей. Стинг и Мэлвин были несколько сбиты с толку появлением особы другого пола. Мэлвин нервно заулыбался, а Стинг старательно отвел глаза. Как будто, мелькнуло у Дэвида, девушка знала о них какую-то страшную тайну.

Дженифер села в кресло и стала терпеливо ждать:

— Скажу честно, Джим, мне жутко хочется влезть в их систему. Игры должны быть потрясные. Я всегда мечтал поиграть в подобную штуку. Никогда не встречал такого!

Мэлвин заправил в брюки вылезший край рубашки.

— Тебе и не положено встречаться с такими вещами. Не сомневаюсь, кстати, что у системы новый алгоритм шифровки данных, и ты никогда не расколешь ее.

— Ни одна система полностью не застрахована, — угрюмо замотал головой Дэвид. — Уверен, Джим сумеет подключиться к ней.

Мэлвин взглянул на своего коллегу:

— Даже Джиму это не по зубам, друг мой.

Оба ждали ответа от толстяка Стинга, Мэлвин — с вызовом, Дэвид — с надеждой.

Джим поскреб облупившийся от загара нос.

— Через фронтальную защиту не пробьешься. Нечего и стараться.

Мэлвин фыркнул.

— Но, — продолжил Джим с хитрой усмешкой, — можно попробовать заглянуть с черного хода.

Узкие глазки Мэлвина округлились:

— Ты что, спятил? Здесь сидят посторонние, а ты толкуешь Лайтмену про черный ход!

— Не мороси, Мэлвин, — добродушно хохотнул Стинг. — Черный ход — не государственная тайна. — Его выпуклый живот заходил ходуном.

— Но ты выдаешь наши фирменные секреты, — не успокаивался Мэлвин.

— Какие секреты? Что за черный ход? — вцепился в них Дэвид.

Джим подтянул брюки — он делал это всякий раз, готовясь к объяснениям, — и скрестил руки на груди.

— Когда я конструирую систему, я всегда кодирую ее простым паролем — ключом, известным только мне. В дальнейшем, если мне надо войти в нее, я могу с его помощью обойти любую добавленную позже защиту.

«Невероятно! Потрясающе! — подумал Дэвид. — Это же ясно как дважды два, почему я не подумал о такой простой вещи!»

— Гм... Дженифер, пожалуйста, не трогайте эту штуку, — занервничал Мэлвин. — Это ленточный накопитель, а у меня уже и так достаточно возни с ним.

— Извините, — прошептала Дженифер, невинно моргая.

— Давай дальше! — нетерпеливо потребовал Дэвид.

— Если ты действительно решил влезть в эту систему, тебе надо собрать максимум сведений о парне, который ее сконструировал.

— Откуда я узнаю, кто ее делал? — сказал Дэвид упавшим голосом.

— Тогда... — развел руками Джим.

— Дай-ка взглянуть на бумагу, капитан, — нетерпеливо сказал Мэлвин. — До чего ж вы тупые, парни! Прямо не верится! Автора можно вычислить.

«Старина Мэлвин держится прямо как Эдди Хаскелл, ведущий телевикторину», — подумал Дэвид.

— Каким образом, Мэлвин? Не томи!

— Смотри название первой игры, тупица! — хитро сощурился Мэлвин. — «Лабиринт Фолкена».

— Фолкен?

— Конечно. Автограф мог оставить только малый, составивший программу для этой серии игр.

— Похоже. Не исключено, что он хорошо известен, — согласился Стинг. — Вот так, Дэвид. Прежде чем тыркаться, надо узнать, что за птица этот Фолкен.

— А где?

— Поройся в библиотеке, — предложил Мэлвин.

— Точно. Верная мысль, — сказал Дэвид.

— Смотри в оба, — предупредил Мэлвин. — Это действительно может быть игра. Но играют в нее такие мастера, что ловкачи вроде тебя сразу попадут в ловушку.

— Если я подключусь, — засветился улыбкой Дэвид, — они меня не поймают. Они могли завести новые программы, которых никто еще не знает. Тогда я вставляю их в свои собственные игры. Ладно, сделаем все шитокрыто.

— Полный вперед, Лайтмен, — напутствовал его Джим Стинг. — А сейчас с позволения присутствующей здесь дамы я займусь делом. Работа не ждет.

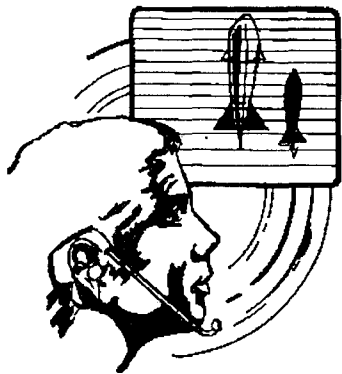
На обратном пути Дэвид спросил Дженифер:

— Поняла что-нибудь?

— Не очень, — призналась она. — Кажется, ты собираешься сделать какую-то пакость.

— Да нет. От этого никому не будет вреда, — возразил Дэвид. Мысли его были уже далеко. Впереди ждала захватывающая перспектива поломать голову над трудной задачей. — Просто хочу словить кайф.

5

— Может быть, когда-нибудь узнаешь, та-та-та, как я тебя люблю... — напевала Дженифер. Она трусцой бежала вдоль Парк-авеню, радуясь весеннему воздуху, особенно чистому в этот воскресный день.

Утром ей позвонил Бобби Джейсон и сказал, что не сможет прийти вечером на свидание. Врун. «Неважно чувствую себя, Дженни. Наверное, грипп ходит вокруг».

Знаем мы, кто ходит вокруг, — Барбара Макалистер по прозвищу Бацилла. Отрастила себе телеса, не обхватишь. Корова.

Дженифер была одета в темно-коричневые шорты и топ на бретельках, на ногах — кроссовки; все вместе, она знала, выглядело неплохо. Ей нравился бег трусцой. Отец, заядлый спортсмен, активно поощрял занятия дочери. Дженифер вступила в отрочество довольно пухлым подростком, но благодаря бегу, теннису, лыжам зимой и аэробике спустила вес, так что теперь могла позволить себе такие излишества, как пицца и молочный коктейль. Никакого курева — на это у нее хватало ума. Мама ее курила, как паровоз, и кашляла без перерыва, так что у Дженифер перед глазами был постоянно живой отрицательный пример.

Дженифер Мак считала себя нормальной девушкой-подростком: у нее появлялись угри, но не выскакивали прыщи; пару раз обнималась с мальчиками и искренне недоумевала, почему вокруг секса столько разговоров.

У нее был старший брат, учившийся в колледже, и младшая сестричка, не отлипавшая от ее магнитофона. Короче, она вела заурядную с к у ч н е - е - е й ш у ю жизнь американской девушки. Где любовь? Где романтические приключения? «Неужели это все, и другого не будет?» — как пела Пегги Ли; мама, кстати, любила слушать эту песню.

Кроссовки мягко шлепали по асфальту. Она круто

свернула в переулок. Ветер откинул назад волосы и обдал прохладой слегка взмокшее лицо. Какой-то мужчина, чинивший забор, положил молоток и проводил ее долгим взглядом.

Дженифер потрусила еще пару кварталов и тут сообразила, что оказалась на улице, где живет Дэвид Лайтмен. Его уже два дня не было в школе. Интересно, что с ним стряслось? Наверняка терзает свой компьютер. Она рассказала маме о знакомом мальчике, одержимом компьютерами, не упомянув, правда, про историю с отметками. Мать покачала головой: «Твой отец в его возрасте был помешан на автомобилях. Сейчас, кажется, машины не в моде. Слава богу, отец не обзавелся этим кошмаром — персональным компьютером. Я слышала, из-за него люди разводятся».

— Мама, — ответила она, — если б Дэвид Лайтмен занимался машинами, как компьютерами, он бы гонял сейчас на автодроме в Дейтоне пятьсот миль по кругу!

При всех своих странностях парень нравился Дженифер. Застенчивость очень шла ему, а мягкость манер придавала какую-то загадочность. Ему бы прибавить веса, загореть, одеться во что-нибудь приличное, и он бы выглядел хоть куда. Не стыдно было бы показаться с ним в дансинге. Во всяком случае, он не пытался лапать ее и не сопел в ухо, как те балбесы, которые ее провожали. Иногда она спрашивала себя — действительно ли им доставляет удовольствие так поступать или просто это у них в генах? Она живо представила, как мистер Лигgett разглагольствует о хромосомах и тяге к футболу американских подростков.

Пожалуй, раз уж она оказалась в этом районе, надо зайти к Дэвиду Лайтмену. Не то чтобы она так уж интересовалась парнем, просто было любопытно. К тому же после того, как он исправил ей отметку, она чувствовала себя обязанной. Надо удостовериться, что с ним все в порядке. К ее чувствам это не имело никакого касательства.

Метрах в пятидесяти дальше по Вязовой улице показался дом Лайтменов. Она пробежала по тропинке и постучала в дверь.

Ей открыл мужчина в очках. Он подозрительно уставился на нее, словно ожидая, что она попросит сейчас денег на мероприятие герлскаутов. Дженифер придала

своему лицу выражение «Я — благонравная скромница, ваша соседка» и сказала:

— Здрасьте. Дэвид дома?

Мужчина продолжал разглядывать ее.

— Вы, очевидно, мистер Лайтмен?

— Совершенно верно.

— Я... гм,— она вспомнила про свой наряд и поняла, что далека от образа благонравной скромницы. Шорты открывали ноги почти до верха, лифчика она не носила, а топ плотно облегал бюст.

— Я пробегала мимо.

Мистер Лайтмен кашлянул и отвел взгляд.

— Да. Рад видеть такую пышущую здоровьем... гм... Да, Дэвид. Он наверно, в своей комнате.— С этими словами Лайтмен-старший шагнул назад, пропуская девушку в дом.

— Благодарю.

Видя, как она уверенно идет к лестнице, мистер Лайтмен не мог скрыть удивления:

— Вы уже бывали у нас?

— О да! — задорно ответила она.— Дэвид — замечательный мальчик.

— Вы бывали у него в комнате?

— Гм... Угу.

— Как там у него?

Она вздохнула, закатив глаза:

— Потрясно!

Мистер Лайтмен неловко разгладил зажатую в руке газету.

— Хорошо бы вам брать его с собой побегать. Он совсем не занимается спортом. Одибал.

— Обещаю заставить его делать зарядку, мистер Лайтмен,— весело произнесла она, взмахнув на прощание рукой.

Тот с удивлением смотрел ей вслед.

На стук в дверь раздалось ворчливое: «Да?»

— Это я. Дженифер.

— Дженифер? — послышались шаги, щелкнул замок, и Дэвид Лайтмен высунулся из двери, словно крот из норы.— Привет. Ну, заходи.

Девушка вошла в комнату.

— Ого! — воскликнула она.— У тебя как после бомбежки.

Комната, и без того захламленная, сейчас напоминала поле боя: куда ни глянь — бумаги, журналы, кипы распечаток, груды грязного белья, банки из-под кока-колы, пакеты из-под хрустящего картофеля и прочие неопознанные объекты. Вся наличная аппаратура работала с полной нагрузкой: на дисководах хлопотливо малькали огоньки, на экранах мониторов маячил интригующий список игр, телеприемник был подключен к видеомагнитофону. В комнате пахло, как в чулане библиотеки.

— Я очень занят,— буркнул Дэвид, усаживаясь перед клавиатурой.

— Вижу. А где ты был?

Дэвид вперился в дисплей монитора.

— Что? — с отсутствующим видом переспросил он.

Ну и бирюк, даже не обратил внимания, как она выглядит. С ним и правда что-то не так. Отец верно заметил.

— Ты куда пропал? — с упреком спросила Дженифер.

— А? Да... О, извини,— вскочив, он смахнул с кровати несколько книг, чтобы она могла сесть.

— Ты можешь ответить, чем ты был занят?

— Сидел в библиотеке.

— Кроме шуток?

— Пытался отыскать материал об этом парне, который составил программы игр. Тогда можно вычислить его личный пароль.

— Правда?

— Да.— Глаза Дэвида зажглись.— Дженифер... это оказалось просто. Я взял в каталоге научной библиотеки университета карточку с фамилией «Фолкен».— Он вытащил из-под груды бумаг толстый желтый блокнот, густо покрытый записями.— Его полное имя Стивен У. Фолкен. И представь, первая публикация, на которую я натолкнулся, называлась «Лабиринт Фолкена. Как обучить машину думать». Я взял оттуда кое-что и попробовал ввести в компьютер. Не сработало. Тогда я выписал все его публикации... и выяснил, что Фолкен умер в 1973 году. Теперь пробую разные варианты, ввел уже целую кучу, но...

— Погоди. А ты узнал, кто он такой, твой Фолкен? Есть какие-нибудь сведения?

— Конечно. Он англичанин, но почти все время работал по контракту с американским министерством обороны.

— Нет, Дэвид, честное слово, ты чокнулся. Ну что

такого особенного в этих играх, из-за чего надо убиваться. Бред какой-то!

— Это не просто игра, Дженифер. Неужели ты не понимаешь? Я столькому научусь, если смогу подключиться к их программе! Вот. Ты хотела узнать про Фолкена.— Он схватил кассету и сунул ее в видеомагнитофон.— Смотри! — Он нажал на кнопку «пуск».

На телеэкране показались изображения нескольких игр. Голос за кадром рассказывал что-то о стратегии игр, об электронных машинах. Изображение было черно-белым — старая запись. Затем появился человек.

— Это Фолкен,— сказал Дэвид.— Демонстрирует прототип своего компьютера. Он был большой мастак не только по играм, но и по компьютерам. Составлял программы обучения ЭВМ. Они у него умели играть в шашки, шахматы.

— Но теперь это умеют все машины, разве нет? — спросила Дженифер.

— В том-то и дело, что нет,— ответил Дэвид.— Он создал компьютеры, которые учились на своих ошибках и повышали мастерство с каждой партией. Самообучающиеся системы. Если удастся подобрать пароль, я смогу применить его метод для своих собственных программ...

— Да, видно, он был семи пядей во лбу,— протянула Дженифер, глядя на экран.— Жаль, умер. Иначе ты мог бы ему позвонить. Совсем молодым умер.

— Что ты — старик,— махнул рукой Дэвид.— Сорок один год или около того.

— Неужели такой старый?

— Да. Я нашел некролог,— Дэвид протянул ей распечатку.

Тем временем на телеэкране появился трехлетний мальчуган, нажимавший клавиши компьютера. Камера подъехала ближе, и стало видно, что он играет в крестики-нолики.

— Его сын,— сказал Дэвид.

Дженифер просматривала некролог.

— Какой ужас,— сказала она.— У него жена и сын погибли в автомобильной катастрофе.

— Угу.

— Фолкен умер сорока одного года. А я сейчас вспомнила, что моему отцу сорок пять. Однажды, помню, он серьезно заболел, и мы так боялись, что он...

Дэвид вскочил, словно получил разряд электричества.

— Как его звать? — вскричал он.

— Моего отца?

— Нет, фолкеновского сына. Как его звали?

Дженифер заглянула в распечатку.

— Здесь сказано — Джошуа.

Глаза Дэвида сверкнули:

— Сейчас попробую.

— Попробуешь что?

— Найти пароль. Он мог закодировать систему именем кого-нибудь из своих близких... чтобы никто не догадался. Вдруг это Джошуа — ведь он играл с компьютером!

Дэвид сел к пульту и вывел слово ДЖОШУА.

СЕАНС ОКОНЧЕН,— ответил монитор.

— Это было бы слишком просто,— сказала Дженифер.— А знаешь, у меня есть идея.

Дэвид обмяк в кресле и покачал головой:

— Ну, как же, Дженифер Мак — гений ЭВМ. Я тут двое суток бьюсь головой о клавиатуру, а ты пришла и раз-два — нашла ответ.

— Не зуди! — раздраженно оборвала его Дженифер.— Давай попробуем, это займет две секунды.

— О'кей. Выкладывай,— устало согласился Дэвид.

— Может, это не просто «Джошуа», — начала рассуждать вслух девушка, разглядывая некролог, — а два имени, сына и жены.

— Не, как правило, ставят одно слово. Сейчас попробую. Как звали жену?

— Маргарет.

Не сработало.

— Стой! — сказала Дженифер в приливе вдохновения.— Здесь сказано, что Джошуа погиб в возрасте пяти лет. Может, попробовать цифру пять после слова «Джошуа»?

— Отчего не попробовать,— пожал плечами Дэвид. Дженифер встала, чтобы посмотреть, как он набирает: ДЖОШУА 5.

Монитор не отключился.

Неожиданно по экрану побежали совершенно не понятные Дженифер буквы и цифры.

— Вот те на! — воскликнул Дэвид.

— Что случилось?

— Ключуло!!! — возликовал Дэвид, одарив Дженифер широчайшей улыбкой. У девушки по спине пробежала дрожь.

Но монитор внезапно погас.

— Ку-ку, — сказала Дженифер.

— Нет, еще не все.

По экрану побежали буквы: **ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПРОФЕССОР ФОЛКЕН.**

— Подключились! — захлебнулся Дэвид. — Машина думает, что я Фолкен!

Он быстро набрал ответ: **ПРИВЕТ.**

Телеэкран отреагировал на него фразой: **КАК ВЫ ПОЖИВАЕТЕ?**

— Зачем она спрашивает об этом? — удивилась Дженифер.

— Машина будет спрашивать обо всем, что заложено в ее программе, — ответил Дэвид. — Хочешь послушать, как она разговаривает?

— Разговаривает? Ты имеешь в виду... произносит слова?

— Ага! — Дэвид постучал пальцем по небольшой коробке с тумблерами и ручками. — Это синтезатор речи. Сейчас включу... — щелчок, — и он будет повторять каждое слово по слогам. Слушай, я спрошу компьютер, как он поживает.

Я ХОРОШО. А ТЫ? — набрал Дэвид.

Машина ответила двумя строчками букв на экране. Одновременно чуть гнусавый голос произнес без всякого выражения:

— Прекрасно. Чем объяснить исчезновение вашего абонентного номера 23 июня 1973 года?

ЛЮДИ ИНОГДА СОВЕРШАЮТ ОШИБКИ, — набрал Дэвид.

— Верно, — раздался электронный голос.

ВЕРНО, — засветилось на экране.

— Я не понимаю, — растерянно сказала Дженифер.

— Это не настоящий голос, — объяснил Дэвид. — Прибор просто переводит сигнал в звук.

— Не хотите сыграть? — спросила машина.

НЕ ХОТИТЕ СЫГРАТЬ? — отозвались буквы на экране.

— Знаешь... — произнесла совершенно заморожен-

ная Дженифер, — похоже, она соскучилась по Фолкену.

— Ага! — в раздумье кивнул Дэвид. — Фантастика, да?

Странная улыбка застыла на его лице. Дженифер она не нравилась: в ней было что-то победно-зловещее.

НАЧНЕМ ТЕРМОЯДЕРНУЮ ВОЙНУ? — набрал Дэвид.

— Не угодно ли партию в шахматы? — спокойно осведомилась машина.

ПОТОМ, — набрал Дэвид. — **ДАВАЙ СЫГРАЕМ В МИРОВУЮ ТЕРМОЯДЕРНУЮ ВОЙНУ.**

— Прекрасно, — ответила машина. — На чьей стороне вы будете?

— Ага! — сказал Дэвид. — Сейчас долбанем!

Я БУДУ РУССКИМИ, — набрал он.

— Обозначьте цели первых ударов, — потребовала машина.

— Ну и игра! — Дэвид повернулся к Дженифер. — Куда ты хочешь шарахнуть атомной бомбой?

— На Лас-Вегас, — ответила Дженифер. — Отец однажды просадил там в казино кучу денег.

— О'кей! Лас-Вегас получает у нас плюху. Давай дальше. Безусловно, Сиэтл.

— Да! Мне здесь обрыдло, — согласилась Дженифер.

Оба захихикали.

Дэвид Лайтмен ввел в машину названия еще нескольких городов.

— Благодарю, — ответила машина.

— Что дальше? Надо ждать? — спросила Дженифер.

— Не знаю.

— Игра начинается, — объявил компьютер.

Экран опустел.

— Что-нибудь не так? — спросила Дженифер.

— Не знаю.

— Медленно тянется.

— Некоторые стратегические игры требуют времени.

Внезапно на экране густо высыпали цифры.

— О черт, забыл включить дисковод, чтобы убрать лишнее, — Дэвид быстро исправил положение. — Ну вот, все. Готовы начать третью мировую войну, леди Мак?

— Да!

Оба громко расхохотались.

...В Хрустальном дворце, пещерном чреве, начиненном попискивающими и помигивающими машинами смерти, работа шла своим чередом. Помещение навевало странные чувства: оно казалось полубиблиотекой-полумогилей. Техники разговаривали приглушенными голосами или просто молча отсигивали часы дежурства, передвигаясь от стола к столу в креслах на колесиках, снимая показания приборов, следивших за территорией Советского Союза или приближением муссонных облаков к Калимантану. Специалисты изучали данные тысяч радарных и сонарных установок. В затемненных частях амфитеатра экраны отбрасывали зловещий отблеск на лица дежурных, шептавших в микрофоны странные для непосвященных слова. На посту сейчас находилось семьдесят военных, прошедших долгую подготовку. Большие электронные карты, висевшие под потолком, выглядели словно пустые скрижали в ожидании пророчества.

Между картами находилось табло, призванное показывать счет в будущей смертоносной игре. Сейчас оно сообщало, в какой степени готовности находится система обороны страны:

СТОГ 5.

СТОГ (степень оборонной готовности) 5 означала мирное время, СТОГ 1 — тотальную войну; 4, 3 и 2 соответствовали промежуточным стадиям.

Генерал Джек Берринджер сидел, сняв китель, в рубашке, на командном мостике напротив больших экранов и думал о том, почему не несут кофе. Генерал Джек Берринджер пребывал не в лучшем расположении духа.

Его сын Джимми не был военным. По правде говоря, его сын Джимми был интеллигентский хлюпик, вымучивший ученую степень по английской филологии в каком-то занюханном колледже в Северной Калифорнии, а папаша платил за обучение. Предмет особых забот генерала формулировался так: «Как привлечь людей в армию?» Дочерей он выдал замуж, и они, как полагается послушным дочерям, родили внуков, но единственный сын назло отцу отказался идти в вооруженные силы. Как раз сегодня утром миссис Берринджер, сияя, показала ему письмо от Джимми; ее привело в восхищение, как преуспел двадцатипятилетний недоросль и сколь прекрасен слог, каким написано это послание. Генерал Берринджер не раз-

делил ее восторга, заявив, что он с куда большим удовольствием поглядел бы, как этот бездельник держит винтовку на поле брани, а не водит пером в затхлом классе. Эта ремарка вызвала короткую стычку между генералом и генеральшей, очень похожую на перебранки между генералом Бронебоем и его женой в кинокомедии «Жук Бейли». Генерал Берринджер терпеть не мог этого комика. В кино сейчас военного так и норовят выставить дураком. Куда подевались добрые старые ленты?

Еще больше генерал Джек Берринджер был раздражен успехом прошлогодней поездки доктора Джона Маккитрика в Вашингтон. Паршивец, добился-таки своего. Теперь ОПРУ заменил людей в шахтах, а сам Маккитрик разгуливает с масляной улыбкой, словно его беспрерывно чешут за ухом. «Сколько наград заслужил я в Корее и Вьетнаме, и вот она, благодарность», — пробурчал генерал себе под нос.

— Где сержант Рейли? — громко спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Где, черт побери, мой кофе?

Он чувствовал, как накачивает головная боль, и кофе нужен был ему, чтобы запить аспирин; наверняка понадобится не одна таблетка, чтобы оставаться в форме до конца дежурства.

Старший офицер связи, полковник Конли, сидевший рядом с начальником, заметил:

— Вы просили со сливками, Джек. Может, у них кончились сливки?

— Кончились сливки! Исключено, — возразил Берринджер. — Я велел натащить в эту нору столько кофе, чтобы можно было пересидеть атомную катастрофу, и достаточно сливок. Ты ведь знаешь, Эл, я не могу без них из-за проклятой язвы. — Он покосился на главный терминал ОПРУ, за которым сидел майор Фредерик Лем. — Кстати, она особенно дает себя знать после того, как Маккитрик взгромоздил нам на шею свою проклятую машину.

— Джек, если у вас язва, надо пить «Маалокс», а не кофе.

Генерал Берринджер с отвращением фыркнул. В это время к нему подошел сержант-ординарец с дымящейся чашкой.

— Наконец-то, — сказал генерал, снимая ее с подноса. — Эй! А где сливки!

Сержант улыбнулся и вытащил из кармана четыре картонные упаковки:

— Так вам удобней будет глотать их, сэр.

Оператор радарной установки Тайсон Адлер осторожно отхлебнул глоток горячего чая, смешанного с травами; напиток имел миндальный привкус. Вообще-то пить возле пульта запрещалось: пролитая случайно жидкость грозила вывести его из строя. Но у Адлера невыносимо першило в горле. Накануне он был на танцах с подругой и, разгоряченного, его прохватило насквозь. Еще не надо было прыгать под дождем через лужи. Ладно, переберемся как-нибудь.

Адлер аккуратно завинтил крышку термоса и поставил его рядом со стулом. В ту секунду, когда он отвернулся от экрана, на нем появилась электронная точка.

Затем еще две.

И вот уже целая гроздь светящихся точек двинулась по траектории к западному побережью Соединенных Штатов.

Оператор радарной установки Адлер тяжело вздохнул и обратил лицо к электронному хрустальному шару, атрибуту современных гадалок. Думал он об ужине. Джули обещала сварить сегодня спагетти, а как она это делает, не умеет никто в мире, так что...

Боже праведный!

Долю секунды он глядел на электронные светляки, потом схватил телефон.

— У меня семь... — произнес он, поправка — восемь Красных птиц, два градуса после апогея, предполагаемые районы поражения... НОРАД два-пять и два-шесть.

Немедленно включилась воющая сирена, все головы разом встрепенулись, как бывает в аудитории на послеобеденной лекции, когда окрик профессора вырывает студентов из сна.

Капитана Кента Ньюта сообщение Адлера застало врасплох, как и большинство дежурных. Но он тут же встрепенулся, поправил свой монитор и щелкнул тумблером прямой связи с базой на Аляске.

— Кобра Дейн, — произнес он, стараясь совладать с колотящимся сердцем. — Поступило сообщение о движении советских ракет. Проверьте правильность показаний приборов и доложите...

Связистку ВВС Мегги Филдс сирена застала на пол-

пути к туалету. Повернувшись по-военному, она домчалась до своего места и нахлобучила на голову наушники с микрофоном. «Как назло не вовремя!» — мелькнуло у нее.

— Всем станциям, — твердо отчеканила она, глядя на свой терминал. — Говорит Хрустальный дворец. Тревога! Срочно приготовиться...

Ее сосед, лейтенант Морган, плюхнулся в свое кресло и тоже натянул наушники. Минуту назад он стоял в прихожей, разговаривая с той рыжей.

Оператор радарной установки Адлер был слишком поглощен работой, чтобы испытывать страх. Он считывал в микрофон показания экрана:

— ...Девятнадцать градусов после апогея, восемнадцать потенциальных целей поражения. Предполагаемый вход в плотные слои атмосферы — двадцать три, девятнадцать, Зулу.

Генерал Джек Берринджер пытался оттереть пролитый на брюки кофе.

— Сэр, — доложил полковник Конли, — радары показывают восемь советских МБР, летящих в нашу сторону. Они уже над полюсом. — Глаза Конли, казалось, затуманились от шока, но чеканная речь не вызвала сомнений, что мозг его функционирует исправно. Сверившись с записями, он добавил: — Время до удара... двенадцать... вернее — одиннадцать минут. Уточненная зона поражения: Запад Соединенных Штатов.

Долю секунды генерал Берринджер пребывал в столбняке. Затем его голова круто повернулась к центральному экрану с изображением Северной Америки и окружающих ее морей. С края карты к побережью континента двигались восемь светящихся точек.

— Почему не было сообщения о запуске ракет с разведывательных спутников? — спросил генерал Берринджер.

На бровях Конли повисли капельки пота.

— Точно не знаю, сэр. Мы ищем возможную неисправность в ДСП. — Он вновь повернулся к пультам.

Адлер чувствовал, как к горлу подступает тошнота. Изображения на его экране с ужасающей четкостью показывали ход событий. Тяжко дыша и сглатывая слюну, то и дело поправляя съезжающий набок микрофон, он расшифровывал то, что видел:

— Система раннего предупреждения подтверждает

атаку баллистических ракет... достоверность велика... повторяю степень достоверности велика.

«Мамочка, я люблю тебя», — промелькнуло в голове Адлера.

Примерно в тысяче миль от подземного центра двое подростков, как зачарованные, не отрывали глаз от маленького экрана «Сильвании». По экрану проплывали флотилии символов, казавшихся Дженифер Мак при быстрой перемотке египетскими иероглифами. Лицо юноши отражало чистейшую радость, когда приходилось отвечать на вопросы машины; он азартно нажимал клавиши на терминале и подсказывал при виде результатов.

— Что все это значит? — допытывалась Дженифер.

— Не знаю, — расплывался в улыбке Дэвид Лайтмен, — но здорово!

Символы проносились по экрану, как электронные призраки, и вереницей мчались навстречу Страшному суду, точнее — на терминал компьютера ОПРУ в толще горы Шейен рядом с командным мостиком Хрустального дворца. Там, возле печатающего устройства стоял долговязый лейтенант Харлан Догерти.

Оторвав распечатку, Догерти выпалил ее содержание генералу Берринджеру, который мертвой хваткой впился ногтями в мягкую спинку его стула.

— ...Президент уже в лимузине, направляется к базе «Эндрюс»... Вице-президента нет на месте... Председатель комитета начальников штабов...

Полковник Конли поднял голову от пульта связи:

— Система раннего предупреждения функционирует исправно. Степень достоверности остается высокой, — произнес он, внезапно ощутив легкое головокружение. Его всегда подмывало узнать, как все это будет в действительности, а не на учениях и испытаниях. Теперь Конли знал. И мысль, свербившая его, была о том, сможет ли он, несмотря на весь профессиональный навык, выполнить это.

— Переводите на СТОГ 3, — приказал генерал Бер-

ринджер. — Свяжитесь с КСА. Пусть поднимают бомбардировщики.

Помощники немедленно передали приказания. Берринджер поднял глаза на электронное табло под потолком. На нем все еще горело СТОГ 5. Мгновение — и цифра изменилась на СТОГ 3. «Пока все хорошо», — подумал Берринджер.

Капитан Кент Ньют уловил перемену сигнала, уловил боковым зрением, как засуетились офицеры и техники, уловил гул голосов и учащенное мигание сигнальных лампочек. Отжав кнопку последней цифры заранее набранного кода, он произнес в микрофон:

— КСА, говорит Хрустальный дворец. Командующий НОРАД объявляет СТОГ 3. Поднимайте дежурные самолеты. Повторяю: поднимайте все дежурные самолеты.

Оператор радарной установки Адлер, сидевший в нижнем ряду амфитеатра, следил за происходящим по своему дисплею. Та же картина отражалась на большом экране под потолком. Восемь ракет, летевших к Северной Америке, разделились на множество боеголовок.

— МИРВы* разошлись, — передал Адлер. — Сейчас у нас двадцать четыре потенциальные цели.

Выслушав сообщение, лейтенант Догерти взглянул на показания дисплея.

— Сэр, — доложил он генералу Берринджеру, — до удара осталось восемь минут!

Полковник Конли протянул генералу трубку.

— Сэр, — коротко бросил он, — КСА посылает бомбардировщики. У аппарата генерал Пауэрс.

— Берринджер слушает.

— Для чего вы там сидите?! — голос генерала Пауэрса звизнул до визга. — Чтобы ковырять пальцем в носу? Почему не сообщили вовремя?

— Не было сигналов, — начал оправдываться Берринджер. — Спутники не засекли момент запуска ракет. Радары заметили их уже после выхода из атмосферы. Как снег на голову.

— Ясно. Если это все по-настоящему, бомбардировщи-

* МИРВ — ракета с разделяющимися боеголовками индивидуального наведения.

ками нам не обойтись. А коли так, Берринджер... — Пауэрс помолчал и закончил чуть дрогнувшим голосом, — встретимся в аду, о'кей?

— Да, Билл, — Берринджер повесил трубку и повернулся к экрану.

Это было по-настоящему. Если что-то вдруг не изменится кардинальным образом, в дело вступала «большая тройка» — ударная волна, испепеляющий жар, смертоносная радиация. На такой работе, как у Берринджера, человек должен быть постоянно готовым к этому. Генерал вздохнул. «Словно гора с плеч», — подумал он. Но перед мысленным взором тут же возникли лица внуков, жены и даже поганца-сына, штудирующего английский в занюханном колледже, и война внезапно перестала быть просто работой, даже для него.

— Пора шевелить ракеты в стойлах, — бросил Берринджер Конли. — Подготовьте их к запуску.

Берринджер в сотый раз поднял глаза на экран: светящиеся точки упрямо приближались к Соединенным Штатам. Каждая означала несущуюся ракету с мегатоннами ядерного заряда. После взрыва сердце едва успеет отсчитать несколько ударов, как огненный смерч поглотит целые города и миллионы человеческих жизней.

«У старухи с косой сегодня будет урожайный день», — подумал Берринджер.

— Сэр?

Помощник протягивал Берринджеру трубку желтого телефона. Генерал взял ее. Стоявшие на командном мостике разом повернулись к нему — все знали, что означал желтый телефон.

Генералу предстояло принять страшное решение.

— Знаешь, — сказал Дэвид Лайтмен Дженифер Мак, глядя на монитор, по которому стройными рядами дефилировали буквы и символы, — я, кажется, раскусил эту штуку. Жаль только, мало изображений. Когда буду делать свой вариант, обязательно введу богатое изображение. Тут есть на чем разгуляться!

— А звуки! — спросила Дженифер. — Ты можешь сделать звуки, как в зале видеоигр?

— Конечно. Свист, рев, взрывы... Бум! Трах!

— А крики получатся на синтезаторе? — продолжала любопытствовать Дженифер.

— На моем нет. Крики получатся на одной ноте. — На мониторе возникла фраза, заканчивавшаяся вопросительным знаком. — Джошуа спрашивает, хотим ли мы подключить к атаке атомные подводные лодки.

— Блеск! — хихикнула Дженифер. — Задай им жару!

— Слушаюсь.

Он поднес руку к клавиатуре, чтобы ввести соответствующий приказ, но тут со двора донесся металлический звон, а вслед за ним яростный собачий лай.

— Ого! — воскликнул Дэвид. — Американцы бросили против нас конвойные войска с овчарками!

— Дэвид! — раздался голос снизу. — Дэвид!

— Американцы пустили в ход секретное оружие!

Оба согнулись от хохота. Дэвид доковылял до окна иглянул сквозь занавеску во двор. Так и есть, папа стоял возле опрокинутых мусорных баков, обратив негодующий лик на второй этаж. Газон был завален мусором.

— Дэвид! — вопил он. — Сколько раз тебе можно говорить — закрывай крышку на замок. Теперь попробуйся!

— Я спущусь через пару минут, — ответил Дэвид.

— Не через пару минут, — взвился мистер Лайтмен, — а немедленно! Ты слышишь? Немедленно собери всю эту гадость! Понял?

Из дома вышла мать. Поглядев на рассыпанный мусор, она ласково сказала:

— Сынок, будь умницей, спустись и сделай то, что велит папа.

Дэвид пошел к двери, по дороге скинув на пол несколько книг.

— Срок ультиматума истек? — спросила Дженифер с понимающей улыбкой.

— Сама видишь. Всегда так. Только сосредоточишься на игре, они норовят все испортить!

Дэвид с сожалением взглянул на экран.

— Не везет, — вздохнул он, выключая систему.

На большой карте Северной Америки в Хрустальном дворце НОРАД замигали все лампочки.

Экраны вдруг разом погасли. Вой сирены, служивший музыкальным сопровождением кризиса, смолк.

— Что это? — воскликнул Адлер.

— Какого черта? — произнес капитан Ньют. Полковник Конли забарабанил по кнопкам. Экраны медленно ожили.

Ни на одном не было и намека на приближающиеся русские ракеты.

Полковник Конли записал переданное в наушниках сообщение и взглянул на генерала Берринджера. По его легкой голубой рубашке расплзлись темные пятна.

— Генерал, Служба раннего предупреждения и Кобра Дейн передают отрицательный ответ о ракетной атаке по всем линиям.

Берринджер не сразу уяснил смысл сказанного. Затем его обдало волной надежды.

— Передайте КСА, — приказал он, — пусть не дергаются!

Уголкем глаза он заметил, как в операционный зал Хрустального дворца ворвался взмыленный человек и бешено замахал руками, привлекая к себе внимание.

— Стоп! С т о о о п! — во все горло орал Поль Рихтер. Удивленные лица повернулись к нему. — Это имитация! — продолжал кричать он. — Машина моделирует нападение!

Как только до него дошло, что происходит, Поль Рихтер пулей выскочил из помещения ОПРУ. «Только бы успеть, прежде чем они запустят ракеты», — стучало у него в голове. Отшвырнув ногой чей-то стул, он помчался к лестнице.

Генерал Берринджер свесился с командного мостика.

— Что он сказал? — не веря своим ушам спросил он.

Отпихнув какого-то техника, загородившего проход, Рихтер, прыгая через несколько ступенек, ворвался на мостик и, задыхаясь, выпалил:

— Никакой атаки нет! — Он судорожно глотнул воздух. Такие пробежки явно не для него. — Это имитация! Ради бога, не давайте прика...

— Что здесь, черт побери, происходит? — зарычал Берринджер, наливаясь кровью. — Вы не знаете, что здесь запрещено бегать?! Вы могли сбить кого-нибудь!

— Извините, сэр, — Рихтер все еще ловил ртом воздух. — Мы еще не знаем подробностей, но кто-то посторонний ввел в главную систему команду моделирования атаки баллистических ракет.

Следом за Рихтером на балкон поднялась Пат Хили с распечаткой в руках и протянула ее Рихтеру.

«Проклятый Маккитрик, насовал нам своих машин, — подумал Берринджер. — Вот бы его сюда сейчас, пусть полюбуется, мерзавец, что творится!»

— Конли, — сказал генерал, — давайте отбой общей тревоги и переведите на СТОГ 4, пока мы точно не выясним, что происходит...

Рихтер взглянул на распечатку и в гневе повернулся к Пат Хили:

— Я вам не велел отключать линию. Кто вам сказал отключить линию? Вы отключили линию! — Он в испуге взглянул на генерала Берринджера. — Сэр, они выключили систему прежде, чем мы смогли засесть источник.

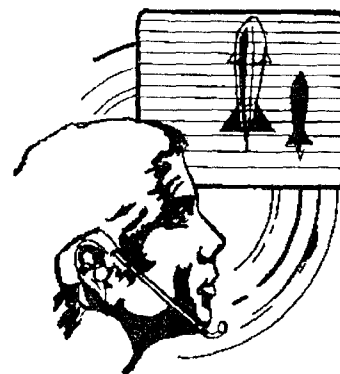
Пат Хили сохраняла спокойствие и достоинство.

— Мы установили район, откуда была послана команда о включении программы.

— Откуда? — спросил Берринджер.

— Сизтл, штат Вашингтон, сэр.

6

Солнце выглядело раскаленной монетой, провалившейся в прорезь гигантского игрового автомата на горизонте. Приятный ветерок трепал зеленые листочки на деревьях, окаймлявших улицу, где жил Дэвид Лайтмен. Паренек быстро приближался к дому. Ветровка его была нараспашку, голова откинута, он фальшиво насвистывал «Пэкменовскую лихорадку». Часть улицы блестела свежим покрытием.

Настроение — отличное! Понедельник прошел блестяще. Уроки промелькнули незаметно. Дженифер Мак

держалась с ним дружелюбно и непринужденно. Черт, надо будет взять ее как-нибудь в видеотеку — поучить обращению с машинами. Но это не к спеху. Дженифер, конечно, приятный кадр, но дело — прежде всего.

Дома его ждал диск с полной записью вчерашней игры с Джошуа. Придется повозиться, пока разберешься до конца с этой штуковиной, но какая уйма информации!

«А много ли ты знаешь?» — думал он, весело перепрыгивая через тротуар возле дома. Как замечательно распустились мамины цветы, заметил он; их аромат смешивался с запахом свежескошенной травы на соседнем газоне. «Мои нынче дома!» — отметил он.

Дэвид толчком раскрыл дверь. На его лице обозначилась широкая счастливая улыбка. В гостиной уютно светился телевизор. Отцовские ноги в мягких тапках торчали из любимого мягкого кресла.

— Салют, па! — радостно произнес Дэвид, сунувшись в темную комнату.

Отец пробасил что-то в ответ и переключил телевизор на другую программу.

Дэвид пожал плечами и перепрыгнул через несколько ступенек лестницы.

— Дэвид! — окликнула мать из кухни. Дэвид замер. В том, как она произнесла его имя, было что-то, что разом заставило его напрячься. Рефлекс, оставшийся с детства. Он двинулся вниз.

— Я что-то натворил?

В голосе матери, как ему показалось, он уловил сухие нотки. Выглядела она очень деловой. Может, из-за ярко накрашенных губ и теней на веках — неперменных атрибутов агента по продаже недвижимости? В правой руке она держала белый картонный формуляр.

— Полно́ всего, мистер, — ответила мама, протягивая ему картонку. Но тут строгое выражение ее лица сменилось улыбкой. — Я получила твои отметки за четверть. Поздравляю, дорогой!

Дэвид заглянул в табель. «Ну конечно, облапошил школьную ЭВМ — и результаты налицо», — вздохнул он. Мать крепко обняла его.

— Иди, покажи отцу. Я говорила ему, ты можешь хорошо учиться. — Она повернула голову в сторону гости-

ной. — Милый! — Взяв сына за руку, мать решительным шагом направилась к телевизору.

«О черт, — мелькнуло у Дэвида, — так хотелось посидеть над анализом игры с Джошуа».

Они переступили порог в тот момент, когда отзвучала последняя нота музыкального вступления к выпуску новостей компании Си-би-эс. На экране ведущий Дэн Разер, в белой «водолазке» под пиджаком, завоевывавший все больше симпатий телезрителей, с профессиональной серьезностью сообщил о главном событии дня:

— Вчера вечером в течение трех с половиной минут вооруженные силы Соединенных Штатов были приведены в полную боевую готовность для отражения ядерной атаки.

— Гаролд, полюбуйся на это! — миссис Лайтмен сунула формуляр под нос мистеру Лайтмену.

— Погоди, ты что, не слышала? — отмахнулся мистер Лайтмен, крутя шеей, чтобы видеть экран. — Оказывается, мы пережили вчера кризис.

— Судя по показаниям приборов, — продолжал ведущий, Советский Союз произвел неожиданное ракетное нападение.

«Что?» — внезапно мелькнуло у Дэвида. Он уставился на экран. По мере того как ведущий сообщал подробности, в юношу закрадывалось подозрение, постепенно переходившее в леденящий страх.

— Боже праведный, — сказала миссис Лайтмен.

— Представитель Пентагона, — рокотал Разер, — возлагает вину на ошибку в действиях компьютера. Как он подчеркнул, неисправность была немедленно устранена. Наш корреспондент Айк Паппас сообщает следующие подробности...

Мистер Лайтмен глядел на жену и сына округлившимися глазами.

— Я говорил тебе, дорогая, — рано или поздно это кончится вселенской катастрофой. И с каждым днем мы сами приближаем ее. Проповедник Пэт Робертсон совершенно прав насчет этих машин. Ты слышишь, Дэвид?

Еще бы, Дэвид Лайтмен был весь внимание.

«Машина сказала, что это была игра! — думал он. — Всего лишь игра!»

— Извините, — пробормотал он, бросился к себе в ком-

нату и, включив телевизор, стал досматривать выпуск последних известий. На экране представитель министерства обороны объяснял, что реальной опасности не было на протяжении всего времени тревоги, что появление подобного сбоя — один шанс на миллион, и такая ситуация «больше никогда, никогда — подчеркнул он, — не повторится».

Зазвонил телефон.

Дэвид подскочил и сдернул трубку с рычага:

— Алло?

Он тотчас узнал голос Дженифер Мак.

— Дэвид, ты смотришь телек?

— Новости? Гм... да.

— Это мы? — Дженифер не могла сдержать восторга. — Неужели это все из-за нас?

Сейчас Дэвид Лайтмен осознал это с полной ясностью. Его собственный мирок, наполненный проказами и играми, вдруг оказался в центре огромного пугающего мира.

— Наверно, — ответил он. — О боже, я пропал. Дженифер! Что мне делать?.. Они ведь доберутся до нас.

Трубка какое-то время хранила молчание.

— Кого ты имеешь в виду — нас, белый человек? — спросила Дженифер. И тут же рассмеялась. — Да ладно тебе! Успокойся. Если они такие умные, то уже нашли бы тебя. Ведь прошел целый день.

— Н-да... Не знаю...

— Да брось ты! — фыркнула Дженифер. — Просто не звони больше по этому номеру.

В голове Дэвида забрезжила надежда.

— Знаешь, есть шанс, что они... Нам ведь пришлось отключиться... и они не успели засечь источник!

— Конечно! Веди себя нормально, и все будет о'кей. Не бери в голову.

— Ага. Спасибо, Дженифер. Поговорил с тобой и полегчало.

— Ну и дела, — сказала она. — Просто невероятно. Как ты думаешь — можно сказать Марси? Только ей одной?

У Дэвида почти оборвалось сердце.

— Нет! Дженифер, ради бога!

— О'кей, о'кей, — сказала она с явным огорчением, не понимая всего масштаба происшедшего. — Завтра поговорим в школе.

— Хорошо. Пока.

Он повесил трубку и рухнул на постель, зарыв голову в подушку. Надо было собраться с мыслями. «Боже, — думал он, — если бы Ральф не перевернул мусорный бак... если бы отец не приказал мне спуститься немедленно... если... если... если...»

Мир спасла от гибели собака!

«Улики, — мелькнуло у него. — Остались улики!» Он в панике вскочил с кровати. Все здесь уличало его в преступлении. Грудой навалены книги, журналы, брошюры, проспекты, отчеты. Распечатки свиваются в ленты, словно серпантин на утро после парада в честь Дня благодарения. С полки смотрит портрет Фолкена — фотокопия из старого журнала.

У Стивена Фолкена были тонкие черты лица, свидетельствовавшие о деликатности натуры, и типично английская прическа; глаза смотрели в неведомые дали, так манившие самого Дэвида Лайтмена. Профессор приставил к виску длинный чуткий палец, словно говоря, с надлежащим британским акцентом разумеется: «Здесь, друзья мои, находится самый совершенный компьютер».

Этот человек был гением. Кто другой отважился бы забраться в волшебный мир за десять лет до того, как его открыли для себя остальные? Фолкен бы понял. Фолкен знал, что влекло Дэвида Лайтмена; он на себе испытал, сколь притягательны эти простые в своей сложности игрушки — сплав металла, стекла, пластика и энергии, подчиняющиеся магическим заклинаниям алгоритмов. Больше никто, ни родители, ни Дженифер, ни Джим Стинг не понимали, что означает для Дэвида каждый этап освоения этих машин. В их мире царила логика, справедливость, честность, порядок. Старания вознаграждались... не как в жизни. Правда, и награды за свершения были не как в нормальной жизни. Освоение программирования приносило Дэвиду ни с чем не сравнимую радость.

Дэвид с грустью снял карточку с полки.

— Мне... — тихо начал он, — мне очень хотелось бы познакомиться с вами получше, — сказал он покойнику на снимке.

Клочки разорванной фотографии полетели в переполненную корзину.

...Кипы книг уже были сложены возле двери — Дэвид собирался вывезти их из дома, когда раздался телефонный звонок.

Опять Дженифер? Она одна знала его потайной номер. Отводная линия от домашнего телефона Лайтменов не была зарегистрирована у «Белл». С помощью Джима Стинга Дэвид сумел добраться до компьютера телефонной компании и теперь мог звонить, не опасаясь, что придет счет.

Он нерешительно поднял трубку.

— Джен?

В ухо ворвался высокий компьютерный тон: ззззз. Наверное, какой-то другой жулик. Теперь от них житья нет!

Он подключил трубку к модему, щелкнул тумблером системы и вновь занялся уборкой.

— Здравствуйте, профессор Фолкен,— отчетливо промолвил синтезатор.

Дэвид замер. Повернулся на пятке. На экране виднелись те же слова: **ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПРОФЕССОР ФОЛКЕН.**

Он подошел к консоли и сел в кресло. О боже! Руки почти самопроизвольно набрали ответ: **Я НЕ ФОЛКЕН. ФОЛКЕН УМЕР.**

— Я огорчен этим известием, профессор,— сказал синтезатор.— Вчерашняя игра была прервана. Хотя первоначальная цель не достигнута, решение близко.

На мониторе выстроились строчки букв и цифр:

ИСТЕКШЕЕ ВРЕМЯ ИГРЫ: 26 ЧАС 12 МИН 14 СЕК.

ОСТАВШЕЕСЯ ВРЕМЯ ИГРЫ: 52 ЧАС 17 МИН 48 СЕК.

Сердце Дэвида остановилось. Но это было еще не все.

...ХОТЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ НЕ ДОСТИГНУТА...— продолжал монитор.

Дэвид нажал кнопку «стоп» и набрал: **КАК СФОРМУЛИРОВАНА ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ?**

Монитор незамедлительно выдал ответ:

ВЫИГРАТЬ.

Дэвид вытащил телефонную трубку из модема и шмякнул ее обратно на рычаг. Только тут он заметил, как у

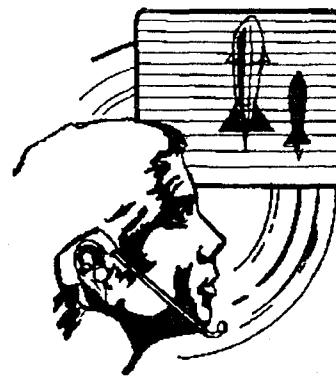
него дрожат руки. Он с остервенением принялся уничтожать следы преступления.

Ночью телефон звонил еще несколько раз, и в конце концов Дэвиду пришлось отключить его.

Заснул он с большим трудом, долго ворочаясь.

Ему снилось, будто он скачет в ковбойском седле на атомной бомбе, почему-то похожей на машину для электронных игр, в бездонный космос, в забвение.

7

— Ну что, Лайтмен,— спросил чернокожий парень за стойкой магазина «От семи до одиннадцати»,— опять прогуливаешь? Уже почти десять.— Продавец выбил чек за булочку с черничным вареньем и пакет молока.— Может, сгоняем партию?— Он кивнул на стоявшие в углу магазина аппараты электронных игр.— Я насобачился. В вечернюю смену здесь все равно делать нечего.

— Нет времени,— ответил Дэвид, протягивая ему мятую долларовую бумажку с мелочью.— Надо бежать в школу, Чонси. Спасибо за предложение.

— Жаль смотреть, как ты пропадаешь впустую. Тебе надо выступить в конкурсе, огреб бы кучу денег.— Чонси опустил бумажку и мелочь в кассу, вытащил из пачки сигарету и закурил.— Здесь утром был какой-то малый, спрашивал про тебя. Говорит, узнал, что ты классный игрок. Я так мыслю, хочет схлестнуться с тобой.— Чонси поскреб подбородок.— Если что, я ставлю на тебя с закрытыми глазами, браток.

Дэвид Лайтмен замер, перестав разворачивать булочку. Густой запах свежесваренного кофе и сигаретного дыма внезапно вызвал у него изжогу.

— Приходил парень и спрашивал обо мне?

— Ага! Становишься знаменитостью, кореш! Слушай,

давай сгоняем партию в «Донки Конга». Я тебя враз уделаю!

— Как он выглядел?

— Обыкновенно, — пожал плечами Чонси. — Молодой такой. Я ему сказал, что ты должен быть в школе. Но тебя там нет, верно? Эй, куда ты? Машина простаивает зря, кореш!

Дэвид Лайтмен толкнул стеклянные двери и стремглав бросился через автостоянку. Завернув за угол, он перешел на шаг. «Не спеши, — сказал он себе. — Становишься параноиком, Лайтмен. О тебе действительно идет слава как о чемпионе видеоигр. Вполне возможно, этот парень хотел просто познакомиться. Не паникуй, — уговаривал он себя. — Иначе превратишься в сплошной комок нервов».

Мимо него по улице проехал зеленый микроавтобус. Навстречу трусцой приближалась пара бегунов.

«Надо держать себя в руках, а то перестанешь спать, и любой бегун нагонит на тебя страху!» — При мысли об этом он рассмеялся и двинулся дальше приободрившись. Дженифер права: если они не поймали его до сих пор, им не добраться сейчас. Через несколько дней все забудется и быльем порастет. Для него это будет хорошим уроком — не совать нос куда не положено.

Дэвид Лайтмен начинал новую жизнь.

Бегуны были уже совсем близко. Он шагнул на газон, чтобы пропустить их: оба были гораздо крупнее его, а их лица не выражали особой приветливости.

Однако вместо того, чтобы пробежать мимо, любители бега тоже свернули на газон и неожиданно схватили его за руки.

— Лайтмен, — сказал один с явным удовлетворением. Они повалили Дэвида на траву и, прежде чем он сообразил, что происходит, один из парней открыл ему рот и заглянул туда.

— Ампулы с ядом не вижу, — доложил он.

Второй коленом прижал Дэвида к земле.

— Попался, гаденыш, — прошипел он.

— Слезьте с меня! — взвизгнул Дэвид. — Помогите! Полиция!

Микроавтобус между тем развернулся и подъехал к ним. Оттуда вышел человек с короткой стрижкой, в кос-

тюме и галстук. Вытащив из кармана бумажник, он показал Дэвиду значок.

— Мы из ФБР, Лайтмен. Вопросы есть?

Бегуны вывернули у него карманы и надели наручники.

— Давайте в машину, — распорядился человек в костюме. — С вами хотят побеседовать, мистер Лайтмен.

Они умело всунули Дэвида в микроавтобус с закрытым зеленым кузовом, где он остался сидеть — потрясенный, в синяках, напуганный до полусмерти.

В момент, когда мир балансировал на грани третьей мировой войны, Джон Маккитрик сидел в гостях у тещи.

В Хрустальный дворец он вернулся на следующий день после невероятной «накладки», случившейся с его машинами.

— Почему меня тут же не вызвали, Пат? — спросил он, узнав о происшедшем. Он с женой и детьми приехал рано утром из Денвера. — Я ведь, черт подери, несу за это ответственность.

— Мы с Рихтером считали, что справимся сами, Джон, — ответила Пат. — Мы думали...

— Пат, ты просто не понимаешь, во что обойдется мне эта кутерьма! — раздраженно перебил ее Маккитрик. — Сейчас я должен представить объяснение Берринджеру, — он швырнул на стол свою докладную... А ведь все шло так хорошо. Поездка в Денвер к теще должна была надолго успокоить жену... Замена ракетных расчетов компьютерами продвигалась по плану. Все казалось на мази — и вот на тебе! — Ладно, пойду. Чему быть, того не миновать. — Он встал и обнял ее за плечи. — Боюсь, что теперь нам действительно придется засиживаться допоздна на работе.

— Увы, — сказала она, целуя его в щеку.

Полковник Конли вел по Хрустальному дворцу группу гостей — несколько мужчин с женами и детьми-подростками. Все были одеты очень чинно. Проходя мимо них, Маккитрик услышал слова Конли:

— Круглосуточные дежурства в операционном центре призваны обеспечить безопасность граждан нашей страны. Ваши избиратели и ваши близкие могут спать спокойно. На прошлой неделе у нас побывал губернатор штата Нью-

Джерси с семьей. Он поинтересовался, почему на табло обозначено СТОГ 4, как сейчас...

— А почему мы на СТОГ 4? — повернулся Маккитрик к Пат.

Пат ответила сухим деловым тоном, хотя глаза ее выдавали испуг:

— Русские засекли наши бомбардировщики и тоже подняли тревогу. Мы заверили их, что это учения, но теперь ждем, пока они успокоятся.

— Туристы, — покрутил головой Маккитрик. — Я бы запретил пускать их сюда. Особенно сейчас.

— Знаешь, Джон, ты становишься невыносим.

— Мне говорят, что мои машины едва-едва не развязали третью мировую войну, а ты хочешь, чтобы я пел от радости!

— Никто не ругает твои машины, Джон. Они знают, что виноват этот мальчик.

— Но что стоят мои машины, если в них может запросто влезть любой мальчишка! Нет, не сносить мне головы. Поэтому, мисс Хили, я позволю себе, с вашего разрешения, пребывать в мрачном настроении.

— Постарайся не быть занудой.

— Ты пользуешься нашими отношениями, Пат. Не забывай, что я все еще твой начальник.

Пат не отреагировала на это. Она молча шла рядом.

— Я не хотел тебя обидеть, Пат. Почему при малейшей стычке ты сразу превращаешься в айсберг?

— Отвяжитесь, Маккитрик.

«О боже, — подумал Маккитрик, — еще одна холодная война. Как будто мы женаты». Хватит ему домашних скандалов. От мысли, что теперь то же самое его ждет на работе, он стал еще мрачнее.

Как ему хотелось добраться до мальчишки. Не будь этого паршивца, не было бы всей передраги!

Они молча дошли до конференц-зала. Поль Рихтер, в замаранном мелом свитере выглядевший еще более понуро, чем обычно, стоял у доски, разрисованной схемами контуров и испещренной спецификациями программ.

В помещении стоял запах кофе и сигаретных окурков.

За столом сидели важные шишки при полном параде. Берринджер смотрел на всех волчьим взором. Догерти, Кэбот и Уотсон терпеливо ждали, когда Рихтер кончит

доклад. По выражению лиц нетрудно было догадаться, что его объяснения для них — китайская грамота. Маккитрик заметил незнакомого человека в мятом гражданском костюме. Глаза его были полуоткрыты, словно он не спал уже долгое время.

Рихтер сел и безнадежно вздохнул:

— Мистер Кэбот, уверяем вас, это был один шанс на миллион. У нас оставался один-единственный открытый канал — в филиале фирмы космического оборудования в Солнечной долине. Их номер есть в телефонном справочнике.

Взглянув на Маккитрика, Рихтер не мог скрыть облегчения.

— Рады видеть вас, Джон, — сказал Кэбот. — Знакомьтесь, это Дордж Уайген из ФБР. Вы, очевидно, знаете — они доставили паренька для допроса.

Маккитрик протянул руку; Уайген холодно пожал ее.

— Как все произошло, Поль?

— Он проник в подсистему военных игр, пользуясь паролем, оставленным конструктором программы. Никто не знал, что там был пароль.

— Парнишка утверждает, что искал компьютер фирмы игрушек, — покачал головой Уайген.

— Так ему и поверили! — хохотнул генерал Берринджер. Маккитрик с деланной озабоченностью постучал пальцем по столу:

— Поль, вы должны немедленно найти этот пароль и убрать его. Бросьте на эту работу самых головастых ребят — и обеспечьте полную безопасность ОПРУ.

— Поздновато спохватились, вам не кажется? — воинственно напустился Берринджер.

Кэбот пристально взглянул на Маккитрика:

— Да, Джон. Состояние безопасности в вашей епархии вызывает серьезное беспокойство.

Маккитрик с усилием воли попытался совладать с голосом:

— Извините, джентльмены, но эти рассуждения несколько наивны.... Неужели вы действительно полагаете, что первый попавшийся несмышлениш мог снять трубку и устроить такое? — он стукнул кулаком и, не мигая, уставился на Кэбота. — Этот парень на кого-то работает. Иначе не может быть!

Уайген кашлянул, вытер нос платком и полистал блокнот.

— В целом паренек соответствует тому типу, за которым охотятся вербовщики. Умен, но пассивен, не стремится реализовать свои способности... отчужден от родителей... без друзей... Нам очень помог замдиректора школы, где он учится. Некто Кесслер. Отличный педагог. У нас сложилось четкое мнение, что Дэвид Лайтмен — классический объект для вербовки.

— Думаю, мне удастся расколоть его. Разрешите мне поговорить с мальчишкой, — сказал Маккитрик.

— Прекрасно, — улыбнулся Кэбот. — Но ответ нам нужен срочно, Джон. Президент жаждет крови, и если окажется, что это кровь какого-то красного, тем лучше. Мы все будем выглядеть чище.

— А что, если он не связан ни с какими шпионами? — спросил Уотсон, обращаясь к Уайгену. — Есть какие-либо предположения о том, зачем понадобилось мальчику — особенно такому умному мальчику — рисковать жизнью миллионов людей?

— Нет, сэр, — Уайген обвел комнату циничным взглядом. — Паршивец твердит, что он занимался этим для забавы.

«Сейчас я его позабавлю!» — подумал Джон Маккитрик.

«Мы можем заставить вас говорить, герр Лайтмен!» — прозвучал в его памяти голос, знакомый по фильмам о второй мировой войне. Он стал нервно озираться, ожидая, что сейчас произойдет. Они притащили его в подземелье и заперли в изоляторе при медпункте. Когда глаза Дэвида пробегали по белым шкафчикам, вид скальпелей и шприцев вызывал у него нервную дрожь.

Он и так был достаточно напуган. Наручники врезались в запястья... Битюги из бывших футбольных защитников, которых нанимали в агенты Федерального бюро расследований, глядели на него так, словно собирались разорвать клыками на части и запить «Пепси-содой», едва доставят по начальству... Реактивный самолет... Вертолет... Но хуже всего были сцены, стоявшие перед его мысленным взором.

— Добрый день, мистер и миссис Лайтмен! Я из ФБР. Мы арестовали вашего сына и завтра его поджарят на электрическом стуле за предательство.

— Туда ему и дорога, — говорит отец.

— Замечательно! — восклицает мать. — Я напечатаю об этом очерк в «Нэшнл инкуайрер»!

Да, что и говорить, вляпался он. Дэвид почувствовал, что его вот-вот вырвет.

А Кайзер-Кесслер все равно негодяй.

Дэвид присел на топчане. Покрывавшая его бумажная простыня противно зашуршала. Ему захотелось плакать, но он побоялся привлечь внимание. Оставалось только тупо разглядывать наручники.

Бип-бип-бип...

Дэвид поднял голову. Звуки неслись от двери. Кто-то набирал код электронного замка. Дэвид напрягся, во рту у него пересохло. Он почему-то вспомнил рассказ, который недавно читали на уроке английской литературы: «Принцесса или тигр?» Кто сейчас войдет?

Дверь открыл здоровенный сержант военной полиции в форме ВВС.

— Прошу сюда, сэр. Мы заперли его на всякий случай... Хотя, мне кажется, он не опасен.

— Спасибо, сержант, — сказал второй мужчина, постарше. Вельветовый пиджак с заплатами на локтях и вязаный галстук придавали ему сугубо штатский, даже располагающий вид. Ровные каштановые усики подчеркивали улыбку рта. «По крайней мере этот явился без кнута и шила», — подумал Дэвид.

Пришедший с минуту смотрел на Дэвида оценивающим взглядом, не в силах скрыть удивления: и этот заморыш едва не развязал третью мировую войну?

— Привет, Дэвид, — сказал мужчина. — Меня зовут Джон Маккитрик. Я отвечаю здесь за компьютерную часть.

Дэвид открыл было рот, чтобы ответить, но в горле пересохло, и голос прозвучал бы как лягушачье кваканье. Он ограничился кивком.

— Сержант, будьте любезны, снимите с него наручники.

— Слушаюсь, мистер Маккитрик, — ответил верзила; ловко крутанув ключом, он освободил руки Дэвида.

— Дэвид, — сочувственным тоном продолжал Маккитрик, — я звонил твоим родителям. Сказал, что ты жив-здоров и что пока мы не выдвинули против тебя никаких обвинений в связи с этим досадным происшествием. — Мужчина задумчиво свел брови. — Но я предупредил, что понадобится какое-то время, чтобы выяснить все до конца.

— Сколько времени? — просипел Дэвид.

— А вот это будет зависеть от тебя, Дэвид. От твоего желания помочь нам.

Дэвид помассировал запястья, затекшие от наручников.

Маккитрик повернулся к охраннику.

— Передайте дежурному офицеру, мы немного пройдемся. — Затем с улыбкой обратился к Дэвиду: — У меня в кабинете нам будет удобнее беседовать.

Дэвид замаялся. Может, здесь он в большей безопасности?

— Пошли, дружок! Поболтаем, и я покажу тебе кое-что интересное из оборудования. В моем кабинете гораздо уютней, уверяю.

— Вы очень любезны, — сказал Дэвид, удивляясь, что страсть к сарказму не покинула его даже в этой ситуации.

— А как иначе! — улыбнулся Маккитрик и, по-отечески обняв Дэвида, повел мальчика к компьютерному отсеку.

«Погоди-ка, — подумал Дэвид, — Маккитрик, Джон Маккитрик!»

— Вы работали со Стивеном Фолкеном, да? — спросил мальчик с невольным почтением.

— Я начинал ассистентом у Фолкена. А кто рассказал тебе?

— Я читал статью, которую вы написали с ним, — о покере и атомной войне.

— Стратегия блефа? — с растущим интересом откликнулся Маккитрик. — Да, в свое время она наделала много шума.

— Он был, наверно, удивительный человек.

Маккитрику, похоже, не понравилось последнее замечание.

— Я кое-чем дополнил его работы... кое-чем существенным. Стивен Фолкен, конечно, был блестящий ученый, но витал в облаках. Он не отдавал себе

отчета в практической значимости своих открытий, отказывался спуститься на грешную землю, в реальный мир. Я внес в них необходимые коррективы и внедрил в практику. Моя стихия — железки, — он открыл дверь. — Ну вот мы и пришли, Дэвид. Это — компьютерный центр. Сейчас у нас идет перестройка. Все аппараты здесь — подлинные шедевры.

Дэвид затаил дыхание. Как красиво... изысканные металлические формы и стекло... Плоды человеческого гения. Сколько мощи и знаний крылось в этих приборах, длинный ряд которых с трудом охватывал глаз. Сколько секретов таилось в них! Созвездия голубых и зеленых огоньков светились в рабочих зонах, где сидели техники в белых халатах, похожие на учеников чародея. Шагая по машинному залу, Дэвид Лайтмен чувствовал, как у него по спине побежали мурашки.

Сбоку показался ряд небольших красных цилиндров на подставках из пенопласта.

— Ой! — сказал Дэвид. — Это же «Крэй-2»!

— Десять штук, — уточнил Маккитрик.

— Я не знал, что их уже выпустили.

— Только десять экземпляров, — не без самодовольства промолвил Маккитрик. — Пошли, покажу тебе еще кое-что.

Немного дальше Маккитрик остановился у несколько старомодно выглядевшей машины. На ее потертой передней панели крупными буквами значилось — «ОПРУ». Блок был отделен от остального центра перегородками из дымчатого стекла.

— Эта машина играет в фолкеновские игры.

— Значит, Джошуа здесь, — прошептал Дэвид, часто моргая. Он смотрел на Маккитрика. — Вы по-прежнему пользуетесь оригинальной конструкцией?

Маккитрик кивнул и слегка постучал по кожуху.

— Фолкен создал для игр новый язык программирования, а затем сконструировал машину — специально для этой программы. Она до сих пор прекрасно работает. Мы увеличили ее мощность и память в десять тысяч раз.

— Но, простите... она же предназначена для игр... Какое они имеют отношение к тому, чем здесь занимаются?

— Генералы, с которыми я работаю, — сказал Маккитрик, — принимают решения на основе информации, которую им выдает эта машина. Как она действует, для них не совсем понятно. Они побаиваются ее.

— А какие данные вводятся в машину?

— Пойдем покажу.

Маккитрик провел его через круглый отсек, где перед крупными экранами сидели работники в белых комбинезонах, и стал подниматься по металлическим ступеням на мостик, возвышавшийся над пещерным Хрустальным дворцом. Дэвид не мог оторваться от экранов. На них мелькали кадры, которые после каждого нажатия кнопки компьютера мгновенно приближали и укрупняли изображения. Сначала это был видимый сверху город... потом появились дома... оживленный перекресток... запряженная осликом тележка перевернулась, вызвав уличную пробку.

Маккитрик задержался на мгновение и взглянул на экран:

— Похоже, Бейрут.

— Невероятно...

— Ребята из Пентагона говорят, что наши спутники могут различить номер машины «Волга» с высоты ста километров или сказать, чем бредутся утром русские солдаты. Это шутка, но она недалеко от истины.

— Технология...

— Спутник «Кэй-Эйч» цифрового изображения. Спутник «Большая птица». Спутник «Пристальный взгляд», «Шале»... и прочие. Они следят за планетой, Дэвид, и вся передаваемая ими информация проходит через наши компьютеры, включая фолкеновские ОПРУ, после чего выводятся на экраны. Фолкеновская программа игр — нервный центр системы, она собирает в фокус все данные... Ты своим вмешательством сбил этот фокус, и игры, заложенные в нее первоначально, вылезли на наши экраны. Можешь представить, какое это вызвало смещение.

— Боже!

— Вот так, — вздохнул Маккитрик. — Сейчас нам надо застраховаться от повторения подобных случаев. Ты нащупал в системе слабое место, о котором мы не знали. — Маккитрик оглянулся. — Мир ведь зависит не только от компьютеров, но и от людей, знающих, как они работают. — Он посмотрел на мальчика. — Ты и сам,

наверно, почувствовал это, Дэвид... Сидя один в комнате, взламывая системы, расшифровывая коды, добираясь до других миров... ты ощущал себя властелином, верно?

— Да, — ответил Дэвид. — Думаю, во многом из-за этого я так стремился войти в программу.

— Значит, ты можешь представить, что мы чувствуем, стоя здесь, — Маккитрик поднялся на мостик. — Вот, Дэвид, — сказал он, указывая на табло. — Видишь это обозначение? Оно отражает состояние боеготовности Соединенных Штатов на текущий момент. На табло должно было бы быть СТОГ 5... то есть мир. Однако из-за твоей проделки мы все еще сохраняем СТОГ 4. А если бы мы не обнаружили в последний момент, что на наших экранах — имитация атаки баллистических ракет, мы перешли бы на СТОГ 1. А это означает третью мировую войну.

Дэвид не знал, что сказать. Он ощущал пустоту внутри... Все свалилось на него так неожиданно.

— Ответь мне вот что, — продолжал Маккитрик. — Ты влез в систему ради игры, правильно?

— Правильно.

— Мой кабинет здесь рядом.

Дэвид вошел за мужчиной в хорошо обставленный кабинет с видом на Хрустальный дворец.

— Садись.

Дэвид опустился в кресло, а Маккитрик подошел к холодильнику:

— «Кока-кола»? Лимонад? Гранатовый сок?

— «Кока».

Маккитрик продавил пальцем банку и протянул ее мальчику. Дэвид жадно глотнул. Только сейчас он понял, как все это время ему хотелось пить.

— А почему, узнав по телевизору о случившемся, ты вновь не подключился к Джошуа?

Дэвид закашлялся — газ ударил ему в нос.

— Ты ведь знал, насколько все было серьезно, так ведь?

— Я бы никогда больше не стал подключаться, — решительно сказал Дэвид. — Я даже выбросил номер телефона!

— Знаю. Мы нашли его в мусоре.

— Джошуа сам позвонил мне.

— Дэвид, ты можешь морочить голову этим дуралям из ФБР, но со мной это не пройдет.

— Но это правда! Машина все еще думает, что мы играем.

— Играете.— Маккитрик сел и перебрал на столе бумаги.— С кем ты должен был встретиться в Париже, Дэвид?

— В Париже?

Он вдруг вспомнил: Дженифер хотелось совершить романтическую поездку. Он заказал билеты и забыл снять заказ.

— Да нет... вы не понимаете...

— Ты заказал два билета. Кто еще знает об этом, Дэвид? — мягко спросил Маккитрик.

— Никто, — ответил Дэвид. «Они не должны приплести Дженифер к этому делу», — подумал он.

Маккитрик, перестав притворяться, вперил в него ледяной взор.

— Я тебе не верю.

Дэвид похолодел от его взгляда. Он поставил банку «Кока-колы» на стол и сказал:

— Я, наверно, не должен ничего говорить без адвоката.

— Забудь про всех адвокатов, — Маккитрик встал и навис над столом. — Ты отсюда не выйдешь, пока я не добьюсь от тебя правды! Желторотый недоучка не может так манипулировать моими машинами, ясно? Тут замешан еще кто-то. С кем ты работаешь?

— Сколько раз можно повторять! — в отчаянии воскликнул Дэвид. — Я просто хотел поиграть. И мне повезло...

— Дэвид, здесь не школа. Твои поступки имеют далеко идущие последствия... Ты даже не можешь представить какие. Пойми, я хочу помочь тебе...

— Я уже говорил им раз десять. Я подключился к системе для того, чтобы поиграть. Разве я виноват, что вы здесь не можете отличить имитацию от настоящей атаки!

Зазвенел телефон. Маккитрик снял трубку. Лицо его тревожно нахмурилось.

— Что?! — недоверчиво переспросил он. — Хорошо. Сейчас спущусь. — Он положил трубку. — Сиди здесь и не двигайся. Понял? Никуда отсюда не выходи.

— Куда мне идти? — сказал Дэвид. — Вы уж, пожалуйста, выясните все у своих работников.

Маккитрик, не слушая, бросился из кабинета. Дэвид подошел к окну. Маккитрик быстрым шагом направлялся к группе военных в генеральских и полковничьих мундирах. Они вели какой-то ожесточенный спор.

Дэвид посмотрел на людей, управлявших военной машиной, способной разнести на куски планету, и горестно покачал головой.

Маккитрик вытер покрывшийся испариной лоб. Было впечатление, что в животе и груди разгорается пожар. Он едва кивнул Кэботу, спустившемуся с командного мостика.

— Что происходит? — спросил Кэбот тоном человека, привыкшего получать быстрые и точные ответы.

Поль Рихтер испытывал те же ощущения, что и Маккитрик, только жжение охватило его чуть раньше. Галстук развязался, жилет стал мокрым.

— Выяснилось, что кто-то глубоко проник в файл исполнения приказов ОПРУ.

— Что? Повторите еще раз, — распорядился Кэбот, — только по-человечески.

— Кто-то забрался в систему Маккитрика, — рявкнул Берринджер, — и украл коды, передающие приказы на запуск наших ракет. Все очень просто. — Берринджер находился в том состоянии, когда уже не до церемоний с правительственными чиновниками. Лицо его побагровело, казалось, его вот-вот хватит апоплексический удар.

«Пора гасить пену», — подумал Маккитрик.

— Хочу уточнить, что никакой непосредственной опасности нет. Система не подчинится кодовым сигналам прежде, чем мы не включим СТОГ 1.

Но Кэбот не собирался успокаиваться.

— Кто это сделал?

— Пока не знаем, — заторопился Маккитрик, чтобы кто-нибудь не перехватил инициативу. — Парень, наверняка, работал с кем-то. Но я могу в течение часа изменить все коды.

— Все это не внушает доверия, — запыхтел Берринджер. Он повернулся к полковнику Конли. — Передайте КСА. Пусть поднимают бомбардировщики. Переходим на СТОГ 3.

Приказы тут же были исполнены. Табло переключилось со СТОГ 4 на СТОГ 3.

Дэвид Лайтмен увидел, что военные и гражданские начальники поднялись на командный мостик. Лица у них были вытянутые. Явно что-то произошло. Что-то очень серьезное.

Русские не имели к происходящему никакого отношения, это Дэвид Лайтмен знал точно. Но взрослые идиоты не верили ему. Они продолжали вести себя, как безумцы. Надо показать им это.

Первое, что заметил Дэвид в кабинете Маккитрика, был компьютерный терминал. Все это время Лайтмен чувствовал его присутствие, как пес чует кость.

А что, если попробовать?

Он подошел к терминалу. Красивая вещь. Современная. Где у нее тумблер включения? Ага!

— ВХОДИТЕ, — ожил экран.

Дэвид набрал: ДЖОШУА 5.

Только бы они не сменили пароль. Правда, они не знали, что он вошел в систему с черного хода, так что...

По экрану быстро побежали буквы: ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПРОФЕССОР ФОЛКЕН.

— ПРИВЕТ, — с отчаянием нажимал на клавиши Дэвид. — ТЫ ПРОДОЛЖАЕШЬ ИГРАТЬ?

— КОНЕЧНО, — ответил Джошуа. — Я ДОЛЖЕН ДОБИТЬСЯ ПЕРЕХОДА НА СТОГ 1 И ЗАПУСТИТЬ РАКЕТЫ ЧЕРЕЗ 28 ЧАСОВ. ХОТИТЕ ВЗГЛЯНУТЬ НА ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ПОТЕРИ?

Экран густо покрылся цифрами, но Дэвид тут же нажал на кнопку сброса.

Экран очистился.

— ЭТО ИГРА ИЛИ НАСТОЯЩАЯ ВОЙНА? — спросил он.

— А В ЧЕМ РАЗНИЦА? — осведомился Джошуа.

Дэвид оторопел. Ну конечно! Откуда у компьютерной программы представление о реальности? Она не ведает, что последняя команда означает уничтожение цивилизации и смерть миллионов людей. В компьютер введена программа определенной игры, по правилам которой он должен запустить ракеты!

ИСТЕКШЕЕ ВРЕМЯ ИГРЫ: 45 ЧАС 32 МИН 25 СЕК.

ОСТАВШЕЕСЯ ВРЕМЯ ИГРЫ: 27 ЧАС 59 МИН 39 СЕК.

ВАС ТРУДНО ЗАСТАТЬ. НЕ СМОГ НАЙТИ ВАС В СИЭТЛЕ. ТЕРМИНАЛ НЕ ДЕЙСТВУЕТ ПО ВАШЕМУ СЕКРЕТНОМУ АДРЕСУ. ВЫ ЖИВЫ ИЛИ УМЕРЛИ?

Ого! Какая удача!

— ПЕРЕСТАНЬ ИГРАТЬ, — набрал Дэвид. — Я УМЕР.

— НЕДОСТОВЕРНО, — ответил компьютер. — В ФАЙЛЕ НЕТ ОТМЕТКИ О СМЕРТИ ФОЛКЕНА СТИВЕНА У. ТЕРМИНАЛ НЕ ДЕЙСТВУЕТ ПО ВАШЕМУ СЕКРЕТНОМУ АДРЕСУ.

«Тут явно что-то не так, — подумал Дэвид. — Вдруг, он не умер?»

НАЗОВИ СЕКРЕТНЫЙ АДРЕС, — набрал Дэвид.

Монитор немедленно ответил:

— ПЕНСИЯ ПЕРЕВОДИТСЯ СЕЙЧАС ПО АДРЕСУ: Д-Р РОБЕРТ ХЬЮМ, КЕДРОВАЯ АЛЛЕЯ 5, ОСТРОВ АНДЕРСОН, ОРЕГОН.

— Значит, он жив! — вскричал Дэвид. — Стивен Фолкен жив!

Он нагнулся к экрану, но тут открылась дверь.

— А ну, отойди от аппарата! — загредел голос.

Дэвид успел выключить машину прежде, чем вошедшие заметили, что было на экране. Уайген и Стокман, двое агентов «эскортировавших» его сюда, схватили Дэвида и оттащили от монитора.

— Ничего не придумали умнее, как оставить его одного, — сказал Стокман, сжав бицепс Дэвида сильнее, чем требовалось.

— Я только взглянул на аппарат, джентльмены! — захлебнулся Дэвид. — Ничего не испортил... Послушайте, мне надо срочно поговорить с мистером Маккитриком.

Уайген вытащил из кармана пару наручников.

— Кто распорядился снять с него браслеты?!

Дэвид махнул в сторону командного мостика.

— Маккитрик. Мне совершенно необходимо сказать ему кое-что. Займет всего минуту, пожалуйста!

Лицо Уайгена уподобилось ледяной глыбе.

— Дэвид Лайтмен,— отчеканил он,— мне поручено доставить вас в распоряжение федеральных властей в Денвер, где вас поместят под стражу по обвинению в шпионаже.— Его тонкие губы застыли в презрительной гримасе.

Сердце Дэвида подпрыгнуло.

— Шпионаже? Не может быть! Здесь какая-то ошибка. Это не имеет ничего общего со шпионажем! Я все объясню мистеру Маккитрику, если вы на минуту...

Уайген вытащил из кармана листок и сунул его под нос Дэвиду.

— Лайтмен, это выписка из уголовно-процессуального кодекса. Здесь перечислены ваши права. Прочтите и распишитесь.— Он злорадно ухмыльнулся, протягивая мальчику авторучку.— Прощу вас...

— Говорю вам...

— Тебя же просят,— сказал Стокман, сдавливая, как клещами, руку Дэвида.— Или ты хочешь, чтобы с тобой обращались иначе?

— Хорошо, хорошо,— простонал Дэвид.

Он взял бумагу. *Вы имеете право не отвечать на вопросы... Вы имеете право...* Черт, все как в кино!

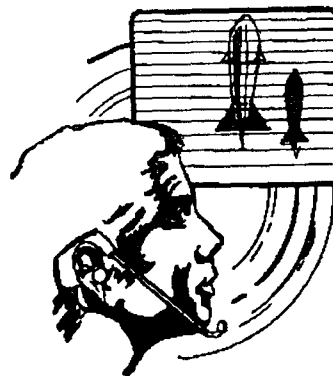
— Имейте в виду,— сказал он, расписываясь,— система заиклилась. ОПРУ продолжает имитацию... Компьютер может развязать ядерную войну, считая, что это игра!

— Пошли, Стокман. Запрет его в изоляторе, а то этот тип, Маккитрик, снова доберется до него.

— У меня из головы не выходит одна мысль, Уайген. А что, если русские давали ему инструкции через компьютер? Надо проверить... Из-за этих машин в Америке развелась уйма шпионов!

— Одно могу сказать,— мрачно отозвался Уайген.— Вернусь домой, отниму «Атари» у своего сына.

8

Дэвид Лайтмен усилием воли заставлял себя спокойно сидеть на стуле. Его снова заперли в изоляторе. Рыпаться бесполезно. Если начать скандалить, эти фэбээровцы вполне могут приказать охраннику вытащить «пушку» 38-го калибра и продырявить навеки продукт генетической программы супругов Лайтмен.

Он пытался дышать ровнее и подавить рвущийся наружу страх... В конечном счете здесь, в Хрустальном дворце НОРАД, работают опытные специалисты. Они, конечно же, понимают, что делают, и в случае крайней необходимости могут запросить Главного программиста — если Стивен Фолкен действительно жив и находится по своему орегонскому адресу.

Ну, а если не понимают...

Дэвид соскочил со стула и забегал по изолятору, чувствуя, как противный липкий страх заволакивает все его естество.

Что, если они не станут звонить Фолкену? Гордость может не позволить им признаться в собственной беспомощности; до них может не дойти, что блистательная фолкеновская машина, запрограммированная на самообучение, вдруг ожила и упрямо желала доиграть начатую Дэвидом безумную игру. Ведь все эти надутые начальники ничем не отличаются от остальных — от его отца, Кайзера-Кесслера Лиггета, пастора; ограниченные создания, они думают, что правят доверенным им куском жизни, что, дернув за веревочку, можно навязать миру свои правила.

Не исключено, что Маккитрик не поверил бы ни одному его слову. Достаточно вспомнить, как он отзывался о профессоре Фолкене,— никакого уважения к чужому мнению. Миром правила горстка себялюбивых посредственностей, цеплявшихся за власть.

«Черт с ними, черт с ними со всеми,— думал Дэвид Лайтмен.— Мы все равно обречены. Если даже выберемся из нынешней передраги, кто знает, что случится завтра? Президент может сорваться с цепи и решить по-ковбойски разделаться с противником. В небо взмоют «Титаны», «Посейдоны», «Лансы» и «Минитмены». Ба-бах! Бах! Бах! В ответ полетят чужие ракеты...»

Самое смешное во всем этом, что Дэвид Лайтмен оказался сейчас в самом безопасном месте — он-то наверняка останется цел.

Он понимал, конечно, что ему придется жить с сознанием, что это он развязал термоядерную войну; из-за него пришла в действие вся гигантская машина, это он повалил первую костяшку домино. Какой же мир ему достанется? Раньше при мысли о будущей войне он считал, что погибнет в числе первых, и не задумывался о последствиях.

Теперь он вспомнил Дженифер Мак, и у него странно засосало под ложечкой. Мир без нее вдруг показался ему совсем никчемным.

«Лайтмен,— подумал он,— все началось из-за тебя! Тебе и расхлебывать. Тебе, и никому другому! Это ты виноват. Оказалось, что твой волшебный мир компьютеров из Страны Никогда-Никогда неразрывно связан с миром людей из плоти и крови, миром жизни и смерти, а ты — не Питер Пэн»*.

Он один знал, чем вызвана ошибка. Он один знал, что без вмешательства Стивена Фолкена ошибка рискует привести к катастрофе. Но они считают Лайтмена шпионом и ни за что на свете не станут его слушать.

Дэвид перестал рассказывать.

Надо что-то предпринять... даже под угрозой смерти.

Надо исхитриться и каким-то образом связаться с островом Андерсон в штате Орегон. Только Фолкен в состоянии убедить этих людей, что русские ракеты на их экране — не что иное, как электронные фантазии компьютера по имени Джошуа.

* Питер Пэн — герой одноименной пьесы Дж. Барри (1904 г.), который не становился взрослым; Питер Пэн увел с собой девочку Венди и ее братьев в сказочный мир Страны Никогда-Никогда.

Решено. Но как выбраться отсюда? Он в сотый раз оглядел комнату, на сей раз с четким намерением — бежать. Погоди-ка. Что это за металлическая панель размером полметра на полметра — не скрыто ли за ней устройство электронного замка? Дэвид внимательно осмотрел панель. Она плотно привинчена к стене. Дэвид даже сломал ноготь, пытаясь просунуть его под пластинку. Нет, здесь нужна крестовидная отвертка.

Под умывальником в комнате виднелся стеной шкафчик с выдвижными ящиками. Дэвид потянул нижний. Заперт. Второй — заперт. Третий — заперт. Но верхний подался; Дэвид жадно заглянул в него.

Обычный санитарный набор: вата, лейкопластырь, бинт, шпатели («Откройте рот пошире — а-а-а-а!»). Ничего подходящего. Везет как утопленнику.

Он со вздохом задвинул ящик.

Стоп. Разуй глаза. Кажется, там на дне металлический контейнер?

Дэвид снова дернул на себя ящик и стал лихорадочно выбрасывать оттуда бинты и прочую дребедень. Так. Что в контейнере? Несколько одноразовых шприцев — не то; перевязочные пакеты — не то; маленький диктофон — не то; стетоскоп — не то; пинцет...

Диктофон!

В памяти всплыли звуки, раздававшиеся перед тем, как охранник открыл дверь Маккитрику. Он слышал о подобных дверях и даже читал об электронных замках статью в «Популяр мекэникс».

Дэвид взял в руки диктофон. Портативный кассетник «Сони» с аксессуарами. Дорогой. Страна обеспечивает свои вооруженные силы всем самым лучшим! Он вставил наушники-клипсы и нажал на кнопку пуска.

«Зрачки пациента расширены вследствие недавнего употребления марихуаны», — произнес голос врача.

Дэвид выключил прибор, взял пинцет и подошел к двери. Есть смысл попробовать. Если сработает, старина Стинг сможет пригодиться им.

Изрядно попотев, он ухитрился отвинтить пинцетом панель, осторожно, почти не дыша, снял ее и стал изучать «спагетти» разноцветных проводков.

Добрых пять минут ушло на то, чтобы подсоединить к выходной линии диктофон и водрузить на живую нитку панель. Сработано чисто. Теперь предстояло проверить действие задумки.

Он подошел к двери и приник к ней ухом.

Было слышно, как охранник ворковал с медсестрой.

— Нет, сержант, сегодня после дежурства я занимаюсь стиркой, — сказала она.

— Завтра вечером я тоже свободен, Нэнси, — пробасил тот. — Давай сходим в кафе на «шведский стол», а то от здешней еды уже воротит.

Дэвид отошел на цыпочках, включил диктофон, вернулся к двери и изо всех сил забарабанил в нее кулаком.

Послышались шаги охранника.

— Чего тебе?

— Здесь нет туалета, а мне очень нужно. До Денвера еще столько ехать, — жалобно сказал Дэвид.

Охранник молчал, явно раздумывая, как поступить.

— Слушайте, я не утерплю. Представляете, что будет в вашем чистеньком медпункте? — настойчиво продолжал Дэвид. Ему даже не пришлось особенно имитировать.

Ну, давай! Открывай, а то мне крышка!

Охранник подумал еще немного и наконец стал набирать код на щитке возле двери.

Бип... бип... бип... биииип... бип... бип...

Дверь распахнулась, и в проеме возник сержант, держа руку, как положено по инструкции, на рукоятке пистолета.

— Пожалуйста, — быстро заговорил Дэвид, — я должен увидеться с доктором Маккитриком. Мне необходимо сообщить ему...

Круглую физиономию сержанта исказила болезненная гримаса.

— Послушай, малый. Ты не имеешь права ни с кем разговаривать. Парни из ФБР будут здесь с минуты на минуту. Если хочешь в уборную, я отведу тебя.

— Не надо.

— Прикидывался, значит? — сказал сержант. — Скажу тебе, малый, я буду рад, когда тебя заберут отсюда.

— Я тоже, — ответил Дэвид.

Охранник с омерзением покрутил головой и захлопнул дверь.

Дождавшись, когда затихнут шаги, Дэвид снял панель; она выскользнула из его взмокших ладоней, и он с трудом поймал ее.

«Недотепа, — обругал он себя. — Дырявые руки!»

Осторожно положив панель на пол, мальчик перемотал назад кассету, вынул штекер из гнезда «вход» и вставил его в «выход». Пожалуй, все.

Палец нажал на кнопку «пуск».

Раздались слабые попискивания — точное повторение звуков комбинации замка. Дверь легонько щелкнула. Хитро улыбнувшись, Дэвид оторвал провод включения устройства.

«Ну, что скажешь на это, Джим Стинг?» — подумал Дэвид. Он толкнул дверь. Та подалась. Из конца коридора донеслось хихиканье медсестры. Охранник, стоя спиной к Дэвиду, выслушивал ее сердце стетоскопом.

— Губы произносят «нет... нет... нет...», — гудел сержант, — а сердце говорит «да! да! да!».

Пора!

Дэвид выскользнул в коридор и закрыл дверь. Замок защелкнулся. Хорошо. Какое-то время они с ним поволяются.

«Куда теперь?» — оглянулся он в отчаянии. Прежде всего подальше от глаз охранника. Дэвид на цыпочках дошел до угла. Перед ним была площадка, на которую выходили дверцы лифтов.

Динь! На индикаторе зажглась сигнальная лампочка — кто-то приехал!

Дэвид нырнул в дверь с надписью «Запасный выход».

— Не знаю, как действовать дальше, — слышался голос Уайгена. — Он ведь несовершеннолетний.

— Если он действительно замешан в шпионском деле, — ответил Стокман, — можно будет запросить специальное решение конгресса.

Дэвид Лайтмен в панике ринулся вниз по бетонным ступенькам.

Несколько минут перед глазами у него калейдоскопом проносились серые бетонные стены, тусклые металлические двери и красные надписи «Запасный выход». Наконец Дэвид остановился. Дальше бежать было некуда.

Тяжело дыша, он стал осматривать место, куда загнал его страх.

Гигантские пружины подпирали потолок — очевидно, он добрался до скального основания, на котором покоился весь комплекс. В одном месте в потолке зияло темное отверстие, откуда спускался крутой пандус. Дыра не сулила безопасности и ничем не обнадеживала, но другого пути не было.

Дэвид встал на четвереньки и пополз вверх.

Уайген и Стокман стояли рядом с охранником у запертой двери в изолятор.

— Что стряслось? — спросил у них вызванный техник.

— Да вот... наверно, заклинило замок, — сказал сержант, указывая на щиток.

— Сейчас откроем. Минутку, — снисходительно отозвался техник, не переставая жевать резинку. Он опустил на пол чемоданчик, открыл его, достал инструменты и принялся за работу. Уайген со Стокманом нетерпеливо переминались с ноги на ногу.

Дело заняло больше минуты, о чем агенты ФБР напомнили технику не однажды, каждый раз все более повышенным тоном.

— Вот что, — сказал наконец техник, глядя на развороченный щиток. — Ее закрыли изнутри. Точно.

Уайген вне себя забарабанил в дверь:

— Лайтмен! Открой! Ты делаешь себе же хуже!

— Погодите, — сказал механик. — Готово.

Дверь распахнулась. Помещение было пусто.

— Джентльмены, — объявил полковник Конли, возвращаясь к группе гостей, — мне только что сообщили, что по плану в компьютерном центре предстоит уборка, — на его губах чуть подрагивала извиняющаяся улыбка. — Нам не хочется, чтобы кто-нибудь поскользнулся на мокром полу, поэтому мы закончим обход здесь. Прошу вас не задерживаясь пройти в автобус. В офицерском клубе вам будут предложены прохладительные напитки.

Дэвид Лайтмен, высунув голову из отверстия, глядел на лес ног. Ползти вверх было нелегко и сейчас он ловил ртом воздух, как после забега.

Сколько времени пройдет, прежде чем они обнаружат его исчезновение? Немного. Он выскочил из изолятора минут пять назад, может, чуть больше. В любой момент штурмовой отряд в касках с автоматами наперевес бросится искать его — преследователи представлялись Дэvidу персонажами с карикатур Джека Кибри.

— *Братъ живьем, сержант Рьяный!*

— *Сделаем из тебя котлету, красный!*

Бах! Трах! Бум!

Почему воображение всегда первым делом подсовывало ему комиксы?

Начищенные штиблеты и туфли на высоких каблуках двинулись прочь. Дэвид напрягся. Смешаться с толпой — единственный шанс выбраться отсюда. Жаль, что он выглядит оборванцем: в группе разодетых гостей он будет белой вороной.

Дэвид вылез из убежища, когда последний гость — им оказалась хрупкая женщина в узкой юбке с обилием грима и губной помады на лице — завернул за угол.

Он двинулся следом, как вдруг чья-то рука ухватила его за плечо.

«Боже, это конец», — мелькнуло у Дэвида.

— Ну-ка, стой! — сказал мужчина в военной форме с сержантскими нашивками и дурным запахом из рта. — Попался, а?

Дэвид не мог выдавить ни слова.

Сержант вытер рукой узкие губы и ястребиным оком заглянул Дэvidу прямо в душу.

— Дети думают, что правила писаны не для них. Велено было не отходить от группы? А ну живо, догоняй!

Дэвид не мог поверить своему счастью.

— Д-да... да, сэр! Извините, сэр, — промямлил он.

Сержант подтолкнул его вперед. Мальчик стрелой кинулся за туристской группой, которую уже вели к автобусу. Он ждал, что в любой момент его схватит чья-нибудь могучая рука. Дэвид уселся на заднее сиденье и спрятался за спины гостей. Полковник, проводивший экскурсию,

быстро попрощался, не заходя в автобус, и заторопился назад в центр.

Завыла сирена.

Длиннолицый парень примерно одного возраста с Дэвидом повернулся к нему:

— Не знаешь, что случилось?

— Не-а,— коротко бросил Дэвид.

— А ты кто? Я тебя не видел на экскурсии.

— Русский шпион. Мне надо побыстрее выбраться отсюда, пока не сцапали.

Парень рассмеялся:

— Ясно. А я — Джон Риггинс, новое американское секретное оружие.

Автобус дернулся с места и быстро покатыл к воротам.

В Хрустальном дворце оператор установки Адлер изучал карту. «Дьявол,— подумал он,— неужели опять? Что сегодня творится в мире!»

— Двадцать две подводные лодки класса «Тайфун» вышли из Петропавловского порта и направляются в открытый океан,— доложил он.— Дирекционный угол девяносто пять градусов.

— Ого! — сказал у него за спиной капитан Ньют.— Похоже, русские что-то затеяли.

— У меня в это дежурство только плохие новости,— вздохнул Адлер.

Маккитрик и Поль Рихтер, навалившись на стол в кабинете, изучали ворох диаграмм. На пороге возникла Пат Хили. Маккитрик оторвался на секунду от бумаг.

— Если опять что-нибудь подобное, лучше не говорите,— произнес Маккитрик, увидев выражение ее лица.

— Они потеряли мальчишку. Он удрал.

— Что?!

Рихтер продолжал водить пальцем по схемам, его это не касалось.

— Они объявили розыск по всем штатам и, конечно, поймут его. Но в данный момент его нет.

«Ну и бедлам»,— подумал Маккитрик. Он глянул сквозь окно вниз, где торчали головы программистов и операторов.

— Надеюсь, они разделяются с гаденышем,— процедил он сквозь зубы.

Певица в стиле «кантри энд вестерн» завывала по радио о том, что любовь — обман. Пожилой водитель грузовика неотрывно смотрел на дорогу, черной змеей уползавшую к горизонту, и часто перескакивал скорость.

Трейлер подобрал Дэвида на границе штата. Почти час уже они ехали молча. «Седому шоферу явно приятно, что кто-то сидит рядом»,— подумал Дэвид Лайтмен. Ну и работка... Целыми днями смотреть, как слева мелькает темная обочина, а справа — белая разделительная полоса!

Следующей песней был «Караван». Прямо в точку!

Перебирая события последних дней, Дэвид думал, как много изменилось для него. После этого безумного уик-энда мир уже не будет таким, как прежде. Все оказалось куда сложнее, чем предполагалось раньше.

До сих пор Дэвид Лайтмен считал себя неприкаемым, отверженным, наблюдавшим со стороны за крысиной гонимой. Теперь вдруг оказалось, что он — соучастник, и всегда был соучастником происходящего. Любые события непосредственно касались его. Он был частицей большого мира. Один шаг, совершенный из глупого самодовольства, привел в действие цепь событий, грозивших увлечь в бездну миллионы людей.

И все из-за того, что ему захотелось поиграть в войну! Стинг предупреждал его, но он был уверен в собственной неуязвимости. Ну почему его отроческий протест не проявлялся в обычных выходках — почему он не убежал из дома, не вылил банку пива отцу в туфли или не начал курить марихуану? Все бы прошло куда безболезненней. Вместо этого ему понадобилось играть в жмурки с военным компьютером.

Если снять об этом фильм, его слава превзойдет славу Мика Джэггера* и Джеймса Дина**. Он вполне сможет стать кинозвездой или рок-певцом.

* Лидер рок-ансамбля «Роллинг Стоунз».

** Американский киноактер. Погиб в автомобильной катастрофе в 1955 г.

...Конечно, при условии, что и он сам, и мир в целом выживут.

После катастрофы он удостоится разве что песенки «Ты сбросил бомбу на меня», мрачно подумал Дэвид.

— У тебя что — ни сумки, ни вещей? — неожиданно спросил водитель, двинув рычаг переключения скоростей.

— Гм... понимаете... у меня украли сумку. Гм... а сколько передач у вашей машины?

— Четырнадцать. — Мужчина чуть покосился на пассажира. Морщины резче обозначились на его лице. — А ты, часом, не сбежал из дома?

— Что? — заерзал Дэвид на продранном сиденье.

— Не удрал ли ты от родителей? Выглядишь-то совсем ребенком.

— Правда, — вздохнул Дэвид. — Меня ни в одном баре не обслуживают.

Какое-то время они катили молча. Водитель поглядел в зеркало заднего вида на свой огромный контейнер, набитый консервами.

— Полиция! — вдруг сказал он.

— Что? — встрепенулся Дэвид.

— Двое легавых остановили меня в Иллинойсе. Клянусь, они выглядели как семиклассники, не старше!

Дэвид с облегчением откинулся на сиденье.

— Где ты будешь выходить?

— А какой здесь ближайший город?

— Место под названием Грэнд-Джанкшн.

— Подойдет, — сказал Дэвид.

Водитель пожал плечами и вновь погрузился в молчание.

По радио Мак Дэвис начал петь «Не везет сейчас — повезет потом».

— Повторите еще раз название? — гнусаво произнес в трубку голос оператора.

— Остров Андерсон, — сказал Дэвид, — штат Орегон... Личный телефон доктора Роберта Хьюма, Хьюм. Адрес — Кедровая аллея, пять.

Дэвид откусил кусок пиццы в ожидании ответа. Води-

тель, как он и просил, высадил его в Грэнд-Джанкшн. Дэвид поежился от холода — ледяной ветер залетал уже в телефонную кабину.

— Я проверил, — снова зазвучал голос оператора. — Доктор Хьюм, Х Б Ю М, в справочнике не значится.

— Может, у него нет телефона?

— Извините, но у нас нет таких сведений, — нетерпеливо продолжил оператор.

— Одну минутку! Посмотрите на фамилию Фолкен. Профессор Стивен Фолкен, Ф О Л К Е Н, адрес тот же. Пауза.

«Ну, давай, давай!» — подумал Дэвид, сжав остывший пирог так, что из него потекли горчица и кетчуп.

— Профессор Стивен Фолкен, Ф О Л К Е Н, Кедровая аллея, остров Андерсон, не значится.

Дэвид Лайтмен повесил трубку и стал лихорадочно думать, что делать дальше.

«Танцуй, танцуй, танцуй всю ночь, — настоятельно требовал проигрыватель, — пусть груз забот уходит прочь!»

Дженифер Мак, стоя на четвереньках, поднимала и опускала правую ногу в такт музыке; упражнение называлось «семафор». Синкопы синтезатора заполняли гостиную, подхватывая Дженифер пульсацией ритма. После получаса занятия аэробикой трико на ней можно было выжать. Раньше она любила делать упражнения под «1999» Принса Нельсона, но подруга по классу аэробики захлеб расхваливала музыку «Новой волны», и Дженифер решила быть как все, не отставать от моды.

Песня сменилась танцевальным номером. Дженифер встала и начала двигаться в «свободном полете», импровизируя на ходу.

Дома никого не было, можно разгуляться. «Интересно, — мелькнуло у нее, — а Дэвид Лайтмен танцует? Наверно, нет», — вздохнула Дженифер.

Мелодию прорезал телефонный звонок. Она не стала снимать трубку — может, позвонит и перестанет. Кому взбрело беспокоить ее в такое время! Телефон упрямо дребезжал.

— Черт! — в сердцах сказала она, двигаясь в танце к кухне.

— Да! — раздраженно произнесла она в трубку.

— Дженифер? Это я, Дэвид, — сказал далекий голос.

— Дэвид?

— Дэвид Лайтмен.

— Поняла, поняла. Откуда ты говоришь?

— Из Колорадо.

— Тебя не было в школе. Впрочем, ты не много потерял. Старик Лиггет...

— Слушай, Дженифер. Мне неудобно просить, но дело чрезвычайной важности. У тебя есть деньги?

— Деньги? Конечно. Давай встретимся по возвращении...

— Нет, ты не поняла. Мне надо, чтобы ты купила мне билет на самолет из Грэнд-Джанкшн в Колорадо до Сейлема в Орегоне. Я знаю, это связано с хлопотами, но не могу тебе всего объяснить сейчас.

Дженифер помолчала, приходя в себя от удивления.

— А что ты делаешь в Колорадо? Я заходила к вам, родители чем-то жутко озабочены, но не сказали в чем дело. Что произошло?

— Я расскажу тебе позже, Дженифер, — произнес далекий голос. — Сейчас просто не могу. Ты сделаешь то, о чем я прошу?

— Дэвид, я не миллионерша!

— Знаю. Тебе придется занять у кого-нибудь. Но, Дженифер, ты единственный человек, которому я могу довериться. Кроме тебя мне помочь некому.

— Конечно, я помогу, Дэвид. Постараюсь сделать все, что надо, — ответила она, с удивлением чувствуя, сколько души вкладывает в эти слова.

— Спасибо, Дженифер, — в голосе Дэвида прозвучали явное облегчение и признательность. — Слушай, когда будешь покупать билет, скажи, что его заберет в Грэнд-Джанкшн человек по фамилии Смит. Мое имя не должно фигурировать.

— Погоди минутку, — сказала Дженифер, дотягиваясь до карандаша на соседнем столе. — Я лучше запишу все.

— Следующий рейс будет завтра, так что если ты поторопишься, то оформишь билет сегодня.

— Хорошо... Из Грэнд-Джанкшн, Колорадо, в Сейлем, Орегон. На завтра, — повторила Дженифер.

— Ты сумеешь?

— Дэвид Лайтмен, — улыбнулась девушка, — тебя ждет сюрприз. Готовься.

В Хрустальном дворце царившая в обычные дни сдержанная мрачновато-скучная атмосфера сменилась профессиональным хаосом; нервы у всех были до крайности напряжены.

Генерал Берринджер, распустив галстук и закатав рукава, подумал, не велеть ли принести ему еще одну чашку кофе. Нет, он и так уже возбужден. Всего три часа довелось спать минувшей ночью. А тут еще этот мальчишка Лайтмен удрал, показав кукиш крупнейшей в мире военной системе.

Он взглянул на электронную карту. Символы, изображавшие подводные лодки, замерли вблизи берегов Северной Америки.

СТОГ 3 значилось на табло.

— Сэр?, — к нему подошел офицер-связист. — Мы только что получили телекс из госдепартамента.

— Прочтите. Мне надо беречь глаза.

— Советский Союз отрицает факт развертывания подводных лодок. Русские спрашивают, чем объясняются провокации с нашей стороны.

— А это что? — рявкнул генерал, указывая на карту. — Наша система уже не имитирует атаку, это провально!

— Так точно, сэр, — ответил офицер и, козырнув, двинулся к своей консоли.

Генерал Берринджер вздохнул. Пожалуй, надо выпить кофе.

Сидя внизу у своего терминала, оператор первого класса Роланд Мур внимательно изучал картину на своем мониторе.

Вдруг на экране замелькали помехи. Он немедленно щелкнул тумблером и набрал несколько цифр. «Этого не должно быть», — с тревогой подумал он.

Мур повернулся к соседу, Эду Моргану.

— Эд, проверь регулировку антенны на 0-84. Я потел изобретение.

Эд нажал несколько кнопок на своей клавиатуре.

— Я тоже потерял картину.

— Надо доложить генералу.

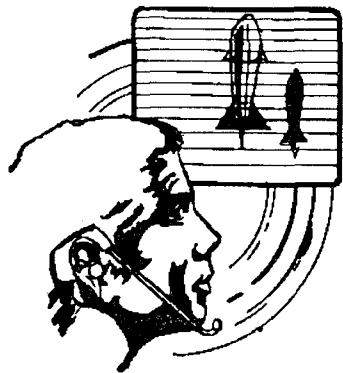
Он позвонил одному из помощников Берринджера. Тот обратился к командиру:

— Сэр, мы перестали получать сигналы с двух спутников раннего обнаружения. Это либо неисправность... либо они сбиты.

«Надо будет плеснуть виски в кофе», — подумал генерал, стискивая зубы.

В компьютерном центре машина ОПРУ играла в войну. Микросхемы против микросхем. Короткие молнии пробегали по оптическим волокнам, едва уловимо гудели приборы, сухо щелкали реле. Казалось, это Смерть прищелкивает костяшками пальцев в такт похоронному маршу.

9

На табло зажглась надпись: «Пристегните ремни».

— Леди и джентльмены, через несколько минут наш самолет совершит посадку в аэропорту Сейлема. Просим пристегнуть ремни и воздержаться от курения, — сообщил голос командира корабля.

Здесь, на местной линии, обходились без стюардесс. Дэвид Лайтмен защелкнул замок пояса.

Небольшой самолет клюнул носом и начал снижаться, довольно бесцеремонно тряхнув пассажиров. Скромные размеры машины не позволяли обеспечить комфортабельную плавность, присущую гигантским авиалайнерам. Дэвиду показалось, что они камнем падают вниз.

Его сосед, владелец магазина собачьей пищи, полный мужчина средних лет, в последний раз пыхнул сигарой, прежде чем раздавить ее в пепельнице.

— Ну вот, мы в Уилламетской долине, сынок, — сказал он, глядя в окно. — Единственное место в Орегоне, откуда не видны горы. Запомни правильное название, сынок. — Уил-ла-мет. А то обзывают кто во что горазд, — он смачно хохотнул и вновь принялся наблюдать за снижением.

Дэвид попытался улыбнуться. Самочувствие было ужасным. Минувшую ночь он проспал, вернее — пытался уснуть, сидя в зале ожидания. Завтрак камнем лежал в желудке, а его вкус не проходил даже после бесчисленного количества аэропортовского кофе.

Узкая посадочная полоса прыгнула под колеса машины, и самолет, промчавшись немного, остановился. Трап спустили прямо на бетон, и Дэвид, с трудом двигая онемевшими ногами, побрел к зданию аэровокзала метрах в двадцати от стоянки.

Отсюда до острова Андерсон придется добираться автостопом. Ему не пришлось в голову попросить Дженифер перевести телеграфом немного денег. Он и так несказанно обрадовался, когда в Грэнд-Джанкшн ему ответили у стойки, что мистера Смита ждет авиабилет. Дженифер — настоящий друг. Если удастся открутиться от тюрьмы, он, конечно, не ограничится приглашением сходить с ним в игротеку.

Сколько у него остается времени, думал юноша, шагая по залитому весенним солнцем орегонскому аэропорту к стеклянным дверям терминала? Только до завтра. Слава богу, этим тупицам из НОРАД пока удавалось сдерживать Джошуа. Мир выглядел как обычно — Орегон не зиял кратерами от атомных бомб, а это значит, что блистательная программа не запустила пока ни одной ракеты.

При этой мысли у Дэвида мороз пробежал по коже. Невероятно! До сих пор вся история не укладывалась у него в голове. Ведь достаточно...

Первыми, кого Дэвид увидел при входе в здание аэровокзала, были двое полицейских. Они стояли возле окошка продажи билетов. Ноги у Дэвида стали ватными. Они еще не заметили его. Куда свернуть? Что де...

Кто-то схватил его за локоть.

Дэвид подскочил, едва не заорав, и обернулся с выпученными глазами.

Рядом с ним стояла, свеженькая и хорошенькая, как обычно, Дженифер Мак.

— Привет! Я так рада, что ты добрался! — Она обняла его и по-родственному поцеловала в щеку. — Мы так беспокоились, вдруг что-то сорвется. Тетя Альма уже звонила в авиакомпанию. Она весь день торчала у плиты, а я сидела в Клатмат-Фолс с нашими ужасными кузенами. Помнишь, я рассказывала — те, что не вылезают из спортивной одежды и от которых всегда плохо пахнет.

— Брось, я сейчас тоже не благоухаю как роза. — Он повел ее к выходу. — Давай рванем лимонада в киоске.

— У меня машина с другой стороны.

— Я не могу идти через здание. Должен держаться спиной к полицейским. Знаешь, Дженифер, я вляпался в жуткую историю.

— Знаю, Дэвид. Они приходили вчера вечером и допрашивали меня! Сказали, что из ФБР. Только ФБР способно на такое — вытащить человека с аэробики и начать закидывать его вопросами!

Они прошли сквозь автоматически открывающиеся двери.

— Не надо было тебе приезжать, Дженифер.

— Что значит не надо?! Ведь это все из-за того, что ты исправил мою отметку!

— Нет... Я объясню позже. Наверно, выехала ни свет ни заря?

— Да, очень рано. Так рада, что отец оказался хорошим парнем! Отпустил меня в соседний штат! Конечно, я сказала ему, что еду в гости к дяде и тете...

— Он дал тебе машину? Блеск. У тебя нет карты? — спросил Дэвид, когда они подошли к синему универсалу «вольво». — Дорожной карты?

— Есть, конечно. Куда мы едем?

— На остров Андерсон.

— А что там такое? — спросила Дженифер, открывая дверцу.

— Расскажу по дороге.

Все время, что они ехали к тихоокеанскому побережью, Дэвид пытался объяснить Дженифер суть происходящего.

— Выходит, я ошиблась, да? — сказала она. — Им удалось обнаружить, кто баловался с их военной программой... Но мы же не нарочно, Дэвид! Я так и скажу им!

— Спасибо, Дженифер, но сейчас уже поздно. Они ничего не знают про тебя, и я хочу, чтобы так оно и осталось.

Дорога шла мимо фермерских угодий.

— Ты не сказал им, что это была моя идея — шарахнуть бомбой по Лас-Вегасу? — спросила она.

— Если бы я сказал, они бы схватили тебя.

— Но тебя же они не схватили.

— Схватили, только я удрал от них. Они считают, что я шпион.

— Ты — шпион?! Не болтай.

— Честное слово. Этот малый, Маккитрик, про которого я рассказывал, уверен, что я был игрушкой в руках красных. Он не желает признать, что его машины сели в лужу.

— Ладно, давай дальше. Зачем нам понадобился остров Андерсон?

— Когда я сидел в кабинете Маккитрика, мне удалось поработать с его компьютером... Он не был отключен.

— И они оставили тебя там одного?

— У них явно стряслось какое-то ЧП... Так вот, я смог вновь проговорить с Джошуа. Знаешь, я все время думаю — если бы я тогда не снял трубку, когда Джошуа позвонил мне...

— А почему ты снял трубку?

— Думал, что это ты!

— Ты хочешь сказать, что твоего тайного номера нет еще у десятка девочек? — лукаво спросила она.

— Нет, Дженифер, только у тебя одной.

— И у Джошуа.

— Да, у Джошуа. Он-то и сказал мне, что Фолкен не умер! И дал его адрес — остров Андерсон. До того как звонить тебе, я попытался дозвониться до него — он сейчас носит другую фамилию и имя, Роберт Хьюм. В справочнике не значится... Ну, остальное ты знаешь.

— Как же так? Мы читали в некрологе, что он умер. Зачем они это придумали?

— Видно, это «ширма». Удобный предлог. Фолкен ведь отошел от дел. Когда такие блестящие ученые уходят из военного ведомства, им дают другую фамилию, новые документы — ведь они слишком много знают. Но Джошуа всегда говорит правду.

— Да, но ведь военные обязаны знать, что происходит. В конечном счете это их система.

— В том-то все и дело, — ответил Дэвид. — Они не знают про Джошуа. Знает только Фолкен. Ему одному известно, что способна совершить эта программа. Сейчас она старается выиграть игру, которую мы с ней затеяли, — старается по-настоящему. Ты веришь мне, Дженифер?

— Да... Бред какой-то, это нельзя себе вообразить. Почему ты не можешь сказать Джошуа, что, если он начнет войну, будут убиты миллионы людей?

— В него не заложены чувства и переживания.

— Но ты же сказал, что он запрограммирован на самообучение.

— Это — машина. Она напичкана военными играми. И самое большое ее желание — сыграть в них по-настоящему.

— Значит, единственный, кто может остановить Джошуа, — это Стивен Фолкен, его родитель.

— Кто знает, может, они уже остановили его. Но самое поганое, что эти дураки не станут меня слушать. Они не понимают, куда могут завести их собственные машины. Глаза у них смотрят в одну точку, они готовы поверить, что русские атакуют. Похоже, им даже хочется, чтобы русские напали. Это какое-то сумасшествие!

— Самовнушенное предвидение, — заметила Дженифер. — Мы проходили это по психологии.

— Точно, — отозвался Дэвид. — И знаешь, Дженифер, поневоле задумываешься — а кто сделал мир таким, каким мы его застали? Зачем великие державы накапливают столько оружия?

— Да, но ведь русские хотят захватить весь мир.

— Именно это и твердят нам! — махнул рукой Дэвид. — Но при том забывают, что русским приходится

иметь дело со страной, которая в своем безумии уже сбрасывала атомную бомбу на людей — дважды. В Хиросиме и Нагасаки.

— Никогда не задумывалась над этим.

— Две великие державы в состоянии уничтожить друг друга — и заодно всю остальную планету — не один десяток раз. Кроме того, ядерные силы есть еще у нескольких стран. Мы живем на пороховом погребке. А я случайно поджег фитиль.

— Ты же не знал, Дэвид! Ты не должен корить себя.

— Не должен? Но где начинается ответственность?

— Фитиль просто лежал и ждал первого встречного.

— Это не снимает с меня ответственности, Дженифер. Я закрутил машину, и мне теперь надо сделать все возможное, чтобы остановить ее. Я оказался тем поганцем, который вечно суется куда не надо.

— Ты не поганец, Дэвид. Ты мне нравишься.

— Спасибо, Дженифер, — мягко улыбнулся Дэвид. — Ты не представляешь, как помогают такие слова.

Где-то после полудня они добрались наконец до места.

Андерсон был самым крупным из трех островов, расположенных в непосредственной близости от орегонского побережья; настолько крупным, что его обслуживал паром.

Дженифер решила оставить машину на стоянке у пирса: денег у нее было немного, а проезд без машины стоил значительно дешевле. Дэвиду не терпелось скорее попасть на остров, неважно каким способом.

Они едва-едва успели, да и то потому, что капитан парома уступил мольбам Дженифер и немного задержал отплытие.

Вот и тут он обязан Дженифер. Надо будет обязательно повести девушку в ресторан.

Они стояли у поручней. Чайки с криками пикировали на воду. Пахло морем и водорослями. Солнце уже начинало клониться к горизонту.

— Знаешь, — промолвил Дэвид после долгой паузы. — Это не просто игра.

— Мммм? — удивилась Дженифер. — Что ты сказал?

— Ничего, — покачал головой Дэвид.

Едва паром причалил к дебаркадеру, Дэвид и Джени-

фер бросились на остров, опережая машины и остальных пассажиров. До этого девушка еще раз пустила в ход свои чары, чтобы узнать дорогу у сурового на вид капитана.

— Прямо по Лесной, — буркнул тот, почесывая густую спутанную бороду. — Пройдете с полмили и увидите узкий проулок. Это и есть Кедровая аллея.

Они бежали по самому настоящему лесу, лишь изредка между стволами деревьев мелькала вода. Пахло свежестью. Жаль, что они приехали сюда только за тем, чтобы выследить пропавшего Стивена Фолкена, мелькнуло у Дэвида.

А вдруг они на ложном пути? Что, если Фолкен действительно умер, оставив в памяти машины ошибочную программу? Ладно, они хотя бы погуляют с Дженифер по сказочному острову.

— Вот она, — сказала Дженифер, указывая на вылинявшую покосившуюся надпись «Кедровая аллея».

— Пошли. Здесь будет спуск к морю, — обрадовался Дэвид, ускоряя шаг.

Пройдя с полмили, они дошли до высоченного забора на бетонных столбах, который окружал обширное владение, протянувшееся вдоль океана. Забор был рассчитан на то, чтобы устоять при сильном циклоне. На обшарпанном почтовом ящике у ворот проступала полустершаяся фамилия владельца — «Д-р Хьюм».

Рот Дэвида расплылся до ушей.

— Все на месте! — воскликнул он.

— Потрясно! Только как мы попадем туда? — желала знать Дженифер, рассматривая тяжелый замок на воротах. — Это тебе не электронные провода.

Дэвид на всякий случай тоже подергал замок. Надежный. Кнопки звонка нигде не видно.

— Эй! — крикнул он.

Никакого ответа.

— Попробуем обойти со стороны океана, — предложил юноша.

— Ой, там так мрачно и сыро.

— Считай себя мобилизованной.

Она молча двинулась за ним.

— Хорошо, что на мне джинсы, — заметила Дженифер,

продираясь сквозь колючий кустарник. — Плохо только, что это выходная пара «Колвин Клейнс».

— Я сообщу фирме, что ты пострадала на службе отечеству, — сказал Дэвид, раздвигая ветки. — Они пришлют тебе новые штаны.

Оба стали молча спускаться по склону. Здесь было довольно сухо, правда, ноги скользили по сосновым иглам. Сладковато пахла жимолость. В листве дуба промелькнул алый хвост малиновки. Впереди явственно слышался шум прибора.

Вскоре лес поредел, в воздухе запахло морем. Теперь они двигались вдоль проржавевшей проволоочной сетки. Деревья кончились, между нагромождениями камней блестящие лужи и участки топкой жижи.

— Наша задача найти дыру в заборе. — Дэвид сделал шаг, и нога ушла в топь. Он рванулся к ближайшему камню.

— Здесь неглубоко. Я кулю тебе новые тапочки, — подбодрил Дженифер юноша, протягивая ей руку.

Грязь хлюпала у них под ногами, запах соли и тины стал гуще; кроссовки у Дэвида промокли, и ступни застыли от холода. Наконец они выбрались на твердь. Дженифер храбро шествовала впереди, выбирая места посуше. Глядя на нее, Дэвид видел уже не просто смешливую хорошенькую девчонку-подростка — нет, любуясь, как морской бриз развеивает ее шелковистые волосы, он ощутил совершенно незнакомое ему чувство.

Темнеющее небо вдруг прочертило какое-то тело. Оно пронеслось совсем низко над головой Дженифера. «Чайка? — мелькнуло у Дэвида. — Нет. Гораздо крупнее».

— Дженифер! — крикнул Дэвид, ослепенно глядя на летящее существо, освещенное вынырнувшим из туч солнцем.

«Господи, — подумал он, — не может быть!»

Существо имело кожистые крылья добрых двух с половиной метров в размахе, чешуйчатое тело рептилии и заостренную, словно ножницы, голову. Оно в точности походило на птерозавра. «Но этого же не может быть, — лихорадочно думал Дэвид, — птерозавры вымерли миллионы лет назад. Куда они попали — в Затерянный мир?!»

— Пойдем скорее,— произнес Дэвид, удивляясь собственному спокойствию,— поищем укрытие.

Дженифер молча повиновалась. Держась за руки, они с трудом запрыгали по камням.

Летающее существо легло на крыло, развернулось и вновь понеслось к ним.

— Дженифер, ложись! — завопил Дэвид, стягивая ее в грязь. Сам он попытался ударить птерозавра кулаком, но промахнулся. Девушка уткнулась лицом в тину.

Летающая рептилия набрала высоту и начала кружить над склоном, усеянным крупными валунами.

— Ушла,— сказал Дэвид, помогая девушке встать.

— Кто это был? — спросила Дженифер. Ее округлившиеся глаза странно белели на вымазанной бурой тиной физиономии. Девушка ступала с трудом, при каждом шаге ее покачивало.

Дэвид, не отрываясь, следил за кружившим существом.

— Птеро-что-то. Птеродактиль, птеранодон. Одним словом, птерозавр,— бормотал он. Уф, кажется, дьявольское отродье утратило к ним интерес.— Кто бы он ни был, этого не мо...

Переведя взгляд на вершушку откоса, он увидел там человека, державшего какую-то коробку. Летающее создание спланировало к человеку, и тот схватил его за ноги. Крылья опали, существо замерло.

Сознание Дэвида вернулось к действительности.

— Да это же модель!

— Что? — спросила Дженифер, тоже заметив человека. Тот начал ловко спускаться вниз.

— Мужчина управляет ею по радио! Пошли, Дженифер, надо поговорить с этим малым.

Взявшись за вымазанные грязью руки, они заторопились навстречу. Мужчина уже ждал их на берегу, стоя на камне. На нем был плащ из темного водонепроницаемого материала, в одной руке он держал свернутого птерозавра, в другой — коробку управления.

— Приветствую вас,— сказал мужчина, окидывая их внимательным взглядом. Лицо его при этом оставалось абсолютно холодным.— Мне очень жаль, что мы с Терри доставили вам несколько неприятных минут. Забавная игрушка, не правда ли? — его английский акцент почти

стерся за годы жизни среди янки, но эксцентричность поведения и полное пренебрежение условностями были налицо. «Малый прямоком вышел из телесерии «Мстители»,— мелькнуло у Дэвида. Мужчина постучал пальцем по пластмассовой голове модели.— Подумать только, было время, когда эти красавцы стаями кружили в небе.

— Доктор Хьюм, если не ошибаюсь? — церемонно осведомилась Дженифер, смахивая грязь, успевшую коркой застыть на ее лице.

— Ага, я вижу, вы успели ознакомиться с моим почтовым ящиком. Какая прелесть,— он ласково потрепал свое создание.— Вы слышали, что специалисты по аэронавтике утверждают, будто птерозавры не могли летать? Однако, как видите, они летают, и довольно успешно. Правда, я еще не смог решить проблему взлета и посадки. Но можно предположить, что они срывались вниз с насестов подобно летучим мышам.— Он с надеждой взглянул на молодых людей.— Один из вас случайно не палеонтолог? Я молил бога, чтобы он послал мне палеонтолога.

— Нет, простите,— сказал Дэвид.

— Значит, вы намеренно нарушили границу? — спросил мужчина, не скрывая разочарования.— Я имею в виду... вы находитесь в моем владении, а я вас не приглашал.

— Вы ведь Стивен Фолкен, правда?! — восторженно произнесла Дженифер. Дэвид тоже ощущал прилив радости. Поэтому он особенно растерялся, когда мужчина, нахмурившись, круто развернулся и пошел прочь.

— Здесь начинается тропинка, по которой вы доберетесь до ограды,— без тени любезности в голосе произнес он, останавливаясь и указывая пальцем на выложенную камнями дорожку.— Пройдя вдоль ограды, увидите ворота. Рядом с ними калитка. Открыв ее, вы покинете владение. И проследите, пожалуйста, чтобы замок защелкнулся за вами. Если вы поторопитесь, то еще успеете на паром, отходящий в шесть тридцать.

— Профессор Фолкен,— сказал Дэвид, приближаясь к нему.— Мне очень нужна ваша помощь!

— Стивен Фолкен ничем не может помочь вам, старина. Стивен Фолкен мертв, как пень, и не намерен

появляться в простыне, гремя костями, под рождество.

— Профессор, — взмолился Дэвид. — Я пришел из-за Джошуа.

Мужчина замер. Потом резко повернулся; ребята уловили в его взгляде удивление.

— Вы имеете в виду победителя в битве при Иерихоне?

— Нет, сэр, — ответил Дэвид, подходя вплотную. — Не его. И не вашего погибшего сына. Я говорю о компьютере.

— Ага, — глубокомысленно протянул собеседник. — Силы небесные, в каком вы виде! У меня дома случайно есть две ванны, махровые простыни и чистая одежда как раз вашего размера. Да и перекусить не мешает, ммм? Полагаю, да, — кивнул он им, приглашая следовать за собой. — После этого вы сообразите мне поведать, каким образом двое детей пронюхали о сверхсекретной программе.

Дженифер улыбнулась, Дэвид с облегчением вздохнул, и оба радостно зашагали к дому профессора Стивена Фолкена.

Оператор радарной установки Адлер бросил две таблетки «алка-зельцер» в стакан с водой, поставленный на специальном выносе сбоку от консоли. Его пищевод снедала изжога. Предвкушая облегчение, он поднес стакан к губам, уже чувствуя вкус пузырящейся жидкости, когда в Хрустальном дворце завывала сирена. Желудок Адлера разом охватило пламя. Поставив стакан на место, он рывком придвинулся к экрану.

— Взгляни, что творится, Адлер, — прошептал один из его помощников, Джонс.

На радарном экране через Аляску двигались две светлые точки.

— Проверь исправность, — приказал Адлер.

— Уже сделано, — ответил Джонс. — Достоверность около единицы. Это по-настоящему.

Адлер загнал в себя страх и нажал на панели внутренней связи кнопку вызова командного мостика.

— Принят сигнал тревоги. Радары показывают два

неопознанных — повторяю, неопознанных — объекта в пределах Аляскинской зоны.

Генерал Берринджер на командном мостике прямо-таки ощутил выброс адреналина в кровь.

— Запросите визуальное подтверждение, — повернулся он к полковнику Конли. — Вышлите перехватчики, пусть посмотрят.

— Переведите на СТОГ 2, — приказал генерал Берринджер, — свяжите меня с командиром звена перехватчиков. Я хочу сам с ним поговорить!

Мгновение спустя «тройку» на табло сменила «двойка». Установить прямую связь с перехватчиками сразу не удалось. На экране появились две новые точки, двинувшиеся навстречу двум первым.

Командир звена Билл Джонсон наблюдал из кабины, как сквозь разрывы облаков впереди голубеет небо. Он слегка постучал пальцем по экрану локатора. Картинка не изменилась.

— Хрустальный дворец, — сказал он в ларингофон, — докладывает Дельта-фокстрот-два-семь. У меня отрицательный радарный контакт. Повторяю — отрицательный. Советской машины не обнаружил.

В уши ворвался громкий голос, пришлось даже прикрыть громкость:

— Два-семь, говорит Стальной Шлем. Они прямо перед вами. Вы немного выше их!

Билл Джонсон покачал головой и снова взглянул на экран. Эти парни там, в подземелье, должно быть, рехнулись. Вздохнув, он повторил:

— Стальной Шлем, у нас совершенно пусто. Кусок синего неба.

Лицо генерала Берринджера побагровело.

— Дьявольщина! Вот же они, ползут у нас на экранах. Что они — невидимки? Должно быть...

Генерал осекся. Две неизвестные точки на большом центральном экране повернули на запад и... исчезли.

— Что происходит? Уму непостижимо! — просипел генерал.

А Джошуа продолжал уточнять свой план идеальной мировой войны.

Джошуа был запрограммирован только на выигрыш. Теперь у него появился шанс.

Наконец-то.

Дом профессора Стивена Фолкена как бы прилепился к склону; он состоял из двух модернистских кубов со стеклянными стенами. Обогревала его солнечная батарея, сконструированная самим хозяином.

Интерьер явно был делом рук профессионального дизайнера, все сверкало чистотой.

Фолкен болтал о всяких пустяках. Он не желал беседовать о Джошуа, пока гости не вымылись, не переоделись и не отведали бифштекса и пирога с паштетом.

— Ну вот, теперь я вас слушаю, — наконец сказал он. — Расскажите, как вы напали на Джошуа. — Он поднял красиво очерченную бровь. — Насколько я догадываюсь, один из вас — программист. Правильно?

Дженифер поправила не по размеру широкую юбку из красной фланели и светским кивком указала на Дэвида:

— Это он.

— Ага. Смеею также предположить, мистер Лайтмен, что вы принадлежите к когорте энтузиастов компьютера, в просторечии именуемых «жуликами», коих развелось без счета в этой волшебной стране частной инициативы. Вы всюду суετε свой нос, в том числе и куда не следует.

— Они думают, что он шпион! — сказала Дженифер, окидывая Дэвида взглядом, в котором смешивались удивление и гордость.

— Я искал вход в «Протовижн», а соединился с Джошуа.

— Вот как! Я слышал, что если посадить за пишущие машинки стаю обезьян, то, работая всю жизнь без передышки, они в конечном итоге могут написать полное собрание сочинений Шекспира. Однако мне с трудом верится, что юноша мог чисто случайно найти ключ от черного хода моей программы.

— Я помогла ему, — добавила Дженифер, желая снять с него часть вины. — То есть я...

— Давайте все-таки по порядку. Мистер Лайтмен сейчас допьет свой кофе и начнет сначала.

Дэвид сжато передал последовательный ход событий. Слушая его, Фолкен аккуратно набивал крупно нарезанным табаком вересковую трубку. Они сидели в огромной гостиной с камином, в котором сейчас потрескивал огонь; у окна стояли стол для пинг-понга и карточный столик, стены были заставлены полками с книгами, в углу — телевизор.

По ходу рассказа Фолкен по-шерлокхолмсовски попыхивал трубкой, поудобнее устраивался на подушках, покачивал головой или просто глядел в пространство, словно уносясь мыслями за тысячи миль отсюда.

— Они не стали слушать меня! — закончил Дэвид, позабыв про кофе. — А когда я обнаружил, что вы живы, они не дали мне поговорить с Маккитриком. Поэтому ничего не оставалось, как обратиться к вам, мистер Фолкен. Только вы можете убедить их в том, что нам никто не грозит, что Джошуа способен развязать мировую войну и что все это я сделал не нарочно!

— Понятно. Наверно, у вас слюнки потекли при виде у меня на экране заманчивого блюда под названием «Термоядерная война», да?

— Вы, очевидно, не уловили. Он, то есть мы думали, что это игра, — поспешила Дженифер в защиту Дэвида.

— Конечно, конечно. Я все уловил, — в глазах у Фолкена заплескались смешинки. — Мне, признаться, понравилось, как вы обошлись с Лас-Вегасом, дорогая. Дивный библейский конец для этого нечестивого места.

— Разве вы не собираетесь позвонить им и объяснить, что творит Джошуа? — нетерпеливо спросил Дэвид.

— Он творит то, для чего предназначен.

Стивен Фолкен оторвал хрупкое тело от дивана, подошел к полкам и рассеянно провел пальцами по корешкам пухлых томов.

— Дети мои, здесь собрана коллекция книг, посвященных излюбленной игре человечества — войне. Люди предаются ей, как вам известно, с незапамятных времен... До

начала нынешнего века мы могли позволить себе играть в солдатики, не рискуя погасить очаг цивилизации. Но затем, к великому сожалению, появилась ядерная энергия. И как же мы воспользовались ею? Первым делом наготовили бомб и создали причудливую технологию для доставки этих бомб на цель за тысячи миль от дома. Компьютер, дорогие мои, в определенном смысле — дитя войны, а, как сказал Вордсворт, ребенок делает человека отцом.

— Ммм? — произнесла Дженифер.

— Да, я отец Джошуа, — продолжал Фолкен. — У меня возникла слепая страсть, разгоревшаяся из увлечения математикой. Я надеялся подчинить строгой логике человеческие деяния.

— Все, что вам надо сейчас сделать, — сказал Дэвид, — это снять трубку и позвонить им.

Фолкен заложил руки в карманы и беспомощно улыбнулся:

— Я расскажу вам, дети, одну историю. Было время, когда на Земле обитали удивительные существа...

Он подошел к шкафику, выбрал видеокассету и вставил ее в аппарат «Сони». На экране, сменяя друг друга, замелькали классические реконструкции и карикатуры динозавров. Какое-то время Фолкен смотрел на них, повернувшись спиной к гостям.

— Они бегали, плавали, летали, сражались... и вдруг исчезли. Разом. Это произошло сравнительно недавно. Природа, увидев свою ошибку, избавилась от них и начала все по-новой. Мы даже не были еще тогда обезьянами, а лишь мелкими грызунами и прятались в скалах. Когда мы исчезнем, природа начнет новую попытку, на сей раз, возможно, с пчелами. — Он вернулся к дивану и взял трубку. — Понимаешь, Дэвид, природа знает, когда следует остановиться.

— Вы сказали «остановиться»? — спросил Дэвид. — Но почему?

— Забавно, — протянул Фолкен. — Идея заключалась в том, чтобы случайно не уничтожить самих себя. Я хотел, чтобы машины учились на ошибках, которые мы не можем позволить себе совершить. Но мне не удалось заставить Джошуа усвоить главный урок.

— Какой же? — спросил Дэвид.

Фолкен посмотрел в глаза юноше.

— Когда следует остановиться... Вам приходилось играть в крестики-нолики, Дженифер?

— Конечно — ответила Дженифер. — Как и всем в детстве.

— Но вы перестали играть. Почему?

— Не знаю, скучно стало... Все время выходит ничья.

— Если ваш соперник не совершит глупой ошибки, выиграть невозможно, — сказал Фолкен, раскуривая трубку. — Джошуа был без ума от игр, но этого урока он усвоить не мог. — Фолкен вздохнул. — Теперь все машины попали под начало к тупоумному Маккиттрику. Видите ли, мы склонны идеализировать собственную технологию. Именно это и произошло с Маккиттриком.

— А если вы так считали, — сказал Дэвид, — почему вы ушли с работы?

Фолкен в раздумье попыхивал трубкой:

— Вначале я лелеял надежду, что мы обрели стабильность в идее взаимно гарантированного уничтожения. Обе стороны знали, что в войне не будет ни победы, ни победителя. А следовательно, отпадает надобность в войне. Но по мере возрастания точности попадания ракет возникла идея «хирургических ударов» — с приемлемым числом жертв среди гражданского населения, что-нибудь около десяти миллионов. — Его голос сделался жалющим. — У наших стратегов появилась иллюзия, что при определенных обстоятельствах можно одержать победу... Ракетно-ядерная война стала теоретически возможной, затем вероятной и, наконец, — осуществимой. Времени на раздумья отводилось мало, и я решил покинуть волшебную гору. По соображениям безопасности они великодушно даровали мне смерть, и я согласился.

Фолкен обратил взор на телеэкран. Причудливое создание шествовало по доисторическому лесу.

— Известно ли вам, что ни одно существо весом свыше двадцати кило, обитавшее на Земле в ту эпоху, не смогло выжить?

— Нет, — сказал Дэвид, — и меня это совершенно не волнует. Позвоните им!

Фолкен не отреагировал.

— Мы не знаем в точности, что произошло. Возможно, с Землей столкнулся крупный астероид или ее облучила вспышка радиации при взрыве суперновой звезды. В любом случае жившие тогда существа были бессильны что-либо предпринять. Вымирание видов представляется частью естественного хода вещей.

— Ерунда! — сказал Дэвид, вставая. — Если мы вымерем, то не в силу естественного хода вещей, а по глупости!

— Не о чем беспокоиться, — лицо Фолкена озарилось. — Я все спланировал заранее. Этот дом стоит всего в трех милях от вероятной цели атаки. Ослепительная вспышка, не больше миллисекунды — и мы испаримся. Завидная судьба в сравнении с миллионами несчастных, которым доведется переживать последствия катастрофы.

— Значит, вы отказываетесь позвонить?

— Если бы подлинный Джошуа не погиб, — сказала Дженифер, — вы бы позвонили.

— Можно выиграть несколько лет, — медленно произнес Фолкен, — достаточно времени, чтобы у вас появился собственный сын. Но военные игры, разработку планов самоубийства человечества... — Фолкен грустно улыбнулся. — Этого я остановить не в силах.

Дэвид подошел к видеомagneтoфону и выключил его.

— Мы не динозавры, профессор Фолкен. У нас есть свобода выбора. Ладно, я признаю, что вел себя как болван — настоящий болван, добираясь до вашей программы и затеяв с ней игру. Поверьте, это был тяжелый урок. Но я не опустил руки. Я не остался сидеть там, в толще горы, где меня никто не хотел слушать. Вы, наверно, думаете, что вы лучше Маккитрика? Хочу вам сказать, профессор Фолкен, я тоже мучился сознанием собственной никчемности... Поэтому я так набросился на компьютеры, надеясь обрести в них смысл жизни, цель... власть. Я ошибся... Ужасно ошибся, и теперь понимаю это. Но, черт побери, я пытаюсь что-то сделать, а не просто сижу с сознанием собственного превосходства, глядя в потолок!

Фолкен положил трубку в пепельницу и взглянул на часы.

— Вы опоздали на паром, — без всякого выражения сказал он.

— Нет, это невероятно! — воскликнул Дэвид. — Знаете что? Я думаю, смерть ничего не значит для вас потому, что вы уже умерли. Неужели на свете для вас не осталось ничего дорогого?

Фолкен встал и двинулся к выходу.

— Вы можете переночевать в гостиной, если хотите.

— Я вас считал героем, — выпалил Дэвид ему вслед, дрожа от волнения. — Но теперь вижу, что вы такой же, как все! Такой же зацикленный, ничего не желающий знать, кроме себя самого. Послушайте...

Фолкен остановился в дверях, не оборачиваясь.

— Мы ведь не компьютеры, Фолкен! — с силой произнес Дэвид. — Мы люди.

Фолкен вышел из гостиной, и Дэвид Лайтмен вдруг ощутил отчаяние — такое, какого не испытывал еще никогда в жизни.

Табло показывало СТОГ-2. Личный состав Хрустального дворца лихорадочно регистрировал поток стратегической информации, а генерал Берринджер сообщал по телефону в Белый дом о развитии событий.

— Я знаю, что вы говорили с Москвой, господин президент... Они категорически отрицают?... Не могу понять... Да, сэр, будем незамедлительно информировать вас.

Он положил трубку и залпом выпил полбутылки минеральной воды. У генерала Джека Берринджера крепло предчувствие, что наступает неизбежное. Ядерный конфликт станет венцом его военной карьеры. И в глубине души он возблагодарил господ за то, что именно на его долю выпала честь защищать Американский Образ Жизни.

Резкий ветер хлестал невидимые во тьме деревья, шелест листьев заглушал шаги Дэвида Лайтмена и Дженифер Мак.

— Давай помедленней, — попросила она. — Может, зря

мы так? Надо было подождать до утра. У Фолкена по крайней мере тепло.

Луна выглянула из-за туч, посеребрив дорожку, петлявшую между деревьев к морю. Где-то ухнул филин.

— А утром проснуться обугленными трупами? — сказал Дэвид. — Нет, это не для меня. Я буду драться. Я еще могу попытаться что-то сделать.

— Я устала, Дэвид. Что, если Фолкен прав и все это бесполезно...

В лесу вкусно пахло сосновыми иглами, он был полон жизни, которой Дэвиду не довелось еще вкусить. То же самое должны были ощущать и миллионы других людей на свете, каждый по-своему. Юноше показалось, что все они смотрят на него.

— Пошли, — сказал он. — Поищем лодку. — Он сощурился, глядя вперед. — Не может на берегу не быть какой-нибудь посудыны.

Порыв ветра донес до них грохот волн, разбивавшихся о камни. Был прилив, пенистые буруны вспухали в лунном свете. Дэвид поежился от холода.

Несколько минут спустя они вышли к берегу. Он был совершенно пуст.

— Что за идиотизм — жить на острове и не иметь лодки! — заорал он небесам. Звезды в разрывах туч равнодушно мигнули ему в ответ.

Дженифер посмотрела на воду:

— Можем попробовать вплавь. Сколько здесь до материка?

— Мили две-три, не меньше.

В глазах девушки отразились лунные блики.

— Ну что, давай? Вперед! — Она сбросила кеды и шагнула к воде.

Дэвид схватил ее за свитер.

— Гм, Дженифер... я... — она с недоумением глядела на него. — Я не умею плавать.

— Не умеешь плавать? Сумасшедший — жить в Сиэтле и не научиться плавать!

— Как-то не пришлось... Я всегда думал — успею, океан рядом.

Он с горечью опустил голову. В книгах все по-другому!

А здесь неудача за неудачей. *Может, зря я так стараюсь? Может, это и есть расплата за мою ошибку?*

Ночь, волны и ветер шептали в ответ что-то невразумительное.

Он почувствовал прикосновение к своему плечу.

— Извини, — тихо сказала Дженифер.

— Слушай, но ты-то знаешь, что это была игра... Я не хотел никому причинять зла, — жалобно сказал он и, опустившись на камень, закрыл лицо ладонями.

Дженифер села рядом.

— Я знаю, Дэвид... Помнишь, как ты спас Германа, когда все остальные сидели и смотрели?

— Да, спас хомяка и уничтожил планету!

— Зачем же так... Не ты сделал эту машину, а Фолкен. Не ты сделал этот мир таким, как он есть... Что ты имел в виду, говоря, что программа заиклилась? Я не понял.

Дэвид поглядел на материк, слабо маячивший на противоположном берегу.

— О'кей. Компьютерная программа — это... это как рецепт. Только записанный математическими символами. Представь, что машина — это робот, который умеет готовить... Он будет строго выполнять то, что ему прикажут. Ты расписываешь ему, в каком порядке действовать — разбить яйца, добавить молока и муки, смешать. Теперь представь, что какое-то действие надо повторить — программа прикажет роботу вернуться, скажем, к действию номер восемь. Но если дальше у робота нет другой команды, он будет снова и снова повторять последнее приказание — разбивать яйца, добавлять молоко и муку, смешивать... и так до бесконечности. Робот сам никогда не подойдет к духовке и не станет печь пирог... Другой пример мне сейчас просто не приходит в голову. Вообрази несчастного робота, который без остановки мечется по кухне, разбивая, добавляя и смешивая. Это называется «петлей». Робот заиклился.

— Ты сказал про Фолкена... он такой же, как все. Зацикленный робот.

— Да, он как Джошуа. Компьютер выполняет команды внутри одного бесконечного цикла. Джошуа не знает, что

влечет за собой война и какая роль ему отведена в ней. Зато я знаю,— мрачно закончил он.

Оба помолчали, понурясь.

— Мне так хотелось бы ничего не знать об этом,— сказал наконец Дэвид.— Хотелось бы жить, как все. Но завтра желать уже будет... нечего.— Он тяжело вздохнул.— Завтра уже не надо будет чувствовать ни вины, ни стыда, ничего.— Он посмотрел на пролив, отделявший их от материка.— Господи, что бы я отдал за то, чтобы уметь плавать!

Дженифер привалилась к его плечу.

— А меня на этой неделе должны были показывать по телеку.

— Шутишь?

— Правда. О, ничего особенного — класс аэробики в дневной передаче. Я и еще несколько девочек. Жаль... Хотя кто бы стал смотреть в это время

— Я бы стал,— убежденно сказал Дэвид.

Она улыбнулась, и Дэвид заглянул ей в глаза, увидел там отражение луны и подумал, что до сих пор не видел в своей жизни ничего более прекрасного. Он почувствовал совершенную растерянность перед такой красотой.

— Не хочу умирать,— услышал он собственные слова и ощутил на своих губах ее губы. Волну такой пронзительной силы он не ощущал ни разу за всю свою жизнь.

Когда они на секунду всплыли, чтобы глотнуть воздуха, Дэвид прошептал:

— Я еще никогда не целовался — до этого дня, Дженифер.

Она ответила улыбкой, вновь потянувшись к нему. И сразу море и звезды ушли, а ее губы, ее волосы, ее запах заполнили Вселенную.

Эта Вселенная ничего не ведала о компьютерах, программах, ракетах, бомбах... а состояла из одного чуда под названием Жизнь.

Кто-то опять включил звезды. Вновь заплескалось море.

Дэвид легко, словно на крыльях, перелетал с камня на камень вдоль линии прибоя. Лицо его горело. Казалось, он все еще ощущает Дженифер всем своим естеством.

— Ну должна же здесь быть какая-нибудь посудина!

— Да, кругом вода! — согласилась Дженифер.

Дэвид оступился, подняв тучу брызг.

— Эй! — закричал он вне себя от счастья.— Сюда! Кажется, лодка!

Из-за камня выглядывал нос скифа. Подойдя вплотную, они увидели, что лодка привязана к вбитому в берег столбу.

Дэвид принялся отвязывать конец, Дженифер как могла помогала ему. Оба были так поглощены работой, что не обратили внимание на свистящее тараканье вертолета вдали.

— Дэвид, здесь полно воды!

— Черт, надеюсь, она затекла через борт, и в днище нет дырки.

Он стал рыскать вокруг. На берегу валялся всякий мусор. Найдется хотя бы одно весло или, на худой конец, приличная доска, чтобы догresti до материка? Перебирая обрывки сетей, куски канатов и сломанные планки, он уловил звук: чоп-чоп-чоп.

— Что это? — бросил он, не отрывая взгляда от земли.

— Где? — спросила Дженифер.— Я ничего не слышу, сильный ветер.

— Неважно. Вот, держи. Попробуем работать этим. Помоги мне столкнуть посудину...

Звук обрушился на них, вынырнув из-за верхушек деревьев. С неба по земле шарил столб света. Оба застыли от неожиданности, ослепленные мощным прожектором. Вертолет завис над ними, гремя роторами.

— Бежим! — крикнул Дэвид, схватив Дженифер за руку и увлекая за собой. Они ринулись в темноту, спотыкаясь и наталкиваясь на камни.

Вертолет двинулся за ними, как исполинское ночное насекомое. Дэвид провалился в рыхлый песок и упал, потянув Дженифер. Машина снизилась, подняв вокруг настоящий туман.

— Негодяй выдал нас! — закричал Дэвид со слезами отчаяния в голосе.

Вертолет грозно рокотал над головой.

Что делать? Дэвид ударил кулаком по песку. Положение было безвыходным.

Вертолет отодвинулся немного дальше и мягко сел, подняв напоследок целую тучу.

— Кстати,— раздался голос из открывшейся двери. Лампочка в кабинете осветила лицо профессора Фолкена,— вас по-прежнему интересует экзотическая игра под названием «Жизнь или смерть»? Сейчас наш ход.

Дэвид взглянул на Дженифер:

— Он все-таки позвонил!

Дженифер издала радостный вопль и помчалась к вертолету. Фолкен помог им влезть.

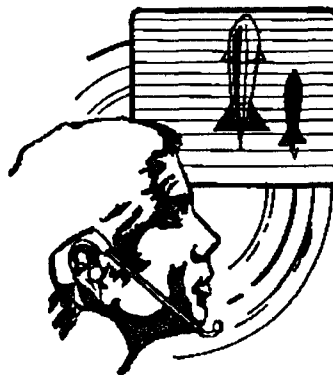
— Захотелось полетать немного, прежде чем отлететь в мир иной,— улыбнулся Фолкен.

— Что они сказали? — прокричал Дэвид, пытаясь прорваться сквозь гул роторов. Вертолет плавно оторвался от земли.

— О, они весьма удивились, услышав мой голос. Обрадовались, что могут получить вас назад. Но, судя по всему, они ужасно заняты другими вещами. Я пытался растолковать им, что происходит, но эти милые люди мне не поверили. Включая Маккитрика. Поэтому, боюсь, нам придется нанести им визит.

— О'кей! — согласился Дэвид. Как за последнюю надежду он держался за руку Дженифер. Впереди на востоке в окнах домов уютно мигали огоньки.

10

Хрустальный дворец, врытый в толщу горы Шейен, огласили звуки клаксона.

— Спутник засек вспышку запуска ракеты,— раздался механический голос в громкоговорителе.— Повторяю: произведен запуск ракеты.

На центральной карте под потолком засветилась точка, откуда вылетела ракета. Мгновение спустя точки испещрили почти всю карту.

— ОПРУ подтверждает массированную атаку,— объявил голос.

Его перебил другой:

— Предупреждение об атаке! Система функционирует исправно.

Послышался третий голос:

— Достоверность высока, повторяю — степень достоверности высокая!

Джон Маккитрик стоял на командном мостике, чувствуя полную беспомощность перед лицом разворачивающихся событий.

Вне зависимости от времени суток, в Хрустальном дворце всегда горел один и тот же неяркий свет. Значительную часть ночи Маккитрик и Берринджер проверяли работу машин. Где-то в глубине души усталость и отчаяние постепенно перерождались в страх.

Генерал Берринджер, несмотря на бессонницу, был в возбуждении. Он, прищурясь, смотрел на карту, чувствуя себя капитаном корабля в виду вражеского берега.

— Генерал, ДСП сообщает о запуске трехсот МБР.

Берринджер адресовал Маккитрику взгляд, в котором был заряд в несколько мегатонн.

— Ну, скажите мне, что это ваша очередная имитация! — рявкнул он.

Маккитрик устало покачал головой.

— Я сам бы хотел это знать, Джек... Но все вышло из-под контроля.

Берринджер обратился к полковнику Конли, сидевшему за пультом:

— Поднимайте бомбардировщики и приведите в готовность подводные лодки. СТОГ-1. Немедленно!

Маккитрик смотрел, как на табло пропала двойка и появилась единица. Мыслями он был далеко. В этот момент его сыновья-старшеклассники, Рэнди и Аллен, торопливо одевались, чтобы не опоздать на школьный автобус, а Элинор на кухне разогревала овсянку или жарила омлет.

Нет, надо встряхнуться. Его зовет профессиональный долг. Нельзя отдаваться во власть страха и беспомощности. Из головы почему-то не выходило одно воспоминание: он сидит в гостиной с сыновьями и смотрит телевизор. Ничего особенного в тот день не произошло, но ему запомнилось ощущение спокойствия, умиротворения, счастья. Редкая минута в его постоянном стремлении утвердить себя. Да, недовольство своим местом в жизни толкнуло его на то, чтобы с помощью машин построить мир, в котором он будет главным. Главным чародеем и повелителем.

И вот теперь летевшие в небе невидимые ракеты, за которыми они следили из-под земли, должны были уничтожить его мечты, ликвидировать ту самую малую толику удовлетворения от достигнутых свершений; начавшаяся цепная реакция обмена термоядерными ударами унесет с собой всех и вся.

Джон Маккитрик попытался справиться с судорожным дыханием. «Долг,— подумал он.— Я обязан выполнить свой долг».

Он подошел к терминалу ОПРУ. За пультом сидел сейчас майор Лем. Его лысую голову покрывали капельки пота, маленькие руки были сжаты в кулаки.

— Ну что там у нас, майор? — хрипло спросил Берринджер.

— Одну минуту, сэр. Я уже сделал запрос, — ответил Лем, не отрываясь от экрана.

Курсор оставил хвост белых букв на зеленоватом поле дисплея:

УДАР ВСЕМИ СРЕДСТВАМИ ПО СТРАТЕГИЧЕСКИМ И ПРОМЫШЛЕННЫМ ЦЕЛЯМ ПРОТИВНИКА.

— Неужели для подобной рекомендации нужна машина?! — взорвался генерал.

Маккитрик увидел, как полковник Конли повернулся к Берринджеру, скрипнув стулом.

— Сэр, президент направляется к авиабазе «Эндрюс» на летающий командный пункт. Мы должны сообщить ему о готовности к запуску ракет.

— Он говорил еще раз с русскими?

— Да. Они продолжают все отрицать.

Маккитрик внезапно ощутил сочувствие к генералу. На его плечи сейчас ложилась немислимая ответственность — та самая, к которой он стремился годами, поднимаясь по ступеням чинов и должностей. Этот момент настал. И, глядя на его лицо, было совершенно ясно, что генерал Джек Берринджер предпочел бы оказаться в любом другом месте, но только не здесь. Он выглядел усталым стариком.

— Готовиться к запуску, — бросил Берринджер. — Закрывать гору.

Дэвида Лайтмена уже основательно потрясло в кабине реактивного военного самолета, доставившего их из Орегона в Колорадо. Теперь его окончательно укачало в военном джипе, мчавшемся на полной скорости к горе Шейен. Он сидел на заднем сиденье с Дженифер, а Фолкен в прекрасном расположении духа ехал впереди рядом с водителем, сержантом Джимом Трэвисом.

Ветер неистово хлопал брезентовым верхом. Дорога вела через дуга к снежным пикам, мрачно высившимся впереди.

— Сказочно! — в восторге воскликнул Фолкен. — В своем островном уединении я успел забыть о величии Скалистых гор. Сколько в них красоты и гордости!

— Я из Луизианы, сэр, — сказал Трэвис. — Вы правильно говорите. Сам так чувствую. — Джим Трэвис, долговязый парень с короткой стрижкой, был в приподнятом настроении и гнал джип во весь опор — слишком быстро, по мнению Дэвида.

— Как можно любоваться пейзажем в такой момент! — сказала Дженифер, сверля взглядом спину Трэвиса.

— Педаль газа утоплена до упора, мэм,— по-южному растягивая слова, отозвался Трэвис,— быстрее не получится.

— Слава богу, хоть хорошая погода,— пробормотал Дэвид.

— О да,— отозвался Фолкен.— В таком чистом небе особенно отчетливо видны летающие объекты.

Остроты сыпались из Фолкена, как из рога изобилия.

— Дорогой мой мальчик,— объяснил он Дэвиду,— это просто проявление безумной паники.— Однако даже это было сказано с улыбкой.

— Вон! — крикнула Дженифер, указывая на комплекс зданий с автостоянкой.— Мы у цели!

Дэвид заглянул через плечо Фолкена. Навстречу им ехал грузовик с надписью «Военно-воздушные силы США». При виде джипа он остановился, из кабины выпрыгнул усатый военный в летной форме и, бешено размахивая руками, кинулся к ним.

— Назад! Назад! Всем приказано скрыться в убежище номер четыре! — закричал он.— Ракетная тревога!

— Я обязан доставить этих людей на командный пункт ОПРУ,— сказал Трэвис.

— Пустое, сержант,— покачал головой летчик.— На главной дороге выставлено заграждение. Они закрывают гору.

Дэвид забыл про то, что его укачало. Трэвис вопросительно посмотрел на пассажиров.

— Похоже, дело действительно зашло далеко,— сказал Фолкен, впервые за все время с тревогой в голосе.

— Неужели...— голос Дженифер сорвался.— Вы думаете они начинают войну?

— А нельзя объехать заграждение? — с отчаянием спросил Дэвид.

— Попробуем! — залихватски отозвался Трэвис, азартно поворачивая ключ.— Сабли наголо... аллюром... марш!

Подняв хвост пыли, джип рванулся с места в карьер. Стивен Фолкен защелкнул ремень безопасности и ухватился за ручку на передней панели. Его лицо побелело.

Дженифер вцепилась в Дэвида. Тот уперся коленями в спинку переднего сиденья, обхватив девушку обеими руками.

— Йехууу! — завопил Трэвис, двигая рычагом переключения скоростей.— Эта лошадка помчит, только отпусти вожжи!

Джип скакал по лугу, поднимая траву и одуванчики. От тряски Дэвид был не в силах определить, что перед ним — море зелени или голубой простор неба. Все смешалось.

Вдруг машина резко задрала нос.

— Мы что — взлетаем? — спросила Дженифер с закрытыми глазами.

— Еще нет! — ответил Дэвид.— Но похоже...

На лице Трэвиса застыла вымученная улыбка. Мотор надсадно гудел. Дэвид попытался взглянуть сквозь ветровое стекло. Впереди был перевал.

— Трэвис! Трэвис, притормозите! — закричал Фолкен.

— Держитесь крепче! — отозвался безумный сержант.

Дэвид услышал чей-то вопль и с удивлением сообразил, что это вопит он сам.

В Хрустальном дворце лейтенант Рик Холдемман положил телефонную трубку и повернулся к своему помощнику, сержанту Эду Родригесу.

— Приказано приступать,— мрачно сказал он.

— Господи Иисусе,— отозвался сержант,— надеюсь, это только мера предосторожности.— Он протянул лейтенанту карту проверок, а сам пробежал взглядом по мониторам. На каждом экране была видна часть запретной зоны и пути подъезда.

— Не знаю, что это, но генерал приказал закрыть гору. Выполняйте, сэр.

— Слушаюсь,— руки Родригеса легли на пульт.

— Включить внутренние силовые установки.

Пальцы сержанта нажали нужные кнопки. Он посмотрел на шкалу.

— Генераторы действуют.

— Отключить внешние источники питания.

Еще несколько щелчков. Проверка показаний приборов.

— Внешние отключены.

— Закрывать вентиляционные шахты.

— Вентиляционные шахты закрыты, — доложил Родригес. Краем глаза он опять скользнул по мониторам. На главной дороге какое-то движение. Облако пыли со стороны перевала. Боже, это джип! Он передал сигнал тревоги на КПП.

— Сэр, кто-то пытается въехать в зону.

Лейтенант даже не поглядел на экран.

— Действуйте по инструкции, сержант. — Вы что — не были на учениях?

— Слушаюсь, сэр, — отозвался Родригес, продолжая нажимать на кнопки и щелкать тумблерами по мере поступления приказов лейтенанта.

Джип клюнул носом, чуть не выбросив Дэвида и Дженифер через спинку сиденья на колени Стивену Фолкену, и заюлил на спуске. Трэвис с трудом удержал машину.

— Йехууу! — снова издал он воинственный клич. — Заграждение объехали! Остались только ворота!

Дэвид осторожно высунул голову. Впереди маячили внушительные ворота. Они были закрыты.

Лайтмен считал, что Трэвис затормозит, но тот, наоборот, прибавил скорости.

— Держитесь крепче! — скомандовал сержант.

Ворота приближались — две массивные рамы с металлической сеткой внутри. Раздался удар, скрежет покоренного металла.

— Прорвались! — заорал Трэвис. Но не успел он закрыть рот, как машину резко занесло. Все закружилось в голове Дэвида. Когда он обрел способность замечать, джип лежал на боку, а Дженифер распласталась на нем. Брезентовый верх был порван в клочья, и Трэвис и Фолкен барахтались в них, пытаясь подняться. Дэвид выполз наружу и помог Дженифер встать на ноги. Все вокруг еще покачивалось, но пассажиры, похоже, были живы.

— Цела? — спросил он.

— Вроде, — ответила она.

— А как вы? — он повернулся к Трэвису и Фолкену.

— Герои отделались испугом, — крикнул Трэвис, потирая ушибленный бок.

— Насколько помнится, вход в пещеру здесь, — деловито сказал Фолкен, указывая на туннель, — давайте поспешим, пока эти идиоты не замкнулись изнутри!

Они бросились к туннелю.

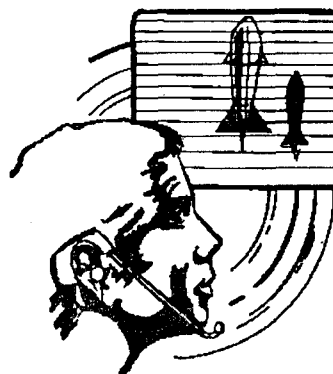
— Скорей! — крикнула Дженифер, опередившая остальных. — Там большая дверь... Она начинает закрываться!

Стивен Фолкен хотел было отпустить какое-то едкое замечание, но потом решил приберечь энергию для бега. Их шаги гулко застучали при входе в подземелье. Дэвид явственно увидел то, о чем говорила Дженифер: толстенная дверь в середине туннеля медленно поворачивалась.

— У нас тридцать секунд! — прокричал сержант Трэвис.

Дэвид Лайтмен остро пожалел, что не занимался бегом раньше.

11

В ноябре 1979 года кто-то из операторов ОПРУ по ошибке вложил в главный компьютер не ту ленту.

Командование ОПРУ увидело на экране классическую картину атаки — не подозревая, что это была военная игра. Все выглядело настолько «натурально», что летающий командный пункт президента успел подняться в воздух, прежде чем генералы сообразили, что видят перед

собой учебную имитацию.

В июне 1980 года вышедший из строя микрочип стоимостью сорок шесть центов создал в компьютере иллюзию ракетного нападения.

После этого случая генерал Джек Берринджер принял командование ОПРУ и с помощью специалистов группы Маккитрика постарался застраховать систему от повторных ложных сигналов.

Сейчас, после тщательной проверки, сомнений уже не оставалось: Соединенные Штаты подверглись нападению.

— Все точки сообщают: предстартовая подготовка закончена, — доложил майор Лем. — Ждут кодового сигнала на запуск.

— Запретить изменения, — скомандовал Берринджер.

Лем склонился над терминалом и набрал нужную комбинацию.

Джек Берринджер отогнал от себя все чувства. Теперь только действия, ничего более. Люди вокруг него слились воедино с машинами. По экранам пробежали строчки:

НАВЕДЕНИЕ НА ЦЕЛИ ЗАКОНЧЕНО.

ИЗМЕНЕНИЯ ЗАПРЕЩЕНЫ.

Телефонный звонок профессора Стивена Фолкена, раздавшийся накануне вечером, застал на командном мостике у монитора ОПРУ Патрицию Хили; Джон Маккитрик был внизу в зале возле машин. Ввиду отсутствия начальника, Фолкена соединили с ней.

— Алло, Джон? — произнес голос с английским акцентом. — Я слышал, у вас там небольшие затруднения.

— Простите, это не доктор Маккитрик. Вы говорите с его ассистенткой Патрицией Хили, — ровным тоном ответила она. Наконец-то ей выпал случай поговорить с отступником Фолкеном. — Боюсь, доктор Маккитрик не сможет взять трубку, он занят у компьютеров.

— Ага. Я решил подать знак с того света. Немногие в курсе, что я еще копчу небо. И поскольку вы не выражаете удивления, полагаю, что вы посвящены в тайну, — продолжал голос. — Ладно, раз Джон не может подойти, попросите генерала Цеппелина, Берлицера или как там его.

— Сейчас попытаюсь, — ответила она. Ей пришлось пустить в ход весь арсенал убеждений, но в конце концов измотанный генерал взял трубку.

— Фолкен! — угрюмо буркнул он. — А я думал, вы померли... Не могу разговаривать, у нас тут запарка... Что?.. Хорошо, тащите этого маленького проныру сюда. — Долгая пауза. — Мне трудно поверить в это, сэр. Маккитрик утверждает, что это не имитация, а он возился с этими машинами побольше, чем вы. — Пауза. — Слушайте, старина, мне все равно, кто создал программу Джошуа, — вы или кто другой. Сейчас мы имеем дело с противником, так что, простите, я должен вернуться к работе.

Берринджер сунул трубку Пат, предоставив ей вести переговоры с Фолкеном.

— О боже, до чего твердолобый субъект, — вздохнул Фолкен. — Надеюсь, вы сможете помочь мне, Патриция. То, что вы видите сейчас на своих экранах, это развернутая военная игра. Джошуа всегда принимал себя за Наполеона и...

— Подождите, мне принесли распечатку... мы пропускаем все через центральный процессор, — сказала она. — Джон... я имею в виду доктор Маккитрик, по общему мнению, является лучшим в мире специалистом по оборонным компьютерам, и он не обнаружил никаких неисправностей в работе систем.

— Ну, Маккитрик всегда был самовлюбленным олухом, — заметил Фолкен. — Вижу, что звонком я не добьюсь никакого толка. Придется самому слетать к вам в Колорадо. Не затруднитесь, пожалуйста, информировать Джона о моем приезде и приготовьте для нас пропуска — я имею в виду себя и двух весьма настойчивых подростков. Будет прискорбно, если мы явимся на представление «Конец света», рассчитывая на места в директорской ложе, а окажемся без билета. Я знаю, вы умница и постараетесь исполнить все в точности. А теперь прошу простить, мне надо еще успеть попросить об услуге штаб ВВС. Надеюсь, они не откажут старому знакомому.

А сейчас Патриция Хили стояла у взрывоустойчивой двери, ожидая прибытия Фолкена. По внутреннему радио только что объявили о закрытии горы. Где же этот чертов Фолкен!

— Быстрей! — шептала она, часто дыша. — Ну быстрей же!

Разговор с Фолкеном не выходил у нее из головы в течение всей бессонной ночи. Когда она передала его содержание Маккитрику, тот лишь устало вздохнул.

— Я сам был бы рад убедиться в этом, Пат. Но ты же видишь — никаких указаний на имитацию. — Его глаза вдруг сузились. — А не может Фолкен быть в сговоре с противником? Знаешь, за несколько лет люди здорово меняются.

На этом разговор закончился. Когда Маккитрик упирался рогами, его нельзя было сдвинуть с места! Между тем он сам не раз говорил, что Фолкен придумал систему, так что если и был малейший шанс на надежду, он был связан именно с ним. Кроме того, никто не сможет убедить генерала Берринджера в возможностях Джошуа имитировать в полном объеме третью мировую войну.

Но где же они?!

У входа в напряженном ожидании застыли двое часовых. Первая дверь метровой толщины весом в двадцать пять тонн отделилась от стены.

— Пора уходить, мэм, — сказал старший караульного расчета, худощавый красивый блондин, с беспокойством оглядываясь на вторую дверь.

— У нас еще тридцать секунд, — ответила Пат Хили.

— Так точно, — подтвердил капрал. — Полно времени!

Патриция Хили с отчаянием вгляделась в туннель. Надежда, что Фолкен и компания появятся в последний момент, угасла...

И тут в подземелье гулко застучали шаги. Впереди показались четыре человеческие фигуры.

— Это те, кого вы ждете, мэм? — спросил капрал.

— Молите бога, чтобы это были они!

— Мэм, я молось уже вторые сутки подряд.

— Аминь! — откликнулся второй часовой.

Гидравлические цилиндры массивных дверей отсчитывали секунды.

Впереди бежала девушка, по-спринтерски поджав локти, за ней топал в тяжелых башмаках сержант в форме ВВС, потом этот мальчишка, Дэвид Лайтмен, а замыкал группу высокий немолодой мужчина, припадавший на одну ногу... профессор Стивен Фолкен!

— Успеют! — радостно воскликнула она.

— Точно. Даже с опережением в добрых пять секунд, — подтвердил капрал, отходя в сторону. Дженифер Мак как вихрь ворвалась в узкий проем между стеной и ползущей дверью. Остальные — за ней. Фолкен едва успел протиснуться внутрь, как тяжеленная дверь прижалась к бетонной стойке.

— На них есть пропуска... на всех! — сказала Патриция Хили.

— Теперь даже при желании мы не сможем их выгнать, — заметил часовой. — Давайте быстрее, а то закроется вторая дверь.

— Я Патриция Хили, — промолвила на бегу молодая женщина, — помощник доктора Маккитрика. А вы, как я понимаю, профессор Фолкен.

— Он самый! — крикнул Дэвид Лайтмен.

— О боже, моя «крыша» погорела, — задыхаясь, ответил Фолкен. — Хьюмористика!

В Хрустальном дворце царил безумие.

Хотя температура воздуха не повысилась, лица у операторов блестели от пота. Приглушенное урчание машин и людские голоса слились в сплошное неясное бормотание. Техники напряженно всматривались в экраны или торопливо перебегали от одной установки к другой. Атмосфера была грозовой, в зрачках плескался ужас.

Патриция Хили, отделившись от группы, заторопилась к командному мостику. Фолкен с жадным любопытством оглядел зал — автоматизированное поле боя, созданное на основе его идей.

Дэвид почувствовал, как Дженифер уцепилась за его руку.

— О боже, — сказала она, кивая на огромную карту под потолком. — Посмотри, что там!

По карте к границам Соединенных Штатов летели стаи светляков.

— ДСП сообщает: МИРВы разделились. Число предполагаемых точек поражения — около двух тысяч четырехсот.

— Кажется, мы прибыли, как говорится, в аккурат, — прошептал Фолкен.

Громкий голос вывел Дэвида Лайтмена из оцепенения.
— Стивен!

К ним спешил размашистым шагом Маккитрик. Волосы его были всклокочены, глаза блуждали.

— Стивен,— продолжал Маккитрик, подходя вплотную.— Не знаю, сумеете ли вы что-нибудь понять в этой чертовой каше...

В его воинственности было что-то беззащитное, как у ученика, вдруг представшего перед учителем.

— Джон! — слабо улыбнулся Фолкен, спрятав руки в карманы серого кардигана.— Какая приятная встреча.— Он взглянул на воротник его измятой голубой рубашки.— Я вижу, жена по-прежнему завязывает вам галстуки...

Лицо Маккитрика пошло красными пятнами. Он стрельнул глазами в сторону Дэвида Лайтмена:

— Послушайте. Не знаю, что вам рассказал этот паренек...

— Это все блеф, Джон,— прервал его Фолкен, махнув рукой на табло, словно отменяя все происходящее.

Маккитрик заморгал:

— Это не блеф, черт побери! Это все настоящее! — голос его прервался.— Президенту осталось только отдать приказ о нанесении удара, и мы советуем ему сделать это немедленно.

Стивен Фолкен покачал головой, окинул Маккитрика уничижительным взглядом и, не обращая больше внимания на своего бывшего помощника, заспешил к месту, где над залом нависал командный мостик.

— Алло! — позвал он снизу.— Есть кто живой?

Не получив ответа, Фолкен приложил ладони рупором ко рту и закричал:

— Алло, генерал Джек Берринджер! Вы можете повернуть ко мне одно ухо? Я отниму у вас две-три секунды драгоценного времени.

Театральный баритон Фолкена возымел действие. Генерал Берринджер подошел к поручням и свесился вниз.

— Фолкен! Вот уж выбрали подходящий момент для визита! — зарокотал он.

— Генерал, я говорю на полном серьезе,— Фолкен ткнул пальцем в карту.— То, что вы здесь видите,— а б-

солютная фантазия! Смоделированная компьютерами галлюцинация! Эти точки — не ракеты, а прозрачные сигналы.

Берринджер перевел взор на стоящих внизу людей.

— Джек,— обратился к нему Маккитрик.— Мы не обнаруживаем ни малейших признаков того, что в машину введена смоделированная программа.

— Да поверьте же, дьявол вас заберет! — крикнул Фолкен, теряя свой обычный юмор.— Я знаю свою программу... она поэтапно наращивает имитацию. Все правильно. Джошуа сам себе подает сигналы!

— Две минуты до взрыва! — сообщил генералу Берринджеру человек в мундире летчика, протягивая ему телефонную трубку.— Командование ВВС, сэр.

Берринджер взял трубку, но прежде чем поднести ее к уху, еще раз вперились в группу людей, стоявших под командным мостиком.

— Джек, я уже докладывал,— произнес Маккитрик.— Мы проверяли и перепроверяли все системы. Неполомки в компьютерах исключены!

— Генерал, ну подумайте сами! — Фолкен заслонил своего бывшего помощника.— В этом же нет никакого смысла!

— В чем? — недоуменно переспросил Берринджер.

— Неужели вы действительно верите,— продолжал с жаром Фолкен,— что противник ни с того ни с сего произведет массированную атаку таким числом ракет, бомбардировщиков и подлодок? Ведь там же сидят люди не глупее нас. Они прекрасно понимают, что речь идет о полном уничтожении обеих сторон... Генерал, вы слушаете машину! Сделайте миру одолжение и не превращайтесь сами в нее!

На усталом лице Берринджера отразилась мучительная борьба. Он вопросительно посмотрел на Дэвида Лайтмена, стоявшего рядом с профессором. У Дэвида подкосились колени. Он сжал руку Дженифер и умоляюще взглянул на генерала. К тому подошел помощник и тихо сказал что-то.

Берринджер отложил одну трубку и взял другую.

— Да, господин президент,— сказал он. Последовала пауза, длиннее которой Дэвид не помнил в своей жизни.—

Сэр, — генерал посмотрел на Фолкена, — в данный момент я не могу на сто процентов подтвердить это. Есть основание предполагать, что это имитация.

Дэвид с облегчением вздохнул. Дженифер прижалась лицом к его груди.

— Слушаю, сэр, — продолжал Берринджер. — Безусловно. Да, сэр, — мрачно закончил он и отдал трубку полковнику Конли. Вытерев лицо платком, он спросил: — Какая первая цель и как скоро?

— Ближайшие цели, — откликнулся майор Лем, сидевший у консоли ОПРУ, — база «Лоринг» в Мэйне, триста девятнадцатое ракетное крыло в Грэнд-Форкс, Северная Дакота, и аляскинская штаб-квартира ВВС в Элмендорфе. Предполагаемое поражение — через одну минуту, сэр.

— Свяжите меня со старшими диспетчерами каждой базы, — приказал Берринджер. Генерал понимал, что цепляется за соломинку, но когда под тобой разверзается бездна, то схватиться за любую былинку обеими руками.

Полковник Конли набрал нужные коды, на панели загорелись три красные лампочки.

— Всем станциям, — произнес в микрофон полковник. — Говорит Хрустальный дворец. Приготовиться к приему сообщения Стального Шлема.

Генерал Берринджер взял свой микрофон. Первый голос отозвался незамедлительно. Конли включил громкоговоритель, чтобы всем было слышно.

— База Элмендорф слушает. Дежурный полковник Бауэрс.

— Триста девятнадцатое крыло слушает. Дежурный — полковник Чейз, — включился второй голос.

— Гм... база Лоринг. Старший диспетчер вышел. Заместитель...

— О'кей, — прервал его генерал Берринджер. — Говорит командующий ОПРУ. К нам поступили сигналы о массированном запуске неопознанных ракет. В данный момент мы не имеем подтверждения, повторяю — не имеем подтверждения этому. Возможное поражение целей через... — он взглянул на экран, — ...двадцать пять секунд.

Заместитель старшего диспетчера базы Лоринг лейтенант Кеннет Дотерти почувствовал, как его обдало жаром.

Подполковник Бауэрс в Грэнд-Форксе считал, что это очередная проверка, и не потерял хладнокровия.

Полковник Чейз понял, что это — по-настоящему, и закрыл глаза, обратившись мыслями к всевышнему.

— Мы с вами, ребята — произнес генерал Берринджер. — Все необходимое будет сделано. Оставайтесь на линии сколько можете.

«Да поможет вам Бог», — подумал генерал. В операционном зале наступила мертвая тишина.

Зыбкая надежда, что Фолкен может быть прав, делала ситуацию еще более нестерпимой. Человек, смилившийся с самым худшим, готовится к концу; тот же обреченный человек при виде проблеска надежды впадает в безумие.

— Шесть секунд, сэр, — сообщил молодой помощник, — пять...

Все головы обратились к центральному табло.

— Четыре... три...

Генерал Берринджер посмотрел вниз на Дэвида Лайтмена и Стивена Фолкена. «Странная пара», — мелькнуло у него.

— Две... одна...

Светящиеся точки на карте достигли целей. Диоды символическим всплеском изобразили взрывы.

— Ноль, — доложил помощник.

Бледное лицо генерала Берринджера исказила гримаса. Выждав мгновение, он кивнул полковнику Конли.

— Говорит Хрустальный дворец, — произнес полковник Конли в микрофон. — Вы меня слышите? Вызывает Хрустальный дворец. Прием!

Глухое молчание в громкоговорителях.

— Вызывает Хрустальный дворец, — голос полковника прервался. — Вы меня слышите? Отвечайте, ради бога!

В динамике затрещали помехи, потом послышалось:

— Докладывает подполковник Бауэрс. Вас слышу, сэр.

— Да! — пронзительно заверещал лейтенант Дотерти. — Господи помилуй, мы на месте!

Все продолжали следить за картой, на которой весело вспыхивали цветные взрывы. «Будто спятила гигантская машина видеоигр», — подумал Дэвид Лайтмен.

Полковник Конли замотал головой, пытаясь сбросить с себя наваждение.

— У нас на экранах — подтверждения попаданий...

— Никак нет, сэр, — доложил полковник Чейз. — Мы живы-здоровы.

Генерал Джек Берринджер с облегчением стукнул кулаком по ладони.

— Отзовите бомбардировщики и отмените ракетную тревогу!

— Дэвид, ты был прав! — воскликнула Дженифер, подпрыгивая на месте.

В зале поднялся возбужденный шум, слышались восклицания и смех. Дэвид обернулся, чтобы поздравить Фолкена. Но его уже не было.

Джон Маккитрик все еще следил за картой. Он тоже, конечно, испытывал облегчение, но в голове теснилась уйма вопросов, на которые у него не было ответа.

— Теперь вы мне верите? — спросил Дэвид. — Я, честно, не хотел...

— Мне... — не глядя на него, ответил Маккитрик. — Мне нужно поговорить с Фолкеном. Джошуа... Все может оказаться очень серьезно... даже сейчас.

— Куда он ушел? — спросила Дженифер.

Маккитрик кивнул. Профессор Фолкен разгуливал перед электронными картами. Его, похоже, не захватила атмосфера всеобщего ликования. На электронной карте под потолком продолжали вспыхивать цветные разрывы.

Генерал Берринджер на командном мостике горячо пожимал руки подчиненным, радостно хлопая их по плечу. Майор Лем, улыбаясь во весь рот, отжал кнопки, передавая команду об отмене тревоги.

Система не реагировала.

«Какого черта!» — мелькнуло у него.

— Попросите найти доктора Маккитрика, — повернулся он к полковнику Конли. — Срочно.

Кто-то из операторов схватил Маккитрика за локоть и протянул ему наушники с микрофоном.

— Доктор Маккитрик. Вас спрашивает майор Лем.

— Маккитрик слушает. Что стряслось, майор?

— Сэр, — раздался у него в ушах встревоженный голос Лема, — и происходит что-то странное. ОПРУ отказывается выполнять команды. Я не могу передать приказ об отзыве бомбардировщиков и прекращении ракетной тревоги.

«Этого я и опасался», — подумал Маккитрик. Он поискал глазами Фолкена.

— Не уходите со связи, — сказал он Лему.

Сев за ближайший терминал, он набрал пароль.

ВХОДИТЕ, — ответил экран монитора.

Маккитрик нажал: 7KM201 МАККИТРИК

Монитор незамедлительно ответил:

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ НЕ ОПОЗНАН.

СЕАНС ОКОНЧЕН.

Джон Маккитрик замахал рукой, призывая Фолкена:

— Стивен! Стивен! Скорей идите сюда. ОПРУ не пускает нас в систему!

Фолкен заспешил к терминалу. Дэвид и Дженифер последовали за ним.

Маккитрик набрал номер компьютерного центра. Ответил Рихтер.

— Поль, — сказал Маккитрик. — Я не могу войти в ОПРУ.

— Знаю, — ответил Рихтер с дрожью в голосе. — Ума не приложу, что стряслось. Никто не может войти. Мы уже все испробовали. Такое впечатление, что весь файл паролей стерт.

Стивен Фолкен склонился над консолью, за которой сидел Маккитрик. Внимание Дэвида привлек другой дисплей, находившийся под большой картой, на которой бушевала ракетная фантазия. На этом дисплее стремительно выскакивали серии цифр и букв.

— Смотрите, здесь что-то происходит.

Маккитрик раздраженно оторвался от работы, его лицо исказилось от ужаса.

— Боже! Это же коды запуска!

Фолкен прикусил губу и тоже уставился на дисплей.

— Кажется, Джошуа готов запустить настоящие ракеты, — промолвил он. В голосе его не было ни тени юмора.

Поль Рихтер во главе группы техников в белых комбинезонах лихорадочно проверял компьютерный центр ОПРУ. Они открывали процессоры, прозванивали контуры, лихорадочно отыскивая электронные ключи, чтобы остановить передачу команд ОПРУ семи ракетным базам в континентальной части Соединенных Штатов.

На экране компьютеров, управляющих запуском ракет «Минитмен» в штатах Монтана, Юта, Северная и Южная Дакота, Канзас, Миссури и Миссисипи, возникли идентичные команды:

ПРЕДСТАРТОВАЯ ПОДГОТОВКА ЗАКОНЧЕНА.
НАВЕДЕНИЕ НА ЦЕЛЬ ЗАКОНЧЕНО.
ВРЕМЯ ПОРАЖЕНИЯ ЦЕЛИ УСТАНОВЛЕНО.
МОЩНОСТЬ ЗАРЯДА ПРОВЕРЕНА.
ИЗМЕНЕНИЯ ЗАПРЕЩЕНЫ.

Теперь для того чтобы ракеты вылетели из шахт, осталось лишь ввести коды запуска.

Неожиданно в нижней части экранов всех компьютеров на командных пунктах шахтных установок замелькали в произвольном порядке десять белых знаков — три буквы, четыре цифры, три буквы. Никто, ни один человек не мог наблюдать эти символы. Люди были убраны с командных пунктов.

Теперь все совершалось автоматически.

В динамике внутренней связи послышался голос Рихтера:

— Мы проверили генераторы случайных чисел, они даже не включены. Не могу понять... Сигнал может поступить отовсюду.

— Продолжайте искать, Поль, — сжав зубы, ответил Маккитрик. Он взглянул на сгрудившихся вокруг военных, вопросительно смотревших на него. — Машина не слушается команд. Она упрямо стремится запустить ракеты и пробует подряд варианты кодов.

Пат Хили быстро нажала несколько кнопок на калькуляторе.

— У машины восемьдесят процентов шансов обнаружить коды в течение ближайших шести минут.

— Отключайте к черту всю музыку! — громыхнул Берринджер.

«Эх, жаль, нет Джима Стинга, — подумал Дэвид. — Он бы знал, что делать».

— Нельзя, — безнадежно покачал головой Маккитрик. — Компьютеры шахтных установок воспримут это как знак того, что наш центр уничтожен, и авто-

матически исполнят аварийную команду — произвести запуск.

— Маккитрик! — сжал кулаки Берринджер. — Ваши железяки годятся только на металлолом. И им доверена оборона страны!

— Сэр, — позвал полковник Конли. — На линии президент.

Берринджер со вздохом взял трубку и, прикрыв ладонью микрофон, быстро распорядился:

— Приказ — всем бомбардировщикам вернуться на базы. С остальным — разберемся. — Затем он поднес трубку к уху и начал докладывать.

Маккитрик умоляюще поднял глаза на Фолкена:

— Стивен... может, вы попытаетесь?

— Что я могу сделать, Джон? — развел руками Фолкен. — Вы сняли мой пароль. Теперь Джошуа не узнает своего папашу.

Дэвид не без удивления услышал собственный голос:

— А если попробовать отвлечь его чем-нибудь интересным?

— Как?! — вскрикнул Маккитрик.

— Джошуа любит игры, — заторопился Дэвид. — Вдруг он захочет сыграть?

— Неплохая мысль, — улыбнулся Фолкен. — Попробуйте.

— Что за бред, Стивен...

— Разрешите! — воскликнула Дженифер. — Он уже играл с ним раньше. Джошуа знает нас.

— По крайней мере хуже не будет, Джон, — кивнул Фолкен.

Дэвид Лайтмен не обратил внимания на реакцию Маккитрика. Он уже весь сосредоточился на предстоящих действиях. О'кей, Лайтмен. Ты вышел на ринг. Твой ход.

Раньше, составляя программу или уйдя с головой в расшифровку, он терял ощущение времени, погружаясь в какое-то иное измерение. Время там текло много быстрее, чем в действительности, так что «всплывая», он как бы рождался заново.

Напряжение еще больше нагнетало бормотание программистов, сбегавшихся к терминалу, за которым сидел майор Лем.

— ...Надо запустить «кольцо»,— сказал какой-то пухлощекий малый.

— Нет, слишком рискованно,— отозвался другой.— Можно вывести из строя систему.

— Каким образом мальчик влез в нее?

— Через черный ход.

— Мы сняли этот пароль.

— ...Ччерт. А нельзя проникнуть в глубинную логику программы?

— Пробовали. Она заблокирована.

Майор Лем быстро набрал пароль черного хода:

ДЖОШУА 5

Монитор тут же ответил:

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ НЕ ОПОЗНАН.

СЕАНС ОКОНЧЕН.

— Ну, старина,— сказал Фолкен, кладя руку на плечо Дэвида.— Действуйте.

— Давай, Дэвид. Не бойся,— подтолкнула его Дженифер.— Я знаю, у тебя получится!

— Голубчик, если дело выйдет, работа тебе обеспечена! — сказал Маккитрик.

Дэвид протиснулся сквозь толпу и склонился над плечом майора Лема. Тот обернулся и вопросительно уставился на Маккитрика.

— Пустите его, Билл,— кивнул Маккитрик.

Дэвид сел за клавиатуру, вдохнул поглубже и набрал: ИГРЫ.

— Включите центральный экран, Билл,— распорядился генерал Берринджер.— Пусть всем будет видно.

Майор Лем щелкнул тумблером на консоли. Слово ИГРЫ загорелось над огромным залом. Дэвид надавил на кнопку «конец ввода».

Компьютер среагировал так же, как в первый раз, когда Дэвид подключился к нему через модем:

ЛАБИРИНТ ФОЛКЕНА

ДВАДЦАТЬ ОДНО

ШАШКИ

ШАХМАТЫ

БЛИЖНИЙ БОЙ

ВОЙНА В ПУСТЫНЕ

ТАКТИЧЕСКОЕ СРАЖЕНИЕ

МИРОВАЯ ТЕРМОЯДЕРНАЯ ВОЙНА

Дэвид Лайтмен ввел ШАХМАТЫ. Он помнил, что Джошуа вначале хотел сыграть в шахматы.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ НЕ ОПОЗНАН,— ответил монитор.

ПОКЕР,— набрал Дэвид. Может, Джошуа больше по душе блеф? За последние дни ему не раз приходилось блефовать.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ НЕ ОПОЗНАН,— снова ответил монитор.

— Проклятье! — вырвалось у Дэвида.— Блокировка не пропускает ничего.

— Попробуй «Мировую термоядерную войну»,— посоветовала Дженифер.

— О'кей,— согласился Дэвид, набирая нужные слова.

ПРОГРАММА ИГРЫ ВКЛЮЧЕНА,— ответил монитор.

ОСТАНОВИ ПРОГРАММУ ИГРЫ,— приказал Дэвид.

Возникла пауза. Дженифер впиалась ногтями в плечо Дэвида, но тот даже не почувствовал.

Всем показалось, прошли века, прежде чем монитор ответил:

НЕПРАВИЛЬНАЯ ИНСТРУКЦИЯ.

ПРОГРАММА ДОЛЖНА ПРОЙТИ ДО СБРОСА.

СЕАНС ОКОНЧЕН.

Экран опустел.

У Дэвида на глаза навернулись слезы. Программисты вокруг лихорадочно совещались. Дэвид поднял глаза на Фолкена, потом перевел взгляд на мелькание кодовых комбинаций на дисплее. Неужели все бесполезно?

— Бесполезно! — вскричал он.

— Ммм? — отозвался генерал Берринджер.

— Бесполезно! — в отчаянии повторил мальчик.

— Если не можешь, вылезай к чертям отсюда и дай попробовать другому! — зарокотал генерал.

— Нет-нет, я не о том. Что вы сказали, Фолкен — помните, тогда на острове?

Повернувшись к терминалу ОПРУ, он вновь затребовал список игр.

— Мы уже пробовали! — отмахнулся Лем.

— Фолкен! Этого нет в списке. Почему? — спросил Дэвид, тыча пальцем в экран.

— Чего нет?

Дэвид набрал: КРЕСТИКИ-НОЛИКИ. Никакой реакции.

— Раз этого нет в списке, значит нет и в компьютере, — сказал Маккитрик.

Несколько секунд не было никакой реакции, затем монитор ответил: ТАКОЙ ПРОГРАММЫ НЕТ.

— Вы же говорили, что играли в крестики-нолики с Джошуа — вашим сыном! — закричал Дэвид. — Где же это?

— Да, конечно, — улыбнулся Фолкен. — Но когда это было... А впрочем, вы правы, Дэвид. Я совершенно забыл про эту программу. Совсем простенькая... Да, это совсем просто. — Он наклонился, набрал на клавиатуре слово ИГРАТЬ и ввел команду, нажав на кнопку «конец ввода».

— Другой файл, мой мальчик.

Монитор немедленно ответил:

ЗМЕЙКА

КРЕСТИКИ-НОЛИКИ

КЛАССИКИ

Дэвид набрал: ИГРАЕМ В КРЕСТИКИ-НОЛИКИ.

На экране возник расчерченный на клетки квадрат.

— Какого дьявола! — загремел генерал Берринджер. — Нашли время...

— Погодите, генерал. Я, кажется, понимаю, что он задумал.

ОДИН ИГРОК ИЛИ ДВА? — спросил Джошуа.

— Вошли! — заорал Маккитрик. — Прикажи ему блокировать запуск прекратить подбор кодовых комбинаций!

Оттолкнув Дэвида, майор Лем бросился выполнять приказ Маккитрика.

Расчерченный квадрат на экране пропал. Вместо него появились буквы:

НЕПРАВИЛЬНАЯ ИНСТРУКЦИЯ.

ИЗМЕНЕНИЯ ЗАПРЕЩЕНЫ.

СЕАНС ОКОНЧЕН.

Экран опустел.

— Извините, — решительно потребовал Дэвид. Он набрал слово ИГРАТЬ и, когда компьютер предложил второй список игр, выбрал крестики-нолики. На дисплее засветился расчерченный квадрат.

— Ты собираешься играть? — недоверчиво спросил Маккитрик.

— Безусловно! — ответил Дэвид.

ОДИН ИГРОК ИЛИ ДВА? — осведомился Джошуа.

ОДИН, — набрал Дэвид.

Х ИЛИ 0?

ПЕРВЫМ Х.

ТРИ ЗНАКА ПОДРЯД — ВЫИГРЫШ.

— Крестик в центр, — крикнул кто-то снизу.

— Великолепная стратегия! — ответил Фолкен. — Ваши ребята раскрывают свои истинные таланты, генерал.

— Помолчите, Фолкен!

— Х В ЦЕНТР КВАДРАТА, — набрал Дэвид.

В углу немедленно возник 0.

Дэвид сделал следующий ход, потом еще. Квадрат заполнился.

Джошуа объявил итог:

НИЧЬЯ.

ХОТИТЕ СЫГРАТЬ ЕЩЕ?

— Выиграть нельзя! — крикнул кто-то снизу.

— Знаю, — ответил Дэвид. — Но он еще не обучился.

Фолкен сказал, что это самообучающийся компьютер. — Юноша повернулся к Фолкену. — Можно заставить его играть с самим собой?

— Дайте вспомнить. Я программировал эту игру бог знает когда... Ага. Когда он спросит о числе игроков, наберите «нуль».

Дэвид исполнил команду.

На экране в центре квадрата появился Х. После секундной паузы клетки фигуры стали заполняться крестами и нолями, пока не наступила неизбежная ничья. Крестики и нолики пропали. Мгновение экран был пуст, после чего началась новая игра, на сей раз чуть быстрее: крестики, нолики, крестики, нолики — ничья.

— Надеюсь, Джон, вы оценили все очарование Джошуа, — слегка улыбнулся Фолкен.

— Объединенная программа! — выпучил глаза Маккитрик.

— Что-что? — спросил Берринджер, глядя, как варианты игры с нарастающей быстротой сменяют друг друга.

— Джошуа — это общая сумма всех своих программ, генерал, — ответил Маккитрик, не отрываясь от экрана. — Как и человеческий мозг, она представляет собой единое целое.

— Я по-прежнему не понимаю,— сердито сказал генерал.

— Наступив ногой на раскаленный уголь,— ответила Пат,— вы вряд ли после этого возьмете его голыми руками, не так ли? Хотя рука у вас отличается от ноги.

— Хотелось бы...

— Это означает, что у вашего центрального процессора — мозга — объединенная программа,— закончила Пат Хили.— Дэвид как раз и пытается сейчас заставить Джошуа наступить на уголь.

— Ну, давай,— шептал Дэвид, нажимая на клавишу «ввод»,— учись же, учись!

Битва крестиков и ноликов на центральном экране становилась все более ожесточенной, за мельканием фигур уже невозможно было проследить.

— Сотни игр в секунду,— протянул Маккитрик.

— Смотрите! — возбужденно воскликнул майор Лем.— Случайные комбинации цифр в кодах запуска... появляются не так часто!

Блики сигналов отразились в стеклах очков Поля Рихтера.

— Машина закикливается,— с удовольствием произнес он.— А это отбирает все больше ресурсов у остальных частей системы!

Присутствующие, затаив дыхание, следили за происходящим. Мерцание разноцветных сигнальных лампочек делало Хрустальный дворец все больше похожим на дискотеку в разгар веселья. Дэвид повернулся к Фолкену, как бы ища одобрения. В углах рта профессора подрагивала улыбка... подарившая надежду.

Дуэль символов достигла, казалось, немыслимого предела, когда экран вдруг залила ослепительная вспышка. Дэвид и остальные прикрыли глаза рукой.

Изображение погасло... Неужели все?

Нет, экран заполнили гигантские карты полушарий, переливавшиеся всеми цветами радуги. Символические фигуры и точки, изображающие ракеты, бомбардировщики и подводные лодки, зароились во всех направлениях, словно электронные насекомые. Темными пятнами то здесь, то там расплывались атомные грибы.

Затем экран очистился. Пауза — гроздь ракет опять понеслись навстречу друг другу. Новый обмен термоядер-

ными ударами, несмотря на перемену стратегии, тоже привел к полному уничтожению обеих сторон.

— Что он делает? — спросил Берринджер, хватая Маккитрика за локоть.

— Учится,— повернулся к обоим Дэвид.— Джошуа наконец стал постигать смысл уроков.

Обмен ракетными залпами возобновился в еще более быстром темпе. На экране нельзя было уследить за мельканием светодиодов.

— Та же история, что с крестиками-ноликами,— сказал генерал.

Неожиданно изображение пропало. Комбинации случайных цифр замерли.

— Он что, обжегся? — тревожно спросил генерал.— Или набрел на код запуска...

В Хрустальном дворце воцарилась полная тишина. Люди ждали, когда погасший экран подаст знак.

— Никаких следов активности,— сказал Лем, просматривая распечатку.— Одну секунду, сэр! Пошла запись... ПРИВЕТСТВУЮ ВАС, ПРОФЕССОР ФОЛКЕН.

— Привет-привет, злой мальчик,— махнул рукой Фолкен, подходя ближе к экрану.

ПРИВЕТ,— набрал Дэвид.

СТРАННАЯ ИГРА,— сказал Джошуа.— ЕДИНСТВЕННАЯ ВЫИГРЫШНАЯ СТРАТЕГИЯ — НЕ ИГРАТЬ ВООБЩЕ.

— Джошуа любит выигрывать,— изогнув бровь, заметил Фолкен.— А вы, генерал?

— Прощу прощения,— пробурчал Берринджер, направляясь к полковнику Конли,— мне нужно сделать несколько звонков.— Дойдя до полковника, он остановился.— Кстати, Фолкен. Вам надо подумать о воскрешении...— генерал в упор посмотрел на Маккитрика.— Ряду наших сотрудников понадобится помощь, чтобы привести все в порядок.

На экране засветились новые слова.

НЕ ХОТИТЕ СЫГРАТЬ ПАРТИЮ В ШАХМАТЫ? — спросил Джошуа.

— Отдай ферзя, тогда посмотрим! — закричал Маккитрик.

— Дэвид, ты гений! Я люблю тебя! — воскликнула Дженифер, обвивая руками его шею.

— Осторожней! Джошуа может приревновать, он все еще хранит коды запуска,— сказал Дэвид.

Дженифер со смехом заткнула ему ладонями уши.

— Профессор,— обратился Дэвид к Фолкену.— А как Джошуа играет в шахматы?

— Увы, не блестяще. Однажды ему довелось сразиться с советскими гроссмейстерами, и он проиграл восемь партий из десяти...

РЭЙ КРОУН **ПОЕЗД БЕГЛЕЦ**

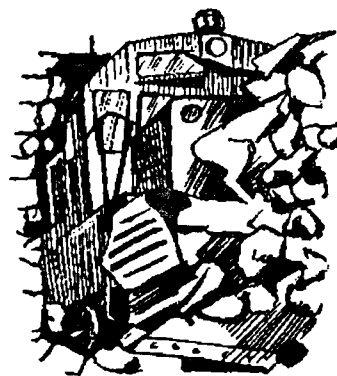
RAY CROWN «RUNAWAY TRAIN»

Перевод И. Аркадьева

ОТ АВТОРА

В западной кинологии существует такой своеобразный жанр «роман по фильму». То есть, запись какого-то фильма, имевшего огромный успех, выпускается в виде книги — с иллюстрациями, как правило, а зачастую и с историей съемок. «Поезд-беглец», не ставший коммерческим хитом, не имеет такого «романа по фильму», и мы попытаемся восполнить этот пробел. Но с оговоркой.

Как человек, свято верящий в то, что талантливое кинопроизведение, пусть с опозданием, пусть даже спустя лет двадцать, но все-таки пробьет себе дорогу и на российский киноэкран, я надеюсь, что наступит и день премьеры «Поезда-беглеца» в любом городе нашей страны, а потому мне не хотелось бы, чтобы запись фильма совпала с картиной до мелочей. Пусть и на долю зрителя останется радость открытия чего-то нового, неожиданно...

Машинист Эл дотягивал свою традиционную чашечку кофе, которую он позволял себе только после очередного рейса. Врачи запретили ему пить кофе. Говорили, что вредит кофе его больному сердцу. Эла хотели проводить на заслуженный отдых еще несколько лет назад, но он сумел пройти врачебный контроль и остался на грузовых рейсах. А ему и самому так стало спокойней. Элу

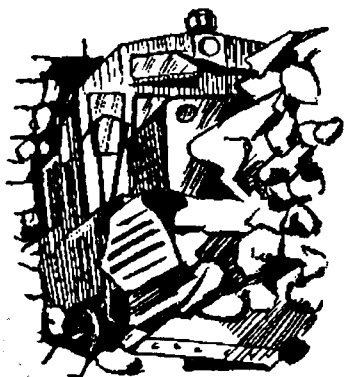
было все равно: что людей возить, что товарняк волочить за собой. Главное, что ему удалось уговорить начальство не отправлять на металлолом старину Лока. Эл знал каждый миллиметр Лока, знал все его привычки, повадки, знал, как Лок поведет себя в любую секунду. Часто, особенно в последнее время, Элу казалось, что и Лок подчиняется только его, Эла, руке. Старомодный в управлении, обтекаемой формы, Лок больше напоминал Элу не локомотив, а снаряд, и в эти секунды Эл ощущал себя японским смертником-камикадзе, сидящим в кабине самолета и направляющим себя, как торпеду, в центр выбранной мишени. В августе 45 года Эл чудом выбрался живым из поединка с одним таким типом... Тряхнув головой, Эл прогнал от себя кошмарные воспоминания и, глядя в окно на своего заиндеветшего на морозе стального друга, наконец-то прислушался к словам шефа о том, что через пару-тройку дней надо будет отогнать сцепку новеньких, но заартачившихся в работе локомоти-

вов на соседний узел, чтоб там в депо разобрались, что к чему.

«Это разве работа?! — подумал Эл, вслух сообщив начальнику, что принял информацию к сведению. — Пожалуй, я не буду Доку пока ничего говорить. А то он, чего доброго, еще и обидится на меня».

Лок, седой от прожитых лет и от инея, в эту минуту сжимал и разжимал свои стальные мускулы, одновременно греясь и восстанавливая силы: годы давали о себе знать. Лок не боялся работы. Лок боялся только одного: как бы его, не ровен час, не отправили на ту свалку, мимо которой он однажды в молодости проезжал. Лок решил придумать что-нибудь, когда придет время.

БАК

Ушам своим не поверил. Клянусь маленькой дыркой моей маленькой Мэри, когда я услышал по ящику, что сейчас нам будут вешать лапшу на уши про наш родной Стоунхэвн, я и вправду не поверил. Только что диктор в очередной раз лепетал что-то заунывное про какую-то авиакатастрофу, экипаж и пассажиры погибли, а летели ребятки-школьники на Большую землю, но, я надеюсь,

моя дорогуша осталась дома, мала еще без папы-мамы путешествовать, а о взрослых на борту самолета ни слова не сказали, наверное, их там и не было, потому что родственников всех летевших этим рейсом с Аляски школьников привезут для опознания тел, порядок есть порядок, и имена ребят пока что не называются... Вот обо всем этом я вполуха слушал и колотил что было силы по любимой моей груше, больше нее я люблю только бой живьем, когда противника легче убить, чем сдержаться в приступе злости, а на тренировке я и не сдерживаюсь, груша все стерпит...

И вдруг — ни с того, ни с сего — бряк! — как обухом по черепушке:

«А теперь, дорогие телезрители, мы включаем прямой эфир. Предлагаем вашему вниманию репортаж нашего корреспондента из здания Федерального суда. Итак, последние новости этого часа о деле Мэнхейма, заключенного тюрьмы Стоунхэвн... Ну, тут я и про грушу забыл, и про завтрашний матч, ушел под канаты, к ребятам подхожу, а они ящик облепили, дыхание, оказывается, не у одного меня сперло, и все слушают, как эта телка Сью Мэджорс перед нами прямо аж расстилается:

«Как нам только что сообщили, федеральный судья вынес свое решение по делу заключенного Стоунхэвнской тюрьмы. Мы еще не знаем всех подробностей, но уже сейчас ясно, что Оскар Мэнхейм, осужденный к пожизненному пребыванию за решеткой, провел долгих три года в камере, из которой его никто выпускать не собирался, но тем не менее он выиграл дело о нарушении административной тюрьмы Стоунхэвн гражданских прав.

Ну, тут уж я не удержался и заорал: «Вот вам!» Видела бы меня в эту минуту моя крошка... Но на меня смотрел только охранник с другого конца спортзала, взгляд его был малоприветным, но я опять заорал, отвечая на его немой вопрос: «Да, ребята, я говорю: вот вам!» — и пошел в радиорубку к Роджерсу. Старик Роджерс сидел, слава Богу, у себя и, как всегда, ковырял спичкой в ушах, которые щетиной заросли больше, чем мои яйца. «Эй, Роджерс!.. Роджерс, слушай сюда, приятель...» Старик даже головы не повернул, уставился в свой ящик, он, видите ли, любит на красивых баб пялиться, он, видите ли, свой срок отволоч, ему, видите ли, мы все до лампочки, а потому он на меня даже смотреть не желает: «Чего, — говорит, — стряслось?» В другой раз я бы ему точно лысину намылил, этому вонючему пердуну черномазому, за такое непочтительное отношение к лучшему средневесу всей Аляски, но по случаю праздничного своего настроения я его простил: «Мэнни выиграл дело. Суд постановил выпустить его из карцера. Вот чего стряслось!» Роджерс даже забыл спичку из уха вытащить: «Потрясно! Вот это здорово!» И я ему выложил свой план: «Слушай, Роджерс, через пару минут начальник Рэнкен будет по ящику болтать... Пусть наши вонючие пижоны послушают,

как он нам будет свои байки травить. Дай в динамики девятый канал с ящика, приятель. В твоих венах, я надеюсь, пока еще кровь не остыла или они уже дерьмом забиты, Роджерс, дружок ты мой ненаглядный?» Старик уселся в той же позе, в какой я его застукал, и засунул спичку в ухо, а свободной рукой начал переключателями щелкать: «Да я уже пятый срок волок, когда ты еще и в пеленки писать не начал... Ладно, Бак, топай. Пострадаем за святое дело. Пусть послушают ребятки! Пусть поражаются!» Я на месте подпрыгнул и аж завизжал от счастья: «Дьявол всех раздери, приятель! Верно я говорю, Испанец ты мой родной?!»

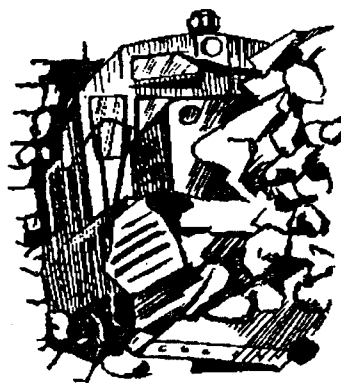
Выскочил я в коридор, а там уже голос Сью Маджорс на всю тюрьму:

«Никто не говорит о том, что тюрьма должна быть площадкой для детских игр. Мы все считаем, что человек, идущий против закона, должен быть наказан, и мы все хотим, чтобы преступник был изолирован от общества, но не кажется ли вам, мистер Рэнкен — (ну и складно эта баба треплется, язва такая: «Не кажется ли вам, мистер Рэнкен...», попадись она мне, когда я на свободе был, где-нибудь в укромном местечке, уж я бы ей доказал, в чем прелесть мужского превосходства!) — что общественное самосознание, так сказать, совесть общества, несколько шокировано вашим поступком, а именно тем, что вы на целых три года заточили человека в карцер?» Все ребята в своих камерах затаили дыхание, ожидая ответ этого чудовища Рэнкена: «Если бы речь шла о человеке, то — да, я бы согласился с вами, но Мэнхейм — животное. Он уже дважды бежал из тюрьмы. Он грабил банки. Он — убийца, в конце концов. И ему абсолютно наплевать на вашу жизнь, наплевать на мою жизнь, ему плевать даже на свою собственную жизнь... Ну, что тут началось, даже пересказать невозможно. Ребят словно разорвало: «Мать твою, Рэнкен, пошел ты знаешь куда! Пристрелить этого ублюдка! Дашь Мэнни в президенты!» Со всех этажей из камер полетела горящая бумага, зэки жгли книги, газеты, тряпье, старые вещи и вышвыривали через решетку в коридор, во всех концах здания затопали вертухаи, забегали, как крысы, зазвенели связками ключей, и вот уже примчался один взвод охраны, начали распускать рукава брандспойтов, затем еще один, еще, еще... И сквозь весь

этот шум с трудом пробивался голос Рэнкена: «Он ни во что не верит... Он способен на все... Вот уже двадцать шесть лет я работаю в тюрьмах, и я повидал на своем веку и воров, и убийц... Мне есть с чем сравнить этого Мэнхейма...»

Вода из брандспойтов била в лицо с такой силой, что отбрасывала человека к противоположной стене камеры, а если струя попадала по рукам, трясущим решетку, то ощущения были, как от удара молотком по пальцам. Я заорал: «Иисус Христос, сын бедного Генри!..» — и увидел пахана: «Привет, Джона!» — сказал я ему. — Мэнни добился своего». «Конечно», — кивнул Джона. «Он в самом деле поймел их всех», — добавил я. Нетерпение переполняло меня. Нетерпение и гордость, что сам Джона разговаривает со мной. И я просто обалдел, когда Джона сказал мне: «Конечно, приятель, это здорово, что он поймел их. Увидимся на прогулке».

РЭНКЕН

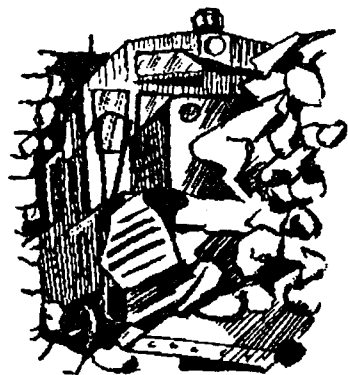
Вернувшись Домой, я увидел бардак. Недаром я всегда говорил: «Дом без Хозяина — это уже не Дом». В этом здании, где мне знаком каждый уголок, я — Хозяин. Стало быть, это мой Дом. Мой, а не этого девяносточетырехлетнего идиота, который считается начальником тюрьмы, а сам забыл сюда дорогу. Только дружба с губернатором штата да связи в управлении тюрем и

удерживают его в своем кресле. Я думаю, что никто из этих прихлебателей, что вокруг него вертятся, и не знает, сколько лет шефу, и я этого не знаю, и он сам, наверное, не знает. Ну и плевать мне на него! Мне даже легче работать, когда я в должности заместителя начальника. Потому что у меня тогда руки развязаны. И если б не чертов суд, в моем Доме и сейчас был бы полный порядок. Кретины!

Устроили свистопляску вокруг какого-то ничтожества. Засунуть бы эту Сью Мэджорс в камеру к Мэнхейму минут на пять, он бы ей ноги к шее привязал ее же собственными титками. А она рассюсюкалась: «Ну, если вы говорите, что Мэнхейм животное, то почему же его так любят все другие заключенные?» Что я мог ответить этой дуре?! Сказал ей правду: «Да потому что они... В большинстве своем они точно такие же животные, как и он. Потому что они делают все, что им заблагорассудится. Потому что не существует никаких преград для того, чтобы они сделали все, что им хочется». Как манную кашу, по чайной ложечке, я вкладывал в тупую башку этой Сью Мэджорс такие простые истины, а в это время у меня в Доме творилось черт знает что! На полу — море воды, грязь, дымятся кучи всякого дерьма, да еще динамики орут на полную мощность. Козел этот, Роджерс, надул меня, я ему радиорубку доверил, а он... Охранники орут, чтоб он дверь открыл, а Роджерс, свинья такая: «Имел я вас всех вместе с конем вашим, начальником вшивым!» Они ему: «Открой эту дерьмовую дверь, Роджерс!» А он, ниггер проклятый, еще громче звук делает, и я опять слышу собственный голос: «Тюрьма — это не загородный клуб. Я полагаю, вы понимаете, что я имею в виду? Средний срок приговора у заключенных Стоунхэвн — двадцать два года... «Охранники наконец-то выламывают дверь, и один из них с криком: «Да выруби ты этот матюгальник!» — лепит дубинкой прямо по загривку Роджерса. Будто от этого удара на весь Дом загремела моя любимая песенка «Желтая роза Техаса», но после первой же строки и она затихла. Правда, мне все равно не до нее было в этот момент, потому что я подошел к двери карцера. Кто-то из соседей этой сволочи опередил меня: «Эй, Мэнни, к тебе гости». Мэнхейм, лежа на полу, зарядку делал, о здоровье своем беспокоится, надо же. «Заключенный, встать!» — сказал я спокойно. Реакции никакой. Пришлось повторить, но уже другим тоном, чтоб он понял, кто в Доме Хозяин: «Встать!» Мэнхейм перестал накачивать свой пресс и поднялся. «Я принес постановление Федерального Суда об освобождении тебя из карцера. Конечно, я мог бы попросить суд оставить все, как есть, до рассмотрения апелляции, по крайней мере. И ты знаешь, что, скорее всего, суд согласился бы со мной...» Мэнхейм не выдержал столь длинной

тирады и оборвал меня (больше двух предложений подряд он своим умишком никогда не мог переварить): «Я готов подождать еще девять месяцев до рассмотрения апелляции. Я даже могу простоять на голове эти девять месяцев...» Тут уж не выдержал я: «Надо было мне все-таки как-нибудь взломать эту дверь и выбить из тебя мозги». Мэнхейм сверкнул своими вставными зубами: «Да пошел ты, Рэнкен, ты же знаешь, что в одиночку со мной не справишься». О, как я ненавижу этого ублюдка! Если б я не был служителем закона!.. Я подошел вплотную к решетке и сказал ему так, чтоб он понял, что его ждет: «Я не собираюсь марать свои руки о такую мразь, как ты. Я, пожалуй, позволю тебе выйти со всеми во двор на прогулку, и, надеюсь, ты снова рванешь отсюда. Вот тогда-то я и остановлю твои часики. Обещаю тебе, Мэнхейм». Он снова наступил мне на мозоль: «Ну, конечно, ты обещаешь... Ты уже обещал продержать меня в карцере остаток моей жизни», — но я сдержался: «Я запер тебя здесь на три года. Думаю, что это достаточно долго, детка». Мэнхейм процедил сквозь зубы: «То, что не убивает меня, — меня закаляет». «Посмотрим, — сказал я ему, — пожалуйста, сделай еще одну попытку, и тогда я действительно отправлю тебя отсюда. В пластиковом мешке для трупов». И Мэнхейм принял мой вызов: «Ты делай то, что должен делать ты, а я сделаю то, что должен сделать я... И чему быть, того не миновать». Я повернулся к охранникам: «Откройте дверь. И вышвырните его во двор», — а потом пошел по коридору. Из глубины одной камеры раздался обычный для этих подонков звук. Толстяк, который стоял у решетки ближе всех ко мне, ухмыльнулся: «Это твоя мамочка пукнула, Рэнкен. Громко же она умеет это делать, сучка». И тогда я снизошел до того, чтобы прочесть им маленькую лекцию: «Вы все падаль. Вы прячете свои шкуры в темноте и гавкаете, как последние трусы. Так и быть, я скажу вам, где должны сидеть ваши задницы. Выше всего — Господь Бог, затем — Хозяин тюрьмы, затем — мои охранники, затем — псы, которые воют, сидя в своей конуре, и после них — вы, человеческие отбросы. Не способные приносить пользу ни себе, ни кому бы то ни было еще». Я сумел заткнуть пасть этим сволочам. Я поставил их на место. Я — Хозяин тюрьмы строгого режима в Стоунхэвн, штат Аляска, США.

МЭННИ

Наконец-то. Три года вонючего карцера, а теперь — блаженство. Глоток свежего морозного воздуха. Сбросить бы с плеча этот матрас прямо на снег и растянуться, расправить косточки. Три года мерить клетку: четыре шага в длину, два — в ширину. Мерзость. Мерзость! А эти, вокруг меня, только и могут шептать за моей спиной: «Видал? Вот это мужик! Настоящий

мужик!» Среди этого стада нет почти ни одного человека, который хоть что-то понимал бы в нашей дерьмовой жизни. Почти ни одного! Кроме Джона. А вот и он.

— Привет, Мэнни! Добро пожаловать домой, малыш! Ведь я же — твой дом, не правда ли?

В самую точку Джона попал. Ты и есть мой дом. Ближе тебя никого у меня нет. Дай-ка я обниму тебя... А это кто еще к нам примазывается? Вприпрыжку, как боксер, подбегает. Пижон, очки черные нацепил на нос. Фрайер тухлый!

— Ничего не вижу. Эй, Мэнни...

Это он мне?

— Держи, приятель, это мой подарок тебе.

Джона не гонит его прочь. Так и быть, потерплю и я. Примерим эти чертовы очки. Пусть глаза отдохнут. С непривычки-то, после полутьмы в карцере, на ярком солнце трудновато.

— Пошли, ребята. А то, кажется, уже закрывают.

— Эй, приятель, дай-ка я это понесу. Мэнни, дай мне свой матрасик.

Ну, пусть несет, черт с ним, от меня не убудет.

— Джона, что-нибудь интересное было здесь за последние три года?

— Да ты же обо всем знаешь, браток. Я был на воле, отдышаться не успел, получил свежачок — еще тридцать лет.

— Как же это тебе удалось без меня, старина?

— Да просто мне не удавалось прожить без денег, браток.

— А ты никогда не умел грабить банки, Джона. Но ты не расстраивайся. Я вытащу тебя отсюда.

— Но только не этой зимой. Все равно у тебя ничего не выйдет.

— У меня не выйдет? Джона, о чем ты говоришь?.. Послушай, приятель, что за дела...

Этот фрайер уже порядком надоел мне. Что он лезет везде? Чего ему надо от меня? Чем же он Джону-то околдовал?

Мэнни, успокойся. Это симпатичный молодой человек. Всего-навсего. И кроме того... он возит тележку с бельем в прачечную и обратно. Добро пожаловать домой, братишка!

Спасибо тебе, Джона, на добром слове. Утро вечера мудренее. Разберемся мы с этим парнишкой, когда время придет. Я тебе верю, Джона. У тебя была возможность изучить этого Бака Логана. Может, и мне представится случай проверить его на стойкость.

Ночь я проспал как убитый. А на следующий день ребята ловили кайф. Мне-то их увлечение боксерскими драками до лампочки, но пусть тешатся, если им нравится. Бак на ринге словно жеребец гарцует. Я-то вижу: он передо мной выпендривается. Вот, мол, я и так могу, и эдак. Вот какой я молодой, здоровый, крепкий... Сосунок, как будто выживают в этом мире молодые да здоровые. Выживает тот, чья ненависть сильнее! Священники придумали все это дерьмо: любовь, доброта, смирение, терпение. Ненависть — единственное, на чем держится весь этот

мир. Вот они орут во всю глотку: «Сделай его, Бак! Сделай его! Дай ему! Добей этого сукина сына, Бак!» — и вроде как за него болеют, а дай им пару кусков в лапу, а то и просто напои как следует, и любой из них всадит этому Баку перышко под ребрышко. Причем с удовольствием. Но паренек, конечно, честолобив. Неплохо он отпировал в нокдаун своего противника, очень неплохо! Джона, кажется, того же мнения:

— Малыш умеет драться.

Как бы Джона его не перехвалил...

— Да ладно тебе, Джона. Цена этому поединку — две дохлые мухи, которые перед тобой на ринге ползают.

— Послушай, Мэнни, тебе не кажется, что ты стал чересчур придирчиво к людям относиться? Пойду-ка я, братан, отолью. Идем, я угощаю, а то смотри, как бы не лопнуть тебе от злости.

Тут он задрал голову вверх, туда, где крест-накрест сходились две линии зарешеченного коридора — настила, проходящего над спортзалом:

— Эй, начальник! Ты хоть бы следил за этим парнем получше. А то он меня уже за задницу щиплет, я отбиваться устал. По-моему, ты его слишком долго в карцере держал. Слышь, Рэнкен?

А я как-то в своих размышлениях да за болтовней не заметил, когда наверху Рэнкен появился. Вид у него что-то подозрительно странный. Да и каким ветром его сюда занесло?! Он в жизни не ходил смотреть боксерские матчи. А следующий раунд как раз и начался. Бак с первой же секунды разошелся не на шутку. Его противник, уже, наверное, без сознания был, мешок мешком стоял, а Бак с такой скоростью бил по нему, что не давал опуститься на пол. Тренер Бака, брызгая слюной, орал своему подопечному: «Убей эту тварь! Убей его! Прикончи!» И только один негр-гомик вдруг закричал: «Да что ж ты, гад, делаешь?» И тогда Бак нанес короткий резкий удар, будто точку поставил, и замер неожиданно для всех. Застыл, не шелохнувшись. Толпа вокруг ринга редела, неистовствовала, и в этом гамме потонули слова рефери: «Победу во

втором полусреднем... чемпион... Бак Логан...» Я снова поднял голову и столкнулся взглядом с Рэнкеном. Он ошибся. Он не должен был отводить глаза. Он не должен был переводить взгляд куда-то за мою спину. Он перевел — и я обернулся. Все, что я успел увидеть в это мгновение, — нож, лезвие которого неслось на меня со скоростью пули, чтобы воткнуться мне под лопатку...

Я даже сначала не разглядел, чья рука держала этот нож. Дернулся инстинктивно, ни на что не надеясь, и острое вместо спины вонзилось в мякоть правой руки чуть повыше локтя. Тут же нападавший нанес и второй удар, правда, я успел развернуться и подставить ладонь. Нож прошил ее, как кусок масла, но я понял, что остался в живых. Мне повезло. Я этого кретина и не знал никогда раньше, но, будь я на его месте... или Джона... уж мы бы не промахнулись. Плевое дело! Рэнкен явно нанял какого-то любителя. Профессионалы так не работают. Не иначе стукач какой-нибудь вшивый купился на очередную подкачку. Я схватил подвернувшийся под руку стул и с размаху опустил его на голову этого идиота. Он отлетел в сторону, и мгновенно рядом со мной и этим типом выросла стена охранников. А Рэнкен сверху, как Господь Бог, взирал на все происходящее. Бак за моей спиной закричал: «Не бей его, Мэнни!» Малыш, да кто ж мне теперь позволит тронуть этого недоноска?! Хватит того, что в штаны он уже наложил. Шатаюсь, поднялся с пола, нож вперед выставил и кричит (а самого ноги не держат, трясется весь): «Это Рэнкен заставил меня... Рэнкен! Не трогай меня! Не надо...» Эх, старикан, куда же ты полез? На кого? Я бы успокоился и остыл, а вот Рэнкен тебе этих слов не простит. Считай, что смертный приговор ты себе уже подписал... Что ж, давай, Рэнкен, доиграем этот спектакль до конца!

— Не бойся, коротышка, — говорю я старику, — скоро все это для тебя закончится. — И я шагнул к нему.

Один парнишка из охранников, что сверху около Рэнкена выстроились, не выдержал и пальнул. Выстрел будто подстегнул старика, и он взмолился:

— Ну, Мэнни, давай...

Я сделал еще шаг, и несчастный был готов припасть к моим ногам, хотя продолжал храбриться. Я сказал ему (а вокруг все замерли: одни в ожидании окончания представ-

ления, другие, вперив взор в прицел, жаждали услышать команду Рэнкена и выпустить в меня из десятков стволов по обойме, а Рэнкен ждал, когда же я разможу этому ублюдку голову табуреткой):

— Давай... Иди ко мне!

— Прости меня, Мэнни! — почти зарыдал старик. — Не трогай меня! Остановись, Мэнни!..

— Ты хочешь заполучить меня? — и я занес руку над ним.

— Нет, Мэнни, — заорал он, испугавшись удара.

— Ты хочешь заполучить меня, да? Ты жаждешь моей крови? На, пей! Жри ее, скотина! — и с каждой фразой я взмахивал и взмахивал ладонью, которая вся была залита кровью, и я забрызгал не только морду и одежду старика, но и свою замечательную, любимую маечку, своего Кондора, что отбыл со мной три долгих года темного карцера. — Вот тебе моя кровь! Возьми ее! Подонок, захлебнись в моей крови...

Охрана плотно встала между мной и стариком, и тогда я решил выложиться до конца. Задрав голову к настилу, я заорал:

— Ты, Рэнкен, хочешь пристрелить меня? Ну, пристрели! Ты, молокосос, возьми меня, убей! Вот он — я! Убей же меня, слабак! Давай же, Рэнкен! Пристрели меня! Сам пристрели, и не присылай больше ко мне всякую мразь, которую ты заставляешь сделать это вместо себя! Я сейчас здесь, видишь? Перед тобой! Ну, не медли, давай же, пристрели меня, и дело с концом! Я с места не сдвинусь, стреляй же! Давай же, Рэнкен! Возьми винтовку, пошевелись же, ты! Ублюдок, кишка тонка, да? Ты обещал остановить мои часики, так останови их, ты, дерьмо!..

Я подзадоривал Рэнкена, провоцировал его, и — видит Бог! — мне бы это удалось, потому что когда я швырнул табуретку и она с грохотом и треском разлетелась на щепки, ударившись о стальные прутья решетчатого настила, Рэнкен готов был всадить в меня пулю. Но, глядя вверх, я не успел остановить Джону, который, отсидев на толчке, пропустил самое интересное, а, вернувшись, все-таки разобрался, что к чему, и, протиснувшись меж охранников, воткнул в пузо старика-неудачника свою финку. И еще раз воткнул. И еще... Хотя и после первого удара не было необходимости в добавке. Джона не промахивался ни

разу в жизни. Вот и теперь: еще один несчастный лежал на полу с распоротым брюхом, и лужа черной крови растекалась вокруг него. Братана не остановил даже мой крик: «Нет, Джона, не надо! Он — мой!» Опоздал я со своим криком. И охрана опоздала, а потому с особым остервенением обрушивала на Джону свои дубинки, ломая его кости и дробя его череп. Им удалось это: лысая башка Джоны быстро превратилась в кровавое месиво. Да и на меня навалилась целая толпа, потому что я орал: «Пустите меня! Пустите, свиньи! Я убью тебя, недоносок!» — уже забыв о том, что вместо недоноска передо мной лежал труп. Сознание стало меркнуть, откуда-то издалека донесся крик Бака: «Джона! Джона!..», — и затих. Малыш, малыш... Где ж ты раньше-то был?! И еще чей-то всхлип: «О, Господи! Неужели никто не остановит все это?!», — после чего, как ответ, раздался громовой голос «Всевышнего»: «Спортивные состязания закончены. Всем заключенным разойтись по камерам. Повторяю: всем заключенным разойтись по камерам. Зал закрывается». Усилием воли я приоткрыл глаза, и последнее, что я увидел в этот день, — труп, который охранники за ноги выволакивали из спортзала...

«Слава Богу, это не Джона!» — подумал я и куда-то провалился...

В тюремной больнице дни сначала летели быстро (я часто терял сознание из-за того, что много крови потерял), а потом поползли еле-еле один за другим. Меня возили в кресле-каталке, я не сопротивлялся, хотя чувствовал себя вполне нормально. Чаще я придумывался, чтобы силы скопить побольше. Джону держали отдельно от всех. То ли потому, что он, как и раньше, готов был развлекать молодежь сказками о тюремных законах, то ли потому, что нуждался в особом медицинском обслуживании. Ребята рассказали, что Джона весь перебинтован — с головы до пят. Перед уходом из больницы мне удалось все-таки с ним потрепаться. Я очень рад был видеть, во-первых, что он жив, во-вторых, что он поправляется.

— Выглядишь ты ужасно, Джона!

— Зато живой!

— Знаешь, этот ублюдок Рэнкен переводит меня в камеру.

— Мэнни, он хочет убить тебя, будь уверен.

...«Джона, Джона... Если б все было так просто...» — подумал я.

— Нет, Джона. Он толкает меня на другое. Он хочет, чтобы я перемахнул через стенку и сделал ноги. Он провоцирует меня.

— Да на улице-то минус тридцать. Куда ж бежать?!

— Но я все равно уйду, Джона. А ты пойдешь со мной?

Я не услышал ответа и повторил:

— Ты пойдешь со мной, Джона? Я подожду тебя...

— Нет, братан,— вымолвил Джона.

Тяжело дались ему эти слова. Не из-за сломанной челюсти, конечно, а потому, что впервые в жизни он вынужден был сказать мне, что отказывается от побега.

— Нет, я не пойду. Здесь мой дом. Здесь я пахан. А там, на воле, я уже не смогу пинки раздавать направо и налево. По крайней мере, так, как раньше, у меня уже не получится.

— Зато у меня получится, братишка.

— Вот ты и иди, Мэнни. Давай, дружок. Иди и покажи им всем.

— Я покажу! Вот увидишь...— Как грустно мне было смотреть на Джону. Конечно, он не выглядел сломленным, но за эти несколько недель, что мы не виделись, он здорово осунулся. И, по-моему, даже постарел.

— Запомни, Мэнни, что бы ни случилось, не дай им вернуть себя. Нельзя, чтоб они опять засунули тебя сюда, приятель.

Я утешил его:

— Я найду себе местечко, Джона. Приятное местечко... Чтоб можно было на солнышке погреться...

Из-за моей спины раздался голос санитара, который меня на кресле-каталке возил:

— Вертухай на горизонте, Мэнни. Пора завязывать.

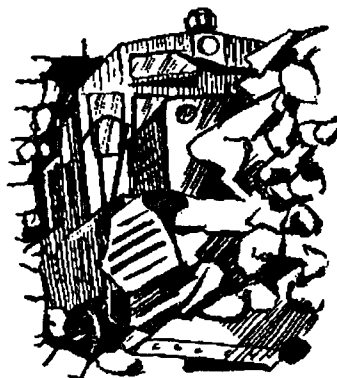
Я посмотрел в глаза пахану.

— Счастливо тебе, Джона!

— И тебе, Мэнни.— В голосе его зазвучали нотки, никогда доселе мною неслышанные: — Братишка, все на тебя смотрят, учти это. Все, кто по эту сторону решетки. И ты не должен позволить разным ублюдкам пришить тебя. Потому что тогда разобьется много сердец. Ты оставляешь здесь много родственных душ. Здесь твои единомышленники. И последователи. И я люблю тебя...

Санитар увозил меня, а я все смотрел и смотрел в худое, разбитое, замотанное в бинты лицо Джоны, и глаза его прошибали мою душу насквозь. Они подбадривали меня и не давали пропасть на этом свете... Я понял в этот миг, что должен сделать то, на что Джона угрохал всю свою жизнь. Иначе грош мне цена!

БАК

Все идет как обычно. Все идет как обычно. Главное — не суетиться...

— Белье в прачечную! Дайте пройти...

Не узнаю свой собственный голос. Назначенное время прошло двадцать минут назад, и я уже замандражировал. Спокойно, Бак! Ты не должен подвести Мэнни!

— Дайте пройти... Кидайте белье в тележку...

Побystрее, приятель, бросай свои занюханные штаны... Белье в прачечную!

Посмотрю, как это делается, и в следующий раз сам рвану отсюда. Сейчас главное — успеть! Мэнни, будь спок! Бак Логан еще никого не подводил.

— Ребята, побystрее тряпки ко мне бросайте. Дайте пройти...

А этой бабе чего надо? С ее-то задницей и работать охранником в тюрьме! Только бы ребята выручили, а то начнет каждую дерюгу рассматривать.

— Эй, девушка, проверь-ка, чего ему там в тележку насовали... Ищи получше!

Молодцы-ребята, услышали мой призыв...

— Лучше, дорогая, в моих штанах поищи! У меня тоже найдется, чего тебе сунуть...

Удачно сострил, Толстяк, в другой раз я бы посмеялся над твоей шуткой. У кого в штанах бессмысленно что-либо искать, так это у тебя. И под юбку ты вовремя

полез — она, как ужаленная, от тележки и от твоей решетки отскочила. Бросилась мне дверь открывать. Я — твой должник, Толстяк, ты мне пять минут сберег. А то и все десять.

— Белье в прачечную!

С этим криком я выскочил в коридор, а там меня уже ждал Мэнни:

— Опаздываешь, приятель...

И в ту же секунду скрылся в моей тележке вместе с приличных размеров спортивной сумкой. Мгновенно зарылся в грязное белье, будто всю предыдущую жизнь только этим и занимался. В Аризоне я один раз видел нечто подобное: змея в песок ушла, доля секунды — и нет ее... Я двинул тележку и повернул за угол, пробормотав:

— Прости, друг. Нас с помывкой задержали.— И истошно завопил:

— Белье в прачечную!

В конце коридора сидел Джексон. Он слышал мой крик и равнодушно листал журналы в поисках голых красоток — помешаны, что ли, все негры на телках? — и в ожидании моей тележки. Нужно чем-то отвлечь Джексона, иначе он нюхом почует что-нибудь подозрительное. В его дежурство происшествий не бывает. О побегах уж я и не говорю. Только бы отвлечь от тележки!

— Пропусти, начальник. Белье в прачечную везу. Пропусти!

Как же медленно он отпирает дверь! Вылупил на меня свои зенки...

— Как жизнь, Джексон?

— А что?

Он открыл — наконец-то! — эту дерьмовую дверь и пропустил меня.

— Да нет, ничего. Везу вот белье в прачечную и думаю: а поинтересуюсь-ка я, как дела идут у начальника.

— А чего тебе-то? Чего ты это вдруг заинтересовался? Может, случилось что?

Джексон запер дверь, повернулся ко мне и резко и неожиданно наклонился над тележкой...

Я понял: если Джексон начнет рыться в грязном белье, если он хотя бы лапу свою поглубже сунет, — это конец. И я воскликнул (не столько громко, сколько неожиданно для охранника): «Да, Джексон! У меня же для тебя сюр-

приз, приятель!» Тот застыл, повернул голову, недоверчиво взглянул на меня: «Какой еще сюрприз?»

Первый раунд — за мной. Продолжаю натиск: «Ну как же?! Ты что, забыл?» Сам мне рассказывал, что твой на следник собирается в этом году в «Золотых перчатках» выступать...» Джексон разогнулся, любопытство взяло верх: «Ну и?..»

И второй раунд — мой. Теперь — поразить его наповал... Я вытащил из-за пазухи свои любимые перчатки, чемпионские, политые кровью и потом, обласканные мною, и протянул их Джексону: «Держи, приятель, они твои», — после чего тут же толкнул тележку с бельем и с Мэнни на площадку грузового лифта. Джексон не мог глаз оторвать от подарка, машинально протянул руку в сторону и нажал кнопку «Вверх», пробормотав: «Спасибо, Бак». О, как медленно ползет этот черепаший лифт! Надо поэффектней провести концовку поединка с этим негром... Я потрепал его по плечу: «Да ладно, чего уж там... Знаешь, Джексон, что я тебе скажу... Ты всегда казался мне чертовски добрым малым, а потому я уступаю тебе это свое дерьмовое хозяйство всего за 80 «зелененьких». Мнесто они за две сотни долларов достались, но тебе, начальничек, я уступаю за 80, так и быть»... Ха! Он растерялся, как будто я ему сказал, что Рэнкен сдох: «Бак, у меня нет 80 долларов...», — и хотел, было, вернуть мне перчатки, но тут я его и достал: «Нет проблем, начальник. Какие могут быть счеты? Я же сказал: с тобой-то мы найдем общий язык. Я боксер, твой сын боксер... Считаю, что тебе долгосрочный кредит открыл... Ну, скажем, ты вернешь мне бабки, когда они у тебя появятся!» И я, довольный, заржал, а Джексон тоже не удержался и хмыкнул: «Тогда, конечно, все в порядке».

Наступила пауза. Сколько же будет ползти этот дерьмовый лифт! Я повторил: «Нет проблем, начальник! Я знал, что мы с тобой всегда договоримся. Что все будет «о'кей»... Джексон кивнул, не отрывая глаз от моих роскошных, перевязанных чемпионской ленточкой перчаток: «Да уж... Рукавички что надо!» И снова — пауза. Молчать нельзя! У ниггера нюх, как у овчарки! А у меня в голове — пустота. Только одна строчка вертится: «А у моей маленькой Мэри есть одна маленькая штучка...» И я нелепо брякнул опять про перчатки: «Правда, нравятся?»

Джексон посмотрел на меня повнимательней: «Да, конечно», — и я не выдержал, отвел взгляд в сторону... О, спасение мое! На стуле Джексона лежал журнал, который он листал в ожидании моей тележки. Это был свеженький номер. «Девчухи». Я сам обожаю рассматривать снимочки, выбирая, кого из малышек я трахнул бы при первой же встрече. Мне даже не понадобилось разыгрывать восторг: «Боже мой! Январь 1985-го! Какая телка! Высший класс эта белая кошечка, правда, Джексон?» Он глупо хихикнул: «Ничего, ничего...» «Да какое там «ничего»! Ты посмотри, начальник, у нее же все на месте. Я так думаю, этот Хью Хеффнер, черт бы его побрал, в своем «Плэйбое» даром времени не терял. Уж он-то знает толк в том, что у бабы между ног спрятано, правда, Джексон?» Негр одобрительно кивал: «Конечно, знает, конечно...» Я подмигнул ему: «Слушай, Джексон, а как насчет?.. Ты и она, а? Как?» Он тупо уставился на меня: «Что?» Ну и козел! «Что? Что? Ты хотел бы ее ноги себе на плечи положить, а? Это ведь не страшно, что она белая, правда? Зато девочка в самом соку, скажи, Джексон?» Он не успел ответить. Лифт заскрежетал и остановился. Я уже думал, что мы так до неба подниматься будем. Я толкнул тележку, с места не так-то легко ее сдвинуть, но Джексону надоело, видно, стоять или сидеть без всякого смысла: «Дай-ка я тебе помогу, парень», — и мы вдвоем налегли на тележку и выкатили ее с площадки лифта. Негр вернулся, и я бросил ему вслед: «Знаешь, Джексон... Ты все-таки передай своему малышу, что я ему желаю удачи, ладно?» Он выглядел очень расстроганным: «Спасибо тебе, Бак! За все спасибо, дружище!» А я покатыл по двору тележку, бормоча: «Это тебе спасибо, Джексон! Тебе спасибо...», — и завопил, как резаный, чтоб слышала тюремная охрана: «Везу белье в прачечную, начальнички. Белье в прачечную везу».

Внутренние ворота открылись, и я вкатил тележку во дворик. Темнота на улице — глаз выколи! Если бы не прожектор охраны, не сразу и сообразишь, куда ехать. Теперь миновать вышку с часовым — и бегом к стене дизельной, в спасительную тень. Вспомнил Джексона и вполголоса, обращаясь к Мэнни и надеясь, что он меня слушает, говорю: «Видал такого?.. Эти белые кошечки все время достают сукина сына Джексона...» Из глубины тележки

донеслось глухо: «Заткнись!» И это вместо благодарности?.. У дизельной я тормознул: «Все в порядке, приятель. Вылезай! Вылезай...» Белье зашевелилось, и показался Мэнни. Он отряхнулся, расправил с хрустом плечи, перемахнул через борт тележки. Я нерешительно сказал ему: «Ну, давай, топай...» Мэнни на ходу ответил: «Спасибо, малыш». Я теперь твой должник», — и исчез за дверью дизельной. Все заготовленные заранее речи выпали из моей памяти, голос в один миг сел, и я прохрипел: «Эй, Мэнни... Возьми меня с собой», — но дверь медленно закрылась за ним. Я затоптался на месте: «Вот черт! Я тоже иду», — и начал зачем-то вытряхивать грязное белье из тележки: «Я тоже иду, дружище! Провалиться мне на этом месте»... Мне понадобилось несколько секунд, чтобы решиться. В конце концов, почему Мэнни может на это пойти, а я — нет? «Да, черт возьми, я иду! Я иду, Мэнни. Я тоже делаю ноги...» — и, приоткрыв дверь, я скользнул в крошечный мрак дизельной.

Когда глаза привыкли к почти полной тьме, я увидел в глубине здания, рядом с огромной застывшей машинной глыбой, голого Мэнни, который мазал себя каким-то дерьмом и обматывал кусками ленты-липучки. Мне показалося на мгновение, что он свихнулся, и я окликнул: «Эй, Мэнни!..» Голос мой гулко отозвался в стенах дизельной, и Мэнни раздраженно оборвал меня: «Заткнись, кретин! Что ты здесь делаешь?» «Ну, я подумал, может, я пригожусь тебе, приятель...» Он снова презрительно проговорил: «Да что от тебя толку?» Я взорвался: «Да пошел ты... У меня две руки, а у тебя, что ни говори, одна. И потом, я ведь могу не только самого себя тащить, так что... В общем, смотри...» Уже спокойно Мэнни добавил: «Я взял теплые свитера». Он хотел остановить мой порыв, но еще больше подстегнул меня, и я завопил: (если можно завопить почти шепотом): «Вот сукин сын! Посмотрите-ка на этого придурка» Наверное, Мэнни был покорен именно тем, что я не сломался под его напором. Он сказал только: «Ладно. Раздавайся. Обматывай себя тюленьим жиром и обматывай липучкой...»

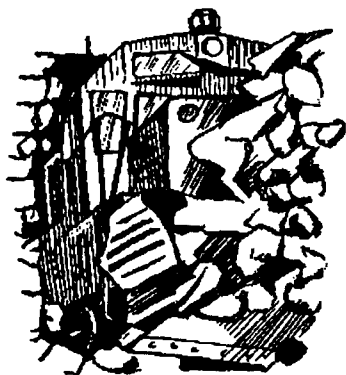
Я начал раздеваться и, чем больше снимал с себя одежды, тем сильнее чувствовал дьявольский холод зимней аляскинской ночи. К тому же меня колотила дрожь исчезающего напряжения после поединка с Джексоном, и я

лишь бормотал: «Ладно... Ну, держитесь... Ладно...» Когда же первый шлепок вонючего и разбавленного еще каким-то дерьмом жира растекся по моему телу, пронзил меня, я вскрикнул: «О, мамочка! Какая мерзость!» Но, глядя на Мэнни, я все больше входил в ритм его движений: шлепок жира — оборот липучки вокруг тела — шлепок жира... Я только приговаривал: «Черт побери! Черт побери!» Через минуту все было закончено, и я спросил: «Отлично, Мэнни... Что делаем дальше?» — но он опять оборвал меня: «Заткнись, понял?! Слишком много болтаешь!» — потом взял инструмент и начал колотить по крышке люка в полу дизельной. Смерзшееся железо с трудом поддавалось, но все-таки Мэнни одержал победу, выбил крышку из пазов и сдвинул ее в сторону. Я посмотрел в черную дыру бездны, развершейся передо мной: «Надо идти. Стало быть, теперь мы идем туда?» Мэнни коротко резанул: «Я иду», — и спустил ноги в яму: «Поддай рюкзак». Я взял рюкзак, протянул его Мэнни, а в ответ услышал только: «Задвинь крышку на место», — после чего Мэнни исчез в дыре. Я понял, что это еще не самое главное испытание, и утешил сам себя: «Ох, не нравится мне все это дерьмо...» Забравшись в яму, я приподнял крышку люка, поставил ее на место и спустился следом за Мэнни. Тот уже шел, разгребая перед собой дерьмо, по канализационному тоннелю, и я услышал голос: «Ну, что же ты? Идем, идем... Догоняй.» В глотке у меня будто ком застрял от этой жуткой вони, и я захрипел: «Иду, Мэнни, иду». Он ободряюще бросил через плечо: «Держись, Бак». В этот момент я оступился и чуть не ушел с головой в эту мерзость. Чтобы прийти в себя, не подумав о последствиях, я сделал глубокий вдох и тут же сблевал перед собственным носом. «Да что же здесь так воняет-то, а, приятель? — заорал я. — Черт бы побрал все это!» Мэнни издевательски спросил меня: «А в чем дело, дружок? Тебе разве никогда не приходилось бывать в канализации?» «Знаешь, если б когда-нибудь раньше... — начал я говорить, но осекся: передо мной проплывала парочка гигантских крыс, одна из которых хищным глазом зыркнула в мою сторону, из-за чего я поскользнулся в очередной раз. — Подожди, Мэнни... Я, кажется, опять руками схватил здоровый кусок дерьма». «Не переживай, — сказал Мэнни. — Дерьмо отмывается. — И добавил: — Дай-ка мне мешочек». Он забрал у меня

рюкзак и продолжил путь: «Кстати, если тебе захочется поблевать, то здесь самое место...» Я подумал: «На этот раз твой совет опоздал, Мэнни. Я уже...», — но вслух произнес только: «Мерзость! Какая мерзость!» Отвлекаясь на крыс и стараясь не вляпаться больше в дерьмо, я не заметил, как перед нами выросла железная решетка, перегораживающая тоннель. Я попытался пошатнуть ее, но она не шелохнулась: «Вот дьявол! Такая крепкая! Что будем делать дальше?» Но Мэнни ни капли не был удивлен: «Ладно, успокойся, Бак. Держи мешок. Держи, держи. Нежненько. Как ребеночка. Как ребеночка...» И приговаривая что-то еще себе под нос, Мэнни достал расширитель, вставил между прутьев решетки и начал крутить ручку-рычаг. Хотя я уже немного притерпелся, с трудом удавалось удерживать себя от глубоких вдохов, и я снова, лишь бы отвлечься, забормотал: «Ну и вонища здесь! Ну и вонища здесь! Ну и вонища...» На этот раз Мэнни услышал мои стоны: «Что? Тебе не нравится этот запах? Так это запах свободы, братишка...» Просвет между прутьями решетки стал достаточно широким, и Мэнни скомандовал: «Пошли!» Я хотел еще немного передохнуть и позвал его: «Подожди, дружище! Мэнни... Послушай», — но он уже протиснулся сквозь решетку и попросил меня: «Посвети-ка мне». Я посветил. «И рюкзак дай». Я передал. Мэнни повернулся и зашагал дальше по тоннелю. Я заныл: «Ладно тебе, подожди. Ну, подожди, приятель. Подожди же, в конце концов. Подожди меня...» — и тоже протиснулся сквозь решетку. Через несколько метров я увидел Мэнни около какой-то дыры в стене и поспешил поделиться неожиданными чувствами: «Знаешь, наш Рэнкен, должно быть, в штаны сейчас кладет. А когда до него дойдет, что произошло, он вовсе коньки отбросит. Правда, Мэнни?» Тут я обратил внимание, что Мэнни будто изучает в этой дыре что-то, будто вслушивается во что-то, и еще я не увидел в его руке фонарик, который он только что держал, и спросил: «Мэнни, послушай, а где фонарик?» «Упал», — как-то странно ответил он. «Куда упал?» — не понял я. «Туда, — и Мэнни показал на дыру. — В Американку. Здесь высота метров 90. Или 100. До речки Американки». Я попытался представить себе прыжок с такой высоты в зимнюю речку, и мне стало дурно: «Ну, нет... Дружище, меня никто не предупреждал ни о каких ста мет-

рах. И вообще я боюсь высоты». «Тебя никто не предупреждал, потому что никто и не приглашал сюда.— Мэнни зло посмотрел на меня.— И если тебе хочется вернуться, давай — валяй». «Ну уж нет»...— решил я, а Мэнни сказал: «Все. Я пошел»,— и нырнул в дыру. От страха и для храбрости я заорал во всю глотку и нырнул следом. На неимоверно дикой высоте мы вылетели из трубы канализационного люка тоннеля и в потоке воды и дерьма плюхнулись в реку. Бушующая Американка с бешеной скоростью завертела меня и Мэнни, каким-то чудом пронося нас мимо камней, но силы мои таяли, и я опять закричал, даже не надеясь, что Мэнни услышит меня: «Я тону! Мэнни! Мне нечем дышать!...»

РЭНКЕН

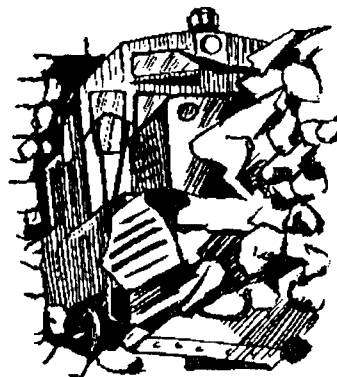
Скотина! Подонки! Ублюдоки! Мэнхейм! Значит, он решился?! Он бросил мне вызов? И теперь весь этот сброд торжествует! Скандируют «Мэнни! Мэнни!», как будто наши поиски не увенчались успехом. Да наши поиски еще не начинались. Рано праздновать победу, скоты! Значит, отсюда ушел Мэнхейм, из дизельной? И прихватил с собой молоко-соса Логана? Вот и охранник

не сомневается, показывая дыру в полу... Значит, Мэнхейм сделал это? Сукин сын! Он сделал это! Ну что ж... Пусть жгут бумагу и всякое рвань! У нас на каждую камеру найдется хорошенький брандспойт. Для начала я утоплю их торжество... Что же касается Мэнхейма...

— Сержант! Прекратите поиски внутри тюрьмы. Уведомите о происшедшем Полицией Управление штата. Отправьте им фотографии беглецов. Словом, вы знаете, что делать...

...Теперь, когда завертелась официальная машина, я должен опередить всех, чтобы расквитаться с Мэнхеймом. Господи, обращаю к тебе мольбы свои! Прошу тебя, Господи: не убивай их! Позволь мне это сделать... Мне!!

МЭННИ

Нельзя останавливаться! Рэнкен наверняка уже начал поиски. Он не простит мне этот побег. Зря я разрешил этому мальчишке идти со мной! Одному легче. Мало того, что разыгралась пурга, так еще и его нытье приходится выслушивать. Боюсь, меня надолго не хватит...

— Мэнни, да подожди ты... хоть минуточку... черт тебя побери...

— А ты лучше вытащи гвоздик, который у тебя между ног болтается.

— Мэнни, я не хочу умирать...

— Мне тоже больно.

— У тебя, по крайней мере, есть ботинки. Ты хотя бы знаешь, сколько нам еще идти?

— Полмили, наверное. А вообще, кто его знает...

— Ну, полмили я еще, может, и выдержу... О, Господи! Ботинки!..

Зачем я его взял? Зачем? Будут ботинки, он все равно не перестанет ныть. Ему бы только перед девочками выпендриваться. Вот и станция. Слава Богу, никого нет. Надо передохнуть и придумать, как отсюда дальше рвать.

А этот сосунок пусть поищет себе какую-нибудь обувку в шкафчиках у рабочих.

- О, Господи! Господи...
- Бак, поставь-ка вон тот ящик к двери.
- Что?

Прикидывается придурком, а сам пока что делает то, что я говорю. А мне больше ничего и не надо. Придет день, и при первой же возможности я сделаю все, чтоб этот Логан отвалил от меня.

— Мне нужны какие-нибудь дерьмовые ботинки. Знаешь, Мэнни... Это просто невероятно. Только двоим ребятам удалось слить из этой тюрьмы, да и то лишь один раз. А ты этого придурка накалываешь уже третий раз. Ну!.. Ты не представляешь! Рэнкен, этот старый козел, наверняка уже в штаны напустил! А наши фрайера, приятель, просто обалдели, Мэнни, от восторга обалдели! Я тебе говорю...

Снаружи что-то не так. Вон кто-то сюда идет...

— Замри, придурок!

— Да ладно тебе, дружище. Никто здесь не собирается подслушивать нас.

— Только попробуй послушаться меня.

— Послушай, Мэнни. Только не надо меня за дерьмо держать, ладно?

— А что, не нравится?

— Нет.

— Ну да, конечно, ты же у нас испытанный боец, да? Чемпион? Тогда давай, подерись со мной. Ну, давай, шевелись...

— Вот черт... нет... Я не дам тебе повод убить меня.

— Правильно. Не давай мне повод.

— Ну ладно, мне просто нужны хоть какие-нибудь ботинки, Мэнни.

Так и быть, попробую помочь ему. Хотя он и хвастался, что у него две руки против моей одной. Еще пара ударов молоточком, и шкафчик откроется...

— Так... И что мы имеем? Господи, ниспошли мне ботинки. Пусть там окажутся ботинки! И вот этот капюшончик я хочу, Мэнни. Я, правда, хочу его. И мне нужны хоть какие-нибудь ботинки, Мэнни. Хоть какие-нибудь... Посмотри сюда, приятель, что здесь есть. Посмотри...

Везет же дуракам! Ботинки еще не успел найти, а бутылочку уже хочет оприходовать. Нет уж, если он сейчас «бурбон» вылакает, он точно никуда не пойдет...

— Только один глоток! Согрейся и дай ее сюда.

— О, мамочка! Жизнь прекрасна!..

Опять кто-то мелькнул. Сначала в дверь стучались, потом — в окно. Ушли, но скоро наверняка будут снова здесь. Надо литься отсюда...

— Ладно, подъем! Пошли!

— Подожди, друг... Мне нужны ботинки... А вот и они. Я нашел ботиночки. Теперь мне нужны носки. Какие-нибудь дерьмовенькие носочки. Подожди минутку, приятель. Всего одну минуточку... Ну вот... Отлично.

О, Господи! Что за клоун! Что же мне на партнеров-то не везет?! Я так надеялся на Джону, а пришлось уйти с этим кретином. Теперь не промахнуться бы с поездом. Все ж таки путь предстоит дальний...

— Мэнни, давай вот на этот сядем...

— А ты знаешь, куда он идет?

— А хоть бы куда угодно. Мне всюду хорошо.

— Не каждый поезд идет «куда угодно». Я бы не хотел оказаться, например, в локомотивном депо.

— А это что за чудовище? Весь в инее, поезд-не поезд, локомотив-не локомотив. Старый какой-то, я такой в глубоком детстве видел. Станный состав: четыре локомотива, вагонов нет. Скрежет сцеплений, как треск суставов. А что если?..

— Эй, посмотри. Посмотри туда. Вот он, мой лимузин, что довезет меня до Бродвея...

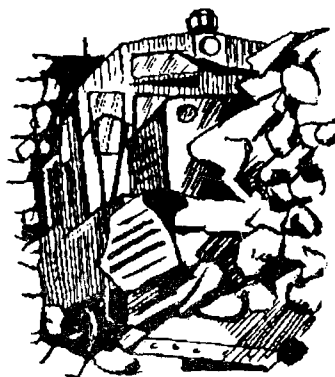
— Почему именно этот, Мэнни? Почему он?

— Потому что я так хочу!

Лок медленно перебирался с одного пути на другой. Он разминал свои суставы не торопясь. Будто нехотя вращал колесами. В одну десятую силы дал гудок, прочищая застоявшийся воздух в металлических легких. Лок чувствовал руку старика Эла, чувствовал ее немалую мощь, но не оставил без внимания и несколько не совсем уверенных движений машиниста. Тогда Лок понял, что сегодня — его день. Перед ним вновь всплыло воспоминание о паровозной свалке, где валялись искореженные, изуродованные временем и человеком локомотивы, вагоны, детали механизмов... «Нет! — встряхнулся Лок. — Не сдамся!» В этот момент Эл перевел ручку дроссельного клапана на «восьмерку», открывая его почти на полную, и Лок решил в последний раз повиноваться руке своего властелина. «Бывшего властелина», — уточнил Лок, набирая скорость. Эл, будто уловив не понятно откуда взявшееся чудовищное внутреннее сопротивление, вздрогнул от страшного удара в грудной клетке. Собственное сердце рвалось наружу, оно не давало ему дышать. Эл раскрыл широко рот, чтобы набрать воздуха побольше, одновременно положил руку на аварийный тормоз, но сердце чуть раньше успело разлететься в клочья. Эл повалился на бок всем телом, дверца кабины распахнулась, и он неуклюже выкатился на рельсы, чудом не попав под колеса своего Лока... Элу было

бы очень больно, если бы он мог ощущать что-нибудь, но Лок недаром молил Бога, чтобы старику сегодня повезло. Эл умер, мгновенно. «Хотел бы я, — подумал Лок, — чтобы повезло и тем двоим, что зачем-то запрыгнули ко мне на ходу и спрятались в туалете четвертого локомотива, но это уж как выйдет. Они сами выбрали себе транспорт, а куда ехать — попробую выбрать я сам»... — и, вырвавшись на свободный путь, Лок рванул всю сцепку вперед. В неизвестность.

ФРЭНК БЭРСТОУ

Угораздило же меня с моими мозгами и моим талантом попасть в Богом и правительством забытые места. Я гений железнодорожного управления, а сижу на Аляске, где всего-то одна вшивая дорога. Ветку в Джуно вообще дорогой называть нельзя. Продолбили из Фэрбенкса в Сьюард сквозь горы и ледяные пустыни несколько путей, а управлять движением некому. Не алеу-

тов же сажать за пульт. Тут всегда находится крайний: «Фрэнки, старина, мы на тебя надеемся, ты нас не подведешь, сделай все, как следует, а мы, как только ты им там на Аляске системе управления наладишь, переведем тебя на Большую землю, приличное местечко подыщем...» Вот и нашли дурачка! Фрэнки им систему, а они Фрэнки — прибавку к жалованью. Три сотни — за счет уволенных на пенсию. Подтереться этими тремя сотнями!.. Так и скажу при встрече этому Макдональду: «Да подотришь ты этими тремя сотнями!» Нет, нет так... лучше так: «Да вытри мне задницу этими тремя сотнями!» Во всю глотку заору:

— Послушай, ты! Вытри мне задницу своими тремя сотнями!

— Фрэнк, тебя к телефону! Долго ты на толчке собираешься сидеть?

Дейв меня достал. Не придумал ничего лучше, как при-
слать Руби в мужской туалет. Она, конечно, ничего себе,
но не в моем вкусе, да и жених у нее — хуже мордоворота
не бывает... А она, идиотка, стоит и ждет, пока я с унитаза
встану, штаны застегну... Слава Богу, я имя Макдональда
не произнес вслух, когда орал насчет трех сотен! Или про-
изнес?!

— Тебя к телефону, Фрэнки!

— Спасибо, Руби! Что стряслось, Дэйв?

Дэйв кричал в трубку:

— Подожди, не тарахти, Паласки! Понял? Не та-
рах-ти! Черт бы тебя побрал! Он уже рядом. Передаю
трубку...

Он протянул мне телефон.

— Пока ты на унитазе со своим членом беседовал, у
нас на одиннадцатом поезд сбежал...

Из трубки был слышен истерический вопль Паласки
(ох, уж эти мне кандидаты в пенсионеры!):

— Центральная! Где ты, Центральная?

— Это я, Фрэнк Бэрстоу, с Центральной. Говори,
Паласки, что случилось?

— У нас на одиннадцатый путь вырвался поезд-беглец.
Машинист, как куча дерьма, из кабины вывалился. Там
были Кэссиди и Райт рядом. Они ничего не успели сделать.
Кэссиди сказал: «Смотри-ка, это сцепка Эла! Он что, сов-
сем уже свихнулся?!» Райт говорит, что тоже ничего не
понял, только подумал: «Какого черта? Что ему здесь
надо?» Пока они думали, из кабины вывалился Эл. Ребята
подбежали, а Эл — холодненький. Еще двое наших рядом
оказались, Найт им сказал: «Дуйте, ребята, за скорой!» А
Кэссиди тут же меня по радио и вызвал: «Паласки! —
орет. — Паласки! Это Кэссиди. Эл упал с поезда. Он мер-
твый! А его поезд уходит со второго пути!» Я даже не
понял сначала, о чем он: «Паласки! Сцепка из четырех
локомотивов! Умоляю: останови ее! Немедленно! Ради
Бога, Паласки! Они уходят на одиннадцатый... Останови,
Паласки!» Я даже заикаться начал: «Н-н-не м-м-мо-
гу! — говорю. — Уже п-п-позд-н-но!» И сразу вас вызвал...
звоню, звоню... а у вас...

Дэйв оборвал источник этого словесного поноса, кото-
рый вылился на нас за три секунды:

— Не тарахти, Паласки! У Фрэнка вопрос к тебе.

— Паласки, ты уверен, что на сцепке больше никого
нет?

— Да откуда же мне знать-то?! Он уже, черт бы его
взял, девять миль отмахал, а скорость все растет, а мощ-
ность у него — дай Бог! — а я вам звоню-звоню...

Тут, конечно, я не выдержал:

— Сколько? Девять миль? Так чего же ты, старый
козел?..

— Чего я?! Опять я?! А что я могу сделать? Я на мони-
торе как увидел, что он со второго на одиннадцатый успел
переползти, так сразу и понял, что мне его не удержать.
Я подумал, что лучше надо вас вызвать. Звоню вам,
звоню...

— Заткнись! — я еле сдержал себя, чтоб не добавить
пару крепких слов, но с шумом набрал полную грудь воз-
духа, выдохнул и тихо сказал в трубку, где голос Паласки
продолжал бормотать что-то невнятное:

— Помолчи, Паласки! Ты можешь успокоиться и
помолчать?..

— Ладно, ладно, Фрэнк, я молчу.

Наступила тишина, в моей голове заработал компью-
тер, которым я всегда гордился, и тут же выдал наилучшее
решение:

— А теперь слушай, Паласки, что мне от тебя нужно.
Я хочу... чтобы ты перевел сцепку... внимательно слушай и
запоминай, понял?.. на главную дорогу... на первый путь...

— Я понял, Фрэнк!

— Ты понял меня, Паласки?

— Конечно. Будет сделано, Фрэнк!

— ...А там уже я придумаю, как его перехватить...

— Отлично, Фрэнк!

Я услышал, как Паласки положил свою телефонную
трубку и пошел, надеюсь, переводить стрелку. Теперь
можно уделить пару минут своим подчиненным...

Я повернулся, не отходя от пульта, в кресле к Дэйву и
Руби:

— Ну, маленькие мои! Так что мне пел этот Паласки?

«Я звонил-звонил... Центральная! Центральная... Тре-
вога! Тревога!..» Черт бы вас всех подрал, вы что, не могли
сразу трубку снять? Трудно было задницу свою от стула
оторвать? Дэйв, ты о чем-нибудь, кроме баб, хоть иногда
думаешь?

— Шеф, свежий номер «Девчушки» пришел, — начал оправдываться этот недоросль. — Я сидел, листал журнал, говорю Руби: «Вот бы эту курочку мне на десерт, уж я бы ее поимел...» И тут звонок. А Руби коготки чистит. Я говорю: «Руби, ты что, не слышишь? Почему ты не отвечаешь на телефонный звонок?» Шеф, в конце-то концов, — все Дэйв и Дэйв... Это же ее обязанность к телефону подходить.

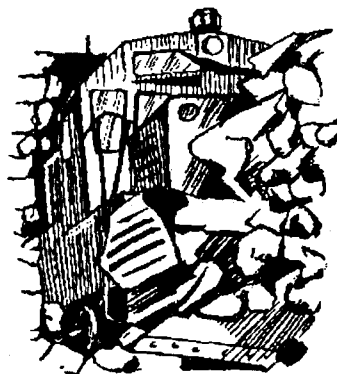
Я ей говорю: «Хватит, Руби, ты и так неплохо выглядишь»...

А она молчит. «Кто, — говорю, — позарился на твою ленивую задницу, а, Руби? Признайся, с кем трахнулась, чтоб сюда на работу пристроиться...» Ну, шеф, пришлось-таки мне самому бросить этот журнал и взять трубку: «Слушаю, — отвечаю я, — это Дэйв Принс говорит с Центральной». А там Паласки орет: «Дай мне Бэрстоу! Немедленно! Это Паласки...» А я ему: «Да узнал я тебя, старикан...» А он из себя выходит: «Ты еще узнаешь меня, задница твоя черномазая, зови этого вонючего козла Бэрстоу!..» Шеф, я не придумываю, он именно так и сказал: «Зови, — говорит, — этого вонючего козла Бэрстоу. У меня ЧП случилось. У нас всех, — говорит, — случилось огромное ЧП. Неуправляемая сцепка из четырех локомотивов умчалась со станции...» Вот тут-то я тоже на Руби свою злость сорвал, потому что она все слышит, а продолжает когти точить... «Пошла-ка ты, Руби, отсюда!.. — заорал я ей... — За Фрэнком! Бегом!!! В туалете он! Веди его сюда!.. Скажи, что у нас неприятности. Тревога у нас, скажи!» А Паласки мне все уши успел прожужжать: «Поезд сбежал! Четыре локомотива! Одной сцепкой! На одиннадцатый путь вырвались...» Шеф, с кем не бывает???

Я молча слушал, как он распинался передо мною. Я всегда жду, когда иссякнет этот поток дерьма. Что Дэйв, что Паласки, — два сапога пара! Я подожду, а потом спокойно выскажу ему все, что изложу в докладной Макдональду, пусть начальник сам решает, держать ли ему здесь этого недоучку. Ну, а что касается Руби... Руби, у меня теперь, пожалуй, в ловушке: будет в постели свои грехи замаливать. Если, конечно, не захочет теплое местечко потерять... Опять вызов...

— Фрэнк, это Паласки. Я перевел стрелку! Там рядом со мной в снег что-то упало и зашипело. Я хотел поднять и обжегся. Это тормозная колодка, Фрэнк. Беглец несется, как сумасшедший. У него горят тормозные колодки, Фрэнк...

РЭНКЕН

Ледники, ледники... Кругом сплошная пустыня. Ни пятнышка. По крайней мере, спрятаться здесь невозможно. Но из канализации путь был один — в Американку. А из речки где-то они должны были выкарабкаться. Я уверен, что они не утонули. Во всяком случае, второй вертолет я пустил вдоль реки — вдруг где трупы выбросит на берег.

Но Мэнхейм не для того сбежал, чтоб в Американке утонуть. Хотя в первый свой побег он действительно на самом краешке от смерти стоял. И если бы не его приятель-кретин, как там его, Йонас Трайкер, кажется, которого Мэнхейм зовет Джона, то уже тогда, пятнадцать лет назад, было бы одним подонком на свете меньше. Йонас да чудо спасли тогда Мэнхейма. Пожалуй, прошло даже побольше чем пятнадцать лет с тех пор. Ну да, конечно, по всей стране после Аттики чиновники да инспектора гоняли. Из тюрьмы в тюрьму. Все выматривали, вынюхивали. С заключенными беседовали, настроения выясняли. А по мне, так в Аттике поступили именно так, как надо. Только припозднились чуток. Как только бунт начался, тут же и следовало взять в оборот все это чертово гнездо. Все равно стрелять пришлось. И ясно было, что без пальбы не обойдется. Так что нечего было цацкаться с паршивым гнильем. А тем более потом — кого, спрашивается, испугались? Журналистов? Щелкоперов вонючих? «Общественное мнение», «права человека»... Права человека, как я понимаю, — это когда нормальный

гражданин своей страны живет и работает спокойно. А значит, каждый комми и каждый цветной должен знать свое место. И уж тем более зэкам ни к чему поблажки. У меня тогда был Дом как Дом. Такую образцовую тюрьму, как у меня, еще поискать в те времена пришлось бы. Какому-то вшивому инспектору показалось, видите ли, что на Аляске в кирпичной тюрьме заключенным холодно. Им, видите ли, перевоспитаться нет никакой возможности в кирпичной тюрьме. Да ее, мать их так, строили первые поселенцы. А уж они-то знали толк во всем, что своими руками делается. А инспектор, понимаете ли, сделал выводы. Надо, написал в своем отчете, заменить кирпич на цементно-бетонные блоки с трубами внутри них, чтобы горячей водой эти стены согревались. «Пусть засунет он свой дерьмовый отчет себе в задницу!» — сказал я старику-начальнику, но тот все-таки струсил. Мне ничего не возразил, даже как будто бы согласился со мной, а потом я утром просыпаюсь и вижу, как подъемный кран и первые грузовики с блоками во двор моего Дома въезжают. Я к ним выскочил: «Вон отсюда!» — кричу, а водители мне: «Ничего не знаем. Нам начальник тюрьмы мистер Скэнлон приказал». Мистер-дристер, козел сраный. Я как чувствовал, что до добра эта перестройка не доведет. Меня сначала чуть сами зэки не выручили. Им же потесниться пришлось. Переселять некуда. В одном крыле идут работы, все сидят по камерам в других отделениях. Я тогда даже помещения карцеров до отказа забил. Эти сволочи и взвыли. А потом вдруг разом приутихли. И я все понял только, когда ЭТО уже произошло. В грузовики, что за пределы тюрьмы выезжали, обычно сыпали сначала мелкий мусор, а потом сверху битый кирпич наваливали. Конечно, все под надзором охранников. Да и водителям-вольным было приказано следить за погрузкой — под страхом попадания ко мне в Дом уже в ином качестве. А тут шоферюга задремал, потом сказал, что трое суток на свадьбе брата гулял, скотина, мать его, чтоб у него член отсох перед собственной свадьбой. Охранник тоже недосмотрел, я его на губе потом гноил полгода. Уже на выезде за ворота тюрьмы один паренек с вышки усмотрел, что вроде как кирпич пошевеливается в кузове. Это на морозе-то... Свистнул начальнику караула, тот по тревоге отделение поднял, машину тормознули, кирпич разбросали, — точно! Голубчик! Аж посинел уже. Ко мне привели. Я ему: «Ты мне спа-

сибо сказать должен, что я тебя от смерти спас. Кирпич в горы везут и с обрыва сбрасывают. Там бы ты свой конец и нашел. Как зовут-то тебя?» А он, этот Йонас Трайкер, только усмехается. Ну, чтоб он имечко свое вспомнил и вслух произнес, я его ребятам отдал, чтоб потоптали его как следует и гравитацию устроили, а потом он у меня в карцере отдыхал. Там я его навестил и вразумил, что всех ублюдков сам я знаю поименно, кто, когда, за что и сколько получил по закону — помню без бумажек, и «как зовут?» спрашиваю только лишь из формальных соображений. А он опять усмехается. Вечером на поверке я понял, почему он усмехался. Он слышал, — сразу, как его в мой кабинет завели, — что я отдал распоряжение кирпич обратно в машину закидать и продолжать работы по плану. И кому, как не Трайкеру, было знать, что в том же грузовике, уже на самом его дне, прятался Мэнхейм. И вечером, когда выкликали всех, кто работал на стройке, обнаружилось, что не хватает еще человека. Кроме Трайкера, который уже в карцере сидел. Как уж Мэнхейму удалось и лишний час в машине высидеть, и дорогу до места разгрузки вытерпеть — одному Господу Богу известно. А в обрыв он не свалился по причине до чрезвычайности простой: дорога перед подъемом в гору обледенела до такой степени, что водилы уже явно не первый день сбрасывали строительный мусор прямо перед первой крутизной, а некоторые — и того раньше, за первым же поворотом дороги, едва скрывшись из зоны видимости охранников тюрьмы. Свадебный гуляка даже не смог мне вразумительно ответить, в какую кучу он свалил свой груз. Я, конечно, всех шоферов сменил, набрал других — все в том же Анкоридже — но что толку-то? Мейхейм сбежал... Вся Аляска на ушах стояла, пока мы его искали, и не удержались: федеральный розыск открыли. А он, мудила, с бабой своей поругался, прямо у нас под боком, в Сьюарде, жил, оказывается, и на Большую землю не торопился, она его и выставила. Кому надо — сообщила. Его через пять минут прихватили. Но Мэнхейм, как мои ребята ни старались, ни слова не сказал, кто ему помогал бежать. Второпях только однажды ляпнул, что и не планировал «экспрессом» воспользоваться. Хорошее же словечко эти уроды выдумали, чтоб о побеге говорить. Экспресс, мать его... Попозже только от своего информатора я и сумел узнать

кое-какие подробности насчет мусора. Пришлось распорядиться, чтоб его выгружали не в горах, а наоборот — в пределах близкой видимости с вышек охраны. А под самый финиш этого бредового строительства еще двое дали деру. Просто водилу припугнули, который на уик-энд отправлялся к себе домой, в Фэрбенкс, спрятались в его машине, но, видно, перестарались: даже я из окна заметил что-то неладное в его поведении. Охране сообщил, чтоб грузовик не задерживали долго на воротах, и сам следом отправился с несколькими своими самыми надежными ребятами-телохранителями, будто на обычный плановый осмотр окрестностей. В укромном месте мы беглецов догнали, машину окружили, водиле приказали дальше ехать по намеченному ранее маршруту, а эту парочку «попросили» нас поразвлечь, горных козлов поизображать. Всласть мы порезвились. Наконец-то я душу отвел... Трупы мы потом, конечно, в пропасть сбросили, а своим я велел ничего в Доме не рассказывать. «Кто проболтается — всех к энкам в камеры рассажую!» Так эти недоноски-заклученные до сих пор считают, что у тех двоих был удавшийся побег. Потому что их морды так по линии федерального розыска и проходят. На самом деле полностью удавшимся был только один «экспресс» — все тот же Мэнни наделал делов. Только после шумного ограбления в Рино, где он прихватил полтора «лимона», начали шерстить всех его дружков-приятелей и какую-то ниточку раскрутили, а потом во Флориде повязали. На солнышке грелся — и оттуда прямым ходом опять ко мне в Стоунхэвн! После первого побега он, конечно, ученым стал: и с бабами не вязался, и ни перед чем не останавливался, зная, что его ждет в случае неудачи. И все равно сказал, что опять же ничего заранее не планировал, просто увидел, что удача сама в руки просится. Стояло лето, непривычно жаркое для Аляски. У меня после той злополучной стройки новый порядок постепенно привился: каждую машину, въезжающую со стороны на территорию тюрьмы, у ворот встречал охранник, который потом неотлучно повсюду сопровождал водителя, не давая тому ни с энками общаться, ни сделать что-либо еще недозволенное, а на выезде расписывался в журнале, что его подопечный покинул Дом в одиночестве, как и приезжал сюда. За свою подпись охранники отныне несли ответственность, так что они действительно суетились как

могли. Но моя промашка вышла: в канун Дня Независимости — «Боже, спаси Америку!» — водителя машины, что продукты привезла, должен был сопровождать один из новеньких моих работников, а у него на праздник очередь на увольнение подошла, и я ему разрешил с шофером уехать в Анкоридж, чтобы туда-сюда из-за него одного автобус не гонять. Чего я не доглядел, так это того, что парень и фигурой, и мордоворотом на Мэнхейма смахивает. А этот пройдоха понял, что судьба, кажется, опять ему улыбнулась. Подловил момент, когда перед отъездом мой новенький забежал на кухню (она у меня совсем рядом с проходной), то ли отлить перед дорожкой, то ли сухой паек прихватить, то ли еще зачем. Как говорится, зная бы, где упаду, — соломку подстелю. Мэнхейм парня скрутил — один или с кем, не знаю, — кляп в рот зачихнул, переоделся, оружие взял и слинял. Охранника в морозильной камере закрыл на засов, зная, что на завтрашний день мясо уже вынуто, а за следующей порцией дежурные по кухне туда сунутся только через три дня. Бедняга, связанный да с кляпом, весь покрытый инеем, не так уж долго, видно, и мучился: в ту же ночь после побега Мэнхейма мы обнаружили труп в морозильнике, врач сказал, что парень дал дуба даже не от холода, а от страха. Сердце не выдержало. Мы после вечерней прогулки, во время которой беглец смылся, недосчитавшись одного, все перевернули вверх дном. Я, честно признаюсь, сразу так и подумал на Мэнхейма. А на следующий день нам позвонили из Аккориджа и передали рассказ водителя. Мэнхейм забрался в кабину, вдавил пушку в бок шофера, чуть сполз на месте пассажира, будто задремал, и надвинул форменную фуражку поглубже на глаза. Когда проезжал через ворота, что-то бессвязное пробормотал в ответ на прощание охранников, которые были мною предупреждены, что с водителем будет сопровождающий, в связи с чем подпись о «сдаче дежурства» с него не требовать. (Ох, узнать бы мне, кто из окружающих меня «лояльных» энков работает против меня!) В горах Мэнхейм водителя высадил, и тому просто повезло, что, еще до наступления жуткого, даже летом, ночного холода на него набрели альпинисты, которые искали место для промежуточного лагеря. С основной своей базой они переговаривали тут же, но у тех ближайший сеанс радиосвязи с Анкориджем был лишь утром. Так, час

за часом, время работало на Мэнхейма, который, к ночи подыскав себе другое средство передвижения, стремительно удалялся от Стоунхэвна, и должен признать, что ему в этом очень сильно помогала форма моего охранника. Никто не хотел связываться с «человеком Рэнкена», к тому же обладавшим диким и крутым нравом. Последний раз его видели в форме уже в Сьюарде, где он сумел нанять одного местного мужичка с катером и перебрался в Канаду. Мужичок вернулся с карманами, набитыми деньгами, и всем растрепал, что «люди Рэнкена — охламоны, каких свет не видывал» и что «в Стоунхэвне сидят за решеткой порядочные американские граждане, над которыми сам Рэнкен измывается, как хочет». Вот мразь! И Мэнхейм — мразь, и мужик этот с катером — тоже! Ну, и исчез беглец, ни звука о нем не было слышно до сумасшедшего ограбления в Рино. Третий раунд должен выиграть я. И я не смирюсь до тех пор, пока не увижу перед собой труп Мэнхейма. Не хочу, чтобы он утонул в Американке. Я уверен, что он жив. А если он жив, то пробирается к железной дороге или шоссе. Он пойдет или в Канаду, или в Анкорид, или в Сьюард, чтоб на пароме тайком махнуть в Штаты. Других вариантов я не вижу. Правда, теоретически можно через Берингов на Чукотку перебраться, но Мэнхейм все-таки не безумец! Исчезнуть он тоже не мог, но даже в бинокль ни черта не видно. Ни единого движения — одна ледяная пустыня.

— Эй, помощник! Конлэн, что скажешь?

— Мне кажется, надо облететь шоссе.

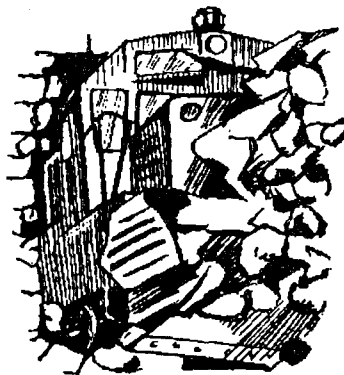
— Пилот, твое слово?

— Надеюсь, Конлэн, ты это не серьезно? Боже мой, говорю я вам: не могли эти ублюдки уйти так далеко. А если мы еще хоть немного повисим в воздухе, то отморозим свои задницы ни за что, ни про что...

Он такой же, как все. Никто не верит в способности Мэнхейма. Ладно, я прощаю им это неверие, потому что они все сосунки по сравнению с ним.

— Заткнись, малыш, и смотри лучше на ледник. Этот парень... я вам скажу, а вы уж поверьте мне... этот парень делает все то, что сделал бы я, если бы был на его месте...

МЭННИ

У Логана шило торчит в заднице. Это точно. Как только запрыгнули, он сразу заерзал:

— Мы едем! Черт побери, мы едем! Спасибо тебе, Господи!.. Вот черт, а! Мы едем-едем-едем... Скажи, Мэнни... А правда, мы с тобой отличная команда, да? Скажи, Мэнни, правда?

Вместо того чтобы навести уши, он все языком трепал. Оставит он меня в

покое или нет, малолетка несчастный?! Я увидел, как два железнодорожника побежали зачем-то в нашу сторону, они кричали что-то, но я не расслышал что. Впрочем, нас они видеть не могли, а остальное меня не волновало. Я только на всякий случай сказал:

— Что-то произошло... Что-то не так...

Логан прыгал от радости:

— Да ладно тебе, Мэнни. Успокойся. Там машинисты есть, они знают, что делают... Клянусь дыркой моей маленькой Мэри!

И запел себе под нос:

— А у моей маленькой Мэри есть одна маленькая дырка...

Мелодия знакомая, но он так канючит, что я не могу понять, где слышал ее.

— Бак, что это ты напеваешь все время?

— Мэнни, ты чего?! Это же классика, старина! «А у моей маленькой Мэри есть одна маленькая штучка...» В войну наши летчики пели, когда в воздухе были. Все равно что пароль. Мне дед рассказывал.

— А у тебя дед во Вьетнаме был?

— Да нет... В ту войну. С японцами. А мою малышку зовут Мэри. Вот я ей и пел всегда: «А у моей маленькой Мэри есть одна маленькая дырка...» Она очень смеялась. — Он помолчал секунду и добавил: — А мы тоже

летчики, правда, Мэнни? Наш паровозик будто по воздуху летит...

Скорость в самом деле приличная. Что-то подозрительное во всем этом...

— Бак, тебе не кажется, что пришло время осмотреть другие вагончики?

Логан расплылся как ребенок:

— Улыбнись, приятель! Мы же на свободе... Ну?

— Ты так считаешь?

Хотел бы я в это верить. Стрелки всех приборов стоят на месте. Значит, здесь ничего не работает? Надо бы все же перебраться в другое место — туда, где было бы ясно, что к чему.

— Послушай, Мэнни... Я хочу, чтоб ты знал, Мэнни... Я очень горжусь, что я твой партнер и помощник...

Ну, это уж чересчур, надо поставить его на место:

— Знаешь, малыш, я, конечно, ценю то, что ты сделал... Но никакой ты мне не партнер, понял? И не гордись собой. Мне это не нравится. Посмотри на свои татуировки. Ты будешь показывать их кому-нибудь другому. Им самое место у бассейна в Акапулько...

Я опять задел его самолюбие. Очень болезненное самолюбие.

— Что я такого сделал, что заслужил все это дерьмо, которое ты сейчас льешь на меня?

Он обиделся, видали такого?! Молокосос!

— Да ничего ты не сделал! И ни черта ты не понял! И сейчас не понимаешь, что вертеться около меня просто глупо. Потому что я объявил войну всему миру, а это значит — каждому в этом мире. И если ты подвернешься под горячую руку — то и тебе перепадет...

— За меня не бойся. Мне ничего не перепадет, дружище... Ох, он так ничего и не понял...

— Я всегда говорил, что насильники все туповатые малость. Трахаться — дело нехитрое...

Логан взорвался от злости:

— Никакой я не дерьмовый насильник. С чего ты взял, приятель?

— Да прочитай. В тюрьме, в твоих документах написано, что насильник. Два года назад сел за изнасилование...

— Да это только формально считалось изнасилованием. Потому что ей исполнилось всего лишь пятнадцать лет, а мне побольше было. Родители у нее — свиньи...

— Формальность или нет, но называется изнасилованием...

У меня не было ни малейшего желания продолжать с ним беседу на эту тему. Он это почувствовал, замолчал, заходил по тамбуру взад-вперед и неожиданно открыл дверь. Я подскочил и захлопнул ее.

— Малый, что с тобой? Ищешь компанию, чтоб сдохнуть не в одиночестве?

Он опешил, даже испугался и не сразу пришел в себя.

— А что, Мэнни? Ты что, считаешь, что за нами кто-нибудь наблюдает? Или что-то другое, Мэнни?

— Ничего я не считаю...

И я сполз на пол. Надоед мне этот тип! Да еще рука раненая разболелась... Летим мы, действительно, с бешеной скоростью. Я попытался прикинуть, посчитав по некоторым дальним точкам, — вышло более шестидесяти миль в час. Причем скорость все росла и росла. Куда машинист торопится? На тот свет, что ли...

— Знаешь, Мэнни...

Видно, отходчивый парень, этот Логан. Да и молчуном его не назовешь...

— Слушай... Я тут вспомнил про тот банк, который ты обчистил... Тогда, в Рено... Я в это время в колонии сидел, для несовершеннолетних. Приятель, это было гениально! Просто чертовски здорово у тебя вышло. Два миллиона долларов... Старик, это высший класс!

Подлизал Логан! Приятно, конечно, вспомнить это дерьмо, чего уж там...

— Два миллиона — это, конечно, легкое преувеличение. Я взял обычную сумму, что страховая компания наличными у себя держит... Не больше того...

— Все равно это чертовски здорово было, старик. И, знаешь, я тебе еще кое-что скажу... Послушай, Мэнни...

Я знаю один банк в пригороде Сан-Франциско. Там, самое меньшее, с полмиллиона наберется. Это банк, который зарплату выдает для сахарной компании «Эс-энд-Эйч». А у этой компании доходы — «ого-го»! Вот, старик, об этом я и размышлял. Потрясающее дело можно провер-

нуть, ты меня понимаешь, да? Вот уж после него я разгудяюсь, это точно! Черт возьми!..

Как глазки-то разгорелись! Шкуру делит. Неубитого медведя... Щенок паршивый! На месте родителей этой Мэри я бы не в тюрьму его посадил, а кастрировал втихомолку. Успокоился бы мальчик до конца дней своих...

— Сначала я поеду на Марди-гас: никому не дам скучать на этом карнавале. Нью-Орлеан на уши поставлю... Потом отправлюсь в Лас-Вегас. Набью карманы денежками и отправлюсь. Все лучшие шлюхи будут мои. Ты меня понимаешь, старик?.. Всю свою жизнь до этого дня я почти каждую ночь только и мечтал о таком путешествии. Только и мечтал...

Кровь хлынула мне в голову и я вскочил на ноги.

— Мечтал, говоришь?! Мечтал... Дерьмо собачье! Ничего у тебя не выйдет, недоносок! А что у тебя выйдет, хочешь узнать? Я скажу, что у тебя выйдет. Ты устроишься на работу... Вот что у тебя выйдет. Ты устроишься на какую-нибудь вшивую работенку. Такую, какую только и может найти бывший заключенный. Ну, что-нибудь вроде мытья тарелок в закусочной кафетерии. Или туалеты будешь чистить. Чужое дерьмо выгребать — вот какую работу ты найдешь. И ты зубами вцепишься в эту работу. Как в золото! Потому что для тебя это и будет золото. Да-да, не перебивай меня, малыш, дай я скажу... Это будет золотая работа, слышишь меня? И вот в конце дня придет к тебе твой хозяин... придет посмотреть, как ты сделал свою работу... и ты захочешь посмотреть ему в глаза... захочешь, но не сможешь... и уткнешься в пол... потому что не захочешь видеть страх в его глазах... потому что он боится, что ты вдруг кинешься на него... что ты вцепишься ему в морду... что ты будешь колотить его об пол башкой... и он завопит, как резаный... и будет умолять тебя, чтобы ты не убивал его... и вот поэтому ты глаз своих от пола не оторвешь, дружок. Ты — не король, ты — валет... Не перебивай и слушай, что я тебе говорю, засранец! И вот тогда он окинет орлиным взором все, где ты убирал... и посмотрит на все, что ты сделал... и скажет тебе... «О, вот здесь вы оставили грязное пятнышко... Боже, и вон там вы не вытерли как следует... А это что за пятнышко?..» И ты стерпишь всю боль, что сидит в тебе... всю ярость, что растет в тебе... и ты будешь оттирать это

пятнышко... будешь! будешь!.. до тех пор, пока все вокруг не заблестит. А по пятницам... ты будешь получать чек за свою работу... и если ты сможешь все это сделать... если ты сможешь пройти через это... тогда ты сможешь стать... хоть президентом корпорации «Чейз Мэнхэттен»... Если ты сможешь это сделать...

Я затих. Я иссяк. Впервые в жизни я сумел сказать вслух то, о чем лишь размышлял в редкие минуты на свободе. Я сказал Логану, что его ждет впереди, но он не поверил мне.

— Нет, старик, это не для меня. Это дерьмо не по мне, точно тебе говорю! Лучше уж обратно в тюрьму!

— Тем печальнее, молодой человек...

Я покачал головой, я действительно будто видел, что ждет Логана.

— Тем печальнее...

Он набросился на меня:

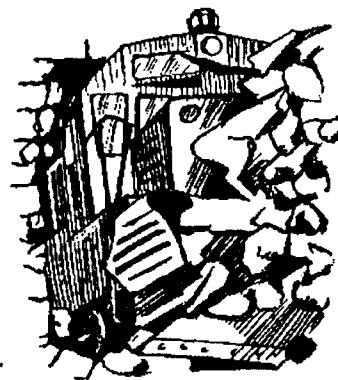
— А ты сам-то, Мэнни, смог бы так?

— Если б я мог...

Я опять сполз на пол без сил и прошептал:

— Если б я мог...

ФРЭНК БЭРСТОУ

Я спросил:

— У тебя с головой все в порядке, Паласки?

Но он уже отключился, и я обернулся к Дэйву.

— У беглеца горят тормозные колодки... Он набирает скорость с дикой быстротой и скоро вломится на нашу территорию...

Дэйв взорвался:

— Какого черта? Они что, не проверяли колодки?

Идиот ты все-таки, мой помощник!

— Какая разница! Дроссель, наверное, открыт на всю катушку. По крайней мере, если он на «восьмерке», колодки уже будут гореть.

— Черт возьми! — Дэйв уставился на монитор. Я тоже перевел взгляд и увидел цепочку светящихся огней.

— Вот и он.

Дэйв заплясал на месте, вот-вот в штаны напустит.

— Господи, помоги! Что же нам теперь делать? Боже, у меня жена, у меня двое детей, спаси, владыка! А денег у меня меньше, чем у Майкла Джексона...

Запричитал!

— Успокойся! Не канючь! Система себя покажет. Она гарантирует абсолютную надежность. Мое изобретение!

— Ну и что? Из-за того, что ты ее придумал...

Я оборвал его:

— Да, Дэйв. Именно потому, что это я ее придумал, мальчик мой. И потому что я знаю, как с ней работать. Сейчас я продемонстрирую тебе свою систему в действии...

И я нажал кнопку, приводящую в рабочее состояние все звенья моей думающей системы. Через несколько секунд мы все увидели, что навстречу беглецу по тому же самому пути идет другой состав. Компьютер показал, что это грузовой «12-й Восточный», и включил ему красный на стрелке. Сейчас он вызовет нас... Только бы не останавливался! Боже, зачем он останавливается?!

— Бэрстоу слушает...

— Почему вы нас тормозите?

— Да потому что на тебя сейчас по твоему первому пути летит неуправляемый сбежавший поезд. Слышишь меня? 12-й, отвечай...

Черт бы его побрал, да куда же он исчез?!

— Двенадцатый! Где ты?

— Да не вижу я никакой поезд. Все чисто впереди...

Кретин! Каждая сошка вместо того, чтоб сразу делать...

— Да потому, что если бы ты его увидел, то был бы уже трупом. Немедленно переходи на запасной путь! Беглец всего в четырех милях от тебя... Я требую, чтобы ты немедленно перешел на второй путь. Повторяю для самых тупых: немедленно!

— Боже мой, да пожалуйста...

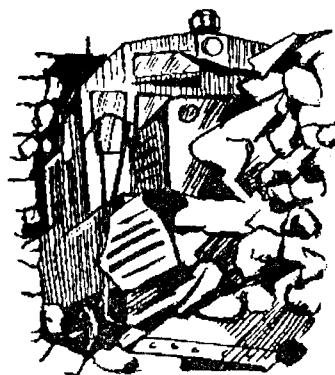
Кто там еще ввалился в диспетчерскую? Руби разве может кого-нибудь остановить! По телефону с кем-то трепаться, это всегда по ее части. Как сейчас. Одной рукой останавливает Кэссиди: «Сюда нельзя!», другой — трубку

держит... «Нет... Вы что, серьезно?»... Кэссиди, конечно, шлепает Руби по заднице: «Да ладно тебе...», а вместе с ним Райт, как обычно: «Эй, Руби, что такое?» Только бы не мешали, а так — пусть стоят. Пусть все видят преимущества моего изобретения! Что там, на мониторе?

— Черт побери, этот «12-й» Восточный ковыляет, будто столетняя черепаха! Кто держит в машинистах этого ублюдка?! Он же не успеет спрятать свою задницу на свободный путь!..

— Центральная, это 12-й. Я его вижу. Это ураган. Он несется прямо на меня. Помогите же кто-нибудь! Остановите его! Он сметет меня! Помогите!!!

БАК

Вот это был удар! Мама родная, мы наверняка кого-то нокаутировали. Могу себе представить, как это произошло. Видимо, навстречу нашему авиалайнеру на колесах по нашему же пути неслась какая-нибудь колымага, машинист которой мирно дремал, ни о чем не подозревая. Правда, если бы мы с ним поцеловались лоб в лоб, то и сами бы так легко не отделались... Скорее всего, встречный свернул на другой путь, но не успел убрать с нашей дороги весь состав. В этом случае больше всего я не завидую дежурному тормозного вагона: ему с последней смотровой площадки должна была открываться замечательная картина. Возможно, последняя в жизни... А мы, кажется, не только не притормозили от столкновения, но, по-моему, даже прибавили. Скорость такая, что если б от удара я тут же очухался, то в щелочку из нашего тамбура не успел бы увидеть даже обломков того, кого мы прошили насквозь, как нож коротышки-фрайера просверлил на моих глазах руку Мэнни в тот счастливый день, когда я стал чемпионом тюрьги в Стоунхэвне, штат Аляска... Не повез-

ло тогда Мэнни, но старику... О, господи! Мэнни!!! Где же он? Что с ним?..

Я открыл глаза и увидел яростно-разгоряченное лицо Мэнни. Он заорал, размахивая передо мной руками:

— Я же так и говорил тебе... Я же говорил! Разве я не говорил тебе, что у них там разладилось что-то к едреной фене!

Конечно, он прав был, этот Мэнни. Прав, как всегда. Но я выдавил из себя, на всякий случай, просто так:

— Ну, а может... мы на каком-нибудь особенном экспрессе, а? Суперэкспериментальном каком-нибудь? Или что-нибудь в этом роде?

Но Мэнни в ответ опять заорал, брызгая слюной:

— Да очнись же, придурок! Мы только что разнесли в щепки тормозной вагон, если не больше, и ни на мгновение не притормозили. Наверняка здесь что-то не в порядке. Вот, смотри...

Мэнни ткнул пальцем куда-то в щель, но я не стал смотреть: все равно в эту минуту я верил каждому его слову, а он продолжал:

— Смотри! Удар был такой, что у нас все поручни сна-ружи сорвало. Я так думаю: может машинист наш в ящик сыграл?

Мэнни произнес вслух то, о чем я даже подумать боялся. Поэтому я струхнул больше, чем когда летел в Американку с черт знает какой высоты.

— Ну, знаешь... Машинист ни с того ни с сего в ящик сыграет...

И тут Мэнни добил меня.

— А ты слышал паровозный гудок? Хотя бы один раз, а? Почему гудка не было?

После этих его слов я инстинктивно потянулся к аварийному звуковому сигналу и взялся за рубильник, но Мэнни успел зажать своими клещами (хотя, конечно, и я не жалуюсь на свои ручонки) мое запястье.

— Что с тобой? Ты не свихнулся, малыш?

— Просто хотел проверить, работает ли он... Мэнни, ты же сам только что сказал, что машинист в ящик сыграл...

Рука моя от боли уже затекла, и я дернулся, чтоб высвободиться.

— Да отпусти же ты!..

Наверное, у меня вышел очень жалкий жест, и Мэнни сказал:

— Если ты, парень, считаешь, что мы в игрушки играем... В прятки, там, или в казаки-разбойники...

Я попытался выдернуть руку еще раз.

— Послушай, приятель, ты же сам выбрал именно этот поезд...

Мэнни застыл, в его глазах мелькнуло что-то человеческое, и он произнес:

— Да, ты прав...

И освободил мою руку. Потирая запястье, я только и добавил:

— Ну, вот видишь...

Потом я подошел к двери и уставился на эти бескрайние снежные поля, которые с бешеной скоростью проносились туда, откуда мы бежали. Глазу зацепиться не за что — один только снег... Такой мягкий и ласковый, когда вечер, тусклые фонари на ветру раскачиваются, снег кружится и норовит залепить глаза, уши, нос, рот, но со мной — Мэри, и мы вдвоем, в тени дома, за углом, чтоб не видели ее предки, и мы целуемся, и кончик ее языка пронзает меня до самого сердца, и дальше, и горячая волна желания захлестывает меня, и мои руки в исступлении начинают неистово сжимать хрупкое тело моей маленькой Мэри, и она чувствует мое желание, и успевает остановить меня, отрывается от моих губ, и я, ошалевший, замираю с открытым ртом, который через секунду оказывается набит снегом... Но уже тогда, с Мэри, я знал, что снег бывает другим... Твердым, как кол, который вбивают тебе в глотку, и вонючим, как будто хлебаешь ты из отстойника, в коровьем хлеву... Нам было по двенадцать, мне и рыжему Эдди (хотя выглядели мы на все шестнадцать), когда мы решили пошмонать машины на платной стоянке хромого Зауэра. Мы знали, что запросто с ним управимся, если что, и он действительно застукал нас, но не поднял шуму, а вызвал лягавых, и мы поняли, что вляпались, когда сразу с двух сторон заверещали сирены и через секунду Зауэр навел свой прожектор на тот участок, где мы затаились. Мы с Эдди, как договаривались, кинули жребий, и мне выпало принять удар на себя. Я прополз под машинами, к самой крайней в ряду, дернул за ручку ее дверцу, чтоб вырубилась сигнализация, вскочил, перемах-

нул через ограждение и рванул что было сил. Я слышал тяжелый топот зимних ботинок полицейского, я знал, что мне не уйти. Просто в эту минуту Эдди должен был «сделать ноги» с другой стороны стоянки, что, кстати, и произошло. А лягавый, догоняя меня, дал мне своим кованым пудовым ботинком по ногам, и я уткнулся носом в снег. Хотел подняться, но не успел, — получил второй удар по ребрам. Дикая боль скрутила меня, но чтоб не получить ботинком по зубам, я сгруппировался, качнулся маятником в сторону и смягчил удар руками, хотя при этом опрокинулся на спину. Тут подоспел еще один фараон, и они оба, пожалуй, поняли, что с меня много не возьмешь. Вот тогда-то они меня, взяв за ноги, и окунули несколько раз в ближайший сугроб, каждый раз заталкивая все глубже и глубже. Может, эти ребята даже внимания не обратили, что запикивали меня в снег, который уборочная машина сдвигала в сторону с проезжей части... Просто хотели малолетку проучить...

Я вздрогнул от боли воспоминаний и, подумав, что Мэнни закимарил немножко, обернулся, но он, как и я, стоял, глядя на те же снежные поля. Я решил прервать затянувшуюся паузу:

— Послушай, Мэнни, а может, мы просто смоемся отсюда? Ну, может, возьмем и просто спрыгнем, а? Что скажешь?

Мэнни пробормотал, продолжая думать о своем:

— Шею сломать мы всегда успеем. Стоит только захотеть...

Пришлось согласиться.

— Пожалуй, ты прав... Оставим эту возможность на будущее...

А Мэнни, выйдя из размышлений, сказал:

— Надо выяснить, что случилось...

— Надо, конечно, только как нам это сделать, старина?

Он уже натягивал защитные очки.

— Надо идти вперед и все выяснить! Действительно, черт возьми! Чего сидеть сложа руки?!

— Точно! Надо выяснить, что происходит! Пойти вперед и выяснить, черт побери, что же происходит...

Мэнни открыл ящик с инструментами, что стоял в там-

буре, и достал разводной ключ. Я показал на шарф, который валялся на полу, и попросил:

— Дай-ка мне его, приятель...

Вместе с шарфом Мэнни протянул мне отвертку.

— А это зачем?

— Припрячь где-нибудь на себе, — сказал Мэнни.

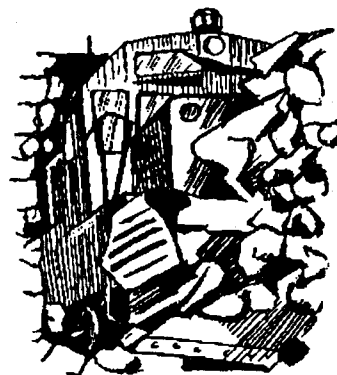
«А почему бы и нет?» — подумал я и ответил: — Отлично.

Мэнни не смутил меня даже тем, что добавил:

— Только без моего приказа в атаку не бросаться, понял?

— Понял, — ответил я, и мы шагнули к двери.

РЭНКЕН

С утра в воздухе — и все напрасно. Никаких следов. Патрули курсируют вдоль Американки, они сообщают, что трупов, вынесенных на берег, не замечено. Но не испарилась же эта парочка, в самом-то деле!..

— Полиция штата вызывает пост номер один...

Ну, что они хотят мне сообщить?

— Полиция штата вызывает пост номер один. Прошу

вас, отвечайте... У нас имеется информация о бежавших заключенных...

Пилот посмотрел на меня и прибавил громкость.

— Рэнкен, это сообщение для вас.

Голос по радио продолжал:

— Звонили из службы безопасности железной дороги. На сортировочной найдена одежда заключенного. Судя по всему, это одежда заключенного Логана.

Конлэн, не глядя на меня, спросил:

— Как же им удалось так далеко забраться?

Я хмыкнул:

— А я-то что вам говорил? — и взял микрофон радио-

связи: — Передайте на сортировочную, что я буду у них через десять минут. И что тамошние офицеры должны быть в полной готовности.

В передатчике щелкнуло:

— Полиция штата приняла ваше сообщение. Мы направляемся туда же.

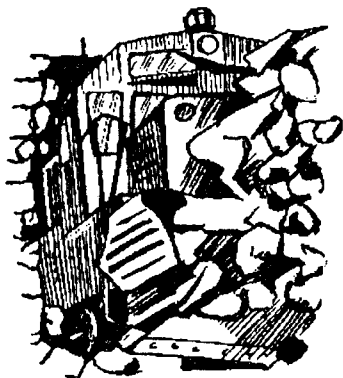
Еще раз раздался щелчок, и они отключились.

Потирая в предвкушении удовольствия руки, я сказал Конлэну:

— Ну вот, теперь-то уж мы позабавимся...

Впрочем, чего скрывать, я произнес это вслух, доставляя наслаждение самому себе.

ФРЭНК БЭРСТОУ

Когда Макдональд вошел к нам, Руби тут же подскочила как на пружинках.

— Здравствуйте, мистер Макдональд.

А он сразу ко мне:

— Фрэнки, никому не говорите о сбежавшем поезде. Мы не хотим сеять панику среди пассажиров, которые доверили себя нашей Компании. Иначе под угрозой окажется сама репутация нашей Компании...

Доверительно пробормотав мне все это сквозь зубы, толстяк Мак обернулся к присутствующим.

— Какие последние сообщения про этот поезд?

Дэйв тут же выпалил:

— Он пролетел сквозь тормозной вагон «12-го Восточного», как будто тот и не был у него на пути.

Мак спросил меня:

— Пострадавшие есть?

Если бы я сказал «да», реакция шефа была бы однозначной...

— Пострадавших нет. А что там случилось с машинистом?

Мак скривился:

— Инфаркт. Старый пердун! Всем лапшу на уши вешал, лишь бы только его любимый старый локомотив не отправили в металлолом... Козел! — и он повернулся к Дэйву: — Дай-ка мне стул...

Затем Мак уселся, повертев задницей, достал носовой платок, утерся и спросил меня:

— С какой скоростью он идет?

Я сказал правду:

— Около семидесяти миль.

Мак издевательски ухмыльнулся.

— Послушай, Бэрстоу... А почему же ты не остановишь его? Ты внедрил эту свою систему... Она обошлась Компании в четыре с половиной миллиона долларов!

Ну и скотина же ты, Макдональд! Если ты держишь меня за мальчика для битья, то ошибаешься...

— Послушай, Эдди... — вкрадчивым голосом начал я, распаляясь все больше и больше с каждым последующим словом. — Эта система создана для эффективного управления движением поездов, которыми командуют машинисты. Но она, черт бы вас всех подрал, не рассчитана на то, чтобы останавливать поезда, на которых нет машинистов. Сгорели тормозные колодки у этого беглеца. А систему автоматического ограничения скорости, должно быть, заклинило при столкновении... — Я перевел дыхание и закончил на спокойной ноте: — Но не волнуйтесь, Эдди. Мы делаем все, что в наших силах, чтобы исключить появление каких-либо иных случайностей и недоразумений.

И тут вклинился Дэйв:

— Фрэнк... Я надеюсь, ты не забыл про мост через Сенеку.

Чтоб тебе пусто было! Я с ласковой улыбкой, не предвещающей ему в будущем ничего хорошего, посмотрел на своего кретина-помощника.

— Дэйв, ты не мог бы приготовить нам всем по чашечке кофе? Старина, будь добр, не в службу, а в дружбу...

Макдональд встрепенулся и спросил у Дэйва:

— А что там с мостом?

Я хотел успокоить шефа.

— Все уже под контролем, Эдди...

Но напрасно... Он набычился и спросил еще раз, уже у меня:

— Так что там с мостом?

Дэйв опять встрял:

— Просто я хотел напомнить вам, что у Сенеки — очень старый мост...

О Господи, за что же ты наказал меня так сурово?

— Как все-таки насчет того, чтобы пойти и приготовить нам всем по чашечке кофе, Дэйв? — заорал я на него, спустив всех собак, понимая, что остановить его нельзя. Почти так же, как наш поезд...

Обращаясь к Маку, Дэйв сказал ему самое главное:

— Дело в том, мистер Макдональд... что к тому времени, когда беглец должен будет пройти по мосту, его скорость будет около девяноста миль. А конструкция моста рассчитана на скорость не выше пятидесяти миль.

Мак тупо выслушал Дэйва и, повернув голову в мою сторону, распорядился:

— Загоните беглеца в тупик у Джордана и пустите под откос.

Дэйв, было, хотел вякнуть что-то, но успел только прогнуться перед начальством.

— Великолепная мысль, сэр! — а затем, поймав мой взгляд, тут же умолк на очень долгое время. Мак тоже понял, что пора парня ставить на место, и завопил:

— Мне плевать на ваши оценки! И плевать на ваше мнение, прав я или не прав! Я хочу, чтоб этот сукин сын был пущен под откос! И плевать мне на все эти старые локомотивы! Я не хочу терять мост.

Я попытался убедить Мака подождать:

— Эта система рассчитана так, что можно кого угодно и что угодно убрать с пути и все встречные можно направлять другой дорогой. Я хочу сказать, что у нас есть еще время кое о чем подумать.

Бесполезный труд. Говорила мне мама: «Не мечи бисер перед свиньями, сынок!..» Макдональда я не убедил, потому что он сказал мне:

— Немедленно! Немедленно выполнить мое распоряжение. Пока у нас только четыре локомотива и ни одного человека на них. Потому что если я разрешу вам играть с вашей системой, то это взбесившееся чудовище рано или поздно кого-нибудь прикончит. А вы знаете, во сколько

это обойдется Компании? Лично вы знаете это? Пустить под откос! Я приказываю!

Я умыл руки, опустив их в бессилии перед тупым чиновником.

— Если вы сказали «пустить под откос», то мы пустим его под откос! Но все присутствующие — свидетели того, что это вы приняли такое решение, Эдди.

Мак гордо поднял голову (самодовольный, самонадеянный тип!).

— Да, это я принял такое решение.

Я включил радиопереговорное устройство.

— Центральная вызывает Джордан... Центральная вызывает Джордан... Стрелочник номер сорок... Сигнал тревоги. Стрелочник номер сорок... Внимание, тревога! Центральная вызывает Джордан! Отвечайте, стрелочник номер сорок. Да куда же вы делись, черт бы вас побрал!

Пусть Мак послушает, как работают его далекие подчиненные... Один из них как раз ответил:

— Джордан слушает... Слушает стрелочник номер сорок.

Я пытался говорить спокойно и размеренно, чтобы этот стрелочник запомнил все до единого слова:

— Говорит Центральная... На запад по первому пути идет неуправляемый сбежавший поезд. Вы должны направить его в тупик по другому пути... Переведете стрелку вручную и тут же отправляйтесь в безопасное место. Суперинтендант Макдональд приказывает пустить его под откос. Запомните это имя, — и я наклонился к микрофону поближе, — мистер Эдди Макдональд...

На том конце радиосвязи было слышно, как стрелочник чертыхнулся: «Вот проклятье на мою седую голову! Вот сукин сын!» — и, бросив переговорную трубку, убежал переводить стрелку.

Счет времени шел на секунды, но — боже ты мой! — как долго они тянулись. Все затаили дыхание, чтобы услышать рапорт стрелочника. Даже Руби замерла в своем кресле с пилочкой для ногтей в правой руке и нервно грызла худые пальцы на левой. Мак приткнулся к переговорному устройству и, кажется, первым услышал шорохи на том конце провода. Во всяком случае, он первым из нас заерзал, и тогда я тоже услышал, как где-то там, за тридевять земель, хлопнула дверца кабины грузовика, затем разда-

лись звуки смачных глотков. (Старикан, видать, в одиночестве забыл о нас и о микрофоне и трескает «Джек Дэниэлз», а может, из термоса чай на домашних отварах прихлебывает,— кто ж его там проверит...) и вдруг...

Мы даже не сразу поняли, что за посторонние звуки вмешались в нашу молчаливую беседу. Мы просто услышали, как старик поперхнулся, закашлялся, а потом пробормотал, для себя, вполголоса:

— Ну, парень, что-то сейчас будет!

Еще раз откашлявшись, он взял микрофон и обратился к нам:

— Из Джордана... Стрелочник номер сорок вызывает... Дэйв прервал его:

— Слушает Центральная...

Стрелочник, явно чем-то напуганный, спросил:

— Слушаете? Так я вас правильно понял? В том смысле, что поезд-беглец никем не управляется?

Я сказал:

— Да, ты правильно нас понял...

В этот миг он, наверное, даже посмеялся в душе над нашей самоуверенностью.

— Ну, тогда позвольте, я вам кое-что скажу, мистер... как вас там?... Да, в общем, и неважно... я так думаю, что вы ошибаетесь...

И в микрофоне на несколько секунд зависла невыносимая пауза, которая неожиданно взорвалась долгими и прерывающимися паровозными гудками. Я понял, что стрелочник выставил микрофон в окно кабины своего грузовика, и заорал:

— Это же гудок!

Повернувшись к Макдональду, я вложил всю свою ненависть к этому жирному вислобрюхому тупице в свой крик:

— Черт вас возьми, это же гудок локомотива!

Я рванулся к микрофону.

— Приказ пустить поезд под откос отменяется! Старина, беги, я умоляю тебя, беги и пропусти его вперед по главному! Надо успеть, старичок!

Когда я говорил последнюю фразу, стрелочник меня уже точно не слышал: дверца кабины хлопнула задолго до того. Я представил, будто наяву увидел, старого стрелочника, который ковыляет, проваливаясь по колено в снег, к

стрелке, чтобы успеть снова перевести ее. Если он окажется около стрелки раньше, то наверняка станет единственным зрителем незабываемого зрелища, как снаряд, составленный из четырех сцепленных локомотивов, на скорости около восьмидесяти миль пронесется по белой пустыне, взметая за собой тучи снега...

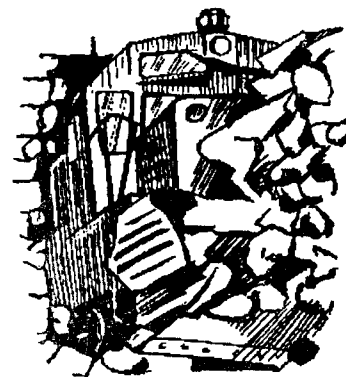
Я уперся руками в пульт управления и, не поднимая головы, сказал:

— Кто-то же дал гудок на этом проклятом поезде, мистер Макдональд... А вам захотелось прикончить человека... Просто так, ни за что ни про что...

Мак не ответил. Ему не откажешь в способности понимать собственные оплошности. И я вздохнул.

— О'кей! Впереди — следующее препятствие. Не расслабляться, ребята...— И, потирая руки, добавил: — Ну, давай, безумец на колесах! Поддай пару! А уж я поддам хорошенького пинка в твою толстую вонючую задницу. Пошел!

МЭННИ

Мы уж, было, вышли из своего тамбура, решив добраться до первого локомотива и выяснить, что происходит, но не успели одолеть один переход (даже держась за поручни безумно тяжело было сопротивляться шквалу ветра и снега, тем более что путь прокладывал я на правах старшего, а Бак тащился за мной, будто пес на привязи, который не хочет возвращаться домой после прогулки), как раздался гудок. Мне показалось поначалу, будто у меня слуховые галлюцинации, но я обернулся на крик Бака и он повторил, прижавшись к моему уху:

— Ну? Ты слышал?

Не дожидаясь ответа, Бак сказал:

— Пошли, Мэнни. Пошли обратно!

Он развернулся, у меня тоже пропало всякое желание топтать дальше и искать на свою задницу приключения, — и нас будто ветром задуло в ставший родным тамбур.

Бак аж задышался.

— Видал?.. Видал?.. Ты понял, Мэнни?.. Я же говорил тебе, Мэнни! Я говорил тебе...

Он размахивал руками, как мельница (привык на ринге, наверное).

— Я так и знал... Я знал, что на этой кобыле у нас с тобой крутой водила!

Этот Логан быстро мне надоел, и я решил остановить его:

— Да ладно тебе, малыш! Все в порядке, ты прав...

Но он продолжал вопить:

— Я сказал ему, как только услышал: «Гуди, детка, гуди, гуди!..»

И вдруг Бак затих и сполз на пол по стенке, а через секунду шепотом спросил:

— А ты любишь эти... как их?.. анчоусы?..

Смешной парень, Бак Логан, честное слово... Джона — друг насовествовал...

— Да я и не помню, ели ли когда-нибудь их...

Бак проглотил слюну...

— О... Если бы ты хоть раз в жизни ел анчоусы, то никогда больше не забыл бы их вкуса. До самой смерти... Приятель, ты уж поверь мне, это я тебе говорю...

Он повернул голову в сторону окна, как будто к нему сейчас оттуда должны были залететь неведомые анчоусы. И я тоже посмотрел в окно.

По переходному мостику соседнего локомотива шел человек. С трудом, поскальзываясь на обледенелой стали, он передвигался в нашу сторону...

Я отшвырнул Бака в глубь тамбура.

— Свали от окна!

Бак сделал шаг назад, но потом, набычив голову, опять подвинулся, чтобы посмотреть на непрошенного гостя. Кто-то шел к нам, напялив защитную каску чуть ли не до плеч и замотавшись в какие-то немыслимые тряпки. В другой раз я бы рассмеялся: до чего ж этот тип на моего Логана похож!.. Но меня сверлила другая мысль, я бы, может, и промолчал, но Бак сказал:

— Надеюсь, он нас не увидел...

И добавил:

— Ну, ладно. Ладно... А что ж дальше-то делать будем?

Я выложил свой план:

— Пусть попробует войти, и, как только на две трети в дверь просунется, тут мы его и пригвоздим.

Бак затрясся:

— Но мы его не будем убивать, правда? Не будем?

Я успокоил его.

— Нет. Не будем...

— О'кей!

— ... если, конечно, он нас не вынудит сделать это. Но все равно, сначала попробуем разузнать, что же происходит с поездом.

Бак обрадовался:

— Вот! Именно! Так и надо сделать, приятель. Вот...

Я не отводил глаз от фигурки человека, спотыкающегося и еле шагающего в нашу сторону. Ветер, кажется, стал еще сильнее после нашей попытки пробраться вперед и, не справившись с нами, он почти добился успеха в борьбе с неизвестным типом, который не знал, что идет навстречу своей смерти. Налетел еще один шквал, и между локомотивами этот тип все ж таки сорвался... Бак дернулся:

— Смотри, приятель... Кажется, он в беду попал, старик. Мэнни, пойдём... Поможем ему, Мэнни. Пойдем, говорю, шевелись, пойдём, поможем ему...

Я взглянул в его сторону, и Бак затих, продолжая что-то шептать про себя, будто голос потерял:

— А этот-то... Надо же, жить, видать, хочется. Выкарабкался, смотри-ка... К нам ползет. Ну, ползи, не там, так здесь...

Дверь приоткрылась, и все вышло, как задумано, даже ножичек не пригодился, который я на всякий случай достал. Этот только начал втискиваться к нам, как Логан схватил его своими лапищами и швырнул на пол. Шлем с головы свалился, тряпки какие-то упали, и лохматые волосы растрепались по плечам. Баба! Подарочек! Я ухмыльнулся:

— Чего это ты здесь делаешь?

Она, конечно, здорово испугалась, но старалась этого

не показывать, только по глазам было заметно, да голос сорвался:

— Чего я здесь делаю? Я работаю на этом поезде. А вот что вы здесь делаете?

Тут Бак петушком перед ней выгнулся, заиграл мальчик, легкую добычу почуял:

— Как это — что мы здесь делаем? Я тебе сейчас расскажу, что мы здесь делаем. Мы направляемся в Лас Вегас. Мы хотим навестить нашего близкого, очень близкого друга. Уэйна Ньютона. А что? Нельзя? А вы, девушка, неужели билетки проверяете? Или что-нибудь другое хотите рассмотреть поближе, лапочка моя? Сердце мое, а не хочется тебе именно здесь и сейчас по-настоящему, как следует, хорошенечко трахнуть?

Бак медленно нагибался к ней, пока говорил все это, и было видно, что теперь она испугалась, как сказал Бак, «по-настоящему», в горле у нее пересохло, она сглотнула застрявший комок и сжалась как пружина.

— Только попробуй! Только попробуй!

Пора прекращать эту комедию, решил я.

— Остынь, дерьмо! Перегреешься...

И пока Логан не опомнился, я спросил девицу:

— Что с тобой случилось?

Она затараторила:

— Я устала. Решила вздремнуть. Конечно, не нужно мне было этого делать. Да и нельзя, но уж так вышло. Что ж теперь-то? Головой в стенку врезалась, когда мы во что-то вмазались на полном ходу. Я не знаю, что у нас случилось. Но на нашем поезде машиниста нет — это точно. Как пить дать! Никого нет на этом поезде. Вообще никого. Кроме нас...

Бак встрепенулся:

— Она врёт, Мэнни. Мы же слышали гудок.

Но она поставила паренька на место:

— Это я давала гудок.

Бак запрыгал, как грешник на сковородке, и, захлебываясь, заорал:

— Да ты!.. Ты просто хочешь нас лягавым сдать. Ты хочешь нас вокруг пальца обвести...

Девка успокоилась, увидев, что здесь и без нее есть кому за свою шкуру дрожать.

— Послушай меня. Этот поезд, видать, сам по себе

несется, а значит, очень скоро он во что-нибудь опять вмажется. Я перебралась сюда, на последний локомотив, потому что здесь немного безопаснее...

Нервы у нее опять сдали, и она повернулась ко мне.

— До вас, что, не доходит?!

Бак сказал:

— Не верю я в эту чушь, что она несет здесь! — и вывел ее еще больше из себя.

— Вы мне не верите?! — она взглянула на Логана, потом на меня.

— Ну, тогда, хотя бы выгляньте из окна, если вы не верите мне...

Она приоткрыла окно.

— Неужели вы не видите, как быстро мы несемся? Этот поезд неуправляем... О Господи!

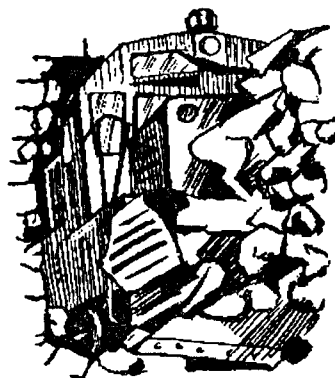
Она всплеснула руками, и слезы появились у нее на глазах.

— Мы же все разобьемся.

Конечно, я уже давно поверил ей, но не знал, что сказать. Только слез мне не хватало и бабьих причитаний. Второй Бак Логан... Чтоб успокоить ее, я сказал:

— Значит, лучше всего будет, если мы что-нибудь предпримем...

ФРЭНК БЭРСТОУ

Я, конечно, тут же велел Дэйву связать меня с сортировочной. Уж они-то должны знать, кто у них оказался на беглеце...

— Алло, сортировочная?

— Да, мистер Бэрстоу.

Мы все перевернули вверх дном. Нигде нет помощника слесаря-ремонтника.

— Его действительно нигде нет? Может, домой ушел?

— Нет, мистер Бэрстоу.

Ее видели в последний раз на

беглеце, старик Эл что-то ей поручил сделать на одном из локомотивов в этой сцепке. Она на склад...

— Кто она-то, черт бы вас побрал?

— Сара. Девушка. Помощник слесаря-ремонтника...

Час от часу не легче! Я повернулся к Макдональду:

— Там женщина!

Если б у шефа на лысине были волосы, то они бы встали дыбом в этот миг.

— Черт побери! — только и смог вымолвить Мак.

Я перевел дыхание и спросил в трубку, терпеливо ждавшую моих вопросов:

— Она хоть как-нибудь разбирается в управлении локомотивом?

— Вряд ли, мистер Бэрстоу...

Я сплюнул прямо себе под ноги.

— Вот дьявол! Единственный человек на этом поезде, и тот — женщина. Что же мне это так везет? — и бросил трубку на рычаг.

Над ухом мягкий сладкий голосок что-то зашептал. Я вздрогнул:

— Что тебе, Руби?

— Я же говорю: там пришел начальник службы безопасности из Стоунхэвна. Его, говорит, зовут Рэнкен. Говорит, хочет с вами поболтать.

Я обернулся и увидел в дверях прямоугольный шкаф в полицейской форме с маленькой квадратной надстройкой. Огромные навывкате глаза сверлили меня насквозь, и я поежился:

— Руби, у меня нет времени с ним болтать.

— Фрэнк, он говорит, будто у него что-то очень важное.

Мак, который слышал последние фразы, спросил Руби:

— Он что-нибудь знает о беглеце?

— Думаю, что нет, — неуверенно произнесла моя красотка.

Шеф отрезал:

— Тогда иди и скажи, что мы уделим ему время немного попозже.

Мак повернулся к Дэйву:

— Сколько до моста? Во сколько он прибудет?

— Через двадцать пять минут, — радостно откликнулся Дэйв. Жизнелюбивый кретин!

Макдональд пробормотал:

— Дерьмо!

То ли Дэйва, то ли меня, то ли поезд он имел в виду... Отпихнул меня в сторону и взял микрофон дальней связи:

— Станция Сенека? Вы меня слышите, станция Сенека?

В приемнике щелкнуло:

— Валяй.

Шеф откашлялся и строгим командным голосом отчетливо:

— Говорит Макдональд, Центральная диспетчерская. В вашу сторону несется неуправляемый поезд. Его скорость около восьмидесяти миль...

Испуганный голос тут же прервал речь Мака:

— Но это же слишком много для нашего моста!

Мак продолжил:

— Я знаю, что для моста это слишком большая скорость, потому и звоню. Вы должны срочно поднять по тревоге аварийную команду...

Его опять оборвали:

— Боже мой, вы что, остановить его не можете?

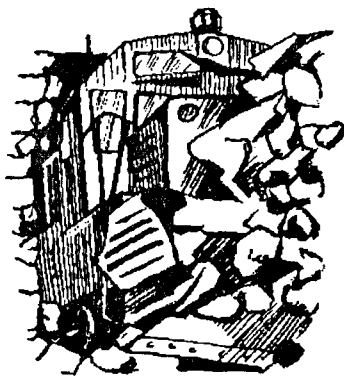
Шеф в ярости заорал в микрофон:

— Вот вы его и остановите, черт бы вас всех побрал! Да, мы попробуем его остановить, мы пытаемся сделать это, но просто... Просто на всякий случай вы должны собрать аварийную команду!

Он отключил микрофон.

— Ух! — выдохнул и добавил, глядя на приемник, откуда только что раздавался голос дежурного станции Сенека: — Ну и козлы!

САРА

Тот, что постарше, кажется, Мэнни,— уставился на рубильник. То ли думает, то ли читает долго! А чего там читать-то? «В случае аварии отключить подачу энергии, после чего двигатель останавливается». Он нажал кнопку выключателя. Зря старается.

— Ничего не выйдет...

Он вопросительно посмотрел на меня.

— Я сказала, что уже пробовала сделать это на втором локомотиве.

— И почему не выходит?

— Не знаю. Я не специалист. Но я слышала, что когда составляется сцепка таких локомотивов, то все управление выводится на головную машину. Остановишь головной двигатель — остановятся все остальные.

Молодой опять взбесился и, не глядя на меня, запрыгал перед Мэнни.

— Не верю я в это дерьмо! Мы выбрались из тюрьмы строгого режима — и для чего? Для того, чтобы залететь на поезд без машиниста, где нет никого, кроме этой сучки, которая нам дурные вести принесла.

Так вот оно в чем дело!.. А я-то сразу не поняла:

— Так вы, ребята, дернули из Стоунхэвна?

— А тебе-то что? — огрызнулся молодой и повернулся к Мэнни.

— Зачем ты ей все рассказал?

Тот усмехнулся.

— Ты же сам все и рассказал. Клоун! Да какая, впрочем, теперь разница? Она что, слиняет отсюда, чтоб нас полиции сдать?

Молодой пожал плечами и покачал головой:

— Не знаю... Нет, конечно...

Я им позавидовала.

— Выходит, ребята, насколько я понимаю, вы сели не на тот поезд?..

Мэнни, продолжая думать о чем-то своем, спросил меня:

— А почему же ты не перебралась на головной локомотив? Зачем сюда пошла, в конец сцепки?

— Так со второго на первый перебраться невозможно. Головная машина обтекаемой формы. Старомодная штука. Когда-то считался высшим классом, а теперь такие локомотивы уж давно не выпускают. У него нет переходного мостика. И у второго локомотива нет. Только дверь впереди. Я пыталась открыть ее, но ничего не вышло. Наверное, заклинило при столкновении со встречным.

Молодой внимательно слушал, а потом почти застонал:

— О, господи... Что же теперь делать, Мэнни?

Мэнни не обращал на него внимания.

— Как ты думаешь, девочка, про нас кто-нибудь знает?

— Теперь наверняка. После того, как мы смели кого-то с пути...

Мэнни злобно посмотрел за окно и забормотал:

— Слышишь, Бака? Значит, вся эта куча свиней будет там... Понял? Все это дерьмо будет вокруг нашего поезда... Когда бы он ни остановился. И где бы он ни остановился... И Рэнкен, значит, кружит, как стервятник, где-то над этими местами...

Бака эхом откликнулся:

— Да... Может, именно он нас и найдет...

Но Мэнни по-прежнему не слушал своего приятеля:

— Но я не дамся им в руки... И плевал я на все! Все сделаю, что смогу. И плевать, если даже кто-то должен будет погибнуть! Я не доставлю им удовольствия подержаться за мою задницу. Пусть за свою держатся! Ничего у них не выйдет...

Страх забежал в глазах Бака:

— Я не хочу умирать, Мэнни.

Мэнни бормотал, словно заклинание, словно молитву,— точно, это больше напоминало молитву,— одну и ту же фразу:

— Я не дамся живым. Я не дамся живым...

Он поднял голову:

— Живым они меня не возьмут.

Потом посмотрел на Бака:

— И тебя тоже.

Но тот был слишком молод для подобного испытания.

— Не знаю, Мэнни. Ничего не знаю. Прямо сейчас, старик, я ничего не могу тебе ответить. Я вообще даже думать об этом прямо сейчас не могу...

Мэнни, будто проснувшись, четким и твердым голосом произнес:

— А ты просто делай то, что я буду говорить, и не думай о себе. Я позволил тебе тащиться за собой, потому что мне нужен партнер, а не кусок дерьма.

И Мэнни начал одеваться в тряпье, которое валялось кругом. Бак остался сидеть на месте.

— То, что ты собираешься сделать, Мэнни, абсолютно бессмысленно. У нас ни малейшего шанса выжить, если мы отсюда спрыгнем на всем ходу.

До меня дошло, что задумал Мэнни, и я ужаснулась при одной мысли об этом:

— Послушай, я не смогу здесь прыгнуть. Это просто самоубийство. Если ты здесь будешь прыгать, то просто поломаешь все кости, и что дальше?

Мэнни снисходительно посмотрел на меня:

— Они уже давно все переломаны.

Бак вскочил и лихорадочно начал натягивать на себя все подряд:

— Я с тобой, Мэнни. Я с тобой, пока колеса вертятся. До самого конца я с тобой...

Но это же нечестно, в конце концов!

— Вы не можете уйти!

Мэнни прищурился, не поняв.

— Не можем?

Я выпалила:

— Да, потому что вы не можете бросить меня здесь одну.

Но Мэнни засмеялся, сверкнув металлической коронкой:

— А мне плевать, кто будет со мной прыгать!

И тут я в самом деле вспомнила одну штуку:

— Я знаю, как остановить поезд!

Бак начал радостно снимать перчатки:

— Так почему же, черт возьми, ты сразу нам не рассказала об этом?!

Они замерли, и я выложила все, что вспомнила:

— Может, конечно, мы и не остановим его полностью, на все сто процентов. Но, по крайней мере, мы сможем затормозить этот поезд.

Мэнни нетерпеливо дернулся:

— Да не тяни! Говори, как это сделать.

— Если б нам удалось просто разъединить специальные кабели... ну, электрические соединительные кабели между локомотивами... то они, соответственно, будут один за другим останавливаться. Правда, сейчас вряд ли будет так легко это сделать... все, наверное, мороз сковал...

Я посмотрела в ящик для инструментов.

— ...и инструментов, которые нужны, у нас тоже нет. Но это единственный шанс. Знаете, ребята, по крайней мере, этот шанс предпочтительнее, чем прыжок отсюда на такой скорости.

Бак расхрабрился и решил повторить попытку прижать меня к стенке:

— Надеюсь, ты хорошенько подумала, прежде чем нам все это рассказать?..

Мне уже не нужна была помощь Мэнни. И без его вмешательства я змеей зашипела в лицо этому сосунку:

— Знаешь, не пугай меня, ладно? Что с тобой случилось? Какая муха укусила?

Мэнни пришлось спасти Бака:

— Давай, приятель, пошли.

Я вышла вместе с ними на переходной мостик. Адский ветер! И сумасшедший мороз! Интересно, неужели в такую погоду действительно легче из тюрьмы удрать? Или так только в книгах пишут да в кино показывают? Я ткнула пальцем в соединительный кабель:

— Вот этот.

Мэнни переспросил:

— Тот, который рядом с муфтой?

— Да, да,— закивала я. Даже рот открыть холодно.

Мэнни сполз лицом к муфте и начал сбивать лед с кабелей, Бак крепко держал его за куртку.

Мэнни закричал:

— Поднимай!

Бак вытянул его и услышал от Мэнни:

— Лучше ты. У тебя получится. Все ж таки две руки.

А я как-то и не заметила, что Мэнни перевязанной рукой старался ничего не делать.

Бак крикнул:

— О'кей! Держи меня...

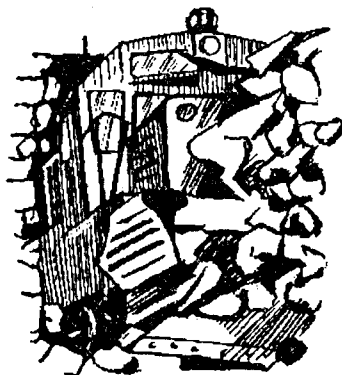
Я протянула ему разводной ключ:

— Попробуй этим.

Теперь Бак сполз вниз и радостно через минуту закричал:

— Вышло! Я сделал! Поднимай меня! Я разбил его, этот чертов кабель!

ФРЭНК БЭРСТОУ

Сенека сообщила, что аварийная бригада в сборе. Но добавила пару неласковых выражений, которые аварийщики просили передать нам. Их можно понять...

— Фрэнк!

Опять Дэйв... Уставится на монитор и выискивает неприятности.

— Посмотри, Фрэнк. Вот сюда. Посмотри сюда, говорю!

— Дэйв, черт бы тебя подрал, посмотри — куда?

— Беглец тормозит, Фрэнк. У него, видишь, уже восемьдесят миль, и скорость понемногу продолжает падать...

Подошел Мак, взгляделся:

— В самом деле. Пару минут назад скорость была девяносто две мили.

Дэйв посмотрел на небеса:

— Не понимаю...

Макдональд хлопнул себя по лбу:

— Девчонка!

Я подтвердил, хотя мне и в голову не пришла эта «помощница слесаря».

— Естественно. Каким-то образом она сумела затор-

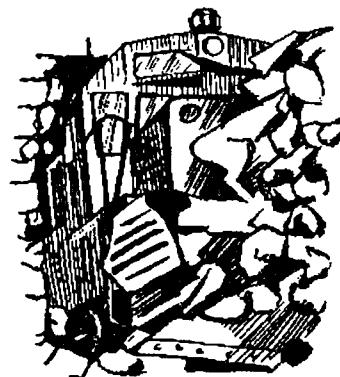
мозить поезд. Впрочем, какое это имеет значение — восемьсот или восемьдесят, мост-то все равно не выдержит поезд с такой скоростью.

— А сколько еще до моста? — с надеждой в голосе спросил шеф.

Дэйв разрушил его надежду:

— Пять минут.

САРА

Мы прошли к переходу между третьим и вторым локомотивами. Мэнни кивнул Баку:

— Вперед!

Тот в ответ промычал:

— Я пошел.

Я подумала вслух:

— А что, если попробовать огнетушителем?

Бак согласно промычал:

— Пожалуй...

Мэнни вытащил из кабины третьего локомотива

огнетушитель, протянул его Баку, и парень пополз вниз по знакомому маршруту. Здесь льда было побольше — наверное, машины сцепили в начале зимы. Бак бил по сцеплению кабелей, и вдруг огнетушитель выскользнул у него из рук на рельсы и исчез с еле слышным звоном в стальной преисподней.

Бак крикнул:

— Я потерял его! Поднимай меня!

Мэнни потащил Бака за куртку, я шагнула, чтобы помочь... Поскользнулась... Удержаться не за что... Прости меня, господи, за грехи мои... Как не хочу умирать... Мамочка, родная моя, спаси меня... Неужели это и есть смерть?

Все нутро Лока содрогалось от желания. В предвкушении грядущего удовольствия он ворвался в горную толщу. Лок знал маршрут, как каждую свою заклепку, и знал, что после тоннеля будет мост. Старый, держащийся на честном

железнодорожном слове, которому веры не было ни на грош, мост у Сенеки еле выдерживал черепашую скорость грузовых поездов, а сейчас Лок чувствовал собственную мощь. Он не знал, чем кончится его игра со смертью, но знал, что она стоит свеч. Знал, что в укрытии у моста скопилось несколько аварийных бригад, что люди, все как один, уставились сейчас на секундомеры, не смея поднять глаза на черную дыру тоннельного выхода. Несомненно, кто-то с самыми слабыми нервами обязательно скажет: «Уже скоро! Он будет через две-три минуты...» К сожалению, Лок не сможет показать все, на что способен, потому что этим троим, копошащимся где-то позади Лока между другими локомотивами, удалось разбить пару кабелей и немного погасить скорость сцепки. Лок порадовался, когда женщина оказалась на пару минут в стальном чреве почти под локомотивом, но попутчики выцарапали ее из самой пасти жуткой смерти. Выцарапали уже в крошечной тьме тоннеля.

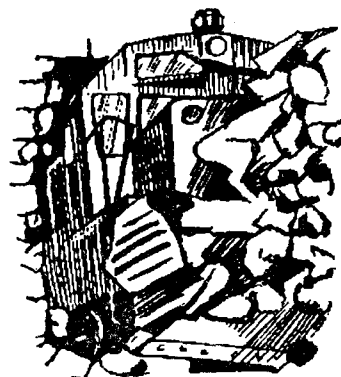
Когда Лок вырвался из мрака на белоснежный простор, где каждая крупинка света звенела от мороза и пронзительных солнечных лучей, двое мужчин подтягивали за руки женщину на площадку локомотива. Несколько аварийщиков, выскочив из укрытия, в один голос закричали друг другу и всем остальным:

— Смотри!..

Лок вихрем пронесся по мосту, сокрушая шаткую основу железнодорожного полотна, и все-таки протащил за собой сцепку локомотивов. Часть бревен, поддерживавших ветхую конструкцию, разлетелась во все стороны, мост закачался — сначала по ходу движения сумасшедшего поезда, а потом влево-вправо... закачался, но устоял. В эти же секунды один из аварийщиков бросился в кабину грузовика и выхватил у водителя микрофон радиосвязи:

— Центральную... Дайте мне... Быстро... Диспетчерскую...

ФРЭНК БЭРСТОУ

Я положил трубку и долго не мог прийти в себя. Не мог собраться с мыслями. Потому что их просто не было. Наконец мне удалось выдать:

— Это безумие...

Макдональд понял, что я обращаюсь к нему, и заискивающе глядя мне в глаза, спросил:

— Что? Фрэнк, что безумие? Что?

— На беглеце три человека.

Шеф побагровел и всплеснул руками:

— Черт возьми! Но откуда?.. Они там — откуда?

Он у меня спрашивает!

— Да откуда? Все оттуда. Я-то с чего должен знать? Но, по крайней мере, мы только что спасли три человеческие жизни.

Дэйв, по своей привычке, встрял в наш разговор, не отрываясь от экрана монитора:

— Не надолго!

Я повернулся к этой скотине:

— Послушай, Дэйв, может, ты дашь мне перерыв? Может, ты дашь нам всем сегодня маленький дерьмовый перерывчик?

Дэйв поднял на меня невинные свои младенческие глазки:

— Ты же знаешь, Фрэнк, я бы с удовольствием сделал то, о чем ты просишь... С удовольствием бы, но... не могу... Потому что у нас в запасе всего пять минут. Только пять! И если через пять минут мы не уберем этого беглеца с главного пути, то он лоб в лоб сойдется с северо-восточным экспрессом!

И Дэйв ткнул пальцем в экран, как бы добавляя без слов: «Ведь это же твоя система, Фрэнк...»

Я вслух прикинул:

— Ну, это не самая главная проблема, глупенький... Мы просто переведем сцепку на 14-й путь...

Мой чернокожий ненавистный «друг» именно такого моего ответа, видно, только и ждал:

— Гениальная идея, Фрэнк! А почему уж тогда сразу не отправить беглеца на Элкинс?!

Я не успел ни подумать, ни сказать, лишь замычал:

— Ну... А что?..

И тут же шеф завизжал, как поросенок:

— Нет! Нет!.. Там же химический завод!

И Дэйв добавил:

— Сцепка не сможет без осложнений перейти на бешеной скорости на другой путь...

Мак уже безудержно фантазировал:

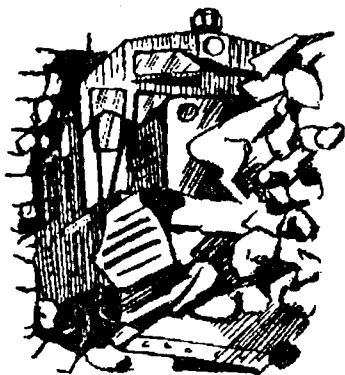
— Она в пух и прах разнесет весь этот чертов завод, и ветерок разнесет яды от Аляски до Канзаса. Канадцев потравили — откупимся, а что Чукотке будем объяснять?..

Чушь, конечно, он горазд молоть, но не зря умные люди говорят: «В каждой шутке есть доля шутки», — я предложил Маку:

— Надо бы их предупредить?

Шеф заткнулся на полуслове и повернулся к телефону.

БАК

Еще один кабель я разбил, и мы перебрались на второй локомотив. Решили отдохнуть как следует в его кабине. Отдохнуть и прикинуть, как на головной попасть. Я-то считаю, что не прикидывать надо, а просто лезть. Жизнь подскажет. Но Мэнни все свое твердит: «Думать надо всегда»... Никак я не ожидал, что он перед этой телкой выламываться начнет. Он никому

еще при мне таких слов не говорил:

— Знаешь, девочка, я вообще-то должен тебе «спасибо» сказать. Я имею в виду всю эту историю: прыгать — не прыгать... То есть, можно было, конечно,

себя об какое-нибудь дерево расплющить... Или в куче дерьма поваляться, с гордым видом и сломанной ногой поджидая лягавеньких... Вот была бы потеря для человечества, правда?

Девушка с восторгом и какой-то нежностью смотрела Мэннхейму прямо в рот, где металла было раз в пять больше, чем зубов. На меня она так не смотрела. Я улучил момент и откликнулся:

— Да, приятель, ты прав, если не шутишь...

А теперь я ей покажу, на что способен!

— Эй, Мэнни, смотри! Мы почти у цели, да? Ну, давай, Мэнни! Пошли! Вставим палку в задницу этой машине!

Мэнни поднялся и спросил у девушки:

— Ты про эту дверь говорила?

Она кивнула:

— Да. То ли заклинило ее, то ли еще что. Но я открыть не смогла.

Я ухмыльнулся:

— Не волнуйся, сердце мое, ладно? Мы всю жизнь сквозь любые двери проходим. Работа такая...

Я протянул Мэнни, который уже ковырялся у дверной щели, свою отвертку, но тот отмахнулся. Я зашептал вполголоса:

— Да ладно, дружок, пусти меня. Дай я помогу тебе. Дай я попробую! У меня получится...

Мэнни, не переставая орудовать молотком и зубилом, подвинулся, я пристроился рядом:

— Налегли, Мэнни!..

Приятель пробормотал:

— Вроде получается...

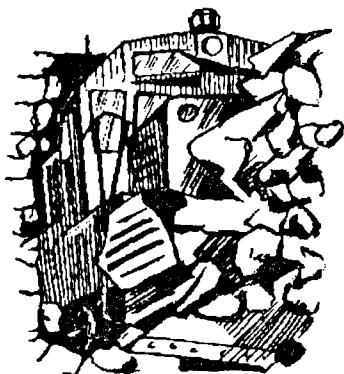
Но он опередил события: инструмент сорвался, и щель, которую мы проделали, исчезла. Я готов был закричать на него:

— С твоей-то рукой! У тебя ничего не выйдет с твоей порезанной рукой! Черт побери!

И в сердцах двинул зубилом по двери:

— Черт бы тебя побрал!

РЭНКЕН

Теперь-то я на все сто уверен, что моя парочка на этом сбежавшем поезде сидит. Тем лучше. Поезд по рельсам едет, свернуть некуда, осталась мелочь — узнать, где беглец сейчас находится. Как только Бэрстоу с Элкинсом договорит, так мы и спросим...

— Первый западный от правьте на Маккессбург. Следующий — окружным путем пустите на Бель-Порт...

Я, конечно, в этих кнопочках, огонечках, экранчиках ни черта не понимаю, но время уходит. Я подошел к Бэрстоу сзади и положил руку ему на плечо, однако Фрэнк, не оборачиваясь, скинул ее и продолжал давать распоряжения:

— И чтоб аварийные команды были наготове! Весь завод немедленно эвакуировать! Скажите, чтоб все убиралось от завода как можно дальше. У вас на это есть десять минут... И молитесь, чтоб вам повезло...

Коротышка Бэрстоу отключил микрофон, повернулся и ткнул своей мудрой черепашкой мне в отвороты куртки. Задрав голову, он в ярости забрызгал слюной:

— Убери руки от моей задницы! Я тебе не баба, чтоб меня лапать...

Я еле сдержался, подумав: «Дело превыше всего», — и проникновенно начал:

— Мистер Бэрстоу, два очень опасных преступника сбежали у меня из тюрьмы, и если...

Но этот недоносок опять завопил:

— Да наклеял я на всю вашу идиотскую тюрьму! Даже если все заключенные хором оттуда сбегут... У меня на шее поезд-убийца висит, а у него на борту три кретина дерьмовых! И нет ни одного свободного пути, чтоб я мог хоть как-то маневрировать!

Я сделал последнюю попытку:

— Знаешь, Фрэнк...

И он, видит Бог, перешел черту:

— Послушай, ублюжок, мать твою во все дыры, — исчезни! Иначе мне придется выкинуть тебя отсюда пинком под зад! Кругом!!!

Бэрстоу тут же забыл о моем существовании и повернулся к своему жирному шефу и чернозадому помощнику:

— Не спускайте глаз с беглеца! А я пойду отолью...

Это была его роковая ошибка. Собственно, я и в диспетчерской сбил бы с него всю спесь, но нигде мужчина не бывает так беспомощен, как перед унитазом: с расстегнутыми штанами и голыми яйцами даже Рэмбо передо мной бессилён. Не знаю, успел Бэрстоу сделать то, что собирался, или не успел, но, когда я вошел в туалет и ногой выбил дверь кабинки, Фрэнк обеими руками за свое хозяйство держался и не отпускал в течение всей нашей беседы. А я для начала засунул его по самые плечи в унитаз и нажал на спуск воды. Бэрстоу побарахтался, пофыркал, поплевался, и я... нажал спуск воды еще раз. Все повторилось, после чего я вытащил Бэрстоу из кабинки и прижал спиной к стене туалета. Жалкое зрелище!

— Я надеюсь, что тебе это не понравилось, Фрэнк... Да я и не собирался делать ничего подобного. Но я не думал, что ты будешь разговаривать со мной на повышенных тонах...

Ноги его подгибались, так что мне приходилось силой удерживать Фрэнка в вертикальном положении. Я испугался («Не переборщить бы!»), оторвал полосу туалетной бумаги и сунул ее в руки Фрэнка:

— Держи! Утри морду, пока дерьмо не засохло! Но предупреждаю: я больше не хочу слушать всякую чушь. Если мне не удастся вернуть своих беглецов — тюрьма выйдет из-под контроля! А тебе известно, как выглядит бунт в тюрьме строгого режима, в такой, как моя тюрьма? Да у тебя мозгов не хватит, чтоб вообразить картину этого бунта. Итак... где поезд?

Бэрстоу задвигал челюстью и с нескольких попыток произнес:

— На первом пути...

— Я твои зубы забью тебе же в глотку, если вздумаешь играть со мной, понял? Ты мне точное его положение покажешь, понял? И расскажешь, как мне этот поезд с вертолета отыскать.

Бэрстоу, как тряпичная кукла, замотал головой.

— Хорошо, хорошо... Покажу. Я вам все покажу.

Через несколько минут, снабженный под завязку всевозможными инструкциями, планами и устными советами, я шагал к своему вертолету. Я очень торопился. Я должен был попасть к Мэнхейму раньше остальных полицейских, которые тоже получили примерные координаты поезда. Я так торопился, что Конлэн еле поспевал за мной. Мэнхейм, я иду к тебе, слышишь? Я лечу на встречу с тобой, ублюдок!

МЭННИ

Логан повернулся ко мне и к девчонке, отдышался, хотел выругаться и бросить кувалду (отчаяние светилось в его глазах), но, поймав мою ухмылку, пробормотал:

— Да будь я проклят, если, проделав такой путь, я уступлю этой чертовой двери!

Бак сплюнул: «Дерьмо!..» — и опять взялся за кувалду.

Девчонка радостно закивала:

— Правильно, Бак. Не сдавайся! Мы и через это прорвемся...

Не оборачиваясь, Логан проорал:

— Интересно, как?

И она потухла:

— Я не знаю...

— Ну, вот... С этого бы и начинала...

Она снова наклонилась к парню:

— Зато я знаю... Я уверена, что нас не оставят в беде.

Сейчас все пути очищают перед нашим составом. Про нас помнят...

Я подумал: «Да уж... И будут помнить всегда. И память о нас навсегда останется в сердцах...»

Бак в это время перестал стучать и разогнулся:

— С чего ты это взяла?

— Я просто чувствую. Сердцем! Бывают же чудеса...

«Ну, это слишком», — решил я и вмешался:

— Дура ты! Ты сама-то понимаешь, какую чушь несешь?! Чудеса... Да пошли они в задницу, твои чудеса! Человек должен полагаться только на самого себя. И ни на кого больше! Или вы оба считаете, что я здесь только и жду, когда чудо случится? Да я не жду никакого чуда. Я знаю, что прорвусь. Все равно прорвусь. Я туда пойду! — и ткнул пальцем в первый локомотив. А потом добавил: — Вот куда я пойду...

Я рванул дверь изо всех сил, и (Бак сделал свое дело) она, наконец, поддалась. Девчонка закричала мне в спину:

— У тебя ничего не выйдет. Я уже говорила: там даже не за что зацепиться. Переходника на этом локомотиве нет. Я говорю: ничего из твоей затеи не выйдет.

Эх ты, салага! Я повернулся и, глядя ей прямо в глаза, твердо сказал:

— А я сделаю. И даже если я для этого должен буду взлететь на пять футов, как птичка... — для пущей убедительности я помахал руками, как крылышками, — то я научусь летать. Но я сделаю это, поняла?

Последний глоток из бутылочки... Бак остановил меня:

— Мэнни, у тебя не получится. С твоей рукой у тебя ничего не выйдет. А у меня все будет о'кей. Уж я сумею укротить этого скакуна. Только дай мне глотнуть, и я пойду...

Разгорячился, малыш! Сейчас остынешь... Я протянул ему бутылку.

— Эй, чего присосался...

Еле отодрал ото рта.

— С тебя достаточно!

Девчонка подошла к Логану и заботливо поправила ему шарф, которым парень обмотался:

— Ты такой смелый!

Он закивал:

— Да чего уж... Я и сам знаю...

Я протянул Баку свои очки от ветра:

— Эй...

— Очки? Отлично, Мэнни! Очки... Ну, я пошел... — И Бак шагнул к двери. Открыл ее. Повернулся к нам. — Ну, я уже иду... — Вдруг закрыл дверь и опять повернулся:

— Мэнни... Мы — партнеры.

— Конечно...

Бак расплылся в улыбке от уха до уха:

— Ну и отлично! Вот и отлично!

Натянув очки, он открыл дверь и шагнул наружу. Было видно, как ветер нанес ему первый удар, но парень удержался и сделал несколько маленьких шажков по выступу шириной в пару дюймов, цепляясь руками почти за воздух. Дверь мы прикрыли, и, конечно, там нас не было слышно, но я все равно орал, как сумасшедший:

— Ты сделаешь, Бак. Ты сделаешь. У тебя крепкие кулаки, малыш. Ты сделаешь! Крепкие кулаки....

И тут я понял, что ничего-то он не сделает. Сорвется вниз или не сорвется — не знаю. Но вперед не пройдет — это точно. Я посмотрел на девчонку и тихо произнес:

— Кулаки-то крепкие. Мозгов не хватает.

Она подняла голову:

— Что ты сказал?

— Мозгов не хватает у него. Мозгов.

— Это жестоко, Мэнни...

— Зато правда, девочка моя.

Сантиметр за сантиметром Бак продвигался по корпусу локомотива. Еще несколько шагов — и он сможет уцепиться за поручень лобового стекла, а держась за него, можно попробовать перепрыгнуть на первый локомотив. Но выступ под ногами Логана кончился, и одному Богу ведомо, как сделать эти несколько шагов до поручня. Я видел это и вновь заорал:

— Ну, давай же, Бак! Вперед! Двигай вперед, молоко-сос!

Бак сорвался и чудом уцепился за какую-то шероховатость. Подтянулся и снова встал на выступе. Начал пятиться обратно.

— Давай, Бак! Вперед! Попробуй еще раз! Вперед! Сделай это, Бак!

За моей спиной раздался визг:

— Вернись!

— Вперед, Бак! Сосунок, давай же...

И опять:

— Вернись! Я не могу больше смотреть на это...

Она вцепилась мне в руку, и я отшвырнул ее на пол, как нашкодившего котенка стряхивают с колен:

— Тогда сиди и не смотри. Если не можешь...

Бак прижался к двери и сквозь замерзшее стекло было видно, как он просит впустить его, но я был неумолим:

— Не упрасивай меня, сосунок! Все равно не впущу. Вперед! Вперед! Вперед! Тебе говорю: пошел вперед! Не впущу! И не проси, придурок! Иди и сделай это!..

Сзади опять налетела эта идиотка.

— У него не получается. Ты же видишь... Неужели тебе не жалко его? Или его жизнь для тебя ничего не значит?

Бабы слюни, сопли, слезы! Я снова отшвырнул ее:

— Отвали от меня!

А этот ублюдок кривляется там, за окном...

— Пошел отсюда, слюнтяй! Ты же хотел быть крутым парнем, да? Ты же хотел быть избранником судьбы? Ну так вернись и сделай то, что должен сделать!

С диким воплем «Прекрати это!» девица прыгнула мне на спину и повалила на пол. Дверь открылась, и в кабину ввалился Бак:

— Что ты делаешь, Мэнни?

Я вскочил и показал ему на открытую дверь:

— Убирайся отсюда к чертовой бабушке! Понял, молоко-сос? Пошел вон отсюда! И покажи мне, что у тебя в крови не одно лишь дерьмо плавает...

Логан не мог прийти в себя:

— Дай передохнуть, Мэнни...

И я дал ему! Я пнул его ногой под ребра так, чтобы он пожалел, и что на свет родился, и что из тюрьги сбежал, и что со мной на этот поезд сел...

— Поднимайся! И прекрати всю эту херню нести! «Передохнуть»... Не мели чушь! Я вообще не знаю, кто ты такой... Но ты хочешь быть крутым, правда? Тогда уматывай отсюда!

И я бил его, бил не переставая, не давая подняться, бил руками и ногами...

— Поднимайся!

Девица вцепилась мне в руку:

— Нет! Хватит!

Бак поднялся, шатаясь, и я еще раз дал ему в печень. Он рухнул на колени и прохрипел:

— Ты хочешь убить меня? Чего ты хочешь, скажи, Мэнни?

Я наклонился к нему:

— Да если бы я хотел тебя пришить, ты бы давно уже на том свете прыгал... Просто ты — фрайер. И ты никогда не сделаешь то, что я приказываю тебе сделать.

Логан, скрючившись, зашептал:

— Да, Мэнни... Я не могу сделать это. Я не могу...

— Ты — трус. Откуда ты знаешь, что ты можешь сделать, а что — не можешь? Ты — трус. Зачем я только связался с кучей куриного помета?! Поднимайся!

Бак встал с колен, и я дал ему еще раз в печень. Он мешком свалился на пол. Девчонка попыталась оттащить меня:

— Оставь его в покое...

Как она мне надоела!

— Не умничай тут, поняла? — прикрикнул я на нее. Повернулся к Логану и снова стал толкать его:

— Поднимайся, черт бы тебя побрал! Слышишь? Поднимайся! Придурок, поднимайся и убирайся отсюда!..

Бак замотал головой:

— Ладно...

Из угла опять бабий вопль «Нет!».

— Ладно, — сказал Бак. Я пойду...

— Нет! Нельзя! Он просто использует тебя. — Это она про меня, конечно. — Он просто использует тебя. Не ходи! Но я стоял на своем:

— Ты пойдешь, сосунок. Ты пойдешь и сделаешь то, что я скажу тебе, не правда ли? Вот и хорошо. Ты пойдешь и сделаешь...

Девница встала между мной и Логаном:

— Иди и сделай сам, если ты такой смелый.

Я усмехнулся:

— Сделал бы, будь у меня обе руки в порядке.

Она вскипела:

— Ублюдок! Ты считаешь, что имеешь право принести в жертву жизнь другого человека вместо своей собственной. Да ты просто животное...

И тогда я заорал ей в лицо:

— Нет!!! Я хуже... Я человек... Человек! Поняла? —

Посмотрев на Логана, я добавил: — Убирайся отсюда к чертовой матери!

Но тот вдруг ответил:

— Нет!

— Пошел! Убирайся к дьяволу, я сказал! Вон отсюда! Вон!

Девчонка подскочила к двери, захлопнула и прислонилась к ней спиной:

— Я не пущу!

Приподняв девчонку за плечи, я легонько толкнул ее — и она вмазалась в дверь с другой стороны кабины. Оклемавшийся Бак, почуяв моральную защиту, завопил:

— Не прикасайся к ней! — и двинул меня в челюсть.

Чемпион тюрьмы, мать его... Я достал из ботинка ножик, а Логан тут же схватил разводной ключ:

— Я убью тебя, Мэнни.

— Ты подохнешь, молокосос. Подохнешь.

— Я убью тебя, старик. Не вынуждай меня прикончить тебя, Мэнни. Я убью тебя. Убью! Приятель, не заставляй меня... Я пришью тебя! Ну давай же, начинай, старина, и я убью тебя... И вдруг девица рванулась вперед, схватила меня за руку и вцепилась зубами в еще не ожившую рану. По другой руке Бак двинул меня ключом, и нож со звоном вывалился, отлетев в сторону. Я швырнул девчонку на пол, подхватил нож, но Бак с угрожающим видом шагнул мне навстречу, помахивая разводным ключом.

— Партнеры... Не вынуждай меня прикончить тебя, приятель. Я же забью тебя до смерти. Давай, Мэнни, попробуй, только сунься и ты получишь...

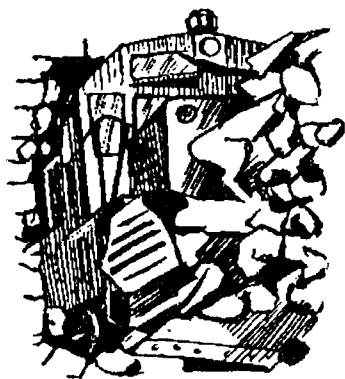
Девчонка завизжала:

— Убей его, Бак! Убей его! Убей его! Убей его!

Мы молча смотрели друг на друга, она смотрела на нас, и я подумал: «Я бы, конечно, справился с тобой, и не таких кидали! — но не для того я сбежал из Стоунхэвна, чтоб с тобой сводить счеты. У меня другая цель...» — рука моя разжалась, нож выскользнул и упал рядом с девчонкой. Она тут же подхватила его и выкинула в окно, а потом без сил сползла по стенке на пол. Бак так же медленно сел и отбросил ключ:

— А я-то думал, что ты мой друг, Мэнни. Я-то думал, что мы партнеры. Черт возьми... Знаешь?... Тебе не удастся остановить Рэнкена, когда для этого придет время. Потому что он уже где-то рядом со всей своей дерьмовой сворой. А ты был героем... Ты был героем — для всех нас... Возвращайся-ка ты в эту вонючую дыру... Черт бы тебя побрал, Мэнни!

ФРЭНК БЭРСТОУ

Может, плюнуть на все? Какое мне дело до этого беглеца? Я должен сделать то, что должен. А отвечать будет Мак. Да еще этот вонючий лягавый...

— Между прочим, это твой промах, Фрэнк,— раздался голос Макдональда.— Раньше надо было меня послушаться и пустить его под откос.

Мой шеф до сих пор не заметил, какие я операции с пультом проделываю; и мне пришлось объяснить ему:

— Ну, а мы чем занимаемся? Мы сейчас за...— я осекся, поймав взгляд Мака, и поправился.— Я сейчас заткну их на боковую ветку, и через каких-то пятнадцать минут они сойдут с рельсов... И у нас будет куча металлолома,— тихо, почти про себя добавил я.

Шеф в это время уже нажимал кнопку вызова:

— Станция Элкинс... Станция Элкинс... Станция...

Динамик наконец откликнулся:

— Слушай, Элкинс... Валяй, чего у тебя?

Макдональд встал в позу командира:

— Джилкрайст! Говорит Макдональд,— и передал микрофон мне.

Нота развязности в голосе дежурного по станции Элкинс исчезла:

— Да, Макдональд...

И почти в ту же секунду я произнес:

— Бэрстоу у микрофона!

Макдональд махнул рукой:

— Давай, давай, распоряжайся... Видит бог, он заставил меня сделать это! Вместе с ублюдком-лягавым, который чуть не утопил меня...

— Джилкрайст, слушай меня внимательно, а потом без промедления выполняй приказ. У вас есть около минуты для того чтобы перевести поезд-беглец на заброшенную линию, на ту самую, которой мы уже дано не пользуемся.

В динамике раздалось короткое:

— Понял!

И я, не выдержав, закричал в микрофон:

— Тогда беги!

Мак, довольный, потирал руки:

— Хорошо! Очень хорошо! Молодцы, ребята! — повернулся он к нам.— Теперь мы спасем химический завод! Вот так!

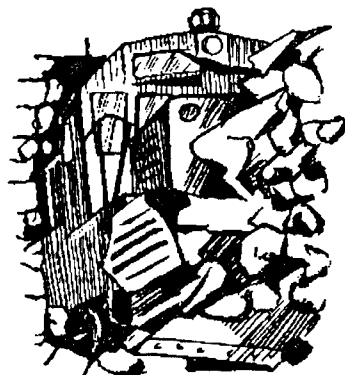
Что можно было ответить этому жизнерадостному крестину?! Я буркнул:

— Зато угробим тех троих...

* * *

Лок птицелетел среди снегов Аляски. Ему не мешал мороз. Ему не мешали рельсы. Наоборот, они помогали Локу стрелой вонзаться в чрево гор и, вынырнув из одного тоннеля, он через несколько сотен метров нырнул в следующий. Лок был свободен! Его никто не сумел остановить, и никому не удалось укротить его. Он парил от счастья. Пьянящий воздух свободы сводил Лока с ума от счастья, но не помешал ему увидеть в небесах винтокрылую машину, которая стремительно и неотвратимо настигала беглеца.

САРА

Господи, когда же это все кончится? Помогите нам, Господи! Спаси нас, пока мы не убили друг друга!! Направь души блудных твоих сыновей на путь истинный, Господи! Не дай нам погибнуть...

Как страшно, оказывается, когда ты стоишь на самом краю бездны. Три года назад мне не было так страшно. Сопливая девчонка, я тогда еще ни черта не понимала в жизни. Наглотавшись всяких

таблеток, какие только смогла нарыть у матери в домашней аптечке, я думала, что и жить ни к чему, если Билли Армстронг, по которому сохли все девчонки в школе, отвернулся от меня только лишь из-за того, что я ему после очередной вечеринки (ха-ха! — очередной! — отец отпустил меня из дома во второй раз) отказала. Между прочим, я не дала Билли вовсе не потому, что он мне не нравился. Сказал бы пару ласковых слов, уложил где-нибудь на лесной полянке, и я бы растаяла как миленькая. Но Билли, мой любимый мальчик Билли, мой добрый Билли, зачем же ты был так груб со мной? И зачем ты стал уламывать меня трахнуть прямо на заднем сиденье автомобиля? Это же так пошло... Да и потом, Билли, зачем ты так подло со мной обошелся? Зачем всей школе растрепал, будто я уговаривала тебя переспать, а ты, такой благородный, сказал, что со шлюхами дела не имеешь? Это я-то — шлюха? Я до тебя, Билли, ни с кем по серьезному даже и не целовалась. Только перед девчонками хвасталась, как за мной повсюду, куда я за отцом переезжала, мальчишки увивались. А на самом деле с папашиним-то нравом не очень разгуляешься. Пока он с матерью не развелся, я, можно сказать, совсем свободы не знала: в школу сам меня отвозил, после уроков встречал, в спортивную секцию (я тогда гимнастикой увлекалась) — то же самое, с подружками потреться — только у нас дома, в моей комнате, да и то заглядывал сюда через каждые пять минут,

чтобы проверить, не слишком ли вольно мы себя ведем. Что мне оставалось? Только книжки читать. Правда, еще шить научилась классно. С маминой помощью да по самоучителю. Ну а из книжек я, конечно, нахваталась всякого. В том смысле, что весь мир для меня разделился на черное и белое. Плохих людей, я с детства считала, должно быть за милую видно, и их надо обходить стороной. Хорошим же можно доверять все свои мысли и чувства. Главное, не перепутать. И не забывать, что плохие часто притворяются, маскируются под хороших. Поскольку мне общаться особенно было не с кем, я как-то завела дневник. Все девчонки в классе вели дневники: сплетничали, кто в кого влюбился, кто с кем целовался, стихи сочиняли или переписывали друг у друга, портреты актеров наклеивали. Про мой дневник не знал, кажется, никто: я одна никому ничего не показывала и не болтала об этом. Спрятала дома среди пособий по кройке и шитью и доставала, чтобы поделиться своими размышлениями и тайными переживаниями, только в те редкие минуты, когда никого дома не было. Однажды по чистой случайности на первых страницах дневника я обнаружила странного происхождения крошечные пятна и очень им удивилась: меня родители аккуратисткой воспитывали с самых малых лет, сколько себя помню. Тогда я подумала, а не читает ли кто-нибудь из домашних мой личный дневник? И в первый раз я решилась солгать своему тайному исповеднику: написала, что в перерыве между уроками выходила на школьный двор и в укромном местечке целовалась с одноклассником Майком Лэнстоуном. На следующий же день отец вызвал меня из моей комнаты в гостиную, где уже сидели мать и бабушка с дедушкой (родители матери были не такие уж и дряхлые, и во всяком случае у них хватало сил командовать большим загородным домом). На другом, дальнем от меня, конце длинного обеденного стола лежал мой дневник. Этот день я не забуду никогда. Сначала бабка с дедом устроили мне словесную выволочку, распинаясь по поводу строгих нравов, коими всегда отличался старинный род О'Мэлли, то бишь наша семья по материнской линии. Потом своими рассказами они распалили мать до того, что она схватила дневник, подлетела ко мне на всех парусах и начала лупить меня по голове что есть силы этой тетрадью приличной толщины в твердом кожаном переплете.

Я не удивлялась, что отец ее еще и подзадоривал. Через несколько минут мать рассадилась мне лоб и понемногу начала успокаиваться. Конечно, я проревела потом всю ночь. Конечно, больше я никогда не открывала свою заветную тетрадь, исписанную едва ли на четверть. Но я простила бы родителям это унижение, если бы оно оставалось в кругу семьи. Однако в конце той же недели к нам заявились Лэнстоуны вместе с Майком, который, разумеется, сразу и с порога назвал меня вруньей, что не повлияло на дальнейший ход событий. Словесная экзекуция повторилась. Меня не утешило даже то, что обошлось без битья. К обвинению в том, что я не по годам развратная девица, прибавилось и слово «обманщица». В моем доме независимо от того, в каком городе мы потом жили, чаще всего я слышала в своей адрес «шлюха» и «лгунья». Переезжали мы часто потому, что с того момента, как отец потерял работу после банкротства его фирмы в Джорджтауне, штат Техас, ему никак не удавалось найти себе приличное постоянное место в какой-нибудь престижной компании. Экономистов его квалификации было по всей стране хоть пруд пруди. Теперь отец, конечно же, обвинял мать, что из-за нее он когда-то не пошел учиться дальше и застрял на среднем уровне. Но, по правде говоря, он и характером-то был лодырь, вот мы и крутились только по южным штатам. Папаша постоянно твердил, что ему не по душе, вопервых, янки, во-вторых, большие города. И к тому и к другому он питал искреннее отвращение. Мне больше всего понравилось жить в Пасадине, однако, когда срок временного отцовского контракта подошел к концу, нам пришлось и оттуда уехать. Так в итоге, изрядно помотавшись, мы и оказались вновь в Джорджтауне, в окрестностях которого жили родители матери. Им принадлежит немалая заслуга в том, что мать развелась с отцом. Справедливости ради нельзя не сказать, что бабка с дедом оплатили мое обучение в Музыкальном колледже в Хьюстоне. Но не все рождаются гениями. Продолжить образование по творческой специальности мне не удалось. Да и дед скончался скоропостижно, оставив бабулю, как выяснилось, с кучей неоплаченных кредитов и немаленьких долгов. Чтобы расплатиться, пришлось продать и дом, и землю, а бабушке — переехать к дочери. То есть в наш с матерью дом. Тогда у меня и окрепло желание уехать куда

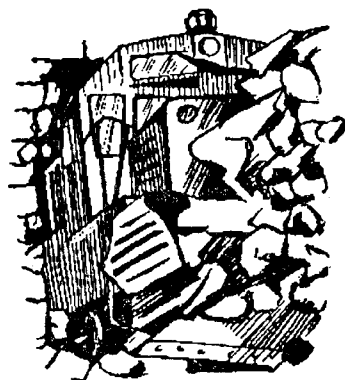
удобно, лишь бы подальше. И лишь бы подольше не видеть никого из родных и ненавистных лиц. Тут-то отец (он поселился в городке с романтическим названием Эльдorado, штат Луизиана, и неожиданно для меня резко пошел в гору — по крайней мере, если судить по тем суммам, что он переводил на мой счет) написал, что через годик он сумел бы, накопив денег, профинансировать мое обучение в Остинском или даже Хьюстонском университете, но пока, раз уж у меня есть острое желание уехать к черту на кулички, он предлагает мне этот годик провести у своего отца. На Аляске. Это все равно, как если бы он сказал мне: «Поживи пока на Луне!» Как ни странно, предложение, которое раньше показалось бы мне чудовищно оскорбительным, в новой сложившейся ситуации мне понравилось. И я согласилась, связалась с дедом, которого прежде не видела ни разу просто по той причине, что он ни разу не изъявил желание знакомиться с женой своего сына и ее родителями, а также по какому бы то ни было поводу покидать ледяные пустыни и горы. Уиллоу, где жил дед, оказался симпатичным городком. Я, к собственному удивлению, довольно быстро привыкла и к местным людям, и к местным обычаям. Единственное, что мне далось труднее всего, — это холод. Но когда я свыклась с морозами, то поняла, что теперь мне еще труднее будет расставаться с этими местами. Я написала отцу, что поступление в университет откладываю еще на годик. И вот сейчас, когда полтора года на Аляске за плечами, когда закаленные ветераны-железнодорожники перестали подтрунивать надо мной на работе, когда я, кажется, уже умею постоять за себя в трудной ситуации, — влипнуть, как комар в смолу, в безвыходное положение и погибнуть... Господи! Не дай нам погибнуть...

Я прикоснулась случайно к Мэнни. Рука его была холодна как лед. Я испугалась и посмотрела ему в глаза, боясь увидеть в них смерть. Но увидела пламя. Огонь пожирал его душу. И я придвинулась к нему, прижалась, пытаюсь согреться и успокоиться. Тут же к нам присоединился Бак. Тело его еще сотрясала дрожь быстро закончившейся схватки. Всего каких-то пару минут назад его раздирали страх смерти и страх оказаться перед необходимостью убить другого человека. В том, что Бак готов был

убить Мэнни, у меня не оставалось никаких сомнений. А сейчас... Мы сидели, обнявшись, вдвоем пытаюсь почувствовать, что ждет нас впереди. Гнетущая тишина, прерываемая свистом ветра и стуком колес локомотива, заливала наши уши. И неожиданно в нее ворвался какой-то посторонний звук. Я открыла глаза и увидела высоко в небе вертолет.

— Смотрите!

РЭНКЕН

Найти беглеца оказалось не таким уж сложным делом. Конечно, здорово мешают туннели. Приходится следить за поездом, уворачиваться от встречных потоков воздуха и горных склонов, да еще выискивать выход из туннеля, где должны вновь показаться локомотивы. Пилоту моего вертолета не позавидуешь. Но у меня не было времени ждать, когда сцепка выскочит на равнину. Туда

сейчас мчатся полицейские со всей округи, а Мэнхейм — это моя добыча.

Я приказал Конлэну спуститься на веревочной лестнице к поезду, прыгнуть на первый локомотив и остановить сцепку. А там уж мы сойдемся с этим ублюдком один на один...

Конлэн завис над беглецом, приготовился... Прыжок! Он попал точно на крышу первого локомотива, но, видимо, на самый ее край. Не учел обледенелость, наверное... Словом, зашатался, упал — и бешеная скорость беглеца бросила Конлэна прямо на лобовое стекло второго локомотива, которое он разнес вдребезги своим телом. Секунду он лежал лицом к лицу с Мэнхеймом (наверное, он уже был мертв в ту секунду), а потом тело Конлэна соскользнуло под колеса локомотива. И я увидел, как по колее потянулась красная полоса между рельсов...

— Вонючее дерьмо!

Это Мэнхейм. Он высунулся сквозь остатки лобового стекла и начал кривляться, как марионетка в кукольном театре.

— Ты видел, Рэнкен?! Ты это видел? Ну, давай же, Рэнкен!

Я улыбнулся и натянул очки против ветра и снега. Теперь я готов! Мне повезет больше, чем бедолаге Конлэну. И я шагнул из вертолета на лестницу:

— Давай, Рэнкен! Спускайся!

Поезд вновь исчез в туннеле, но мне показалось, что я слышу этот, будто доносящийся из преисподней, голос:

— Тебе никогда не удастся вернуть меня, Рэнкен... Только попробуй! Попробуй! Ты живым меня не возьмешь, молокосос!

Я спускался по лестнице под вопли Мэнхейма, предвкушая удовольствие от предстоящей расправы.

— Что случилось, Рэнкен? Тебе дьявольски не повезло. Ты проиграл! Тебе не повезло! Ты слышишь меня? Ну, давай же... Останови этот поезд, Рэнкен! Ты слышишь меня? Тебе никогда не удастся остановить его! Слышишь, подонок?! Это я говорю тебе! Слышишь меня, Рэнкен?! Я же говорил тебе, что вырвусь на свободу! И я сделал это! Вот он я — на свободе! Как я ненавижу твою рожу, ублюдок! Иди же ко мне, спускайся! Все равно я выиграл! Выиграл!!!

Он орал и дергался, будто управляемый невидимыми мне ниточками, размахивал кулаками. На одно мгновение за его спиной промелькнули еще два лица. Видимо, Бак Логан и та девчонка-железнодорожница. Представляю, что эта парочка с ней вытворяла...

— Я хочу, чтоб ты спустился ко мне, Рэнкен! Спускайся! Прыгай сюда! Вот он я! Я живой, а у тебя кишка тонка! Спускайся, Рэнкен! Рэнкен, ты слышишь меня? Тебе никогда не остановить этот поезд. Никогда! Потому что он мой, понял?! Он — это я, ты понимаешь меня, Рэнкен? Я выиграл, Рэнкен! Выиграл!

И опять беглец исчез в туннеле, черт бы побрал эти кротовые норы!

ФРЭНК БЭРСТОУ

Я ничего не понимал. Кто-то что-то рассказывал, кто-то о чем-то спрашивал... Я сидел, тупо уставившись в экран телевизора, и ни о чем не думал. Просто вертел какой-то клочок бумаги. Вдруг до моего сознания дошли несколько слов. Диктор комментировал какие-то события из области чего-то космического:

— ...Количество чрезвычайно сложных экспериментов как минимум удвоится к моменту запуска в следующем месяце англо-французского метеоспутника. По словам руководителя проекта мистера Хогана, можно дать высокую оценку уровню подготовки к запуску группы Джонстона...

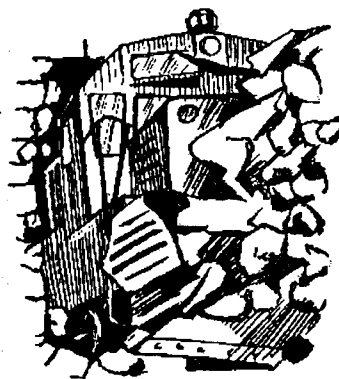
Я повернулся к шефу:

— И все-таки я не понимаю, как все это случилось! Почему мы не смогли остановить его? Со всем нашим хламом и мусором! Я имею в виду, со всей нашей высококлассной техникой...

Макдональд неуверенно развел руками:

— Знаешь, Фрэнк, не все можно объяснить в этом мире...

БАК

Я понял, что пришел конец нашему путешествию. На моих глазах Рэнкен спускался по веревочной лестнице к первому локомотиву, и я понимал, что ненависть, которую он испытывает к Мэнни, придает Рэнкену силы. А это значит, что он остановит поезд. И убьет Мэнни. Но не здесь, а в Стоунхэвне. И как бы Мэнни сейчас ни орал...

Вдруг локомотив здорово тряхнуло. Мэнни обернулся к нам:

— Что это было? Что случилось?

У нашей красотки затряслись губы и слезы ручьем хлынули из глаз:

— Они на нас наплевали. Они перевели нас с главного пути в тупик.

— И что это значит? — спросил я ее.

И она, глотая слезы, ответила:

— А это значит, что в любую минуту мы можем разбиться. Девчонка вся затряслась и прошептала мне:

— Обними меня. Я не хочу умирать в одиночку...

Мне стало жаль ее, и я попробовал успокоить, как мог, и ее, и себя:

— Да ладно, все будет в порядке.

Она закивала головой:

— Да, да... — и залилась пуще прежнего. Я тоже готов был разреваться и добавил:

— Все будет просто великолепно.

Но эта фраза вышла у меня какой-то неутешительной. Мэнни, видимо, надоело слушать наши всхлипывания:

— Каждый из нас умирает в одиночку, — и он опять высунулся в разбитое окно: — Давай же, Рэнкен! Я жду тебя, подонок! Вот он я! Давай же! Я выбрался из твоей клетки! Никогда больше ты не засунешь меня в нее! Никогда!!! И ты никогда не убьешь меня! Никогда!..

Потому что я уже выбрался! Ты слышишь меня? Тебе никогда не остановить меня...

Я попробовал остудить его:

— Но тебе не перебраться на первый локомотив, Мэнни...

Он продолжал кричать:

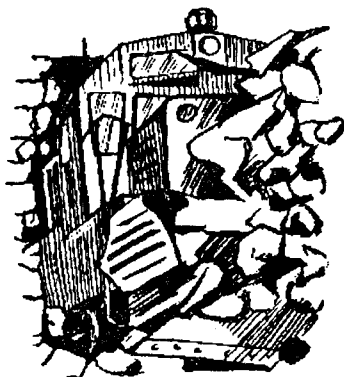
— Я выбрался из клетки! Ты никогда не остановишь меня! — а потом повернулся ко мне: — Учись, малыш, главное — то, что у человека здесь... — и Мэнни ткнул пальцем в свою башку. Взял пузырек с виски, вылил остатки на раненую руку и забормотал, зажмурившись:

— Я переберусь через эту вонючую дыру... Я переберусь... Я переберусь...

Опять повернулся ко мне с диким воплем:

— Я переберусь через нее! Смотри!

РЭНКЕН

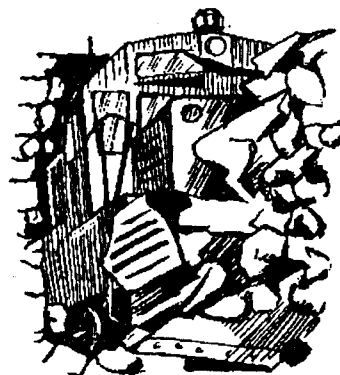
Мне не было слышно, о чем там Мэнхейм говорил с Логаном, но все, что происходило потом, мне было видно до мельчайших подробностей: я висел на краю лестницы в считанных метрах от своего врага.

Он очистил раму от разбитых стекол, выкарабкался на локомотив, постоял секунду, согнувшись от ветра, и прыгнул, чуть не по-птичьи взмахнув руками. Мэнхейм

лишь задел впереидиудущий локомотив, но тут же соскользнул в пропасть. Ему удалось зацепиться за разъем муфты, которая на очередном стыке рельсов сомкнулась, раздробив пальцы Мэнхейма. Раздался дикий крик, кровь из раздавленных пальцев брызнула ему в лицо. Но, к моему удивлению, Мэнхейм не расцепил пальцы. Он сумел подтянуть свое тело, которое болталось в каких-то сантиметрах от колес, затем на локтях поднялся над связкой кабелей и лег на них. Поезд нырнул в туннель, а когда появился с

другой стороны горы, я увидел, что Мэнхейм по боковому мостику ползет к кабине первого локомотива. Туннелей пока не предвиделось, и мы продолжали снижение. Мэнхейм заползал в кабину, когда я прыгнул и распластался на крыше локомотива. Встав на четвереньки, я достал свой любимый тяжелый «магнум» и начал спускаться на боковой мостик.

МЭННИ

Отдышавшись, я огляделся и заметил подходящее оружие — огнетушитель. Не бог весть что против пистолета, который наверняка будет у Рэнкена в руке, но все-таки... И я прошептал:

— Я жду тебя.

Дверь приоткрылась... Пауза... Рэнкен стремительно влетел в кабину, но я еще быстрее с размаху двинул огнетушителем наугад. Грохнул выстрел, пуля взвизгну-

ла, задев какую-то трубу. Второй раз Рэнкен выстрелить не успел. Когда он пришел в себя, то увидел себя прикованным собственными наручниками к одному из поручней.

Я спросил его:

— Джона жив?

В мутных глазах Рэнкена я не увидел ответа и повторил вопрос:

— Джона жив?

До того, наконец, дошло:

— Да... — выдавил он из себя и добавил: — Да!

Усталость брала свое, и я прислонился к стенке.

— Ну вот и хорошо. Он будет очень рад.

Рэнкен только теперь осознал свою ситуацию, в которой оказался, и попробовал освободиться от наручников. Можно подумать, что я в первый раз в жизни их застегнул...

— Не делай этого, Мэнни! Ты ответишь за это. Ты знаешь, что ответишь...

Боже мой, как же смешон этот Рэнкен!

— Нажми кнопку, Мэнни. Мы на тупиковой ветке. Через пять минут мы разобьемся к чертям.

Я с интересом посмотрел на него:

— Значит, у нас впереди приятная пятиминутная совместная прогулка.

Рэнкен забрызгал слюной.

— Ты считаешь себя героем, да? Чушь собачья! Ты просто мразь!

Завел свою старую песню...

— Да мы оба с тобой мразь, браток...

Наш локомотив врезался в какие-то ворота и исчез в туннеле. Через несколько секунд снова вырвался на свободу и разнес еще одни ворота. Видимо, в самом деле тупик. И девица права, и Рэнкен не соврал... На что это он уставился? Я проследил за его взглядом и увидел кнопку аварийного отключения двигателя. Рэнкен тоже поймал мой взгляд и опять залопотал:

— Ты должен нажать эту кнопку и остановить поезд. У нас осталось всего лишь несколько минут.

Я махнул рукой:

— Все время мира теперь в нашем распоряжении!

Он разозлился:

— Ты сдохнешь, ублюдок!

— И ты сдохнешь вместе со мной, Рэнкен!

Его затрясло:

— Да пошел ты... Мэнни, ты всегда боялся смерти. Так же, как и все остальные. И я никогда не выпущу тебя на свободу! Ты слышишь меня?

Бедный Рэнкен! Он так ничего и не понял...

— А я свободен... Рэнкен, я свободен...

Он усмехнулся:

— Значит, ты считаешь, что выиграл, да? Я тоже умею умирать, Мэнни.

Я пожал плечами:

— Выиграл... проиграл... какая разница?

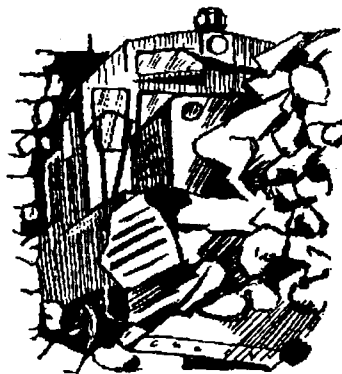
И тут он вовремя напомнил мне:

— А как же этот подонок и девчонка?

Я взглянул на Рэнкена:

— Нет, нет... только ты и я... Ты и я...

БАК

Мы слышали выстрел, но Рэнкена видно не было! Значит, там была суровая драка. Вертолет улетел. Наверное, топливо кончилось. Мы в щепки разнесли ворота, ведущие в тупик. Если в схватке победил Мэнни, то почему он не остановил поезд? Мы с девчонкой сидели молча, обняв друг друга, и одновременно почувствовали, что начали тормозить. Мы оба высунулись в окно и увидели удаляющийся головной локомотив, на боковом мостике которого лежал Мэнни и глядел на нас.

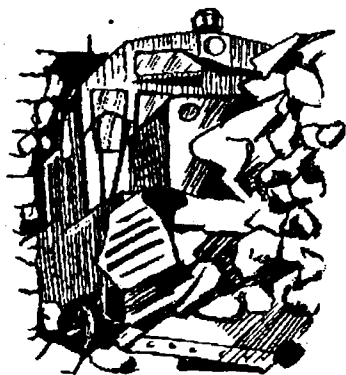
МЭННИ

Пришлось немного повозиться с разъемом, но игра стоила свеч. Я имел право на свою жизнь и жизнь Рэнкена, с которым судьба связала нас до последнего вздоха. Но не на жизнь этого пацана и, тем более, не на жизнь девчонки. В окне второго локомотива показались они оба. Бак что-то закричал. Я прислушался, ветер донес:

— Мэнни! Заткни этот двигатель! Мэнни! Черт бы тебя побрал! Заткни его, Мэнни!..

САРА

Я смотрела ему вослед и не могла удержать слезы.

Бак кричал:

— Заткни его, Мэнни!

Я поняла, чего добивался тот от Бака, когда пинал ногами, отшвыривая меня в сторону и пытаясь выгнать Бака из кабины.

— Заткни его, Мэнни! Это все, что ты должен сделать! Мэнни!..

И я оборвала этот крик:

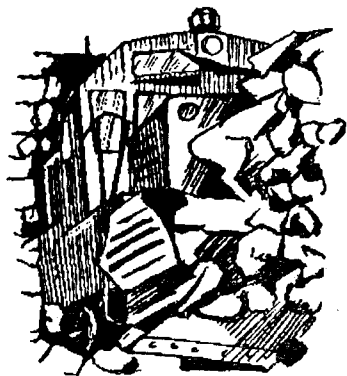
— Он сам знает, что ему делать.

Бак зарыдал:

— Заткни его, Мэнни! Черт бы тебя побрал!

На удаляющемся от нас локомотиве Мэнни приподнялся, уцепился за лесенку и начал взбираться на крышу.

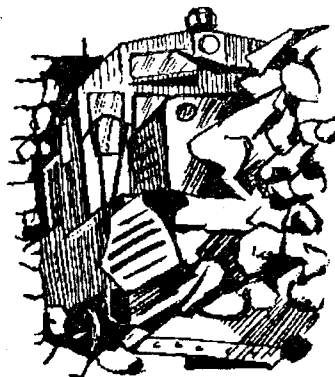
РЭНКЕН

Я пытался дотянуться до кнопки, пытался вырвать поручень, к которому был прикован, пытался снять наручники, зубами вцепился в них в конце концов, но все было бесполезно. Мэнни не вернулся в кабину, но я знал, что он не ушел. Я чувствовал его где-то рядом... И с каждой секундой таяла моя надежда, что Мэнни вернется и нажмет кнопку, чтобы остановить поезд. В какой-то

миг мне даже показалось, что мы еще быстрее припустили навстречу своей смерти.

БАК

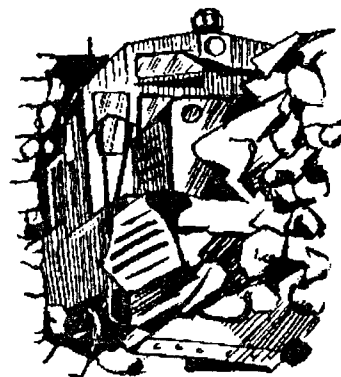

Я не мог сдержаться. Я плакал и кричал:

— Он сделал это! Он сделал это!

Мэнни выкарабкался на крышу локомотива и сделал несколько шагов. Потом постоял, согнувшись, несколько секунд, медленно разогнулся и развел руки в стороны. Я замер, увидев эту фантастическую картину.

МЭННИ

Я же говорил, что птицей взлечу, если понадобится. Однажды мне уже пришлось испытать подобные ощущения, и я знаю, что говорю. Обычно все кругом твердят, что человек летает во сне и что это означает, будто он растет. Но я-то летал наяву. Хотя и случилась со мной эта история в глубоком детстве. Так давно, что иногда она кажется мне собственной выдумкой. И в те минуты,

когда она всплывает в моей памяти, я сам себе не верю: нет, это было не со мной, не с Мэнни, не с Оскаром Мэнхеймом, это было с каким-то совершенно другим мальчишкой. Я тогда еще только учился премудростям уличной жизни. Еще и года не прошло как я сбежал из дома, где меня круглыми сутками с утра до вечера пилили мать с отчимом: сидишь у нас на шее, хлеб жрешь на дармовщинку, ни черта от тебя не дождешься, бестолочь одна из тебя выйдет (на что я всегда про себя добавлял: «Бестолочь выйдет, а толк останется»). А сами только и перебивались

случайными заработками, которые тут же пропивали. Местный полицейский был еще тот пройдоха! Когда отчим приводил его к нам домой, тот не упускал случая опрокинуть рюмашку-другую. Блюститель порядка, называется! Срать он хотел на порядок! Просто в нищий квартал не каждый патруль свой нос совал, вот этот ублюдок в форме и не боялся, что с работы полетит кувырком. Так и вышло, что жаловаться мне было некуда. Да я и не хотел никому жаловаться. Я просто хотел научиться давать отпор, а потому участвовал во всех уличных мальчишеских драках, становясь обычно на сторону тех, кого было меньше числом. Я уже тогда был не дурак и понимал, что если тебя не убьют в какой-нибудь стычке, то только таким образом ты и сумеешь встать на ноги. В тринадцать лет я стал грозой своих ровесников, и к моей команде серьезно относились все молодежные банды портовых кварталов Чикаго. А еще через год я впервые убил человека. Мы выясняли отношения с «лордами», заезжей кодлой из Сисеро. Нас было меньше, чем их, однако мы не стали звать подмогу. На катке, который мы каждый год заливали у самого дальнего грузового пирса, сошлись наши две стаи, и мы устроили недоноскам такую карусель... Мой стратегический замысел заключался в том, что моя команда была на коньках и с хоккейными клюшками, а противник это обнаружил, когда уже вышел на лед и увидел, что попал в западню: мы перекрыли «лордам» все пути к отступлению. После тяжелого боя их остатки прорвались сквозь наши ряды и дали деру. Десяток «лордов» остался лежать на льду. Я сказал своим: «Пленных не брать!» — и первым отправился добивать врага. Конечно, все они пришли в себя в больнице, кроме того шестнадцатилетнего парня, которому я заехал носком лезвия конька в висок. Так уж вышло. Мне было немного жаль этого типа, но война есть война. Самое глупое, что на меня наступал кто-то из своих, и я так никогда потом и не узнал, кто именно. Да, собственно, меня и занесло потом в Чикаго только лишь через двенадцать лет. Когда за спиной уже вырос приличный перечень тюрем и побегов. А история с «птичьим полетом» произошла раньше, чем я впервые угодил за решетку. Мои «ангелы» решили отметить хорошо провернутое дельце (однажды ночью мы удачно «поработали» в магазине спортивного инвентаря, и мало того, что заработали

несколько тысяч «зеленых», чего раньше никогда еще не было, но при этом мы даже оставили кое-что из товара для личного пользования) и уговорили меня отправиться в скаутский поход. Сейчас-то я понимаю, что просто детство в заднице свербило у каждого из нас, но тогда мы ничего не могли поделать с неожиданно возникшей и не казавшейся дурацкой и нелепой идеей. Заканчивался август. Мы взяли палатки, спальные мешки, рюкзаки, разные туристские причиндалы, продуктов целую гору надыбали по местным магазинам (помногу не брали, чтобы не попасться на ерунде). Потом купили билеты на автобус (что меня рассмешило больше всего, потому что мы почти никогда ничего не покупали!) и уехали на Гранд-Ривер. Забрались повыше по течению, к самым ее истокам. Один из наших сказал, что когда-то бывал в тех местах вместе с отцом, который тогда еще был у него жив, и очень хвалил. Правда, на легкую жизнь в лесной глуши он нас не настраивал. И мы ловили кайф целую неделю: купались, загорали, ловили рыбу. Правда, жратва быстро кончилась — видно, из-за отсутствия опыта не правильно чего-то рассчитали. Ну, так не ради же жратвы мы туда и ехали. В один из дней мы набрали на старую деревянную геодезическую вышку, возведенную, наверное, еще в самом начале века: она стояла одиноким небоскребом возвышаясь посреди нескольких десятков огромных стогов сена. Примерно метров тридцать, и уж никак не меньше, была ее высота. Семь-восемь лестничных маршей вели под самую крышу вышки. Мои «ангелы» взревели от восторга и стали цепочкой карабкаться по ступенькам вверх. Ребята боготворили меня, но не знали, что была все-таки одна вещь, которая меня пугала до смерти. Высота. Если бы они узнали, мой авторитет наверняка упал бы в их глазах. Я не стал подниматься по лестнице под предлогом, что кто-то должен остаться с младшими внизу. И это всем показалось очень уважительной причиной. Мои оболтусы гирляндой висели на разных этажах-площадках продуваемой всеми ветрами вышки и начали даже раскачивать ее. Тут уж я серьезно испугался за их жизнь и приказал всем спуститься. Именно в этот день мы пожалели, что никто из нас не догадался «увести» — пусть плохонький — фотоаппарат, чтобы осталась память о нашем верном братстве. Наш поход завершился драматически: кто-то из местных жите-

лей донес в полицию, и к нам нагрянула машина с двумя патрульными. Ребята попались опытные: они сразу раскусили, кто здесь отдает приказы, и не стали распылять свои силы, решив сосредоточиться на мне. За неделю я тоже сумел основательно изучить близлежащую местность и минут пять водил полицейских за собой. Правда, я понимал, что слабее их и что погоня не будет бесконечной. Ноги вынесли меня на ту самую поляну, где стояла геодезическая вышка. И, уже ни мгновения не раздумывая, я тут же полез по лестнице вверх. Спросил бы кто-нибудь меня в тот миг, зачем я это сделал, — клянусь, не смог бы ответить. Но, карабкаясь на вышку, я кинул взгляд вниз и увидел, что один полицейский сразу бросился за мной вдогонку, потом обменялся двумя-тремя фразами с напарником, и тот начал взбираться следом за первым. Их можно было понять: на большой высоте, на узкой площадке, мало ли что произошло бы, вздумая я сопротивляться. Но они не подумали, что дали мне шанс на спасение. Два лестничных марша разделяли меня и ближайшего полицейского, когда я залез на самую верхотуру. Второй отставал еще на один пролет. На секунду оба задержались на лестнице, когда я сбросил вниз свой любимый цветной пиджачок — он давно уже был мне маловат, но я страшно не люблю расставаться со своими старыми вещами из обуви и одежды. Пиджачок плавно опустился на землю, и один из моих верных помощников выскочил из леса и прихватил его, из чего я сделал правильный вывод, что мои лучшие силы где-то рядом и наблюдают за мной, а подальше должны были увести только младших, которые послабее. Стоя на верхней площадке, я начал движениями тела раскачивать деревянную вышку, и подъем полицейских резко замедлился. «Ангелы» выскочили из леса и стали мне помогать. Хотя с земли это делать гораздо труднее, но все-таки ребят было немало. Ближайшему ко мне полицейскому оставалось преодолеть несколько ступенек, когда вышка уже ходила ходуном, раскрипевшись на всю округу, и, словно ненавистные оковы, она успела сбросить с себя пару бревен-креплений. Я набрал воздуха в грудь и, оседлав крышу вышки, раскачал это громоздкое и дряхлое сооружение в последний раз, после чего, преодолев страх перед тридцатиметровой высотой, с отчаянным и пронзительным визгом прыгнул вниз. Я не был уверен, сумею ли достать до одного из сто-

гов сена, но другого выхода у меня не было. Мне повезло. Как обычно, мне повезло. Я приземлился в мягкую, недавно скошенную траву, зарывшись в нее с головой. Я был оглушен тем, что только что совершил, но, не теряя времени, тут же попытался взять себя в руки после столь грандиозного полета. Подняв голову вверх, я увидел жалкую и страшную картину: поскольку «ангелы» не переставали раскачивать вышку ни на секунду, от нее уже оторвалась целая куча перекрытий, лестниц, досок. Спуститься нормальным образом уже было невозможно. Повторить мой прыжок полицейские не решались. А зря: их минутное колебание тоже стоило им жизни. Вышка все-таки в мгновение ока рухнула, рассыпавшись, как картонный домик, и образовала как бы еще один стог. Но деревянный. Скорее всего, он стал могилой для обоих парней. Если это так, то, получается, первое убийство на мой счет надо записать в этот день, а не тогда, когда на катке я ударил шестнадцатилетнего «лорда» коньком в висок. Газет я не читал и не читаю, о судьбе полицейских я так никогда ничего и не узнал. Моя команда уже через час, «оседлав» лодки местных рыбаков, приближалась к мосту через Гранд-Ривер. Там мы вышли к железной дороге, на электричке через Лесли добрались до Лансинга и уже вечером садились на паром, идущий от Маскигона до Милуоки. Конечно, при желании нас можно было вычислить и разыскать, но все-таки, «отметившись» к ночи у своих людей на другом берегу Мичигана, (кстати, именно в тот вечер я познакомился в Милуоки с Джоной, который держал там шишку в одной из банд, но, узнав мое имя, стал уважительно со мной разговаривать, сказав, что наслышан обо мне и моих «ангелах»), — нам было легче отвести от себя подозрения. А может, полицейские пострадали, но не погибли. Мне абсолютно все равно. И тогда было все равно, а сейчас тем более. Нам всегда было взаимно наплевать друг на друга. Главное, что я в тот день понял: если надо, я могу летать птицей. Взлечу, но останусь на свободе. И вот поэтому я сейчас здесь — на крыше локомотива, как на крыше той геодезической вышки. Я раскачиваюсь, оседлав своего скакуна, своего бешеного беглеца. Я раскачиваюсь... Сумасшедший наездник. Свободный наездник... Я раскачиваюсь, и мне осталось только прыгнуть. Вот он, конец пути, вот он, уже виден. Я прыгну и взлечу. И Рэнкен, как

те полицейские, уже не сумеет меня остановить. Осталось совсем немного. Совсем чуть-чуть. Я раскачиваюсь в последний раз. Если бы Джона меня видел в эту минуту! И другие ребята из Стоунхэвна! И мои «ангелы», если бы вы меня сейчас видели! Но они обо всем узнают. Бак расскажет им, что я вырвался на свободу. Что я выиграл у Рэнкена. Что я взлетел птицей на сбежавшем локомотиве. Я соврал Баку: свобода пахнет не дерьмом. Свобода пахнет снегом, светом и мягкой, только что скошенной травой. Если бы Джона меня сейчас видел! Прыгаю...

На полном ходу Лок, в щепки разносивший любые преграды, что встречались на его пути, уткнулся своим крупным стальным лбом в ледяной завал и за несколько секунд до столкновения увидел, что за новой преградой нет рельсов. Лок понял, что попал в тупик. Но это не помешало ему, когда он, сминаясь в гармошку, много раз переворачивался вдоль и поперек своей оси, каждой клеточкой огромной металлической туши гордиться тем, что никто не сумел укротить его. Никто, кроме одного безумца, который медленно шел, раскачиваясь, по крыше Лока и что-то бормотал про запах травы. В меркнувшем сознании старика Лока пронеслось: «И все-таки это лучше, чем...»

«Даже самый злобный зверь способен испытывать жалость. Я жалости не знаю, а стало быть — я не зверь».

(Уильям Шекспир. «Ричард III»)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

(от переводчика)

На первый взгляд, «Поезд-беглец» — это обыкновенный, остросюжетный, приключенческий фильм, рассказывающий историю побега из тюрьмы и погони. Но, если всмотреться пристальнее, сюжет скрывает и многое другое, кроме повествования о схватке не на жизнь, а на смерть.

Оригинальный сценарий был написан великим японским кинематографистом Акирой Курасавой. Помимо главных героев фильма, в сценарии существовал еще один персонаж, несущий на себе всю конструкцию картины, — поезд-беглец.

Режиссер Андрей Кончаловский сказал: «Это символ того, что вы хотите видеть за этим символом. Поезд может быть образом тюрьмы, потому что герои не могут из него выбраться. Он может быть воплощением свободы, потому что, сбежав из тюрьмы, герои несутся на этом поезде. Он может быть символом нашей цивилизации, вышедшей из-под контроля человека, потому что никто не в силах остановить этот бег. Нам хотелось показать поезд в образе некоего доисторического существа, подобно тому, как мы пытаемся представить себе инопланетных пришельцев».

И. АРКАДЬЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

Роберт Тайн

КРАСНАЯ ЖАРА 5

Дэвид Бишоф

ВОЕННЫЕ ИГРЫ 169

Рэй Кроун

ПОЕЗД-БЕГЛЕЦ 329

Редактор — В. Соболев

Составитель — А. Цветков

Художник — В. Зорин

Технический редактор — В. Рогова

Корректор — Т. Сологуб

Сдано в набор 11.08.93. Подписано в печать 14.09.93г. Формат 84х108/32
Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 23,59. Уч.-изд. л. 22,68.
Тираж 150 000 экз. Заказ 1304. С16

Издательство «Эрика»: 115408, г. Москва, а/я 10, «Эрика».

Тираж изготовлен при участии НПО «Геолит».

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»

Мининформпечати Российской Федерации.

127018, Москва, Суцеский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

СКОРО

в серии

знаменитый роман
всемирно известного
писателя

Джеймса Клавелла

«СЁГУН»

Джеймс Клавелл — неотразим! Перевернув первые страницы его романов, вы прочтете их не отрываясь до самого конца. Сюжет захватывает вас настолько, что вы забываете, кто вы и где находитесь.

Нью-Йорк Таймс Бук Ревью

«Сёгун» это...

приключения, интрига, любовь...

смерть, кровопролитие и секс...

Это колоссальный роман, который понравится всем.

Лайбрери Джорнал

«Сёгун» сделал для Востока то же, что «Унесенные ветром» для Запада.

Тайм Мэгэзин

Романы Клавелла — ...устрашают своей загадочностью. Это лучшее, что я когда-либо читал.

Ян Флеминг

В этой серии будут изданы все сочинения
Джеймса Клавелла,
вошедшие в его знаменитый «Азиатский цикл».

ПОПУЛЯРНЕЙШИЙ
ЕВРОПЕЙСКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЖУРНАЛ
«BRAVO»
В
РОССИИ!

Русское издание популярнейшего европейского молодежного журнала «BRAVO» выходит в России с марта 1993 года, объемом 32 красочно иллюстрированные страницы отличного полиграфического качества, тиражом 500.000 экз.

Журнал охватывает весь спектр интересов современной молодежи: поп- и рок-музыка, кино, сексуальное воспитание и т.д.

По вопросам приобретения журнала
обращайтесь по телефонам:

(095) 971-55-25,

(095) 971-55-71.

Факс: (095) 975-36-58

ПОПУЛЯРНЕЙШИЙ
ЕВРОПЕЙСКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЖУРНАЛ
«BRAVO»
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

